

Александр Тюрин

РУССКИЕ

*успешный
народ*

Как преобразилась русская жизнь

ПИТЕР

Александр Владимирович Тюрин

Русские – успешный народ. Как прирастала русская земля

предоставлено правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4235405

*Александр Тюрин «Русские – успешный народ»: Питер; СПб.;
2013*

ISBN 978-5-459-01655-0

Аннотация

История русских – это история успешного народа, проделавшего огромную цивилизационную работу на одной шестой части земной суши и создавшего свой мир. Речь в книге пойдет о русском мире, ведь русские имеют такое же святое право постигать свою историю, как и другие народы. И пространство для постижения столь же огромно, как и тот простор, который сумел пройти русский народ.

Мы живем в самой большой стране мира. Но история того, как русские покоряли пространства – забытая и молчащая. О людях, создававших Россию, не снимают фильмы, подвиги наших первопроходцев преданы забвению. Зато в общественное сознание внедрено

немало примитивных клише насчет «агрессивной колониальной политики царизма». Автор этой книги прорывает молчание и разбивает клише.

В книге вы найдете ответы на вопросы: чем русская колонизация отличалась от западной, как земледельцы вернули себе степь, зачем русские шли в горы, как Волга стала великой русской рекой, что предшествовало покорению Сибири, как самые трудные пути оказались для русских самыми быстрыми, чем обернулся для России распад СССР, грозит ли колонизация современной России?

Содержание

Два мира, две колонизации	8
На Юг	19
Русь полевая. Колонизация Дикого поля	19
Соха против аркана. Осевое время царя Ивана	20
Предыстория Дикого поля	20
Крымский зверь терзает Россию	26
Оборона «крымской украины» второй половины XVI в	48
Большая засечная черта	62
Сторожевая и станичная служба	65
Фронтир и мобилизационные реформы	83
Южный фронтир XVII в.	95
Белгородская черта	
Беглецы от «золотой вольности»	128
Цена победы над Диким полем	143
Война 1736–1739. Новая Сербия	149
Кючук-Кайнарджийский мир. Освоение	162
Причерноморья	
Ясский мир. Расцвет Новороссии	179
КазакИ, казакИ	191
Предгорья и горы	198

Предыстория. Миф об автохтонности	198
Казачьи и служилые люди на Тереке	204
Моздокские казаки	223
Кавказская линия и колонизация	227
Северного Кавказа	
С Ермоловым и без	237
Кубань	241
Покорение Западного Кавказа	257
Покорение Восточного Кавказа	264
На восток	272
Колонизация Поволжья	272
Ранняя колонизация	272
Казанское взятие	292
Первая половина XVII в	315
Симбирская и Закамская черты	324
Последняя треть XVII в. и начало XVIII	342
в	
В Сибирь	362
Северный путь	362
Печора	362
От Перми Великой к российскому	371
Уралу	
Южный путь. Яицкое казачество	405
Покорение Сибири	423
Предыстория	423
Русские в Западной Сибири	431

Первопроходцы Восточной Сибири	451
Присоединение Дальнего Востока к империи	498
Колонизация Сибири	515
Первоначальная (XVII в. – первая половина XIX в.)	515
Туземцы Сибири и русская колонизация	537
Покорение азиатской степи	544
Оборонительные линии в Южной Сибири в XVIII в	544
Расширение русских владений в Степном крае и Средней Азии в XIX в	555
Русская Америка	571
Колонизация азиатской части России на рубеже XIX и XX вв	583
Вместо заключения	632
Библиография	645
Иллюстрации	651

Александр Тюрин

Русские – успешный народ

Если бы меня попросили изложить идею книги в одной фразе, то она была бы такой: «История русских – это история успешного народа, проделавшего огромную цивилизационную работу на одной шестой части земной суши и создавшего свой мир».

Речь пойдет о русском мире, ведь русские имеют такое же святое право постигать свою историю, как и грузины, монголы и т. д. И пространство для постижения столь же огромно, как и тот простор, который сумел освоить русский народ. Сколько мы пересмотрели хороших и плохих фильмов об американском фронтире.¹ А что снято о том, как русские покоряли пространство и создавали страну? В ответ тишина. Эта тема никогда не была особо в чести у популяризаторов исторических сведений. Выискивая информацию в Сети о каком-нибудь старинном русском городе, мы скорее узнаем о том, какой «борец с самодержавием» гонял там чай в ссылке, чем о тех, кто его строил, распахивал землю окрест его и отстаивал от врагов.

История покорения и освоения

пространств, создавших самую большую страну в мире, – это, как ни парадоксально, молчащая история. Ну что ж, попробуем нарушить молчание.

Два мира, две колонизации

Масштабная колонизация, проводившаяся в интересах русского народа российским государством, началась в середине XVI в.

Это столетие (часто расширяемое до «длинного XVI в.» – от середины XV до середины XVII в.) ознаменовалось резким глобальным переходом от «золотой осени» позднего Средневековья к агрессивному, едкому Новому времени.

Капитал выходит на мировую арену, вторгается в социумы, ведущие натуральное хозяйство, насилует и разрушает их, стирает словно ластиком народы, запоздавшие со своим развитием. На исчезновение обречены были десятки миллионов коренных американцев, причем и в самых развитых регионах Нового Света, где применялись сложные технологии интенсивного земледелия, такие как чинампы (искусственные острова).

В Европе это время наступления на крестьян,

происходившего с конфискацией общинной и мелкой крестьянской земельной собственности. Священной собственностью становится только тогда, когда попадает в руки сильных. Сеньоры отнимают земли у крестьян, городские капиталисты скупают земли у сеньоров. Массы людей лишаются собственных средств производства и существования. Элиты решают на свой лад вопрос излишков сельского населения. Суды жгут ведьм, отправляют обезземеленных крестьян, ставших бродягами, на виселицу или в рабство на заморские плантации. Города наводняются голодным пролетариатом, вынужденным отдавать свой труд первому встречному нанимателю по любой (то есть минимальной) цене. У пролетария есть «большой выбор» между плахой, тюрьмой – работным домом и таким вот «вольным наймом».

«Свободный труд» является на самом деле рабством ограбленного труженика у коллективного капиталиста. Диктатура капитала действует с помощью антирабочего «Статута о рабочих», суперрепрессивных «Законов о бродягах», безжалостных актов о работных домах. Исследователи свидетельствуют о резком снижении со второй половины XVI в. уровня жизни в недавно еще заваленной окороками и колбасами Европе.

Даже там, где сохранилась власть сеньоров (панов, баронов), крестьяне начинают работать из-под палки на нужды мирового рынка – приходит «второе издание крепостничества» по Марксу, или «вторичное крепостничество» по терминологии Броделя. Панщина-барщина в Польше, Ливонии, Венгрии доходит до шести, потом до семи дней в неделю. Крестьянин уже не имеет времени трудиться на своем участке и получает пайку-месячину как лагерник. Пан, гонящий сырье ганзейским и голландским оптовикам, все более интересуется землями и крепостными на востоке, и польско-литовское панское содружество ведет свой «дранг нах остен», колонизацию русских земель. Проглатывает Галицко-Волынскую Русь, Полоцкую землю, Поднепровье, перепрыгивает через Днепр, крадетя по Смоленско-Московской возвышенности к Можайску. Русский крестьянин должен обеспечить пану-сырьевику поставки на бурно растущий европейский рынок.

Европейские религиозные войны, охота на «еретиков», «ведьм» и «бродяг» (по сути, на ограбленное простонародье) – все это маскирует наступление капитала и уносит миллионы жизней...

Гибель массы коренного населения в колониях была в значительной степени

следствием разрушения там общественных сельскохозяйственных систем, что было типично для «дикой» фазы становления капитала...

Русские могли разделить судьбу американских индейцев. И только собственная колонизация новых земель, служилая и крестьянская, масштабно начатая в эпоху Ивана Грозного, спасла Россию от вторжения западного капитала. Сделала ее крупнейшей в мире по размерам и третьей по численности населения (до 1991), принесла ей относительно плодородные земли и месторождения полезных ископаемых, которых практически нет в историческом центре страны.

Как указывал М. Любавский, крупнейший исследователь русской колонизации, лишь 12 % ее площади стало результатом завоевания.

«В истории территориального образования России на переднем плане должен стоять народ-домостроитель... а не народ-завоеватель, не громкие победы и трактаты, а заимка земель и заселение их, возникновение сел и городов».²

С конца XV и до конца XVI в. территория Московской Руси выросла в четыре раза. Столь же быстрый рост продолжился в следующее столетие.³

² Любавский М. К. Наступление на степь. М., 1918. С. 3, 4.

³ Соколовский П. А. Экономический быт земледельческого населения

Взрывной территориальный рост России в XVI–XVII вв. объясняется не завоеванием других культур и цивилизаций, а распространением цивилизации и культуры на те регионы, где до этого царили дикость и пустота. Иногда это было возвращением цивилизации туда, где ее когда-то смели кочевые варвары.

Расширение российской земли было, по сути, реализацией народной потребности. После захвата кыпчаками Причерноморья и потери большей части земель к югу от Оки в XII–XIV вв. русским остались подзолистые суглинки и супеси холодного северо-востока и севера Восточно-Европейской равнины.

Короткий вегетационный период в этом регионе усугублялся низкой суммой накопленных температур. В середине XVI в. лето в Московском регионе начиналось в середине июня, а в конце сентября уже приходили первые морозы. Всего безморозных дней здесь было около 110, температуры выше 15 °C длились 59–67 дней. В Вологде теплых дней было 60, в Устюге – 48.

«Главной особенностью территории исторического ядра Российского государства с точки зрения аграрного развития является крайне ограниченный срок для полевых работ. Так называемый «беспашенный период» составляет около семи

месяцев. На протяжении многих веков русский крестьянин имел для земледельческих работ (с учетом запрета работ по воскресным дням) примерно 130 дней. Из них же на сенокос уходило около 30 дней», – пишет академик Л. В. Милов. В Западной Европе из рабочего сезона выпадали лишь декабрь и январь. Даже в северной Германии, Англии, Нидерландах сельскохозяйственный период составлял 9-10 месяцев – благодаря Гольфстриму и атлантическим циклонам. На возделывание сельскохозяйственных культур, на заготовку сена европейский крестьянин имел примерно в два раза больше времени, чем русский. Большая длительность сельскохозяйственного периода давала европейцам возможности для равномерной постоянной работы, лучшей обработки почвы и следовательно – для повышения урожайности.

Короткий сезон земледельческих работ определял урожаи на Руси в среднем сам-2, сам-3 по самой распространенной культуре – неприхотливой ржи. На одно посеянное зерно – 2–3 собранных; примерно в 3 раза меньше, чем в Англии того времени. Это означало очень небольшой прибавочный продукт, который шел, скорее, не на рынок, а на содержание воинов-защитников. Низкая товарность сельского хозяйства определяла и замедленное развитие

городов.

Худое плодородие требовало, при росте населения, постоянного расширения пашни. Поднятие нови и залежи (давно заброшенных земель) в течение первых нескольких лет обеспечивало урожаи в 7 и более раз выше обычного, и это еще больше стимулировало крестьянство «растекаться» по огромной территории Северной Евразии. А государство обязано было защитить это «растекание».

Государство строило города, оборонительные черты и засечные полосы, ставило крепости, давало им снабжение, поддерживало глубокую станичную и сторожевую службу, гонялось за кочевыми ордами в степи, отбивало или выкупало у них ясырь (пленников).

Российское государство действовало на базе узких возможностей (а иногда и просто невозможностей), заданных неблагоприятными природно-климатическими и геополитическими факторами.

Нелегким был и торговый обмен в континентальной стране с протяженными транспортными путями, которые шли по мелководным замерзающим рекам, волокам, увязали в сезонной распутице. Среди русских рек не было ничего подобного

Рейну – трансконтинентальному незамерзающему водному пути. Не было английской, голландской, скандинавской открытости морям – в Англии-то не существует ни одного пункта, удаленного от незамерзающих морских вод более чем на 70 миль.

Русь была изолирована от глобальных торговых коммуникаций, кочевники давно перерезали балтийско-черноморский и балтийско-каспийский пути.

Еще в наборе наших неудобств были большие суточные и сезонные перепады температуры, отсутствие богатых рудных и горючих месторождений, открытость территории для арктических ветров и азиатских суховеев, отсутствие естественных границ, защищающих от внешних вторжений, низкая плотность населения: в 5 раз меньше, чем в Польше, в 10 – чем во Франции.

А в условиях, когда основным средством передвижения являются человеческие ноги, одновременно с уменьшением плотности населения происходит и понижение интенсивности хозяйственного и социального взаимодействия людей.

Неудовлетворительной была естественная энергетика страны.

России почти не перепадало от

величайшей природной энергоцентрали, именуемой Гольфстримом, чья мощность составляет 82 млн м³ теплой воды в секунду.

Не ее, а Европу овеял теплый океанический воздух, способствующий земледелию и скотоводству, уменьшающий стоимость строительства жилища и его отопления.

Не помогала русскому купцу сила морских течений и ветров, переносящая тяжело нагруженные суда по водам, которые никогда не сковывает лед.

Зато России была открыта бескрайняя и суровая ширь материка.

Не вольные ватаги осваивали Дикое поле, они лишь промыслили зверя и ловили рыбу, скрываясь в плавнях. Государство несло львиную долю забот об освоении степей, каждый год собирая и оплачивая до 65 тыс. человек, чтобы те несли пограничную службу.

Тысячи государевых служилых людей выезжали в степь, следили за кочевыми сакмами, сторожили переправы, ставили остроги.

Государство создавало на фронтире укрепления, валы, рвы, засеки, лило для него пушки, ставило стены, изготавливало оружие и орудия труда, присылало хлеб.

Учитывая немирные западные границы, при населении в 5–6 млн человек (в середине XVII в.)

Россия должна была иметь войско в 200 тыс. человек. На оборонные расходы уходило 60–70 % бюджета.

Россия фактически являлась форпостом Европы, защищая ее города и поля от степняка, но при этом регулярно получая удары и с Запада. Позволю себе цитату из С. М. Соловьева: «Наша многострадальная Москва, основанная в середине земли русской и собравшая землю, должна была защищать ее с двух сторон, с запада и востока, боронить от латинства и бесерменства, по старинному выражению, и должна была принимать беды с двух сторон: горела от татарина, горела от поляка. Таким образом, бедный, разбросанный на огромных пространствах народ должен был постоянно с невероятным трудом собирать свои силы, отдавать последнюю тяжело добытую копейку, чтоб избавиться от врагов, грозивших со всех сторон, чтоб сохранить главное благо – народную независимость; бедная средствами сельская земледельческая страна должна была постоянно содержать большое войско».

Огромные траты казны, усиление податного бремени и крестьянской зависимости в центре страны – такова была цена фронта. Государство крепло, но оставалась велика роль самоорганизации общества – на Россию, протянувшуюся уже в конце 1630-х гг. до Тихого океана, приходилась лишь сотня дьяков и одна

тысяча подьячих, вот, собственно, и весь чиновничий аппарат.

Государевых служилых людей было немало, о чем свидетельствует численность войска, но их служба не была отделена от общественной и хозяйственной жизни. Они первыми заселяли степное и лесное пограничье. Пахали землю, защищали столько же государство, сколько и свои семьи, жили самоуправляющимися общинами. Из числа служилых людей выбирали на всесословном уездном съезде русских шерифов – губных старост. Варвары, прорвавшиеся через пограничные заслоны, первым делом убивали и уводили в полон их семьи...

Итак, колонизация была следствием русских природно-климатических и географических условий. Это была колонизация не поверхностная, не городская, а глубокая, сельская.

На Юг От Оки до Кавказских гор

Русь полевая. Колонизация Дикого поля

Соха против аркана. Осевое время царя Ивана

Предыстория Дикого поля

Лесостепи и степи, находящиеся к югу от Оки, стали своего рода естественной лабораторией, где Московское государство училось освоению пространства.

Восточно-европейские степи не были Новым Светом для русских.

Тысячелетиями жили здесь индоевропейцы, носители Y-хромосомной гаплогруппы R1a1, самой распространенной и у русских (некоторые этногенетики, например А. Клесов, считают возможным называть ее носителей праславянами).⁴

Из индоевропейских (праславянских) культур степного Причерноморья, бассейнов Днепра, Донца и Дона упомяну только срубную культуру поздней бронзы, чернолесскую, черняховскую и пеньковскую культуры Железного века.

Арабские свидетельства IX и X в., а также

⁴ Клесов А. Откуда появились славяне и «индоевропейцы»? Ответ дает ДНК-генеалогия // Вестник РА ДНКГ. № 3. 2008.

исконные наименования притоков Дона (Сосна, Боромля, Ольховата, Медведица, Иловля) говорят о первоначальном славянском населении этих мест.

Начальная летопись рассказывает о славянах на Черноморском побережье, на нижнем Днестре, Буге и Днепре. «А Уличи и Тиверцы сидели по Днестру и до Дуная и моря, и было множество их, и "суть гради их до сего дне"».

Однако хазары, печенеги, кыпчаки, монголы последовательно выбивали древнерусское население из степей.

К началу XIV в. территория между Окой и Черным морем была основательно опустошена, оседлость ютилась лишь по заросшим берегам рек и напрочь отсутствовала на степных просторах.

Лишь остатки поселений на Дону видел в конце XIV в. монах, проезжавший с митрополитом Пименом в Царьград. «Бяше бо **пустыня зело всюду**, не бо видети тамо ничтоже, ни града, ни села, ащо бо и бывше древле грады, красни и нарочито зело видением».⁵

И через столетие после Пимена, в 1476 г., венецианский посол Контарини не видит здесь ничего, кроме неба и земли, а посланец Высокой Порты грек Феодорит Комал едва не погибает в этих

⁵ Соколовский. С. 5.

краях от голода при полном безлюдье.⁶

Съезжались на Дон всадники из заволжской и крымской орд – для кровавых разборок, вот и все «население».

Любителям придумывать мифы о донском казачестве как об отдельном народе с нерусскими корнями не позавидуешь. Гранты взяты, но отдельный народ образуется только при помощи «брехологии». Для нерусских корней на Донщине нет почвы, и они «повисают в воздухе».

Одно время Литовское государство выглядело преемником Древней Руси в Причерноморье. Князь Ольгерд разбил на Синей Воде около Днепро-Бугского лимана в 1362 г. трех татарских ханов, а затем Витовт присоединил к Литве Буг и «поле Очаковское», простиравшееся до Черного моря. Литовцы построили руками своих русских подданных ряд крепостей по берегам Днепра, Днестра и на морском побережье – Аккерман, Караул, Очаков, Хачибей, Тягин (Бендеры), Каменец, Брацлав, Винница.

Однако литовской власти не удалось удержать достигнутое. Литовская оборона была дискретной. Она опиралась на гарнизоны, расположенные в

⁶ Миклашевский И. Н. К истории хозяйственного быта Московского государства. М., 1894. С. 7.

крепостях и подгородных селах и состоявшие из т. н. замковых слуг и наемников (жолнеров, панских казаков). А затем литовская сила в степях стала ослабевать прямо пропорционально тому, как шли полонизация и окатоличивание Литвы.

В середине XV в. кочевники снова начинают наступление в Причерноморье. Татары, кочевавшие в приднепровских степях, не без помощи самой Литвы создали государство в Крыму.

В 1443 г. чингизид Хаджи-Девлет Гирей, родившийся в литовском городе Троки и владевший литовским городом Лидой (нынешняя Белоруссия), был провозглашен крымским ханом. Этого, с позволения сказать, «белоруса» посадили на трон с помощью литовского войска. «И князь великий Казимир того царя Ач-Гирея послал из Лиды в орду Перекопскую на царство, одарив, с честью и с большим почетом, а с ним послал посадить его на царство земского маршала Радзивилла. И Радзивилл проводил его с почетом до самой столицы его, до Перекопа, и там именем великого князя Казимира посадил его Радзивилл на Перекопском царстве».⁷

Этот южный край был по-своему богат. «Базары в городах Крыма наполнялись русскими пленниками,

⁷ Хроника Быховца. М., 1966 (<http://www.vostlit.info/Texts/rus/Bychovec/frametext3.htm>).

где купцы из разных стран, преимущественно из Генуи и Венеции, скупали молодежь и перепродавали в мусульманские земли: в Малую Азию, Сирию, Египет, Испанию».⁸

Литва оказывает «младокрымцам» существенную помощь в борьбе против Большой Орды. Однако с 1475 г. крымские Гирей становятся вассалами Османской империи, в городах ханства появляются турецкие гарнизоны. Итальянские работорговые фактории на территории Крыма исчезают, но торговля рабами здесь не прекращается ни на миг. Крымское ханство, созданное Казимиром IV, становится государством-грабителем.

Сама география предопределила роль Крыма как крепкого разбойничьего гнезда. Лишь узкий перешеек открывал вход на Крымский полуостров. Перекопские фортификации представляли собой обложенный камнем, усиленный башнями и бастионами восьмикилометровый вал. Перед ним пролегал глубокий ров.

Важнейшим природным союзником ханства была широкая полоса засушливых степей, убивавшая любую армию, шедшую к Крыму с севера.

Собственно территория ханства простиралась от реки Молочной на востоке до Очакова и Белгорода

⁸ Шмурло Е. Ф. Курс русской истории. Т. 2. СПб., 1999. С. 220.

(Днестровского) на западе, на севере до Ислам-Керменя и Конских вод. Но в случае необходимости – когда светила большая добыча – ханство могло собрать под свои бунчуки все кочевое население Причерноморья и предгорий Кавказа, привлечь турецкую пехоту и артиллерию.⁹

Оседлый образ жизни имела лишь небольшая часть населения ханства, в основном в южной прибрежной полосе полуострова. Большинство крымских татар и ногаев вели кочевую жизнь в степях Крыма и Таврии, сильно зависевшую от случайных факторов: эпизоотии, осадков и т. д.

Как и другие кочевники, крымские татары совершали набеги для повышения устойчивости своей социально-экономической системы. Для Крыма война являлась, в первую очередь, частью экономики (так называемое набеговое хозяйство), а уже потом ханы, вернее – стоявшие за ними султаны оформляли ее внешнеполитическими задачами. Политические решения могли лишь изменить вектор крымских набегов. Грубо говоря, все сводилось к вопросу: кого грабить будем?

Во второй половине XV в. все литовские крепости на нижнем Днепре, Днестре и Черном море были заняты крымцами и турками, а расположенные около

⁹ Каргалов В. В. Русь и кочевники. М., 2004. С. 320.

них русские селения были разорены. Отпраздновать победу шляхетских «вольностей» здесь смогли только вороны и псы.

Крымский зверь терзает Россию

Борьба Московского государства с кочевниками евразийской степи во многом сформировала его и определила важнейшие его черты, как позитивные, так и негативные. Когда эта многовековая борьба выбрасывается из исследования, то теряется значительная часть содержания русской истории. Искусственно созданная пустота заполняется мифами, антиисторическими и часто русофобскими.

Фактически около 1200 лет Русь, государство крестьян, страна с оседлым земледельческим населением, решала степной вопрос, проблему противостояния с кочевыми сообществами степи.

Для русского народа степной вопрос был вопросом не прибылей и барышей, а жизни и смерти.

Кыпчаки еще в конце XI в. «обрубили» черноморский конец знаменитого «пути из варяг в греки», который фактически сформировал русскую народность и государственность, и начали методически перемалывать русскую оседлость, превращая ее в Дикое поле. Тем было положено

начало миграции русской народности и вместе с ней государственности на северо-восток, в «залесскую Украину», неплодородный лесной край, далекий от мировых торговых коммуникаций.

Но степной вопрос решался и там, в междуречье верхней Волги и Оки, которое азиатские кочевники жгли и разоряли неоднократно.

На протяжении нескольких веков не было и года, чтобы орды восточных всадников не брали обильный полон на тульских, рязанских, курских и других «крымских окраинах».

Долгое время хищничали незваные гости в нижегородской, муромской, владимирской и прочих «казанских окраинах».

С конца XV в. войны с Литвой, Польшей и Швецией всегда означали для Руси усиление кыпчакских (большеордынских, крымских, ногайских) набегов, нередко подкрепленных «турской силой» – янычарами и турецкой артиллерией.

Степной вопрос был связан с Западом. Христианнейшие короли, носители «свободы» и «цивилизации», не гнушались делать ставку на степных хищников, увозящих русских детей в седельных корзинах своих коней. Отчетам о проделанной работе, полученным из ханских ставок, рукоплескали одетые в кружевные подштанники

вельможи Варшавы и Стокгольма.

Страшно дорого платила Русь за набеговую экономику кочевых государств.

Крымцы нападали на Русь или на Троицын день (май-июнь), или во время жатвы (конец июля – начало августа), когда мужики находились в поле; нередко были и зимние нападения, называвшиеся «беш-беш» и проходившие по замерзшим рекам.

Чтобы скрыть свое движение, степняки перемещались по лощинам; огней ночью не разводили, высылали разведчиков, чтобы хватать «языков» и нейтрализовывать русских сторожей.¹⁰

У каждого степняка помимо основной имелись еще две запасные лошади, чтобы выючить на них добычу или в случае необходимости использовать для бегства.

Француз Боплан, оставивший в начале XVII в. подробное описание тактики кочевников, сообщает: «Не столь часты деревья в лесу – как татарские кони в поле, их можно уподобить туче, которая появляется на горизонте и, приближаясь, более и более увеличивается. Вид сих легионов наведет ужас на воина самого храброго. Татарские кони, которых называют бакематами, способны переносить почти

¹⁰ Багале́й Д. И. Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. М., 1887. С. 90

невероятные трудности; они в состоянии проскакать без отдыха 20 или 30 миль; в случае преследования татарин, несясь во весь опор, перескакивает с усталого коня на заводного, прежний конь начинает скакать с правой стороны своего хозяина, чтобы тот, в случае нужды, мог снова перескочить на него. Здесь одинаково достойны внимания и ловкость татарина, и сообразительность его лошади».

«Идя на войну, каждый всадник берет с собой по крайней мере двух коней, одного ведет для поклажи и пленных, на другом едет сам», – указывает итальянец Дортелли.

Крымцы не брали с собой никакого обоза. Согласно рассказам современников, отнюдь не баснословным, они могли в течение четырех дней обходиться без пищи и даже пили кровь своих коней.

Дж. Флетчер в конце XVI в. так описывает набеговую тактику крымских татар. Выходили они из Крыма большой массой и двигались по водоразделам. При приближении к местам, где находились русские дозоры, от орды отделялись небольшие отряды. Их целью было отвлечь внимание русских сторожей от направления, по которому двигалось основное войско. Когда орда входила в густонаселенную область, то дробилась на группы в 500–600 человек, которые занимались захватом

рабов и прочей добычи.

Крымцы имели традиционную для кочевников воинскую дисциплину и унаследовали от монголо-татар принципы организации войска.

Основное оружие крымских воинов – лук саадак – являлся наследником монгольского сложносоставного лука, который позволял выигрывать битвы без прямого столкновения с врагом. (С XVI в. у крымцев появляется и огнестрельное оружие.)

Во время боя крымско-татарский воин выпускал в минуту до 10 стрел, каждая из которых на расстоянии до 200 метров могла убить лошадь, пробить кольчугу шиловидным или латы закаленным граненым наконечником. Крымская конница, поливая дождем стрел вражеское построение, проносилась вдоль его фронта и пыталась зайти ему в тыл. Обычно крымцы обходили левый фланг – так было удобнее стрелять из лука.

При встрече с крупными вражескими силами крымцы легко обращались в стремительное бегство, которое у европейских войск назвалось бы постыдным. В крымскую тактику входили классические приемы из кочевого арсенала, известные еще гуннам: скоротечные «беспокоящие» нападения, симуляция бегства для заманивания

вражеской конницы в засаду, упорное преследование небольших вражеских отрядов. Крымские воины избегали штурма крепостей, стараясь не брать, а блокировать их. Взятие укреплений происходило, если только они запирали речную переправу...

Против такого сильного и хитрого войска должны были постоянно бороться пограничные силы Московской Руси. К тому же крымская орда была многочисленной.

«Они выступали в числе до 100 тысяч», – писал итальянец Дортелли. А по словам моравца Э. Лясотты, крымский хан шел в поход с 80 тыс. человек, из них 30 тыс. хорошо вооруженных, остальные – для грабежа. Это при населении ханства в 400–500 тыс. Великое княжество Литовское с населением, большим в 5–6 раз, могло выставить максимум 40 тыс. бойцов.

Такой высокий уровень мобилизации объяснялся участием в походе практически всех взрослых мужчин ханства.

В походах крымского калги (наследника престола), без привлечения отрядов из других татарских юртов, участвовало до 40–60 тыс. воинов. Для походов ханских сыновей собиралось 15–20 тыс. воинов. В набегах улусных мурз участвовало от нескольких сотен до нескольких тысяч воинов.

Поскольку крымские татары в основном грабили небольшие населенные пункты, деревни и села, то самое ценное, что они могли там взять, это были люди. И в первую очередь дети, которых удобнее всего перевозить.

«Главную добычу, которой татары домогаются во всех войнах своих, составляет большое количество пленных, особенно мальчиков и девочек, коих они продают туркам и другим соседям. С этой целью они берут с собой большие корзины, похожие на хлебные, для того чтобы осторожно возить с собой взятых в плен детей; но если кто из них ослабеет или занеможет на дороге, то **ударяют его оземь** или об дерево и мертвого бросают», – читаем у Флетчера.

Согласно описанию Ключевского, крымские татары, войдя узким клином в русские пределы и углубившись на несколько десятков верст, разворачивались затем широким веером и возвращались назад, захватывая людей.

На пути возвращавшихся «с победой» варваров оставались трупы обессиленных и убитых пленников, тела детей с размозженными головами. Обычно неэмоциональный историк Багaley пишет о том, как крымские воины «бесчестят жен и девиц в глазах мужей и отцов, обрезают детей в присутствии родителей, одним словом совершают

тысячи неистовств... Пленники отвозятся в Крым, Константинополь, Анатолию (Малую Азию) и другие страны. Поделив пленных, татары уводят их в улусы и продают в рабство».¹¹

Кочевой «насос» высасывал и без того редкое население южнорусского порубежья.

Герберштейн, посланник Габсбургов, свидетельствует о невероятном количестве угнанных в рабство во время крымского набега на Русь в 1521 г.: «Частью они были проданы туркам в Кафе, частью перебиты, так как старики и немощные, за которых невозможно выручить больших денег, отдаются татарами молодежи, как зайцы щенкам, для первых военных опытов; их либо побивают камнями, либо сбрасывают в море, либо убивают каким-либо другим способом».

Крымское ханство стало представлять опасность для Московской Руси в начале XVI в. Именно в это время переходят под власть Москвы верховья Оки, а с падением Большой Орды исчезает общий враг Крыма и Москвы.

Антимосковский поворот Крыма моментально замечен и усилен Польшей. В 1506 г. начинаются контакты между ханом Менгли-Гиреем и польско-

¹¹ Багалея Д. И. Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. М., 1887. С. 90.

литовским королем Александром. В следующем году ханские послы приглашаются в польскую столицу, где подтверждают, что с весны крымские войска действуют против великого князя Московского. Союзнические отношения Литвы и Польши с Крымом можно назвать политико-коммерческими, потому что предусматривают регулярное материальное стимулирование хана.

Согласно крымско-польско-литовскому соглашению 1507 г., заключенному уже с королем Сигизмундом I, хан Менгли-Гирей «готов быти приятелю короля приятелем, а неприятелю неприятелем и вместе с людьми его милости короля польского и великого князя литовского Сигизмунда своими людьми и детьми всести на конь против всякого неприятеля, и подмогой быти на того неприятеля московского».

В том же году одновременно с началом русско-литовской войны состоялся первый крымский набег на Московскую Русь. Летом крымцы взяли и разграбили города Белев и Козельск, к чему московские воеводы были совершенно не готовы.

Соглашения Бахчисарая с польской короной, подчинение Крыма и Казани турецкой политике, растущая неприязнь Османской державы, уже увидевшей в Москве угрозу своим балканским

владениям и своей восточноевропейской экспансии, ознаменовали новую политическую реальность, которая стала определять события между Окой, Волгой и Черным морем.

Но главной причиной московско-крымского конфликта было противостояние двух хозяйственных систем. Русской и кочевой.

С одной стороны, производящее хозяйство оседлого населения, опирающееся на земледелие. С другой – кочевое скотоводство.

Земледелец может прокормиться уже с 0,5 га пашни, кочевнику-скотоводу требуется 100 га пастбищ¹² (одному кочевнику надо столько же земли, сколько 200 крестьянам).

С одной стороны, продвижение растущего русского населения из малоплодородного междуречья верхней Волги и Оки на плодородные степные земли. С другой – спрос кочевых сообществ на постоянный приток военной добычи и особенно рабов (набеговое хозяйство, вероятно, можно рассматривать как вариант присваивающего).

С XVI в. османский рынок увеличил этот спрос многократно, поскольку снабжал кочевую верхушку предметами роскоши в обмен на живой товар. Османский рынок рабов удовлетворял и спрос

¹² Гуревич Г. И. Лоция будущих открытий. М., 1989.

западноевропейских потребителей. (До перехода Крыма в вассальную зависимость от Стамбула итальянские купцы самостоятельно занимались работорговлей в своих факториях на Черноморском побережье.) Историк В. И. Ламанский, изучавший архивы Венецианской республики, писал: «Русские рабыни встречаются еще в XV веке в разных городах Италии. Немало было русских рабов и у мамелюков в Египте. **С конца XVI века, в XVII и даже XVIII столетии Венеция и Франция употребляли русских рабов на военных галерах как гребцов-колодников, вечно закованных в цепи.** Кольбер особенно не жалел денег на покупку этих рабов на рынках Леванта...»¹³

На «крымской украине» российского государства находились Северская земля, Заокско-Брянский край (Верховская земля), Тульский край, Рязанское княжество. Причем наиболее уязвимой с точки зрения ландшафтов и растительности был Тульский край, через который потоки грабителей могли хлынуть и на соседние участки фронта. Здесь проходили шляхи Муравский и Изюмский.¹⁴

На протяжении почти трех веков русское

¹³ Цит. по: Керсновский А. А. История русской армии. М., 1994.

¹⁴ Павлов-Сильванский Н. Государевы служилые люди. СПб., 1898. С. 109.

государство создавало сложную и затратную систему обороны от набегов.

В конце 1500-х гг., после нападений Менгли-Гирея, Москва заводит весновую службу, начинается строительство оборонительной черты вдоль Оки, создается лесная стража, ведется сбор посошной рати (ополчения) на сторожевую службу. Но первое время оборона от набегов выглядит малоэффективной.

В 1512 г. Крым по договоренности с поляками срывает поход русских войск на Смоленск.

В марте калга Мухаммед-Гирей ходил на северские земли вместе с литовскими войсками под командованием киевского воеводы А. Немировича и каневского старосты Е. Дашкевича. Чернигов, Стародуб и Новгород-Северский выстояли, но крымцы увели в плен 80-100 тыс. человек.

В мае дети Менгли-Гирея Ахмат-Гирей и Бурнаш-Гирей «пришли безвестно со многими людьми на великого князя украины, на Белев и на Одоев, и на Воротынск, и на Олексин», обогнув направлявшееся к Стародубу московское войско. В июне крымцы снова разоряли Северскую землю, а в июле Ахмат-Гирей ходил на Рязань. Этот последний рейд был остановлен выдвижением московских воевод из Тулы во фланг движущейся на Рязань орде. Впрочем,

и на этот раз крымцы взяли большой полон и беспрепятственно ушли с добычей в Крым.¹⁵

С этого года, стоившего таких потерь, великий князь Московский «утвердил землю своими заставами», началась «роспись» воевод по пограничным с Диким полем крепостям, расположенным на Оке и Угре. Рубеж этот назывался берегом (вот такой берег у Руси, далеко не морской, как у всех «приличных» стран).

Воеводы с полками встали в Кашире, Серпухове, Тарусе, Рязани, с 1513 г. – в Туле.

На берег пришли отряды воинов из самых разных русских городов, так, например, люди из северного Устюга прибыли на место впадения Угры в Оку.

1512 г. датируется «Наказ угорским воеводам», фактически первый устав русской пограничной службы, описывающий принципы размещения полков на линии берега. Он предусматривал как оборону на широком фронте, опирающуюся на «береговые» укрепления в долине Оки, так и наступательные действия «легких воевод» в поле.

Книги Разрядного приказа, бывшего, по сути, главным штабом обороны, показывают, что русские пограничные силы состояли тогда из детей боярских, посошных людей (крестьян), пищальников (горожан,

¹⁵ Каргалов. Русь и кочевники. С. 334–335.

посадских).¹⁶

Владельцы бывших уделов, князя Воротынские, Одоевские, Вельские и т. д., в это время уже вливали отряды своих ратников в московские полки.¹⁷

В 1515 г. хан Магмет-Гирей выдвигает России широкие политические требования: отдать Крыму восемь северских городов и вернуть Смоленск «обиженному» Сигизмунду.¹⁸

Сообща с крымцами в Северной земле действуют литовские отряды, возглавляемые Г. Немировичем и Е. Дашкевичем, вместе они берут большой полон.

Летом 1517 г. в набег отправилось 20-тысячное крымское войско, в котором находились также «литовская сила и черкасы». Проводником у крымского хана был литвин Якуб Ивашенцов, обеспечивший проход крымской орды по литовской территории. Сигизмунд обещал крымскому хану за поход на Москву «скромный подарок» размером в 30 тыс. золотых. Как сообщает Патриаршая летопись: «Краль¹⁹ таинственно соединился с Крымским царем Магмед-Гиреем и многих воинств даде ему в помощь на великого князя». Присоединились к грабежу и

¹⁶ Там же. С. 335.

¹⁷ Павлов-Сильванский. С. 61, 62.

¹⁸ Каргалов. Русь и кочевники. С. 337.

¹⁹ Краль – король.

заволжские ногаи. «Крымский царь Магмед-Кирей с крымским людьми, и Большая Орда Заволжская, и с Нагаи, вскоре придя безвестно на великого князя отчину... и Коломенские места повоевав, и полон не мало собрал, и святые церкви осквернил».

Значительная часть русских войск находилась на западном пограничье – литовцы во главе с князем Острожским осадили Опочку и пустошили псковские земли. Но все же крымские силы были разбиты у Тулы. Вооруженное ополчение, наши «минитмены», отрезали путь к отступлению Токузак-мурзе. Потом подоспели дети боярские, и крымская орда попала в мешок – из 20 тыс. степных грабителей вернулись в Крым только 5 тыс.

Утверждение на казанском престоле крымского «царевича» Сагиб-Гирея еще более осложнило геополитическую ситуацию – фактически Русь оказалась со всех сторон окружена врагами. (Все Гирей находились в кадровом резерве Стамбула, султан решал, кто, где и когда будет править.)

Вторжение крымцев, казанцев и литовских отрядов Е. Дашкевича в 1521 г. обернулось катастрофой. Крымцы прорвались через линию обороны берега 28 июля, а 12 августа, сделав свое дело, пошли обратно. Единственной неудачей врагов стал провал операции по взятию Рязани, которой они хотели овладеть

хитростью, при помощи уговоров Дашкевича.

Были опустошены владимирские, коломенские, каширские, боровские, рязанские земли и окрестности столицы. Литовский Острожский летописец говорит о 300 тыс. пленников, уведённых татарами, австриец Герберштейн – о 800 тыс.²⁰

За этот набег король Сигизмунд I заплатил крымскому хану Магмет-Гирею 15 тыс. червонцев.

Однако Москва не пришла в отчаяние: всем ее действиям того времени присущи упорство и основательность. И в 1530-е гг. оборона крымских рубежей совершенствовалась весьма активно.

«Наряд был великий, пушки и пищали поставлены на берегу на вылазах от Коломны и до Каширы, и до Сенкина (брода), и до Серпухова, и до Калуги, и до Угры».

Новые крепости появляются в Чернигове, Кашире, Зарайске, Пронске – для перекрытия шляхов, по которым идут степные орды. Полки выдвигаются за Оку, в Тулу, Одоев, Белев, Пронск, Зарайск.

Проводятся оборонительные мероприятия в лесостепных районах, прилегающих к среднему Поволжью с запада и к Дикому полю с востока. Построены крепости Мокшан на верхней Мокше,

²⁰ Шмидт С. О. Продолжение Хронографа редакции 1512 г. // Исторический архив. Кн. 7, 1951. С. 280.

Алатырь и Васильсурск на реке Суре, правом притоке Волги.

Однако время боярщины после таинственной смерти Елены Глинской и при малолетстве Ивана Грозного в целом ознаменовалось расстройством пограничных дел.

В годы Стародубской войны Сигизмунд I платит крымцам за набеги на Россию по 7500 червонцев ежегодно и на такую же сумму посылает сукна. Литовские города для покрытия крымских расходов короля облагаются податью, именуемой ордынщиной. На Русь идут крымцы и союзные с ними казанцы, а поляки с литовцами берут Стародуб (1535) и вырезают 13 тыс. его жителей от мала до велика – перед таким зверством снимут шапку и восточные варвары.

Цареборец Курбский невольно упоминает о страшных разорениях, причиненных степняками в начале 1540-х гг., в период боярского правления: «Вся Рязанская земля до самой Оки опустошена была крымским ханом и ногаями».

В декабре 1544 г. на земли белевские и одоевские приходит калга Имин-Гирей со своей ордой. Крымцы не встречают никакого русского войска, потому что высокородные князья П. Щенятев, Д. Шкурлятев и М. Воротынский «рассорились за места» и ввиду особой

важности этого занятия вообще не выходят против крымцев...

Всего в первой половине XVI в. разрядные книги упоминают 43 крупных крымских набега на Московскую Русь.

За этой цифрой я вижу, как крымская конница рубит мужиков, вооруженных лишь рогатинами. Как на залитом кровью снегу остаются тела в одних рубахах. Как над полем кружит, орет воронье. Как догорают избы, от которых остаются только столбики печных труб. Как арканом тащат беременную женщину...

После покорения волжских ханств царь Иван нанес несколько ударов по Крымскому ханству. Самым крупным предприятием стал поход отряда Матвея Дьяка Ржевского, состоявшего из путивльских дворян, детей боярских и казаков. Выйдя из Путивля, лихой дьяк спустился по Днепру, взял Ислам-Кермень, захватил на время турецкую крепость Очаков, на обратном пути отбил от преследовавших его турецко-крымских войск и благополучно возвратился в Путивль. Однако антимосковская позиция польской короны сделала дальнейшее наступление на Крым невозможным.

Даже учитывая отдельные антитатарские вылазки магнатов Дмитрия Вишневецкого (позднее перешедшего на московскую службу), Миколая

Сенявского и Ольбрахта Лаского, Польша в течение всего XVI в. старалась поддерживать дружественные отношения как с османами, так и с крымскими ханами. Результатом такой «дружбы» была слабая, неорганизованная оборона против крымских татар, которые без стеснения разоряли польско-литовские земли.

В феврале 1558 г. 20-тысячное крымское войско во главе с калгой прошло по Брацлавскому воеводству, Волыни и Подолии, захватив там ни много ни мало 40 тыс. пленников.

Царь Иван послал грамоту и послов к королю Сигизмунду II Августу. Послы предложили полякам вечный мир и союз против Крымского ханства, а также сообщили, что собрано большое московское войско во главе с Д. Вишневецким для похода на Крым. Согласно царским инструкциям, послы тактично не подняли вопрос о том, какие разорения чинят литовцы проезжим московским купцам и порубежным московским землям, но напомнили, что московские ратники защищают и польско-литовские земли. «Стоят... на Днепре, берегут христианство от татар, и от этого стоянья их на Днепре не одним нашим людям оборона, но и **королевской земле всей защита**; бывал ли хотя один татар за Днепр с

тех пор, как наши люди начали стоять на Днестре?»²¹

Однако король отверг договор с царем и возобновил союз с ханом, направленный против Москвы. Стало ясно, что для польского короля борьба против москалей гораздо важнее, чем защита собственных подданных от крымского аркана.

В последующие два десятилетия случилось 20 крупных крымских набегов на Московское государство, но не забывали крымцы и польских девушек. Договор 1568 г. между Польшей и Турцией последовал за чередой крымских набегов 1566–1568 гг., которые польский король простил со всем великодушием. Других врагов, кроме Московского государства, Сигизмунд II Август иметь не желал.

А в 1576 г. на польский трон ясновельможным панством был посажен Стефан Баторий, трансильванский вассал турок. Крымское нашествие, опустошившее Подолию и Волынь в сентябре-октябре 1575 г., было своеобразной формой поддержки турецкого кандидата. Он пообещал шляхте вечный мир-дружбу с басурманами и начал свое правление с казни «козацких рыцарей», насоливших султану. Турецкий посаженник на польском троне, он же выдающийся борец против

²¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 6. М., 2001. С. 689.

«Тирана Васильевича», приложил огромные усилия для сокрушения Москвы, стоявшей барьером между Европой и Азией.

Рим, Стамбул, Стокгольм, немецкие курфюрсты, Бахчисарай помогли трансильванцу – кто деньгами, кто бойцами.

Имея враждебную, контролирующую днепровский путь Польшу на западном фланге, вести московское войско через безлюдную иссушенную степь было делом гарантированно провальным.

Некоторые историки, например Н. Карамзин или Г. Вернадский, тем не менее упрекают Грозного в том, что он, злодей такой, не покорил Крым, не вывел Россию одним махом к Черному морю, а вместо того решил воевать за выход к Балтике. И в этом усматривают злокозненное непослушание многоумной «избранной раде».

Только почему такой упрек выдвигается одному Ивану Васильевичу, а не Федору Ивановичу, Михаилу Федоровичу, Алексею Михайловичу или Петру Алексеевичу?

Карамзин с Вернадским не только про Речь Посполиту, но еще и про Османскую империю забыли. Слона, так сказать, и не заметили.

Эта держава вполне понимала стратегическую ценность своего крымского вассала. Турецкие

гарнизоны стояли в Кафе (здесь находился и наместник султана), Перекопе, Газлеве, Арабате, Еникале, в нижнеднепровских крепостях, на Тамани, в Азове. На Черном море, ставшем к XVI в. «турецким озером», безраздельно господствовал турецкий флот.

Покорение Крыма стало возможным только через два века после царя Ивана, при Екатерине II. Тогда, в отличие от времен Ивана, причерноморские и приазовские степи были в основном уже покорены, Речь Посполита лежала при смерти, Турция превращалась в «больного человека Европы», а в Черное море вышли русские корабли.

Вот что пишет историк И. Д. Беляев на тему реальных возможностей по завоеванию Крыма в середине XVI в.: «О покорении Крыма Москва не могла думать... ибо пространные степи – раздолье для кочевых наездников, отделявшие Московское Государство от Крыма, было неодолимым препятствием для наших завоеваний с этой стороны... Для совершенного покорения Крыма было одно только единственно верное средство – постепенное заселение степи и постоянное содержание сторожевого войска на границе; и прозорливый Иоанн принял за эту мысль со всем усердием человека, убежденного в верности задуманного расчета. Давнишняя линия укреплений

на Оке и сторожевые притоны в степи, еще при Донском вызванные крайней нуждой Государства, послужили для Иоанна основным материалом для того, чтобы привести в исполнение свой верно задуманный план заселения степи».²²

В решении степного вопроса было мало бури, но много натиска. Русское государство медленно и верно, по-медвежьи двигалось на юг, юго-запад и юго-восток, катя перед собой систему засечных черт, крепостей, острогов,²³ дозоров и станиц.

Оборона «крымской украины» второй половины XVI в

С воцарением Ивана IV и завершением длительного периода боярского правления начинается усиление крымской обороны.

В 1553 г. «с благовещеньева дня» (25 марта) русские воеводы с полками находились в Рыльске, Путивле, Новгород-Северском, Трубчевске, со второй половины августа в Одоеве, Пронске, Михайлове, Туле, Рязани, Шацке.

²² *Беляев И. Д.* О сторожевой, станичной и полевой службе на польской украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. М., 1846. С. 56. (Далее – *Беляев. О службе.*)

²³ Острог – постоянный или временный укрепленный пункт с оградой из заостренных кверху бревен, высотой 4–6 м.

А в 1557 г., с марта, еще и в степи – в «усть Ливен», «усть Ельца на поле». В сентябре стояли и в дюжине городов за Окой.²⁴

Возникают новые крепости «от поля» (то есть ближайшие к степям): к востоку от Тулы Ряжск, Венев, Епифань, Крапивна, Шацк.

Новые города стоят по обеим сторонам Муравского шляха – основной дороги, по которой шли на Русь крымцы. С западной, приокской, стороны шляха это Орел (1564), Чернь, Крапивна, с восточной, придонской, – Епифань и Донков.

Ключевая роль на южном фронтире переходит от Коломны к Туле.

Шацк на Цне становится самым восточным пунктом тянущейся от реки Жиздры Большой засечной черты.

Протянута оборонительная черта, заканчивающаяся Тетюшевым, на правом берегу Волги.

На Каме поставлен Лаишев со своей засечной чертой.²⁵

По своему положению украинные города делились на передние и задние. К передним принадлежали города «от поля». Их цепь протянулась от правых притоков Волги до левых притоков Днепра, с юго-

²⁴ Разрядная книга 1475–1598. М., 1996. С. 138–168.

²⁵ *Любавский*. Наступление на степь. С. 15, 16.

запада на северо-восток, примерно по осевой линии лесостепной зоны. Отсюда высылались станицы и ставились сторожи.

Сторожа – пост, на котором находилось два или более ратников, защищенный небольшим укреплением из земли и дерева. Находилась на расстоянии 4–5 дней пути от города и контролировала участок протяженностью 30–50 верст (день пути). Выставляла дозоры в укромных и удобных для наблюдения местах (стоялые сторожи) и высылала конные патрули (разъездные сторожи).

Станица – группа ратников от 50 до 100 человек, которая высылалась далеко в степь для несения разведывательной службы. Помимо обнаружения вражеских сил ей вменялось в обязанность уничтожать небольшие вражеские отряды. За две недели службы станица покрывала 400–500 верст, «с коня не сседая».

Заднюю линию составляли укрепленные города, почти все расположенные по течению Оки. Ее постоянно охраняли значительные воинские силы – полки правой и левой руки, большой полк и т. д. Отсюда при необходимости выдвигались войска на передовую линию.

В каждом из пограничных городов были

свои воеводы и осадные головы с отрядами служилых людей, которые разделялись на городских (полковых), станичных и сторожевых. Первые были защитниками городов и оборонительных черт, другие отправлялись в степь.

Получив тревожные сообщения станичной и сторожевой службы, служилые люди выезжали из городов и нападали на вражеские отряды, которые шли в набег или уже возвращались с добычей.

У московских дьяков имелись описания всех украинских городов с указанием, в каком состоянии находятся укрепления, сколько в них войска и какого. На основе этой информации правительство, по получении известий о движении неприятеля, могло передвигать войска из одного пункта в другой и перебрасывать резервы.

«Украины» не имели или почти не имели крестьянского населения. Здесь селились служилые люди разных категорий.

Часть из них являлась служилыми «по отечеству», так сказать по факту рождения, что совсем не исключало возможности пополнения этой категории людьми самого разного происхождения. «По мере движения в степь Правительство увеличивало состав дворян и детей боярских переводом из центральных местностей, **верстало лучших и отличившихся на**

службе казаков в дворянские чины», – пишет Павлов-Сильванский.²⁶

В украинских поселениях немалую роль играла категория служилых «по прибору», называемая городовыми казаками. Они следили за татарами на степных дорогах, хватали «языков», доставляли разведывательную информацию воеводам и государю, защищали города в случае вражеских нападений. В казаки набирали охочих людей любых состояний, в том числе самую вольную вольницу.

Епифанская перепись от лета 1572 г., отмечая недавние убийства и разрушения, причиненные «крымскими людьми», указывает на размещение в этом районе семи казачьих сотен и постройку слобод.

Из служилых «по прибору» стрельцы и городовые казаки относились к Стрелецкому приказу, пушкари и затинщики²⁷ – к Пушкарскому.

Служилый люд украинских городов стал с конца 1550-х гг. получать постоянное денежное жалованье. У малоземельных и безземельных оно составляло в среднем 10 руб. в год (дневная «продовольственная корзина» стоила примерно 3 коп.).

Служилые сражались против крымских и азовских

²⁶ Павлов-Сильванский. С. 108.

²⁷ Затинщики – группа служилых людей «по прибору», обслуживавшая крепостную артиллерию.

татар, ногаев, турок, поляков, литовцев, «воровских черкасов». Они же распахивали целину, разводили скот, копали рвы, насыпали валы, рубили тарасы, засеки, ставили крепости.

Их уделом были пот, кровь и слезы. Они гибли в боях, иногда целыми сторожами, станицами и селениями. Их жен и детей уводили в плен или просто резали враги. И тяжелый полевой труд, и строительство, и война были постоянными их занятиями на протяжении почти полутора веков. Эти люди вырвали из-под копыт татарских коней проспавшие несколько столетий черноземы и присоединили к Руси огромный плодородный край – бывшее Дикое поле. Их подвиг был достоин десятков истернов, но оказался забыт.

В 1570-х гг., после Молодинской битвы, южная граница Руси выдвинулась вперед почти на 300 км. У Дикого поля были отвоеваны тысячи квадратных километров земли на пространстве между верхним Доном и верхней Окой.

Вслед за служилыми на новые земли шли и крестьяне. Как писал царь Иван: «А на Крымской земле и на пустых землях, где бродили звери, теперь устроены города и села».

«Знакомясь с делом быстрой и систематической заимки "дикого поля" мы удивляемся тому, что

и это широкое предприятие организовывалось и исполнялось в те годы, когда, по привычным представлениям, в Москве существовал лишь террор "умалишенного тирана"»,²⁸ – замечает историк С. Ф. Платонов. От себя замечу, что «привычные представления» на самом деле являются результатом тщательной промывки мозгов, организованной хозяевами информационного пространства...

Федор Иванович продолжает колонизационную политику отца. В его царствование поставлены Белгород на верхнем Донце, Оскол и Валуйки на реках Оскол, Елец и Ливны на Сосне, Курск на верхнем Сейме, Кромы в верховье Оки – вблизи дорог, по которым проходили крымские и ногайские набеги, то есть Муравский, Калмиусский, Изюмский и Бокаев шляхи.

Эти города относились к «польской»²⁹ украине», то есть границе лесостепи и степи.

В 1586 г., согласно боярскому приговору «на Дону, на Воронеже, не доезжая Богатого Затона два днища, велено поставить город Воронеж».³⁰

²⁸ Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории. М., 2005. С. 203.

²⁹ Прилагательное «польский» образовано от слова «поле».

³⁰ Акты московского государства. Т. 1. Разрядный приказ. Московский

При Борисе Годунове появляется Царевборисов, расположенный глубоко на юге, в ковыльной степи, при слиянии Оскола с Северским Донцом (ныне село Червоный Оскол).

Все новые города населяли «ратными людьми, казаками, стрельцами». В общем, населением, выполняющим одновременно военные и земледельческие функции.³¹

Между городами рубились засеки, выкапывались рвы, ставились забои на реках – они охранялись постоянной стражей.

Обычно решение о строительстве города принималось правительством по инициативе местного воеводы или после проведения инспекции на окраине каким-нибудь служилым человеком. Вопрос обсуждался в Боярской думе, высшем правительственном органе (слово «боярин» в официальном лексиконе означало государственный чин). На место будущего города высылались дозорщики – специалисты, которые должны были «смотреть и чертити»: составлять описание местности, план построек, предварительную смету строительства. Доклад, составленный на основании сведений дозорщиков, выносился на обсуждение

стол. 1571–1634. СПб., 1890. С. 50

³¹ *Любавский*. Наступление на степь. С. 13.

правительства, которое определяло окончательную смету. После утверждения ее государем назначались воеводы, которые вместе с отрядом служилых людей должны были строить и оборонять новый город.

Так, например, в 1600 г. воевода князь Кольцев-Масальский (уже построивший Ливны), согласно правительственному решению от 8 августа 1599 г., оправился на строительство города Валуйки «на поле на Осколе усть-реки».

1 сентября Кольцев-Масальский вместе со стрелецким головой Судаком Мясным прибыл в город Оскол. Здесь собрался весь отряд, отправляющийся на строительство. Из Новосилия прибыла сотня детей боярских с двумя головами. Семен Лодыженский привел из Дедилова «стрельцов и литвы и немец и черкас лутчих с пищалями 150 человек». Кстати, эта цитата из документа еще свидетельствует о религиозной и этнической терпимости Московского государства. Это в населенной Европе могли жечь и вешать людей из идеологических соображений, Москва всегда была прагматична – люди нужны всякие, пусть хоть иноземного происхождения и веры другой. Через поколение они так и так станут русскими.

98 казаков с двумя сотниками частью прибыли из других украинских городов, частью были набраны в

Осколе.

Присоединились к отряду городской мастер (то есть инженер-строитель) Якуш Долматов, судя по фамилии, иностранец из южных славян, пушкари, плотники, кузнец и причт (т. е. духовные лица) – два священника, дьякон, пономарь и единственная женщина, отважная просвирница. Всего набралось 400 человек.

Часть людей (дети боярские, стрельцы, пушкари) должны быть взяты «своего запасу» на три месяца, остальные получали казенное продовольствие, которое доставили елецкий и данковский воевода. Наряд (артиллерия), зелье (порох), строительные инструменты, свечи, бумага и прочее доставлялись из Ливен и даже Серпухова.³²

В конце XVI в. в наказах воеводам-строителям еще не говорится о поселении в новых городах служилых на «вечное житье». По завершению постройки и первой зимовки большая часть служилых вернется домой и будет сменена другими, что станут нести гарнизонную и полковую службу вплоть до своей смены. Уходящие обычно продавали свои дворы приходящим.

³² Багале́й Д. И. Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний. Харьков, 1890. С. 1, 2. (Далее – Багале́й. Материалы.)

Но затем правительство начало прилагать большие усилия по обустройству в новых городах постоянных жителей, несущих службу. Переводило туда служилых из старых городов, набирало пополнение из разного люда, не имевшего до того службы или тягла.

Правительство предоставляло поселенцам денежное жалование и деньги на дворовое строение. Первые 1–3 года выдавалось из государевых житниц хлебное жалованье. Затем служилые уже кормились сами – с земли, которую им раздавали поблизости от города. Также обрабатывали они государственную «десятинную пашню», с которой собирался хлеб в крепостную житницу на случай осады или недорода и для помощи новым поселенцам.

Дворы служилых «по прибору» обычно располагались за пределами собственно «города»,³³ в слободах, стрелецких, пушкарских, казачьих. Слободы отгораживались от поля острогом, а за пределами острога, на посаде, – земляным валом и надолбами.³⁴

Дети боярские, дворяне и другие категории

³³ Город в понимании того времени – защищенная ограждением внутренняя часть поселения.

³⁴ Надолбы – цепь из двух-трех бревен, соединенных между собой и вкопанных в землю наклонно.

служилых «по отечеству» получали поместья около города, а также на удалении от него, на «отъезжих полях».

Пока одни дети боярские пахали, косили или молотили, другие с оседланными лошадьми были готовы в любой момент выехать на отражение набега.

Со временем в новых городах и вокруг них появлялось неслужилое население. Они ставили себе дворы на посаде, селились в поместьях служилых людей или на государевой свободной земле. Города окружались «выселками», слободами, селами и деревнями.

Укрепленные правительственные города способствовали и расселению вольного казачества.

Любавский пишет: «Охват русскими поселениями Муравского шляха и его рукавов, до слияния Дона и Оскола включительно, имел и другие важные последствия. Когда татарам стало труднее проникать севернее слияния Оскола с Донцом, установилась сравнительная безопасность и в бассейнах Сулы, Псела и Ворсклы. И вот в конце XVI и в начале XVII здесь появляются казацкие селения».³⁵

Люди, что приходили сюда ловить рыбу, бить зверя и собирать мед, стали устраиваться на постоянное житье возле своих «входов». Там, где

³⁵ Любавский. Наступление на степь. С. 14, 15.

находились охотничьи угодья, ловли и бортные деревья, появлялись постоянные поселения вольных казаков.

Правительство всячески старалось набирать на службу в новых городах и совершенную вольницу. При постройке Царевоборисова воеводы известили гулящих людей по Осколу, Донцу и их притокам о разных радостях, ждущих их на службе. Помимо хлебного и денежного жалования им давались во владение юрты³⁶ «безданно и безоброшно», то есть с освобождением от натурального и денежного налога.³⁷

Осмелились пойти на юг и монахи, у рек выросли монастыри – Корейский, Святогорский и др.

В общем, русская оседлость всех видов шагала по Дикому полю.

С продвижением фронта на юг стали более безопасными и прилегающие к нему внутренние районы Московской Руси, куда также потянулся поток переселенцев с севера и северо-запада. Например, в конце XVI в. происходила инициативная колонизация Орловского края, где крестьяне и служилые брали

³⁶ Юрт – общинное земельное владение, где занимались рыболовством, охотой, бортничеством. Позднее – вся земля, принадлежащая казачьему войску.

³⁷ Миклашевский. С. 23–26.

себе землю и создавали поселки по берегам рек и на опушках лесов.³⁸

Освоение степной окраины сыграло поистине спасительную роль для России не только как линия обороны от набегов. Этот район, заселявшийся лишь со времен царя Ивана, быстро стал житницей Руси.

К югу от Оки земля была лучше, чем в Замосковном крае с его «холодной сыростью, подзолистым суглинком или супесью, болотистыми сеножатями». И ее было вдоволь.³⁹

Уже во время страшного неурожая 1600–1604 гг. крестьяне из центральных и северо-западных районов Московского государства «прибегали к изобильным странам, из числа коих наипаче г. Курск был, продавалась в нем тогда четверть⁴⁰ ржи по шести и семи алтын», – сказано в книге первого курского краеведа С. Ларионова (1786).

Если ранее неурожай охватывал почти всю земледельческую Русь, то теперь появились регионы, отличные по своим климатическим и погодным условиям от Нечерноземья.⁴¹

³⁸ Павлов-Сильванский. С. 110.

³⁹ Павлов-Сильванский. С. 110.

⁴⁰ Хлебная мера. 1 четверть = 209,9 л.

⁴¹ Миклашевский. С. 7.

Большая засечная черта

Когда в 10-х гг. XVI в. русское правительство начинает проводить первые оборонительные мероприятия на «крымской украине», возрождается система засек – искусственных лесных завалов. А применялись они еще в домонгольские времена для обороны от половцев.

Засечные черты опирались на массивы Брянских и Мещерских лесов, на реках Ока, Вожа, Осетр, Упа.

Без леса не могло быть и засеки. Леса, где проходили засеки, назывались заповедными; законом запрещалось их вырубать или без санкции правительства прокладывать через них дороги.

Для создания засечной полосы на аршин или два от корня рубились деревья, одно около другого или крест-накрест. Ствол падал вершиной к «полю» (откуда приходили степняки), но оставался лежать на пне. Ширина полосы составляла 40–60 сажень.⁴²

За состоянием засек следили засечные сторожа. Каждые два километра устраивались курганы для световой связи или дозорные посты – это были кузова на высоких деревьях.

⁴² 1 сажень = 2,13 м.

Засеки для удобства надзора делились на звенья, границы которых обозначались пнями, натесами на деревьях и т. д.

Для проезда через черту сооружались «пропускные пункты» с подъемными мостами, воротами, башнями. Окрестному населению строго воспрещалось делать через черту собственные «перелазы».

Строительство Большой засечной черты (название, присутствовавшее в документах того времени) началось в 50-е гг. XVI в. В ее состав вошли некоторые старые города с обновленными укреплениями и ряд новых городов (Волхов, Шацк, Дедилов).

К 1566 г. была закончена постройка укреплений от устья реки Вожа до реки Жиздры – царь Иван лично инспектировал их.

Черта имела две ветви. Западная проходила через район южнее Козельска, Белев, Одоев, Лихвин, Крапивну, Тулу, Венев и упиралась в Оку выше Переяславля-Рязанского. Восточная ветвь от Шацка шла на север, к Оке, а оттуда опять на юг, к Сапожку, Рязску, и снова к северу, до Скопина.

Между Тулой и Веневом черта состояла из двух рядов укреплений, между Белевом и Лихвином – из трех, между Белевом и Переяславлем-Рязанским – из четырех.

На черте находились многочисленные

естественные препятствия – реки, болота, озера, овраги. К числу искусственных препятствий относились засеки, рвы, валы, надолбы, частоколы, остроги. На дне рек, в районе бродов, вбивались заостренные колья, затапливались «бревна с гвоздем дубовым частым».

Укрепления были обращены как к «полю», так и на свою сторону – чтобы при необходимости встретить крымцев, возвращающихся после набега с добычей.

Главным городом черты являлась Тула, обладавшая каменной крепостью, с населением в конце XVI в. около 5 тыс. человек. Тульский острог охватывал значительную территорию с трех сторон от крепости – в его границах находились дворы посадских и детей боярских. В слободах, примыкавших к острогу преимущественно с юга, откуда приходили непрошенные гости, жили служилые казаки, засечные сторожа, стрельцы и пушкарки, часть ремесленников, ямщики.

Типовой городок на черте был обнесен валом, по верху которого шел стоялый острог.⁴³ Над воротами стояла башня, крытая шатром, под которой помещался сруб для караула. Между городским валом и засекой оставалось 15–20 сажень свободного

⁴³ Стоялый острог – ограждение из ряда плотно поставленных бревен, с внутренней стороны скрепленных горизонтальными скрепами.

пространства, пересеченного частиком,⁴⁴ рвами и надолбами.

С постройкой Большой засечной черты русские войска передвинулись на юг, чтобы встречать степняков с фронта, бить с флангов их отряды, идущие по шляхам, отрезать им путь обратно.

В 1570-е гг. черта была протянута далее на запад, включив города Почеп, Стародуб, Серпейск, Севск. На востоке она получила продолжение в виде засек Нижегородского края.

В середине XVII в. Большая черта получит название Тульской.⁴⁵

Сторожевая и станичная служба

Самые ранние сообщения о постоянной страже на степной границе Руси относятся к 1360 г. Митрополит Алексей упоминает о сторожах московских по Хопру и верховьям Дона.

Сторожи, возникшие при великом князе Дмитрие Ивановиче, представляли собой разъезды, которые наблюдали за передвижениями ордынцев на Хопре, верхнем Дону, Быстрой и Тихой Сосне, Воронеже. В

⁴⁴ Частик – заостренные колья, вбитые в землю в шахматном порядке.

⁴⁵ Города-крепости по засечным чертам юга русского государства, [http:// stepnoy-sledopyt.narod.ru/history/goroda-kreposti/goroda-krepostil.htm](http://stepnoy-sledopyt.narod.ru/history/goroda-kreposti/goroda-krepostil.htm)

1380 г., незадолго до Куликовской битвы с войском хана Мамай, княжеские дружинники даже ездили «под Орду» добывать «языка». Впрочем, рейды того времени носили ситуационный характер. Постоянной сторожевой службы при Дмитрии Донском не могло быть даже теоретически, Московское государство отделялось от Орды владениями рязанских, муромских, нижегородских князей.

С расширением границ Московского княжества на юг и восток, сторожи стали превращаться в линии постов на всем протяжении южных границ государства.

В 1472 г. пограничная стража встретила большеордынского хана Ахмата у переправы на Оке и вела с ним перестрелку, пока не подошла московская рать.

Хан Ахмат, приближаясь к Оке со стороны Литвы в 1480 г., везде встречал московские патрули. Отслеженное передвижение орды закончилось «стоянием на Угре». С наступлением холодов ордынцы с позором отправились в свои кочевья через владения короля Казимира. А по дороге грабили всех встреченных подданных своего союзника.

10 июня 1492 г. московские станичники догнали между Трудами и Быстрой Сосной ордынцев мурзы Темеша, возвращавшихся из набега на Алексинский

уезд, и отбили у них пленников.

В 1528 г. московские сторожа на Оке не пустили через границу «крымских султанов».⁴⁶

Конечно, было немало случаев, когда степняки приходили «безвестно», то есть внезапно, незамеченные стражей, как, например, в 1521 г., но тем не менее борьба с нашествиями приобретала все более организованный характер.

К концу правления Василия III сторожи стояли от Алатыря до Рыльска и Путивля. Разъезды станичников проникали в степь вдоль Донца и Дона.

В 1540 г. благодаря своевременно полученной информации воевода рязанский князь Микулинский поспел на помощь каширцам, на которых пришел крымский «царевич» Амин. И на следующий год, при нашествии Саип-Гирея, правительство получило немало известий о его передвижении. 25 июля приехал в Москву из Рыльска станичник Гавриил, побывавший у Святых Гор – урочища при впадении Оскола в Донец. Служилый обнаружил сакмы,⁴⁷ по которым сделал вывод, что крымское войско насчитывает до 100 тыс. человек.

В 1552 г., во время подготовки наступления на Казань, к царю Ивану постоянно прибывали гонцы с

⁴⁶ *Беляев*. О службе. С. 2, 3.

⁴⁷ Сакма – след, оставленный конницей.

вестями о наступлении крымцев – хан Девлет-Гирей явно собирался сорвать восточный поход русских войск.

16 июня царь на пути из Коломенского в Остров встретил гонца от станичника Волжина, побывавшего у Айдара. Было доставлено сообщение, что крымцы переправились через Донец. Потом приехал станичник В. Александров с известием, что степняки направились к Рязани. 21 июня прискакал тульский городской казак с сообщением, что крымский отряд появился под Тулой. Делать нечего, московское войско собралось идти на юг.

23 июня к государю приехали два гонца и сообщили, что крымцы с турками палат по Туле «огненными ядрами», пытаясь зажечь город, янычары ходили на штурм, но были отбиты. Царь отдал приказ воеводам перейти Оку и сам поспешил к переправе у Каширы. Однако 24 июня была получена благая весть, что тульские воины и горожане вышли из города и разгромили крымцев. 1 июля стало известно, что ханское войско уходит и не собирается возвращаться. Станичники, следовавшие за ним, видели, что крымцы улепетывают на всех парах, покрывая в день по 60–75 верст, бросая утомленных лошадей и награбленное добро. Это сделало возможным поход на Казань.

В 1555 г. царь учредил стражу в низовьях Волги, состоящую из стрельцов и казаков. Они стали стеречь перевозки от немирных «детей Юсуповых», сообщаясь со сторожами по Донцу и Дону.⁴⁸

В том же году царь Иван отправил воеводу И. Шереметева на юг (возможно, на соединение с союзными черкесами). Русское войско встретил на Донце сторож Святогорский, а гонец, посланный станичником Л. Колтовским, известил Шереметева, что хан Девлет-Гирей перешел Донец и направляется к «украинам» Рязанским и Тульским. Шереметев двинулся за ханским войском, уничтожая крымские отряды, рассыпавшиеся по округе для грабежа. В двухдневной битве у Судьбищ воевода потерпел поражение от многократно превосходящих крымских сил, однако обескровленная орда вернулась в Крым.⁴⁹

В это время был учрежден для сторожевой службы казачий Хоперский полк, до бурного XX в. сохранивший знамя, пожалованное царем.⁵⁰

В 1556 г. казаки из украинских городов начали проникать далеко в степи. В марте атаман Михайло Грошев ходил из Рыльска к Перекопу и привел к государю захваченных крымских языков. По царскому

⁴⁸ Арцыбашев Н. С. Повествование о России. М., 1843. Т. IV. С. 232.

⁴⁹ Арцыбашев Н. С. Повествование о России. М., 1843. Т. IV. С. 233.

⁵⁰ Беляев. О службе. С. 5.

указу воеводы Даниил Чулков и Иван Малцов спустились вниз по Дону. Чулков дошел до Азова и в его окрестностях разбил татарский отряд.

В 1550-е гг. управление сторожевой службой было передано в ведение Разряда.

За несение этой службы люди получали жалованье выше полкового или городского, а также возмещение от казны за все убытки и потери, которые могли случиться в разъездах. Лошади, сбруи и вооружение при отправке в степь оценивались воеводами, которые вносили оценку в особые книги. Согласно этим записям выдавалось и возмещение.

Сторожи сообщались друг с другом и таким образом составляли несколько наблюдательных линий, пересекавших все степные дороги, по которым крымские татары ходили на Русь.

Самая восточная группа сторож шла выпуклой линией от Барыша, притока Суры, до Ломова, притока Цны. Самая западная – по притокам Ворсклы и Донца до устья Айдара, проходя почти перед кочевьями крымцев.

Всего до 1571 г. было учреждено 73 сторожи, которые разделялись на 12 разрядов, в зависимости от их удаления в степь.

Людям, несущим службу на дальних сторожах, приходилось уходить на 400 верст от родных

уездов. Но еще дальше сторожей забирались в поле станичники. Например, первая путивльская станица переправлялась через Сулу, Псел и Ворсклу, ездил по полю по Муравскому шляху до верховьев рек Водолаги, затем вниз по Донцу до Святых Гор, добираясь до верховья реки Самары. И возвращались в Путивль. Путь огромный.

«Они, – говорит о станичниках Багaley, – главным образом должны были заботиться о том, чтобы определить, конечно приблизительно, количество неприятеля, для этого пользовались всякими признаками. Ездил один сторожевой атаман по реке Торцу и видел много огней и слышал прыск и ржанье лошадей... не доехав двадцати верст до Северского Донца, увидел пыль великую, а по сакме казалось ему, что было неприятелей 30 000 человек. Значит, огни, фыркание и ржанье лошадей, пыль, следы копыт – все это служило признаками для станичников».

Царским приказом от 1 января 1571 г. князь М. Воротынский был назначен главой сторожевой и станичной службы. В помощники престарелому воеводе были даны князь Михаил Тюфякин, герой степной войны Дьяк Ржевский как специалист по крымскому пограничью и опытный воин Юрий Булгаков, знаток ногайского пограничья. Тюфякин и

Ржевский были посланы для инспекции Крымской стороны. Юрий Булгаков и Борис Хохлов осматривали Ногайскую сторону. После досмотра они, изучив существующие росписи (инструкции) сторожевой службы, начали составлять новый ее распорядок.

В помощь им командование службы вызвало в Москву детей боярских, станичных голов, станичников и вожей (проводников), тех, что многократно выезжали в поле из Путивля, Рыльска и других пограничных городов.⁵¹

Собравшимся ратникам предстояло создать такой устав пограничной службы, чтобы враги «на государевы украины войною безвестно не приходили», а станичники и сторожа находились бы именно на тех местах «где б им воинских людей мочно устеречь».

Закончив совещания, 16 февраля 1571 г. «по Государеву Цареву и В. Князя Ивана Васильевича всеа Руси» указу глава службы вместе с детьми боярскими, станичными головами и станичниками вынес приговор (решение).

День принятия «Боярского приговора о станичной и сторожевой службе» можно с полным основанием сделать праздничной датой российских пограничников.

⁵¹ *Беляев. О службе. С. 7, 8.*

Были выработаны инструкции станицам, дальним и ближним сторожам: «Из котораго города к которому урочищу станичником податнее и прибыльнее ездити и на которых сторожах и из которых городов и по кольку человек сторожей на которой стороже ставити».

Тщательные росписи Донецким, Путивльским, Рыльским, Мещерским и прочим сторожам, к примеру, выглядели так: «1-я сторожа вверх Олешанки Удцкие, а переезжати сторожем направо Муравской шлях до Мерла до Диакова острогу двадцать версть... а бежати с вестью с тое сторожи сторожем в Рылеск прямою дорогою, меж Пела и Ворскла».

После обнаружения вражеского воинства станичным и сторожевым головам (начальникам) надлежало отправлять гонцов с известиями в ближние города, для передачи по цепочке, а самим ездить по сакмам, то есть следам врагов.⁵²

Задавался и характер готовности пограничников. «А стояти сторожем на сторожах с коней не съедая⁵³ переменяясь, и ездити по урочищам, переменяясь же на право и налево по два человека по наказом, каковы им наказы дадут воеводы».

Предусматривались меры скрытного

⁵² *Беляев*. О службе. С. 11, 12.

⁵³ Не съедая – не сходя.

передвижения и расположения на местности. В частности, предписывалось не готовить пищу несколько раз на одном месте, не ночевать и не укрываться днем в одном и том же месте.

Многие прежние сторожи были заменены новыми, сообразно изменениям крымско-татарских «маршрутов», определены места, где станичникам надлежало съезжаться друг с другом.

Линии Донецких, Рыльских, Путивльских сторожей были сильно выдвинуты вперед, к югу, так что теперь они захватывали все течение Ворсклы до Днепра, доходили до реки Самары, от нее протягивались к Дону, до устья Долгого Колодезя.

Приговор обязывал служить на Донецких сторожах детей боярских, Путивльских и Рыльских, ввиду особого значения этой линии для защиты Руси от крымских татар и ногаев. «А служить с поместий и посадских земель, да с денежного жалованья, а которые земли у посадов в Путивле и Рылеску, и теми землями приговором их верстати».

Путивльских местных жителей-севрюков более не нанимали на ответственную службу ввиду их нерадения.

Приговором 1571 г. предусматривалось и обеспечение поиздержавшихся служилых. «А у которых сторожей не будет добрых лошадей, и

воеводам и головам на сторожах лошади добрые доправити, на которых бы лошадех на сторожи ездити было безстрашно».

Служба сторожей была разделена на три статьи (вахты), каждая из которых длилась по 6 недель.

Приговор делал невозможным перебрасывание ответственности на «смежников». «А будет, головы или сторожи, к ним вскоре не сойдутся, и ехати самим по сакме, по наказу не мешкая, а голов и сторожей не дожидатися».

Появились особые должностные лица – стоялые головы для контроля за постами и разъездами. Они сами рассылали станицы, состоящие из детей боярских и городских казаков.

Упомяну только одного из стоялых голов, Шацкого, который стоял на Дону на «ногайской стороне», в Вежках, выше Медведицы и Хопра. Одна станица от него переправлялись через Дон, ехала в верховья Айдара, на два дня пути, другая – до устья Балыклея, на расстояние 4 дней пути. У шацкого головы было 120 детей боярских, служилых казаков, татар и мордвы.⁵⁴

Кстати, в самый разгар реорганизации пограничной службы, летом 1571 г., случился печально знаменитый набег на Москву хана Девлет-Гирея,

⁵⁴ Акты. С. 6.

отчего Тюфякин не успел закончить своей инспекции сторожей. Однако уже вскоре реорганизованная пограничная служба принесла огромную пользу.

В октябре 1571 г., предотвращая набег, была, согласно инструкциям, выжжена степь – станицами, посланными из девяти окраинных городов.

А во время нового похода 120-тысячной крымско-турецкой орды на Русь летом 1572 г. ее движение было обнаружено заблаговременно.

Русские пограничники встретили крымцев на Оке. Сам хан признал в письме к русскому царю от 23 августа, что на Береге его ждали русские укрепления, окруженные рвом.⁵⁵

Московское правительство сумело вовремя перебросить силы к району выдвижения крымского войска и нанесло тяжелейшее поражение противнику в эпохальном сражении при Молодях, продолжавшемся с 29 июля по 2 августа.

С 1573 г. положено было, чтобы станицы, встречаясь, непременно обменивались собранными сведениями, а стоялые головы проверяли, доехали ли станичники до заданных им урочищ.

В феврале 1574 г. начальником сторожевой службы стал Никита Юрьев, сменив умершего Воротынского (сообщения Курбского о том, что старый князь умер

⁵⁵ *Беляев. О службе. С. 27.*

от последствий пыток, не подтверждаются никакими другими источниками). В этом году были произведены новые изменения в сторожевой службе.

Юрьев так провел маршруты разъездов станичников, что они охватывали все старые и новые пути крымцев и сносились беспрестанно друг с другом.

Юрьев снял сторожи, ставшие известными для степняков, другие же, например у впадения Ублы в Донец, усилил детьми боярскими. Увеличил и жалованье служилым, «дабы людям бесконным не быть и для пользы Государева дела иметь добрых коней». Сюда был переведен стоялый голова с Сейма.

В 1575 г. было поставлено укрепление на Сосне при впадении Ливны, туда был послан воеводой Михаил Карпов. Все дальше уходили в степь разъезды станичников.

После совещаний со станичниками, жогами и сторожами в 1576 г. произошла новая «подгонка» пограничной службы.

Например, станичные головы с Дона, от устья Тулучеи, были переведены к устью Богатого Затона, потому что прежнее их расположение стало известно крымцам и ногайцам. Отменено прежнее правило высылать сторожей в степь к 1 апреля и решено было

соотноситься с реальным началом весны.

На Путивльских и Рыльских сторожах предстояло теперь служить посадским людям из Рыльска и Новгород-Северского за денежное жалование. На Орловских, Новосильских, Дедиловских, Донковских, Епифанских, Шацких и Рязских – городovým казакам за денежное жалование и землю в слободах. На Темниковских – служилым татарам и мордве. На Алатырских – служилым казакам, находящимся в ведомстве Казанского дворца.

Были разосланы требования украинным воеводам и осадным головам – как можно чаще пересылаться друг с другом, с доводкой важных сведений до Государя и Разрядного приказа, включая сведения об отправке сторожей – кто и когда.

В 1577 г. государь произвел новые изменения в порядке службы. Был убран воевода с устья Ливны, поскольку Донецкие, Оскольские и Донские стоялые головы уходили в степь дальше ливенских служилых. Сокращены были сроки посылки станиц – чтобы не причинять служилым «напрасной истомы». Видимо, в степи в это время установилось относительное затишье.

В связи с тем, что воеводы порой посылали на «польскую» службу людей «худоконных и неоружных», а то и вне очереди, отправкой на службу

стал заниматься Разряд.

Для расследования случившихся нарушений был предписан опрос «лучших людей», тех, что не захотят кривить душою и рисковать своим честным именем.

Интересен тут не сам факт вероятных злоупотреблений, а то, что власть быстро находит способы предотвратить их.

В подробных росписях, поступающих в Разряд, для каждого ратника показывались все приезды на службу, сколько дней был в дороге, на какой срок явился в назначенное ему место, кто и когда его сменил.

В 1578 г. станицы, высылаемые стоялыми головами, еще более продвинулись на юг. Путивльские стали ездить вдоль Орели к Днепру до Песьих Костей, Рязанские – к Святым Горам, а Мещерские – вниз по Дону до Волжской переволоки, где проходила дорога из Крыма в Ногаи.

Хищные крымцы, конечно, тоже не зевали и прокладывали новые набеговые дороги. В 1579 г. противник освоил шлях, идущий от реки Кальмиус по водоразделу Донца и Дона.

Снова в Москве собрались станичники и стоялые головы. По результатам обсуждения у Юрьева было принято решение: усилить силы стоялых голов на Осколе около устья Ублы и на Дону, около

устья Богатого Затона. Юрьев так провел маршруты разъездов, чтобы и новый путь крымцев оказался под наблюдением.⁵⁶

Станичная и сторожевая служба дворян и детей боярских на южной окраине не исключала службы поблизости от дома. Так, путивльцам и рылянам надо было еще стеречь русско-литовскую границу.

Новое постановление о службе детей боярских было сделано в 1580 г. Боярин Юрьев и дьяк Щелкалов «приговорили» о путивльских станицах – в ездоки не брать служилых с поместьями менее 100 четвертей,⁵⁷ «тех оставити в полку», на станичную службу должны были отправляться лишь люди «конные, молодые и просужие».

Станичная служба ложилась теперь лишь на людей с соответствующими материальными возможностями.

В 1623 г. был издан новый устав станично-сторожевой службы. Теперь каждая станица состояла из атамана, 6 ездоков и 2 вожей – у каждого имелось по 2 лошади и пищаль. Станица, доезжая до определенного урочища, должна была оставить там «доездную память» и, возвращаясь обратно, обязана была встретиться с другой станицей, вышедшей на

⁵⁶ *Беляев. О службе. С. 27.*

⁵⁷ Мера площади. 1 четверть (или четь) = 0,5 десятины = 0,55 га.

смену. Вторая станция забирала доездную запись, оставленную первой, и припрятывала в укромном месте свою.

Если станция замечала степняков или их следы, то отряжала пару человек для сообщения ближайшему воеводе, а остальные должны были «подлинных вестей проводить», то есть продолжать слежение. «Чтобы всякие вести были ведомы и воинские люди безвестно не пришли и какова дурна не учинили».⁵⁸

Представим себе день станичника. Начинается он с краюхи хлеба, прилично уже зачерствевшей, и горсти толокна, замешанного на воде. Теперь напоить коней в береговых камышах. Станичник замечает на воде знак. Он умеет читать книгу степей, оврагов, рек, лесов. Ее письма – это след копыта в пыли, смятая трава, сломанная ветка, человеческие выделения, остатки пищи, конские «яблоки»... По воде плывет конский волос. Значит, кто-то переходит реку выше по течению.

Один станичник остается с конями, двое других идут через камышовые заросли, донный ил хватает за ноги. Неподалеку от берега раздаётся храп коней. Станичники уходят по шею в воду, замирают, едва ли в 40 сажнях от них через реку переправляется орда. Виден бунчук, украшенный конским хвостом, –

⁵⁸ Миклашевский. С. 72, 73.

мурзу окружают воины, плоские шлемы и бехтерцы тускло отражают рассветные лучи. Каждый ордынец, сидя на приземистом, но бойком коне, ведет еще вьючную лошадь, на ней мотки веревки, седельные корзины, мешки – все готово для «сбора урожая». Этим вервием будут вязать хрупкие руки девушек, а в седельные корзины бросать детей, вырванных из рук воющих матерей. От ордынцев доносится запах немых тел. Длинноусые люди в коротких халатах и белых войлочных колпаках ведут верблюдов, на которых навьючены пушечные стволы – то воины турецкого султана, янычары. Скрипят огромные колеса арбы, нагруженной ядрами и пороховым зельем. «Чабук, олан узун сачлы», – видно, торопятся басурманы. Вдалеке, на правом высоком берегу, клубится пыль, подходят к переправе тьма,⁵⁹ не меньше.

Холод пробирает до костей, трудно унять стук зубов. Кто-то входит в воду, совсем рядом, мочится, потом пьет. Одна рука станичника ложится басурману на рот, вторая ведет ему под бороду лезвие ножа. Враг, булькнув, ложится на спину и, пуская розовые пузырьки, начинает медленно уходить в воду.

«Калга идет, с ним три тьмы, – шепчет напарник. – Пора назад».

⁵⁹ Тьма – единица счисления конного войска кочевников.

Фронтир и мобилизационные реформы

Земля обязывает служить

В первой половине XVI в. в населенном центре Руси наступает фаза демографического сжатия – истощение используемых пахотных земель и нехватка свободных земель, которые можно ввести в сельскохозяйственный оборот.

Первые звоночки фазы сжатия прозвенели еще в конце XV в. В 1480–1500 гг. в крупной новгородской Деревской пятине население выросло на 16 %, а пашня только на 6 %, цена ржи поднялась с 14 до 20 денег за коробью (7 пудов).⁶⁰

Обострение хозяйственной ситуации после 1520 г. связано и с климатическими изменениями. Начинается уменьшение среднегодовых температур, а вместе с тем растет число погодных аномалий. На протяжении последующих 50 лет редкий год не отмечается экстремальными метеорологическими явлениями – засухой, продолжительными дождями,

⁶⁰ Нефедов С. А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX века. Екатеринбург, 2005. С. 47. (Далее – ДСА.)

летними заморозками; все это губит или сокращает урожай. Происходит изменение климата, известное как малый ледниковый период.

Всего несколько выписок из летописи погодных катаклизмов.

1524. «Зима добро студена и стояла до Троицына дня (24 мая)».

1546. В Москве с сентября лежал глубокий снег. На следующий год уже весной пришла «засуха великая» и даже «суда на Москве реке обсушило».⁶¹

1548–1549. Голод охватил все северные районы страны. «Людей с голоду мерло много», – лаконично сообщает летопись о событиях на Северной Двине. И десять лет спустя на Северной Двине пустовало до 40 % пашни.

1552–1553. В Новгороде и Пскове от голода и эпидемии погибло не менее 30 тыс. человек. Прошедшее напоминало период предыдущего демографического сжатия на Новгородчине конца XIV – начала XV в., когда летописи пестрели такими записями: «А в Новегороде хлеб дорогъ бысть не толко сего единого году, но всю десять летъ... толко слышати плачь и рыданье по улицам и по торгу;

⁶¹ Борисенков Е. П., Пасецкий В. М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М.: Мысль, 1988. С. 310–313.

и мнозе от глада падающе умираху».⁶²

1556–1557. Голод охватил Северное Заволжье, затронул и центральные регионы. «Во время жатвы дожди были великие, а за Волгой во всех местах мороз весь хлеб побил; и множество народа от глада изомроша по всем городам».

С середины XVI в., после завоевания волжских ханств и укрепления крымской обороны, начался отлив земледельческого населения из центральных и северо-западных областей на юг и юго-восток.

Государство должно было поддерживать территориальное расширение укреплением и увеличением служилого сословия.

Наделением землей детей боярских и дворян занимался Поместный приказ. Каждый сын боярский, достигший пятнадцатилетнего возраста, подавал туда челобитную, в которой определял, будет ли служить с отцовской земли, с «прожитка» (отцовской земельной пенсии) или ему нужен свой «новичный оклад» – 100 четвертей земли, положенных новобранцу. Ясно, что государство и ради обеспечения дворянского войска должно было постоянно заниматься заимкой новых земель.

⁶² Новгородская первая летопись младшего извода // Полное собрание русских летописей. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950. С. 425.

Законодательство Ивана III, а еще более Ивана Грозного стремилось к приравниванию владельцев вотчин к владельцам поместий.

Очевидный лозунг преобразований был таков: за владение землей, вне зависимости от форм собственности, надо служить государству. Доход с земли должен быть платой за несение службы.

Некоторые вотчинники, потомки удельных князей, сохранили до царя Ивана свои обширные владения, в пределах которых пользовались прежней властью, имели собственных бояр и дворян. Подвластное население видело в них самостоятельных государей. Более того, в период ослабления государства, после смерти Василия III, некоторые князья и бояре значительно увеличили свои земли.

В то же время шло и оскудение множества вотчин. С одной стороны, крестьяне уходили с вотчинных земель, с другой – семейства вотчинников росли. Они продавали свои мельчающие и беднеющие владения, закладывали торговцам и монастырям. Так, во времена Василия III был известен капиталист Протопопов, которому крупно задолжали многие князья.

На Земском соборе 1548–1549 г. царь Иван предложил определить площадь всех земель, находившихся в вотчинном и поместном владении,

чтобы справедливо разверстать их между служилыми людьми.

Приговор 1556 г. был во многом реализацией этого предложения.

В первой своей части он отменял кормления, поскольку князья и бояре, получавшие наместничества, злоупотребляли своим положением, **«многие грады и волости пусты учинили... и много злокозненных дел на них учиниша»**.

Вторая часть приговора, имеющая название «Уложение о службе», четко ставила землевладение в зависимость от государственной службы. «Велможы и всякие воины многими землями завладали, службою оскудеша, – **не против государева жалования и своих вотчин служба их»**.

Этот параграф «Уложения» определял проблему: феодалы являлись в полки не с тем количеством людей и вооружений, которое соответствовало размерам их земельных владений. В общем, жадничали и экономили.

По всей стране писцы измерили земельные владения в общегосударственных имущественных единицах – сохах. По результатам кадастровых работ был произведен передел, земельные излишки от крупных владельцев передавались мелким.

С каждого участка доброй земли в 100 четвертей

(около 55 га) должен был приходиться воин с оружием и в доспехах, с конем, а для дальнего похода – с двумя конями.

Приравнивая вотчину к поместью, «Уложение» наносило серьезный удар по привилегированному землевладению, которое являлось краеугольным камнем феодальной системы. Оно обеспечивало каждого воина земельным окладом по четким нормам.

Одновременно принимались меры по снижению долгового бремени служилых людей. Они освобождались от уплаты процентов по долговым обязательствам, вводилась пятилетняя рассрочка по погашению долгов.⁶³

Земские реформы и чрезвычайные меры по борьбе с олигархией

На первом Земском соборе царь Иван известил собравшихся, что бояре более не являются держателями земли русской. Тем было дано начало реформе земского (местного) управления.

Конечной ее целью было утверждение государственного порядка силой общества.

⁶³ Павлов-Сильванский. С. 137, 138.

По словам Павлова-Сильванского: «Московское правительство решилось передать земству всю власть на местах, удалив наместников, потому что жизненная сила волостного мира является в его глазах залогом успеха этой радикальной реформы».

Судебник 1550 г. ограждал общины, крестьянские и посадские, от своеволия наместников и их слуг, определял широкое участие выборных земских властей в суде.

Ни один крестьянин не мог быть взят под стражу наместником без согласия местной крестьянской общины. Община обязана была контролировать ведение судебных дел в отношении своих членов. «И все судные дела у наместников и тиунов писать **выборному земскому дьяку**, а дворскому и старосте и целовальникам к тем судным делам прикладывать руки». ⁶⁴

Судебник также защищал крестьянина от насильного обращения в холопство и определял, что для свободного ухода крестьянина с владельческой земли после сбора урожая (несколько недель накануне и после Юрьева дня) не требуется ничего, кроме уплаты двух фиксированных пошлин. Крестьянин был волен идти искать себе новую землю.

Темпы реформ были ускорены боярской фрондой

⁶⁴ *Беляев И. Д.* Земские соборы на Руси. М., 1902.

1553–1555 гг., попыткой государственного переворота князя Владимира Старицкого и заговором князей Ростовских.

Вместе с отменой кормления уставные грамоты предоставляли городу или сельской волости право управляться своими выборными властями, прямо сообщаться с центральной властью. «И будет посадские люди и волостные крестьяне похотят выборных своих судей переменить, и посадским людям и волостным **крестьянам всем выбирать лучших людей**, кому их судити и управа меж ими чинити».

Во второй половине 1550-х гг. наместники и волостели в массе своей были от «городов и от волостей отставлены». Их власть перешла к «излюбленным старостам» и «излюбленным судьям», «выбранным всею землею». Место наместничьих тиунов и доводчиков (низшего чиновничества) заняли выборные целовальники и земские дьяки.

Губных старост, исполняющих полицейские функции, выбирали на всесословном уездном съезде из числа служилых людей (то есть лиц, хорошо владеющих оружием). А их помощников, губных целовальников, – посадские и крестьянские общины, «по выборам сошных людей», из своей среды. При

губных старостах для ведения следственных дел находились губные дьяки, также избираемые «по выборам всех людей».

Князья и бояре, обозленные оскудением вотчин, отменой кормлений и обязательной службой (несущей все больший риск, так как началась Ливонская война), терявшие административный и судебный контроль над уездами и волостями, представляли растущую оппозицию центральной власти.

С 1565 г. власть, стимулируемая случаями прямой измены крупных вотчинников, ввела систему репрессивной политики по отношению к землевладельческой элите.

В первый же год опричнины было перемещено на окраины около 150 князей и княжат, их холопы получили свободу.

Опричина привела к превращению множества самовластных вотчинников в рядовых служилых землевладельцев на окраинах государства и тем способствовала колониационным процессам.⁶⁵

Княжата лишались наследственных владений, где правили как государи, и получали поместья, по словам Дж. Флетчера, «в отдаленных областях».

«При Грозном еще можно было застать таких

⁶⁵ Платонов. С. 235.

владельцев, но при сыне после опричнины они уже были предметом воспоминаний», – пишет Ключевский.

Особенно много потеряли те собственники, что резко увеличили свои владения в период боярщины конца 1530-х – начала 1540-х гг.: Воротынские, Челяднины, Шуйские, Горбатые.⁶⁶

Сокращение крупного вотчинного землевладения показывают цифры по Тверскому уезду. В 1548 г. там было 318 вотчин средним размером в 370 десятин,⁶⁷ а в 1620 г. – лишь 197 вотчин средним размером уже 137 десятин.⁶⁸ Вместе с экономической силой исчезли и политическая сила удельной аристократии, ее личные армии, насчитывавшие в середине XVI в. тысячи боевых холопов и военных слуг.

С. Ф. Платонов особенно выделяет роль опричнины «в необыкновенно энергичной мобилизации землевладения, руководимой правительством... Ликвидируя в опричнине старые поземельные отношения, завещанные удельным временем, правительство Грозного взамен их везде водворяло однообразные **порядки, крепко связывавшие**

⁶⁶ ДСА. С. 57.

⁶⁷ 1 десятина = 1,092 га.

⁶⁸ Павлов-Сильванский. С. 57–72.

Служба «по прибору» – народное войско

Со времен Ивана Грозного важнейшую роль в колонизационных процессах играла служба «по прибору», которая пополнялась за счет набора желающих из людей всех сословий. Среди них в первую очередь надо выделить стрельцов.

Формирование постоянного стрелецкого войска относится к 1550 г., когда «учинил у себя царь... выборных стрельцов и с пищалей 3000 человек».

Стрельцы отличились уже при взятии Казани, они первыми двинулись на городские стены и ворвались в город. «И тако скоро взыдоша на стену великою силою, и поставиша ту щиты и бишася на стене день и ночь до взятья града». ⁷⁰

Отличились стрельцы и при взятии Полоцка, где уничтожали вражеских пушкарей и штурмовали крепость.

Стрельцы были нашим ответом наемному войску, приводимому польскими и шведскими королями. (И если численность стрельцов не уступала бы

⁶⁹ Платонов. С. 236.

⁷⁰ Беляев И. Д. Судьбы земщины. М., 2008. С. 98.

числу западных наемников, то исход Ливонской войны оказался бы другим.) В отличие от западных наемников, живших только на деньги, выдаваемые правителями на войну, а еще больше от мародерства, стрельцы имели постоянное жалование – в 1550-е гг. около 4 руб. в год.

В случае войны стрельцы получали деньги на подъем и подводки. Оружие, как и единообразное обмундирование, стрельцы получали от казны.⁷¹

Помимо денежного и хлебного жалования стрелецкий полк коллективно получал землю. Стрелецкую слободу мы увидим почти в каждом городе фронта. Управлялась она своими выборными властями.

Стрельцу было предоставлено право заниматься городскими промыслами с освобождением от всех городских податей в случае, если торговля его не превышала 50 руб. в год (приличная сумма, учитывая, что сруб для дома стоил порядка 2,5 руб.). По превышении этой суммы стрелец должен был платить только торговую пошлину. Таким образом, стрелец соединял в себе воина, крестьянина, посадского человека.

К служилым людям «по прибору» относились также казаки, пушкарки и люди «пушкарского чина»,

⁷¹ Там же. С. 99.

затинщики, воротники, а позднее ратники полков иноземного строя в XVII в. – солдаты, рейтары, драгуны и т. д.

Они имели близкую к стрельцам организацию и форму земельного владения, пополнялись на вольных основаниях из городского и сельского простонародья, например из сыновей посадских людей и крестьян, еще не взявших собственного тягла, или разного рода гулящих людей. Иногда из оскудевших, потерявших поместья детей боярских.⁷²

Южный фронт XVII в. Белгородская черта

Коллапс государства в период Смутного времени вызвал всплеск набеговой активности степняков.

В очередной раз кочевой аркан использовали в своих целях и недруги России – Речь Посполитая и Османская империя.

В 1607 г. был заключен новый договор между Польшей и Турцией, одним из условий которого была военная помощь Крыма польскому королю.

В том же году ногаи ходили на «украинные и северские города», захваченные пленники были проданы в Бухару.

⁷² Павлов-Сильванский. С. 235.

Годом позже Большая ногайская орда подкатилась к Темникову множество «украинных людей» было перебито и уведено в плен.

Еще через год, одновременно с походом короля Сигизмунда Вазы на Смоленск, крымцы разорили Тарусу и, перейдя Оку, опустошали все лето районы Серпухова, Боровска, Коломны.⁷³

В 1610 г., во время польского похода на Москву, крымские татары ходили к Серпухову и Боровску. Хотя взяли от царя Василия Шуйского «дары великие», но «пленных, как скот, в крымское державство согнали». (Подарки, сделанные хищнику, только увеличивают его аппетит.) Тогда же ногаи опустошили Рязанский край.

Следующим летом крымцы терзали Рязанский край, а также Алексинский, Тарусский, Серпуховский уезды. Ушли они лишь тогда, когда брать было больше нечего. Земля осталась непаханой.

В 1613 г. крымцы «без выходу» в Рязанской земле опустошили ее до Оки. Ногаи приходили в Коломенские, Серпуховские, Боровские места, под Москву в Домодедовскую волость.⁷⁴

Большие Ногаи, забыв свои присяги русскому государству, вступили в турецкое подданство.

⁷³ Каргалов. Русь и кочевники. С. 419.

⁷⁴ Каргалов. Русь и кочевники. С. 420.

Зимой 1614–1615 гг. крымские татары прошли саранчей через окрестности Курска, Рыльска, Камаричей, Карачева, Брянска. Русские послы сообщали из Крыма, что в Кафе пленный с Руси стоит 10–15 золотых, молодой – 20.

Летом Большие и Малые Ногаи разоряли Темниковские и Алатырские места, ходили за Оку, в Коломенский, Серпуховский, Калужский, Боровский уезды «и людей побивали, и полон многих взяли».

Во время Смуты и в последующие годы разрухи разница в условиях безопасности между центральными районами и фронтиром отсутствовала. Города на окраине разорялись точно так же, как и Замосковном крае. Северная Вологда подверглась такой же резне, как и окраинный Стародуб. Однако с восстановлением государства южный фронт снова стал принимать на себя большую часть вражеских ударов.

В 1616–1619 гг. королевич Владислав поборолся за московский трон совершенно в крымско-татарском стиле.

В 1617 г. поляками был сожжен Оскол. Годом позже польское казачье войско под командованием Сагайдачного залило кровью русские поселения на степной окраине – города Ливны, Елец, Лебедянь, села и деревни, их окружающие. Уже после

заклучения официального перемирия черкасами был разрушен Белгород.

Как было сказано на Земском соборе 1619 г.: «Московское государство от польских и литовских людей и от воров разорилось и запустело».⁷⁵

И много позже Смуты на окраинах Воронежских, Белгородских и Курских нередко наблюдался отток крестьянского населения в более безопасные регионы – особенно в периоды русско-польских войн, когда подавляющая часть московского войска была задеирована на западных рубежах, а крымцы тут же пускались собирать свой «урожай» на Руси.

Около 1625 г. на одного помещика уже более-менее освоенного Белгородского уезда приходилось в среднем по 0,7 и 1,1 бобыльских двора. Это означало, что многим помещикам приходилось самим обрабатывать землю в дополнение к несению службы.⁷⁶

После окончания Смуты Воронежский уезд ранее других районов фронта стал притягивать крестьян, бегущих из разоренного Замосковного края. Большинство починков и деревень, указанных в писцовой книге 1615 г., к 1629 г. превратились в села. Но на всех 115 уездных помещиков приходилось лишь

⁷⁵ Миклашевский. С. 48.

⁷⁶ Миклашевский. С. 109.

33 крестьянских и бобыльских двора.

Население Оскольского уезда после Смуты почти сплошь состояло из детей боярских, с добавлением беломестных (не платящих подати) казаков.

Таким образом, служилое сословие сохранило ведущую роль в освоении «польской украины».

Дозорная книга 1615 г. отмечает в «городе» Оскола воеводский двор, разрядную избу и соборную церковь – негусто. Оскольский посад находился в остроге и состоял из 5 слобод: «казаков Богданова приказа Решетова», терских беломестных атаманов и станичных ездоков, дедиловских и данковских сведенцев, стрелецкой, пушкарей и затинщиков. Здесь также были осадные дворы станичных вожей.

В 53 лавках торговали «станичные ездоки, казаки, пушкарки, стрельцы и торговые люди». Часть казаков занималась ремеслами.

За острогом были еще две слободы – Саковая, населенная ямщиками, и Воротничья Поляна, где жили воротники. Станичные ездоки, терские и беломестные казаки владели землями и сенокосами под городом. Ездоки имели самые большие наделы.

В январе 1626 г. в Валуйках было организовано 24 станицы – каждая из пяти ездоков и атамана, вследствие чего в город приехали писцы; они переписали население и земли и произвели новую

разверстку. Ездоки получали по 25 десятин земли у города, отчего часть земли, преимущественно огородной, была забрана у конных стрельцов. Безусловно, стрельцы потеряли часть вложенного труда. Но видеть в этом произвол правительства нельзя. Для центра было главным поддержание возможностей для несения службы. Земля не рассматривалась как собственность, и ее передел происходил так же просто, как перераспределение денежных выплат.⁷⁷

Еще один приметный город южной окраины, Путивль, был гораздо древнее, чем вышеупомянутые. Согласно писцовым книгам от 1626–1627 гг., даже после «литовского разорения» здесь имелось посадское население, платящее оброк – 60 дворов. Оброк оно само разверстывало между собой «по животом и промыслом». Посадским людям также надлежало давать подводы для государевых гонцов и беженцев из Литвы.

Благодаря близости границы торговая жизнь в Путивле была оживленной. В 1626 г. здесь насчитывалось 157 лавок и «полок», 8 харчевых изб, 23 кузницы и 5 торговых, то есть коммерческих бань. По улицам ходило и зазывало покупателей множество торговцев снедью вразнос, особенно калачников.

⁷⁷ Миклашевский. С. 91.

Большая часть «торговых точек» принадлежала служилым людям. Стрельцы и пушкарки, отставя в сторону стволы, занимались даже торговлей серебром.

В Путивльском уезде стояло всего 49 помещичьих дворов, хотя служило здесь 164 помещика, – остальные имели дворы в городе или за пределами уезда. На одного помещика приходились в среднем 1 крестьянский и 0,6 бобыльского двора; при таких скромных цифрах подавляющее большинство помещиков должно было братья за плуг.

Если на крестьянина приходилось 3,1 десятины пашни, то на помещика – 4,6 десятины (при среднем размере владения около 35 десятин). В общем, помещик мало чем отличался по своему хозяйству от крепкого крестьянина.

В Путивльском уезде мы часто встречаем такой вид имения, как бортные ужожи – участки широколиственного леса. Казна, как правило, отдавала бортные места с публичных торгов («наддачи»), взамен получая оброк медом. К участку бортного ужожи обычно относились разные лесные и речные угодья – бобровые гоны, рыбные ловли, «вспуды», «перевесищи».

Один бортный ужожей отличался от другого при посредстве «знамен» – натесов, сделанных на

деревьях топором. Их обозначения вносились в писцовую книгу. Натесы могли быть такие: W (столбы), W (шеломец), \"/" (сорочья лапка).

В бортном ухожее Путивльского уезда в среднем насчитывалось 6 «дельных деревьев» с пчелами.

С ростом населения бортные ухожеи все чаще подвергались разграблению и потому менялись на пасеки, которые также способствовали колонизационной активности, в частности переходу населения с берегов рек в междуречья.

Писцовая книга по городу Валуйки показывает, что служилые люди распахивают много новых земель «изо пчельников». Оброчные книги по Белгороду дают описания пчельников, находившихся вблизи города, и почти всегда попутно описывают пашни и другие угодья, например хмельники.

Пчельники считались законными, если были внесены в учетные книги и с них выплачивался оброк – обычно по фунту меда с улья. Мед, как и другой пчелиный продукт воск, еще со времен Киевской Руси играл огромную роль во внешней торговле, будучи нашим «сладким золотом»...

В 1631 г. ногаи и крымцы нападали на Воронежский, Белгородский, Курский уезды, их загоны проникали в Елецкие, Рязские, Рязанские, Шацкие места. Русских полков на «украинах» не было, они готовились к

походу на Смоленск; правительство понадеялось на мирный договор с Крымом.

Война против поляков в 1632–1634 гг. сопровождалась страшными разорениями южного пограничья.

В 1632 г., начиная с мая, туда идут крымцы, с ними турецкие янычары с «огненным боем». Были преданы опустошению Курский, Белгородский, Новосильский, Мценский, Орловский уезды.

Это привело к задержке русского похода на Смоленск, который начался не весной, а в октябре.

В 1633 г., в разгар осады Смоленска, на Русь пришли ногаи и 20–30 тыс. крымцев с «огненным боем». Они осаждали Ливны, накатывались два раза на Тулу, по серпуховской дороге дошли до Оки, приступали к Серпухову, Кашире, Веневу ходили под Рязань, штурмовали Пронск. И хотя не взяли ни одного города, южные уезды получили еще один жестокий удар. 8 тыс. человек русского полона было приведено в Крым, в том числе из Рязанского уезда 1350 человек.

Многие дети боярские украинских городов бросили смоленское осадное дело и отправились на степное пограничье, где в это время резали и уводили в плен их родных.

А гетман Радзивилл заметил: «Не спорю, как это

по-богословски, хорошо ли поганцев напускать на христиан, но по земной политике вышло это очень хорошо!» Эти слова могли бы спокойно стать девизом польской знати, незримо они всегда присутствовали на их знаменах.

В 1634 г. в Крым из Польши была послана казна «за московскую войну», на 20 телегах.⁷⁸ От нашего стола – вашему.

Увы, ни города в «поле», ни станично-сторожевая служба, ввиду недостатка сил, еще не могли обеспечить надежную защиту южных районов российского государства.

Во второй четверти XVII в. служилое население окраин по-прежнему росло быстрее, чем крестьянское. Документы указывают на полную опасностей жизнь южного фронта, вынести которую, так сказать, не по службе, вряд ли было возможно. Помимо разорения и погрома, грозившего здешнему населению постоянно, влияли и тяжелые природные условия. К югу от Оки зима немногим теплее, чем в Московском крае, а вот лето много засушливее, что способствовало падежу скота, гибели посевов и распространению заразных болезней.

Характерной можно считать челобитную от

⁷⁸ Каргалов. Русь и кочевники. С. 422–423.

жителей недавно построенного города Карпова, в которой они жалуются на болезни, «скорби полевые» и нездоровые воды и просят выслать «целебный животворящий крест».⁷⁹

30 – 40-е гг. XVII в. характеризовались дальнейшим похолоданием во всем степном пространстве до Черного моря. Студеные зимы сочетались с летними засухами.

В донесениях русских воевод южного порубежья того времени часто встречаются сообщения о засухе, обмелении рек.

Остались свидетельства русских послов в Крыму о засухах и суровых зимах в ханстве. В декабре 1645 г. погибли тысячи русских пленников, которых татары гнали в Крым после зимнего набега.

Неблагоприятные климатические изменения еще более подталкивали крымских татар и ногаев к «сбору урожая» на русских землях.

В 1637 г. русские пограничные уезды потеряли из-за набегов 2280 человек – уведенными в рабство и убитыми.

Правительство наказывало воеводам: жить с «великим бережением», «себя и людей убережь, и уезда воевать не дать, и православных христиан в плен и расхищение не выдать».

⁷⁹ Павлов-Сильванский. С. 249.

В 1632 г. воевода Вельяминов успевает освободить 2,7 тыс. пленных в Новосильском уезде, в 1636 г. под Мценском у крымцев отбито 1,5 тыс. пленников, в 1645 г. в Рыльском – около 3 тыс.

5750 душ составили потери южного фронта в 1645 г.

Всего за первую половину XVII в. татары увели в плен, по оценкам Ключевского, около 200 тыс. человек. За выкуп пленника выплачивалось от 50 до нескольких сотен рублей.

В 1632–1657 гг. правительством и народом были предприняты титанические усилия по увеличению числа городов и укреплений по всей степной Украине, «чтобы теми городами и острогами от крымских, от ногайских и от азовских людей войну отнять».⁸⁰

На западной стороне Муравского шляха на верховьях Ворсклы выстроены были Хотмыжск, Вольный, Карпов. На Донце, между шляхами Муравским и Изюмским, – Чугуев. На реке Оскол, между Изюмским и Кальмиусским шляхами, – Яблонь и Новый Оскол. На Тихой Сосне, притоке Дона, поперек Кальмиусского шляха – Верхососенский, Усерд, Ольшанск, Острогжск.

Для перекрытия Ногайского шляха ставят Козлов на реках Воронеж, Тамбов на верхней Цне, Верхний

⁸⁰ То есть воспрепятствовать их набегам.

и Нижний Ломов неподалеку от верховьев Мокши. От Козлова до реки Цны проведен двенадцативерстный земляной вал, снабженный тремя укреплениями с башнями.

Целым рядом городков – Саранск, Сурск, Корсунь, Тагай – опоясаны были верховья рек бассейнов Мокши и Суры.

Заново отстроены укрепления Орла, прикрывшие дорогу в верхнеокские уезды.

Среди масштабных работ надо отметить возобновление и модернизацию Большой засечной черты.

По новой насыпались валы, перестраивались укрепления; опускные или створчатые ворота без башен менялись на проезжие башни с обламами,⁸¹ которые обносились острогом.

Ворота порой представляли замысловатые фортификации. Мост через «большую грязь» на Рязанской дороге был защищен несколькими рядами надолб, за которыми находился стоялый острог. Он окружал шестигранную башню, где располагались проезжие ворота.

В некоторых местах стоялый острог был заменен

⁸¹ Облам – нависающий выступ сруба в верхней части постройки, башни или стены.

косыми тарасами,⁸² с проезжими башнями и отводными «быками»-бастионами.

Были отремонтированы укрепления Темникова на Мокше и Алатыря на Суре.

Новые постройки и ремонтные работы показали свою пользу сразу. «И теми новыми городами и крепостями, в Рязских, и Рязанских, и Шатцких во всех местах, татарская война от приходов укреплена».⁸³

В 1637 г. Федор Сухотин и Евсевий Юрьев «ездили с Оскола и из Белаягорода на Кальмиускую сакму на Тихую Сосну и на Усерд» и к устью Тихой Сосны, в низовья Оскола, на реку Валуйку, в долину реки Сейм, а также к верховьям Ворскла и Пела – «того места смотрети и чертити».⁸⁴

По результатам того смотрения-черчения было запланировано построить ряд городов для усиления контроля над шляхами: Муравским – на левой стороне Донца; Изюмским – на реке Тихая Сосна у Терновского леса; Кальмиусским – у впадения Усерда в Тихую Сосну.

Между городами предстояло протянуть цепь

⁸² Тарас косой – срубная конструкция треугольного плана, засыпанная землей.

⁸³ То есть опасность набегов уменьшена.

⁸⁴ *Багалея*. Материалы. С. 4.

острожков; в тех местностях, где не было лесов, прокопать рвы и насыпать валы.

Бояре, изучившие досмотровые записи, рассчитали общую длину валов в 61 версту, определили необходимое число «сберегательных» и «жилецких» людей – тех, кто должен был заниматься строительством и обороной укреплений, и тех, кто должен был остаться в новых городах на постоянное жительство.

Разряд составил роспись, из каких городов и какому числу служилых надо быть на «государевой службе в поле».⁸⁵

«Сберегательным» людям предполагалось выплатить до 53,5 тыс. руб. Трем тысячам «жилецких» людей – до 24 тыс. руб. и 18 тыс. четвертей всякого зерна.

На устройство трех новых городов по составленной смете требовалось 22 тыс. бревен, а для устройства надолб – 45 тыс. бревен.

Стоимость работы плотников составляла 7-10 денег на бревно, сооружения вала с городками – 500 руб. на версту.

Весь расход на устройство городов, надолб, валов и прочее, на жалованье «острожным ратным и жилецким» людям исчислялся в 111574 руб. 15

⁸⁵ Миклашевский. С. 146, 147.

алтын и в 24 тыс. четвертей всякого хлеба. И я очень сомневаюсь, что в эту точно вычисленную стоимость работ была заложена «коррупционная составляющая» и величина «откатов».

Работы начались в том же 1637 г. с создания укреплений между Белгородом и Осколом у Яблонового леса.

План работ был гибким и дополняемым.

В 1638 г. курские и белгородские дети боярские сообщали правительству о том, что при разъездах к Обоянскому городищу на реке Обояни, находящемся в 60 верстах от Курска, «в том дальнем проезде наша братия погибает многие и в поле животы своим мучим безвыходно». И воевода Иван Колотовский с отрядом в 600 стрельцов и детей боярских оперативно поставил на месте городища два крепостных сооружения, каждое с 11 башнями.

Строительство Белгородской черты продолжалось до 1646 г.

На ней встало 23 города, несколько десятков фортов-острогов, протянулось пять больших земляных валов по 25–30 км каждый. Прошла она от днепровского притока Ворсклы, служившей до 1654 г. русско-польской границей, до реки Челновой, притока Цны. Пересекла территории пяти современных областей: Сумской, Белгородской,

Воронежской, Липецкой и Тамбовской, примерно по границе лесостепной и степной зон в направлении с юго-запада на северо-восток. Лес являлся не только источником строительного материала, но и служил защитой от нападений кочевников, которые могли произойти в любой момент.

Схематически черта состояла из двух прямых линий, пересекающихся у впадения Тихой Сосны в Дон. Длина каждой из этих линий была около 300 км, вместе 600 км, но с учетом рельефа местности протяженность черты составила около 800 км.⁸⁶

Если типически обрисовать «город» на Белгородской черте, то площадь его была примерно 1000 квадратных саженьей.⁸⁷ Защищал его тарасный⁸⁸ вал в сажень толщиной, в две-три сажени вышиной. По углам и средним точкам вала возвышались башни в несколько ярусов, деревянные и крытые тесом. Под некоторыми из этих башен устроены были проезжие ворота. На самой высокой висел вестовой колокол, в который караульные били набат при появлении врагов или какой иной напасти. Другие башни предназначались для «верхнего боя»: на них находилось 1–2 пушки и несколько

⁸⁶ <http://belgorod.ru/history-belgorod/foreign-policy-belgorod-line/>

⁸⁷ 1 кв. сажень = 4,55 кв. м.

⁸⁸ Тарас – сруб, наполненный землей и крытый дранкой.

затинных пищалей.⁸⁹ По стенам устраивались крытые площадки, где во время боя располагались стрельцы с ручными пищалями.

В «городе» находились церковь и двор причта, приказная и караульная избы, обычно располагавшиеся у ворот, иногда несколько дворов служилых людей, погреба с военными и съестными припасами, амбары и житницы.

За «городом» располагались слободы служилых людей – стрелецкая, пушкарская и другие, которые огорожены были, в свою очередь, стоялым острогом или только валом, иногда одними надолбами. Дополнял защиту ров сажени две глубиной и три шириной.

Между пограничными городами – на открытых местах – ставился тарасный вал до 4–5 м высотой. По нему периодически стояли сооружения, называемые «выводами», или «выводными городками».⁹⁰ Параллельно валу шел глубокий ров (до 3 м). На болотах и бродах вбивались высокие надолбы или сваи. В лесах делались засеки в несколько рядов.

Деревянные сооружения, срубы и надолбы с ходом

⁸⁹ Затинная пищаль – ружье калибром до 30 мм и весом до 30 кг; имело крюк, за который цеплялось за стену.

⁹⁰ Выводной городок – небольшая крепость, обычно 10 x 10 x 2 сажень, с башней.

времени сгнивали; земляные сооружения, валы и рвы осыпались; валежник становился трухой. Укрепления регулярно ремонтировались служилыми людьми и окрестными крестьянами, если таковые имелись.

Белгород был в это время центральным городом южной окраины. К востоку от Белгородского уезда находились Оскольский, Воронежский и Валуйский, к западу – Путивльский.

В 1646 г. сюда передислоцировался из приокских крепостей большой полк.

«Город» был обнесен четырехугольной стеной, оснащенной 8 дубовыми башнями с «верхним и нижним боем», то есть двухъярусными, и парой ворот – Никольскими и Донецкими. В нем находились дворы «начальных людей», духовных лиц, также 23 пушкарей и 49 стрельцов, живших здесь слободой.

Остальные слободы были вынесены в острог, окруженный дубовым тыном и имевший 15 глухих башен и 3 проезжие. Поместилось их тут 6: Стрелецкая, Вожевская, Пушкарская и т. д. – по названиям виден состав «служилых по прибору» – плюс монастырь.⁹¹ Острог был окружен рвом, а в некоторых местах еще «бито честику⁹² с 200 сажень».

Писцовые книги Белгорода показывают

⁹¹ Миклашевский. С. 68.

⁹² Честик – частик.

особенности наделения землей детей боярских на южном фронтире – оно носило своего рода артельный характер. Группа служилых людей получала общий земельный надел согласно численности и присвоенному окладу.

Часть земли этой служилой артели давалась возле города, а часть – в удалении от него, порой весьма приличном.

С одной стороны, власти хотели, чтобы служилые люди находились поближе к городским стенам, за которыми могли собраться сами и укрыть свои семьи во время набега. С другой стороны, надо было обеспечить их хозяйственные нужды.

Удаленные земли назывались отхожими. Служилые люди пахали их наездом и подолгу не имели там хозяйственных построек.

С ростом городского населения участки близ города становились все меньше, а отхожие земли все дальше. Потом и пригородные участки стали удаляться от города, а при некотором увеличении безопасности на отхожих землях возникали поселки.

В городе Короче около 1638 г. поля находились на расстоянии до 5 верст от города, а сенокосы были удалены на 15 верст.

Дозорщики, присланные из Разряда для определения безопасности короченских земель,

отписали, что «пашенным людям от города помощи никакими мерами учинить не можно», поскольку и «город Короча стоит внизу... и за косогородами пашенных людей и сенных покосов не видно».

Из-за этого неприятного обстоятельства дозорщики предложили поставить «на Красной Горе» острог, отчего и «городу Короче и слободам будет бережно и помощь большая и без вести воинские люди не придут».

Ввиду увеличения количества сельскохозяйственных угодий вдали от городов Разряд предписывал, чтобы служилые люди «на сенокос ездили не малыми людьми с пищалями и со всяким ружьем и около сенокосу сторожей и людей с ружьем держали и были бы на сенокосе на двое: половина из них косили, а другая половина стояла для береженья от татар с ружьем наготове, чтобы на них татары безвестно не пришли и не побили» (1648).⁹³

В Воронеже, как показывает писцовая книга, сам «город» был намного меньше белгородского, зато при нем имелся более обширный острог.

В «городе» нашлось место для церкви, съезжей избы, двух житниц для государственных хлебных запасов и арсенала.

⁹³ Миклашевский. С. 70, 71.

В остроге находились торг и лавки воронежских «жильцов» (постоянных жителей). 43 % лавок принадлежали собственно торговым людям, 15 % – крестьянам, а остальные – служилым: пушкарям, затынщикам, стрельцам, казакам. Эти цифры указывают на то, что опасность набегов здесь была несколько меньше, чем в Белгороде.

Из сферы торгово-предпринимательской можно отметить кабаки, взятые на откуп в 195 руб., солодовни, перевозки, оброчные бани, дававшие в казну гордые 11 руб. Кстати, в Европе на целые три века (XVI–XVIII вв.) общественные бани исчезли как класс, и грязь с заразой господствовали во всех слоях общества.

Несколько слобод служилых людей располагались в остроге. В первой жили пушкари, затынщики, воротники, казенные кузнецы и плотники. Вторая была заселена беломестными казаками и атаманами, у половины из них на дворах проживали бобыли и захребетники. Имелась еще одна слобода, населенная полковыми казаками, самая крупная, и слобода стрелецкая. Беломестные и полковые казаки имели также земли под городом и «отъезжие».

За пределами острога, на посаде, были слободы Ямская и Напрасная, населенные государевыми людьми, платившими в казну очень небольшой оброк,

по гривне или 2 алтына в год. На посаде находился Успенский монастырь, который, владея землями под городом и в уезде, имел 3 хлебные житницы. А также монастырская слобода, где жили ремесленники и работники, платившие старцам монастыря скромные 2 алтына в год.

Вообще слово «оброк» часто встречается в документах времен Московской Руси, однако налог на русских производителей того времени никогда не превышал пятой-шестой части произведенной ими продукции даже в самых изобильных местностях. Да и львиная доля собранных государством налогов, уходя на оборонные и колонизационные нужды, так или иначе возвращалась к налогоплательщику в виде обеспечения «всеобщих условий безопасности»...

Всего Воронеж («город», острог и посад) насчитывал 874 двора. Служилым принадлежало 78,4 % дворов.

Населенная часть Воронежского уезда отделялась от ненаселенной полосой надолб. Колья ставились за наружным краем рва в один, два, три ряда, иногда с наметами, то есть для маскировки засыпались землей с хворостом.

Укрепления начинались от впадения Воронежа в Дон, где ранее был татарский перелаз. Между устьями рек Девицы и Хомутца стоял острожек с

сотней служилых. Далее линия укреплений тянулась на восток от Воронежа к реке Усмани. От деревни Клементьевской, дважды разгромленной крымцами, надолбы шли по дубовому лесу. Здесь находились три сторожи, где исполняли воинский долг местные крестьяне.

Города фронта, такие как Воронеж, создавались государством из военно-стратегических соображений, но становились центрами земельной колонизации, рассылая на все более дальние расстояния от себя служилое население – оно вынуждено было значительную часть своего довольствия добывать собственными руками – обработкой земли. А затем в возникшие благодаря служилым людям уездные поселения направлялась и вольная колонизация – в Воронежском уезде с 1630-х гг.⁹⁴

На Западе деревня, разбогатеет, создавала город, а у нас город на «украине» создавал, как мог, деревню.

Основными путями движения русских поселенцев на южном фронте были течения Северского Донца, Оскола, Воронежа и т. д. Поселенец «цеплялся» за воду, необходимую для транспорта и земледелия, и за лес, который тоже в основном рос по речным берегам, защищая поселенцев от степняков, давая

⁹⁴ Миклашевский. С. 115, 139, 141.

материал для построек и топливо. Правительство сопротивлялось «береговой» ориентации, ставя города на незаселенных междуречьях.

Одновременно с прикрытием «крымской украины» шло оборонительное строительство и на «ногайской украине». Белгородская черта была дополнена Симбирской, проходящей от Тамбова до Симбирска. Распространение русских поселений к югу от Симбирской черты привело к созданию новой черты – Сызранской: от города Сызрани на Волге до реки Мокша. Цепь укреплений была продолжена за Волгой, вдоль рек Черемшан и Кама.

Как пишет Любавский: «Получилась своего рода Китайская стена, колоссальная ограда, начинавшаяся у верховьев Ворсклы и тянувшаяся в северо-восточном направлении до Уфы».⁹⁵

Строительство этой «китайской стены» сыграло огромную роль в годы затяжных войн с Польшей и Швецией. Южное по-рубежье было защищено, западные стратеги уже не могли использовать азиатские орды для удара по тылам русского войска, и российское государство получило больше свободы для действий на западном направлении.

Строительство новых оборонительных черт было связано и с восстановлением государственных сил

⁹⁵ Любавский. Наступление на степь. С. 17.

после «литовского разорения», и с реорганизацией русского войска.

Со времени смоленского похода воеводы Шеина в нем появляются конница и пехота «иноземного строя», рейтары, драгуны и солдаты. Это было новое постоянное войско, набиравшееся преимущественно из беспоместных детей боярских и гулящих людей, выходцев разных простонародных сословий.

На службу можно было попасть прямо из тягла, это касалось и владельческих крестьян.

В 1642–1648 гг. в уездах вдоль Белгородской черты многих крестьян, включая владельческих, переводили в драгуны, с освобождением от податей. Экс-крестьяне жили по-прежнему в своих деревнях и продолжали заниматься земледельческим трудом, но периодически проходили военное обучение и получали огнестрельное оружие из государственного арсенала.

Так, в 1648 г. в село Бел-Колодезь и его приселки была прислана правительственная грамота, которой объявлялось, что крестьянам впредь быть не за помещиками, а в драгунской службе.⁹⁶

Драгуны защищали от набегов не только страну в целом, но и поселения, где жили со своими семьями. Встречались случаи, когда не только в служилые

⁹⁶ Миклашевский. С. 180.

«по прибору», но и в дети боярские верстали из крестьян.⁹⁷

Еще чаще социальный лифтинг состоял их двух ходов. Крестьяне, прибранные в казаки, получали землю на поместном праве и переходили в состав детей боярских.⁹⁸

В то же время дети боярские, получившие землю индивидуально, на поместном праве, создавали «сябринные» товарищества для обработки земли. Эти помещики назывались «сябрами» или «себрами», точно так же как и псковские крестьяне.

Вот как описывает «смотренная книга» поместье сына боярского Калугина в деревне Кривецкой Корочанского уезда: «А пашню ему пахать в той же деревне Кривецкой с детьми боярскими через межу, а сено косить по жеребьям, а на пашню земля и на сенные покосы и лес хоромный и дровяной, и рыбная, и звериная ловли отведены ему с его братьею с кривецкими детьми боярскими вопче⁹⁹». ¹⁰⁰

«Выпись поместная из строельной книги», сделанная князем И. Львовым для сына боярского Б. Золотарева, гласит, что будет указанный помещик

⁹⁷ Павлов-Сильванский. С. 245.

⁹⁸ ДСА. С. 101.

⁹⁹ Вопче – вместе.

¹⁰⁰ Миклашевский. С. 190.

«всяким угодем владеть вопче с Дмитрием Бредихиным с товарищи».¹⁰¹

Правительственный чиновник не определяет, в каких урочищах будет находиться пашня Золотарева. Местное товарищество определит, где встанет его двор и где он будет «дуброву и дикое поле на пашню распахивать и сена косить».

Строельная книга города Карпова от 1647–1649 гг. показывает, что в четырех деревнях Карповского уезда живут дети боярские, имеющие наделы примерно в 30 четвертей всякой земли. И здесь земли были выделены на целый помещичий коллектив, без разделения.

Так и образовались помещичьи деревни, обитатели которых жили как крестьяне, а воевали как дворяне.¹⁰²

По данным на 1643 г., «прибылые» (служившие в украинских городах временно) дети боярские получали по 5 руб. жалованья, казаки – по 4,5–5 руб., стрельцы, пушкари и воротники – по 3,5–4 руб.¹⁰³

Такие «командировочные» ложились тяжелой нагрузкой на казну, и правительство по-прежнему старалось привлечь людей в украинные города на постоянное жительство.

¹⁰¹ Миклашевский. С. 191, 192.

¹⁰² Багалея. Материалы. С. 22–27.

¹⁰³ Миклашевский. С. 142.

Земельные дачи и деньги на дворовое строение вызывали законный интерес, поэтому воеводам, заведовавшим переселениями, редко приходилось прибегать к принуждению.

Служилое население южной окраины жило хоть и по-крестьянски, но достаточно зажиточно. Из 20–30 десятин поместья распахивали едва ли пятую часть. Тем не менее запасы хлеба в закромах служилых людей, занимавшихся земледелием, составляли в среднем около 500 пудов (взрослому человеку хватало на пропитание 15 пудов в год).¹⁰⁴

За 1655 г. имеются сведения об имущественном состоянии недавних поселенцев в Новом Осколе – семейств полковых и беломестных казаков. Они могли порадоваться, глядя на свои 3,7 лошади, 2 коровы, 7,1 овцы, 6,3 свиньи.

Дети боярские в Карпове имели в среднем 3,4 лошади, 1,6 коровы, 4,7 овцы, 5,1 свиньи.¹⁰⁵

На Белгородчине, где жило 260 тыс. служилого населения (однородцев, не имевших крестьян), на двор в среднем приходилось 3 лошади и 4 коровы.¹⁰⁶

Не слишком отличаются от этих данных и сведения о крестьянской зажиточности.

¹⁰⁴ ДСА. С. 83.

¹⁰⁵ Миклашевский С 162

¹⁰⁶ ДСА. С. 118.

В 1667 г. пешего иноземного строя капитан И. Кареев был отправлен в посопные (платящие подати хлебом) волости Белгородского и Короченского уездов для переписи черносошных крестьян, которые передавались во владение митрополита Белгородского и Обоянского.

Кареев описал семь сел и деревень, в том числе деревню Тюрину, откуда, возможно, происходят предки автора данной книги.

И что же – «везде следы довольства и труда».

Среднее число мужских душ в здешних семьях составляло 2,5 – несколько меньше, чем в центральной России, что, видимо, соответствовало дроблению благополучных семей на более мелкие. Лошадей на двор приходилось 2,9, крупного рогатого скота – 2,7, овец – 8, свиней – 7,7, ульев – 6,1, запасов всякого хлеба – 278 пудов (запасы измерены в конце мая, когда находятся на минимуме).

Эти показатели зажиточности сильно превышают те, что будет иметь средняя крестьянская семья на рубеже XIX–XX вв.

Как пишет Миклашевский в конце XIX в., «... благосостояние крестьян Государевой посопной волости XVII в. было во много раз выше, чем благосостояние крестьян любой полосы современной

России». ¹⁰⁷

Было оно выше и чем в демографических центрах тогдашней Руси, так что переселение на окраины предполагало внушительную «премию за риск».

А размер этого риска может показать статистика по небольшому городку Орлов Воронежского края. В 1680–1691 гг. там было получено 170 известий о приходе вооруженных врагов – татар, ногаев, калмыков, воровских казаков и даже староверов, подавшихся в разбойники. ¹⁰⁸

Вооруженный земледелец, постоянно рискующий своей жизнью, оставался центральной фигурой степного пограничья России.

Яркую картину создает обычно строгий М. Любавский: «Невольно проносятся в воображении образы этих людей, стоящих караулом и разъезжающих дозором по степи, терпящих всевозможные лишения – холод и зной, голод или жажду, но ревностно выслеживающих и подстерегающих татарина, строящих городки и валы, копающих рвы, вбивающих забои и надолбы в реках, на местах переправы валящих лес; чудятся выстрелы, крики и стоны этих людей, бьющихся не на жизнь, а на смерть, в степи с встречными

¹⁰⁷ Миклашевский. С. 186.

¹⁰⁸ Миклашевский. С. 14.

татарскими отрядами или отражающими их от стены своих городов, от вала или засеки; слышишь набат государева вестового колокола, созывающего из окрестностей русское население в крепость; видишь столбы дыма и пламени, поднимающиеся над русскими городами и селами, полчища татар, мчащихся с добычей на юг».¹⁰⁹

Усилия московских правительств по освоению Дикого поля и построению глубокой обороны южных окраин дали очень весомые результаты для всей страны.

Со времени создания Белгородской черты и до конца века запашка в южных уездах увеличилась в 7 раз. Не меньшими были и цифры увеличения населения – несмотря на сохранявшуюся угрозу набегов.

В 1646–1678 гг. население России (в постоянных границах) выросло с 4,5–5 млн до 8,6 млн. Из них в черноземных районах, освоенных за предыдущий век, проживало уже 1,8 млн человек.¹¹⁰

Юг сделался источником хлеба для всей страны, поставки достигали в это время уже 1 млн пудов в год.¹¹¹ Существовавшая ранее угроза общего голода

¹⁰⁹ Любавский. Наступление на степь. С. 23.

¹¹⁰ ДСА. С. 118.

¹¹¹ Там же.

была снята. И хотя последние десятилетия XVII в. стали самыми холодными в письменной истории России, людям из северных регионов было куда уходить.

Начатая в середине XVI в. колонизация Дикого поля спасла Россию от синусоиды демографических колебаний. А ведь демографические законы для аграрных обществ суровы. И Magna Charta¹¹² не уберегла Англию от долгой депопуляции, которая началась в 1280-х гг. Ее население упало за последующие два века с 6 млн до 2,2 млн человек, почти в 3 раза.¹¹³

Центральная и Южная Русь в последнюю треть XVII в. обрели самое настоящее изобилие, которое отмечали и иностранные наблюдатели. Подобного русское простонародье не знало ранее и не будет знать еще 250 лет. В населенных имениях сокращалась барщина. Правительство отказалось от повышения прямых налогов.

О благополучии свидетельствует и тот факт, что нельзя было найти наемных работников за плату в 20 кг зерна в день на юге, в московском регионе – за

¹¹² Magna Carta – грамота короля Иоанна Безземельного, ограничивающая права королевской власти в пользу аристократии.

¹¹³ Там же. С. 15.

Создался своего рода «жирок» – который затем использует для своих преобразований и войн Петр Великий.

Можно сказать, что весь блестящий начальный период петербургской империи (XVIII в. и эпоха наполеоновских войн) стоял на крепкой базе, созданной полуторавековым покорением степей, которое предприняло Московское государство.

Беглецы от «золотой вольности»

Российские либеральные историки конца XIX – начала XX в. немало сокрушались, что личность в Московской Руси была подчинена государству. (Их современные продолжатели уже объявляют всю российскую историю неправильной, после чего идут в кассу получать от государства зарплату профессора или даже академика.)

Однако при взгляде на русский фронт со всей очевидностью становится ясной легковесность таких рассуждений. Все слои общества были по-своему равны в несении обязанностей, все работали на главную цель – построение большой защищенной страны. Государство являлось

¹¹⁴ Там же. С. 117.

не внешней силой, а фактически органом самоэксплуатации и самомобилизации общества. Это легко подтверждается тем обстоятельством, что государственный аппарат как таковой был крайне незначителен.

Да, в Московском государстве не сияла панская «златая вольность», ведь она означала свободу сильного в попрании свободы слабого. Польская «свобода за счет несвободы» была причиной того, что на юго-западные окраины Московского государства на протяжении двух веков шел поток беженцев из Литвы и Польши.

Если обозреть многовековые изменения политической карты Европы в режиме очень ускоренного просмотра, то мы увидим переползание Польши с запада на восток. По сравнению с польским «натиском на восток» немецкий «дранг нах остен» выглядит бледно. На протяжении столетий Польша поглощала русские земли на востоке, сдавая свои собственные земли немецким соседям на западе, севере и юге. С 1229 г. король Генрих Бородатый, усмотрев лень в своих польских подданных, наводняет Силезию трудолюбивыми немцами. Конрад Мазовецкий дарит братскому Тевтонскому ордену земли Хелминскую и Лобавскую. Польские короли и герцоги сами заселяют

коренную Польшу привилегированными немецкими колонистами, в то время как собственные крестьяне разбегаются от тяжелых повинностей или гибнут под копытами рыцарских коней.

«Польша отдала свои области – Силезию, Померанию – на онемечение, призвала тевтонских рыцарей для онемечения Пруссии; но, отступивши на западе, она ринулась на восток, воспользовавшись ослаблением Руси от погрома татарского: она захватила Галич и посредством Литвы западные русские земли», – пишет Соловьев.¹¹⁵

Как маркитантка волочется за солдатом, так и Польша за Литвой, покоряющей восток; соблазняет ее знать польскими золотыми яблочками: удобными жилищами, балами и спектаклями, красиво одетыми женщинами. И литовский воин меняет звериную шкуру на камзол и штаны с гульфиком, а медвежьи пляски вокруг костра – на краковяк и менуэт.

Вместе с прелестями цивилизации Польша давала литовской элите идеологию господства, замаскированную под «шляхетские вольности». Вместе с полонизацией литовской знати шло закабаление западнорусского крестьянства.

Те из гордых литовско-русских господ, кто пытался

¹¹⁵ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1993–1998. Т. XXVI.

сопротивляться чужой культуре, были уничтожены в битве при Вилькомире (1435) и прошедших после нее репрессиях.

Польская «золотая вольность» (*złota wolność*), соблазнившая литовскую элиту, была выражением не силы, а слабости польского государства, отказавшегося от борьбы с серьезными противниками на западе и юге. Шляхта (от нем. *Geschlecht* – род), уходящая на восток, не нуждалась в сильном государстве для обеспечения своего господства. Она получала земли от магнатов и легко присваивала прибавочный продукт, создаваемый покорным простонародьем. Кошицкий привилей освободил шляхту от всех государственных повинностей, а согласно Радомской конституции король не имел права издавать какие-либо законы без согласия аристократического сената.

С XV в. в польском имении окончательно победила барщинная система. Господское хозяйство (фольварк) ориентировалось на производство товарного хлеба и другого сельскохозяйственного сырья для внешнего рынка, откуда приходили предметы роскоши.

Как пишет Ф. Бродель: «С началом XVI в. конъюнктура с двоякими, а то и тройкими последствиями обрекла Восточную Европу на участь

колониальную – участь производителя сырья, и "вторичное закрепощение" было лишь более всего заметным ее аспектом». ¹¹⁶

Заметим, что эта мобилизация объяснялась не оборонными нуждами, не борьбой с внешними силами – Польша сдает немцам и султанам все, что можно, – а только стремлением к роскоши у ясновельможного панства.

Михалон Литвин сравнивает порабощение литовских простолюдинов с татарской неволей. ¹¹⁷ «Мы держим в непрерывном рабстве людей своих, добытых не войною и не куплею, принадлежащих не к чужому, но к нашему племени... мы во зло употребляем нашу власть над ними, мучим их, уродуем, убиваем без суда, по малейшему подозрению». Сообщает он о малом количестве побегов пленных литвинов из крымской неволи, в отличие от московских пленников, – крымское рабство выглядело для литовского простолюдина лучше, чем жизнь под властью шляхты.

«Народ жалок и угнетен тяжелым рабством, – пишет о Польше имперский посол Герберштейн. – Ибо если кто в сопровождении толпы слуг входит в жилище поселянина, то ему можно безнаказанно

¹¹⁶ Бродель Ф. Игры обмена. М., 1988. С. 260.

¹¹⁷ Кулиш П. История воссоединения Руси. Т. 1. С. 22.

творить все, что угодно, грабить и избивать».

«Если шляхтич убьет хлопа, то говорит, что убил собаку, ибо шляхта считает кметов¹¹⁸ за собак», – свидетельствует писатель XVI в. Анджей Моджевский.¹¹⁹

С 1557 г. шляхта получила право судить своих крестьян без апелляции и казнить их. Повсеместная передача панских имений на откуп арендаторам, выжимающим из крестьян последние соки, окончательно превращала фольварк в концлагерь.

К 1600 г. польская барщина была доведена до 6 дней в неделю.¹²⁰

Еще одной стороной «золотой вольности» было формирование частных армий, которые не столько защищали крестьян от крымско-татарских набегов, сколько кормились панскими усобицами и разбоями. Грабили простонародье и правительственные войска, часто не получавшие жалованья.

С XVI в. национальный гнет в польско-литовском «содружестве» все более приобретал религиозное оформление – католичество вело беспощадную

¹¹⁸ Кметы – зависимые крестьяне.

¹¹⁹ *Modrzewski A. F. Commentariorum De Republica emendanda libri quinque. Basileae, 1554. P. 15–16.*

¹²⁰ *Бродель. Игры обмена. С. 260.*

борьбу против православия.

Сыновья могущественных магнатов, православных и кальвинистов, совращаются иезуитами в католичество. В 1598 г. 58 высокородных литовско-русских вельмож (Тышкевичи, Збаражские и др.) заявляют о принятии католичества. Окаатоличившиеся землевладельцы вместе с агрессивным католическим клиром усиленно размножают на западнорусских землях костелы и кляшторы (монастыри). Род могущественных Острожских, окаатоличившись, передает ксендзам православные храмы во всех своих обширных владениях – а только на Волыни им принадлежало 25 городов и 670 селений.

Мелкая западнорусская шляхта вознаграждается за переход в латинство чинами и должностями, разнообразными возможностями кормиться от населения. Начиная с 1649 г. православных больше не допускают к государственным должностям любого уровня.

Благородное сословие западнорусского края быстро размывалось за счет огромного числа разночинного сброда, пришедшего с запада. Здесь ему было легко войти в шляхетство. Основная масса новых шляхтичей, созданных произволением магнатов, по сути своей оставались все той

же дворней, откупщиками, мытарями, корчмарями, призванными обслуживать потребности хозяев. Они служили магнату в его наездах, набегах и походах, составляли ему клаку на сеймиках. Прежние хозяева не теряли над ними своей господской власти, «сохраняя за собой обычное право даже их сечь, под одним лишь условием: сечь не иначе как разложив на ковре, в отличие от холопов».¹²¹

После отхода от православия могущественных литовско-русских фамилий начинается настоящий крестовый поход на народное православие.

Теперь паны сами назначают приходских православных священников в своих имениях, вымогая деньги у кандидатов на приход.¹²² Православные церкви становятся в руках откупщиков доходным объектом, за каждое богослужение или священнодействие надо платить.¹²³ Фактически вводится налог на веру.

Важной вехой в религиозном насилии стала Брестская уния 1596 г. Тогда фактически состоялся переход в унию лишь нескольких церковных

¹²¹ *Морачевский*. Польские древности. Т. I. С. 243 // Архив Юго-Западной России, Ч. 4. Киев, 1867. С. VII–VIII.

¹²² Там же. С. 385.

¹²³ *Батюшков П. Н.* Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северозападного края. СПб., 1889. С. 288.

иерархов из числа скрытых католиков, назначенцев польской власти. Однако новая униатская иерархия получила привилегии латинского духовенства, большие имения, избавилась от контроля папсты. Теперь уже униатские иерархи, вроде И. Кунцевича, истязали православных священников, изгоняли их из приходов, а непокорных сдавали светским властям на казнь как бунтовщиков. Развлекалась в своих имениях и скучающая шляхта, принуждая православных священников к унии – им рубили пальцы, языки, подвешивали на шесты.¹²⁴

Большинство из захваченных униатами-базилианами монастырей быстро приходило в запустение. К этому времени относится исчезновение огромного числа русских культурных ценностей, летописей и культовых сооружений – так погибло историческое наследие Древней Руси. С православных церквей сбрасывались колокола, православным запрещалось крещение, венчание, исповедь, похороны. Доходило до того, что униаты разрушали православные кладбища, выбрасывая останки из могил как мусор.

Город за городом лишались православных церквей, священники пробовали служить в шалашах, но и там на них шла охота.

¹²⁴ Там же. С. 288.

В 1676 г. сейм под страхом смертной казни запретил членам православных духовных братств выезжать за границу, что в Москву, что в Константинополь. Началось вымирание православного клира, которому негде было получать посвящение.¹²⁵ Униатские священники шли на восток, к Днепру, здесь они совершали рейды на православные села вместе с отрядами шляхты, непременно захватывая с собой орудия казни. Борьба против православия окончательно обрела форму государственного террора.

Социальный, национальный, религиозный гнет гнал малорусов в Московское государство, куда они являлись в двух ипостасях. Как в виде разбойничьих шаек, «воровских черкас», так и в виде беженцев, приходящих под «высокую руку» царя ввиду поругания их веры, грабежей, убийств, всяческих истязаний, чинимых поляками, которые «зелье за пазуху насыпают и зажигают».¹²⁶

Со второй четверти XVII в. переселение малорусов в Россию идет не только отдельными лицами и группами, но и целыми казачьими полками.

Два фактора – строительство Белгородской черты и страшные катаклизмы казацкого восстания

¹²⁵ Батюшков. С. 276.

¹²⁶ Миклашевский. С. 13.

в Речи Посполитой – превратили юго-западные районы Московской Руси в землю обетованную для православных жителей соседнего государства.

Столько строк исписано о том, как бежали на окраины Московской Руси крепостные крестьяне, да только авторы забывали отметить, что в основной массе это были холопы польских и литовских панов.

Большая часть малорусских переселенцев спрашивала у московского правительства разрешения на водворение, просила принять на службу, отвести земельные наделы, выдать хлебное и денежное жалование.

Были и те, кто селился самовольно, выбирая себе жильё подальше от сел и деревень: промысловики, бортники или пасечники. На этих промысловиков, осевших в Вольновском уезде, одичавших, готовых на грабеж, жаловались московские станичники, объезжавшие Муравский и Бакаевский шляхи в 1647 г. Сыск, посланный белгородским воеводой по указанию Разряда, жалобы подтвердил. Сверху пришло распоряжение о вежливом выдворении черкас с «Государевой земли без боя и без задору». Те вовремя испугались, послали челобитья, и вскоре последовал милостивый указ, разрешавший им остаться «на Государевой земле».

В 1650 г. в Иловском лесу, через который протекала

Олыпанка (приток Тихой Сосны), самовольно поселились черкасы. Лес был заповедный, и даже за вырубку нескольких деревьев полагалось наказание. А воевода внезапно обнаружил там полянку на две десятины, на ней пасеки и винокурню; и для этого веселого хозяйства пришельцы рубят драгоценный лес. Разряд однако посмотрел благосклонно на колонизационную деятельность малорусов, велел лишь сломать винокурню.

В 1651 г. Б. Хмельницкий проигрывает битву под Берестечком. Согласно миру, заключенному с польской короной в урочище Белая Церковь, автономная территория казачества ограничивалась Киевским воеводством, число казаков определялось реестром в 20 тыс. человек, шляхте возвращались имения. Это было сильным ударом по интересам казачьей старшины, которая и прибрала себе эти имения под названием ранговых после Зборовского мира 1649 г.

Горький Белоцерковский мир дал начало массовому переселению – не только казачья старшина и казаки, но и малорусское простонародье шло нескончаемым потоком с правобережья Днепра, с берегов Днестра и Буга на юго-западные окраины Московского государства. А московские владения тогда начинались на Десне, в верховьях Сулы, Псела,

Ворсклы, Донца, Дона.

И «многие пустие земли даже за реки Донец и Дон великими городами и селами густо заселили».

Так появилась Слободская Украина с городами Харьковом, Изюмом, Ахтыркой, Сумами, Острогжском. Переселившиеся сюда казаки-малорусы образовали пять полков.

Часть польского коронного войска перешла на левый берег Днепра, чтобы помешать переселению, но мало в этом преуспела.

Малорусские переселения из Польши в московские владения превратились в повальное бегство после договора, заключенного короной с крымским ханом под Жванцом. Польское правительство не только обязывалось платить дань Крыму, но и разом выдавало ему 100 тыс. червонцев, лишь бы не сердился (естественно, за счет новых поборов с простонародья). Вполне по-добрсоседски Польша разрешила крымцам брать на обратном пути, на ее территории, сколько угодно пленников. Поляки, впрочем, поторговались в этом пункте, отстаивая свои интересы, – крымские татары могли хватать рабов только 40 дней, и не католиков, боже упаси, а лишь православных.

Хмельницкий обратился к Москве с просьбой о принятии земель, населенных малорусами, в

подданство. Собравшийся в 1651 г. Земский собор не дал какого-либо совета царю по малорусской теме. Однако годом позже русские люди решили помочь братьям на Днепре.

В Переяславле собралась казацкая рада, туда же приехали и московские послы, где услышали о решении малорусов присоединиться к Московскому государству. Присоединялась земля, находящаяся под управлением гетмана, в тех границах, что были указаны в Зборовском договоре, то есть Киевское, Брацлавское, Черниговское воеводства.

Территория эта сохраняла автономное управление и гетманскую власть, имела право держать реестровое войско в 60 тыс. человек, освобождалась от каких-либо податей в пользу центральной власти.

За гетманскую Малую Россию (латинизированное название *Rossia Minorica* применялось по отношению к некоторым регионам юго-западной Руси еще в начале XIV в.) началась упорная многолетняя борьба Большой России с Польшей. Она дополнилась войной со Швецией – фактически разгромленная Речь Посполита сумела иезуитской интригой втянуть Москву в борьбу против шведских войск, а затем сражениями с турецкими армиями, крымскими ханами и гетманами-изменниками.

Следствием затяжной войны стал фактический

крах российских финансов. Дальнейшая борьба за правый берег Днепра и Белоруссию сделалась невозможной.

Однако не слишком удачно завершенная война изрядно поспособствовала колонизации юго-западных и южных окраин Московского государства.

На правом берегу Днепра начался период, носящий характерное название Руина. Гетман Дорошенко пошел в вассалы к султану (обставив это, наверное, красивыми словами про демократию) и вызвал вторжение турецких и крымских «сил свободы», которые взяли Каменец с Подолией. Магнат Михаил Вишневецкий, феодальный властитель Подолии, уступил ее султану по договору и обязался еще платить дань в 22 тыс. червонцев ежегодно. Не удовольствовавшись золотой казной, «силы свободы» повели в плен десятки тысяч жителей днепровского правобережья. Спасаясь от крымско-турецких союзников гетмана Дорошенко, малорусы массами переселялись не только на левый берег Днепра, но также на Донец, в Курские и Воронежские края.¹²⁷

Слободскую Украину, место нового обитания малорусов, российское правительство в начале 1680-

¹²⁷ Белов Е. А. Русская история до реформы Петра Великого. СПб., 1895. С. 390, 402. (Далее – Белов. Русская история.)

х г. оградило оборонительной чертой. Она прошла по притоку Ворсклы Коломаку, по притоку Донца Можу и вниз по Донцу, перегородив Муравский шлях и место ответвления от него Изюмского шляха. С юго-запада она примкнула к Белгородской черте. Главным укреплением новой черты стал город Изюм, выстроенный в 1681 г. на том месте, где татары переправлялись через Северский Донец, отсюда и ее название – Изюмская.¹²⁸

Цена победы над Диким полем

В этой книге самым часто встречающимся словом, наверное, является «набег», так что требовательного читателя я уже, как говорится, «достал». Но, боюсь, большая частота этого нехорошего слова будет атрибутом любой правдивой книги о русском фронтире. Конечно, любое регулярно употребляемое сочетание букв «замыливается», теряет эмоциональную окраску. Однако подробные документальные описи второй половины XVII в. ясно показывают нам то, что обозначается словом «набег».

Возьмем цифры из ведомости о крымско-татарском погроме 1658 г. в Чернавском уезде, составленном

¹²⁸ Любавский. Наступление на степь. С. 18, 19.

по указу государя служилым Остафием Сытином: в полон взято или убито детей боярских 520, женского пола 649. Осталось детей боярских 462, женского пола 222.

Большинство женщин и девочек, живших в уезде, было уведено в плен или убито.

Приведу типичную запись из этой ведомости: «Чернавского уезду дети боярские деревни Стрельцы, Ивана Малинова двор и гумно с хлебом сожжено. В полон взято: отец его, мать, сестра, дочь».

И Иван Малинов, вернувшийся с рубежа домой, не нашел никого и ничего. И с этой пропастью в душе, с саднящей раной в сердце, он должен был жить еще годы и годы, пока милосердный Бог не прибирал и его.

А вот сведения из ведомости о татарском погроме Белгородского полка в 1680 г.

В конце января «крымский хан с ордами перешли вал», разорил на черте Белгород, Волхов, Вольный, Карпов, Хотмыжск, за чертой Золочев, Олшанск и еще десяток городков и сел.

«Всего в Белгороде и Белгородском уезде в полон взято и побито и сгорело четыреста семнадцать человек. Женскаго полу с триста шестьдесят восемь человек...

И всего взято и побито и что позжено всяких чинов людей с женами и с детьми семьсот восемьдесят пять

человек.

А в том числе у них недорослей¹²⁹... трех лет шестнадцать человек, двух лет пять человек, году шесть человек, полугоду два человека. Женска полу... пяти лет одиннадцать, четырех лет тринадцать, трех лет двенадцать, двух лет девять, году шесть, полугоду два.

Всего недорослей двести девяносто четыре человека...»

Далее приводятся данные по Волхову Карпову и Карповскому уезду, Хотмыжску и Хотмыжскому уезду, Вольному и Вольнов-скому уезду, Ахтырскому и Колонтаевскому уездам и другим городам и уездам.

«Всего взято и побито и позжено в приход воинских людей Крымскаго хана с ордами в Белгороде и в иных городах, которые писаны в сих книгах выше сего... русских людей и черкас и жен и детей и всяких чинов людей три тысячи двести пятьдесят восемь человек.

Да в том числе... семи лет тридцать шесть человек, шести лет тридцать человек, пяти лет тридцать семь человек, четырех лет двадцать два человека, трех лет пятьдесят два человека, двух лет двадцать два человека, году девятнадцать, полугоду шесть человек.

¹²⁹ Недоросли – дети не старше 15 лет.

Всего недорослей мужеска пола 443 человека. Да женска полу... семи лет 27, шести лет тридцать, пяти лет тридцать четыре, четырех лет лет 41, трех лет тридцать семь, двух лет девятнадцать, году одиннадцать, полугоду шесть человек. Всего 397.

И всего недорослей мужска и женска полу восемьсот сорок человек».¹³⁰

Пусть простит меня читатель за столь длинные цитаты. (Я привел далеко не все сведения, вскрывающие «анатомию обычного набега». Степные хищники сожгли дома, церкви, увели скот, увезли хлебные припасы и даже ульи с пчелами, истребили все, что нельзя утащить с собой.) Я лишь слегка приоткрыл масштабы исторического страдания России и ее фронта.

Автор этой книги нисколько не склонен приписывать какому-либо племени врожденную жестокость. Те же европейцы, кичащиеся то своей просвещенностью, то склонностью к порядку, то демократичностью, запятнали свою историю постоянным хищничеством. В Средневековье «цивилизованные европейцы» вырезали целые города, а в Новое время методично истребляли целые народы. Но русская культура, вера и государственность неизменно отвергали

¹³⁰ Багaley. Материалы. С. 91–101.

уничтожение по конфессиональному, этническому или экономическому признаку. Попадая под влияние нашей культуры, тот же кочевой варвар менял свои привычки, а его сын уже был вполне русским человеком.

Либералы, взявшиеся писать и говорить о нашей истории, легко пробегают мимо русского фронта XVI–XIX вв. и, уж конечно, не замечают его жертвенной роли. Пожалеть младенца можно лишь тогда, когда его каким-то образом причислили к «жертвам царизма». Тут будет политический смак и либеральное удовлетворение. А если младенца сжег, утопил или рассек саблей степной или горный «борец против самодержавия», то и вспоминать тут нечего. Мягк снаружи, но суров внутри российский либерал.

Не могу не привести слова виднейшего исследователя русской колонизации Любавского, написанные, кстати, в 1918 г., когда, казалось, Россия рухнула навсегда. Что предоставило русскому народу право обладания житницей, бывшей когда-то Диким полем?

«Неустанное, но осторожное движение вперед, укрепление каждой приобретенной позиции, живое чувство своей народности, не позволявшее отдавать своих в обиду, чувство государственности, обуславливавшее выносливость в несении тягостей,

налагаемых государством, и личных жертв. Примитивны были средства борьбы наших предков, несовершенно их вооружение, но закален был борьбою за существование их дух, тверда воля, крепка любовь, к своей стране, к своему племени... И с чувством великого нравственного облегчения следишь за тем, что усилия и жертвы Руси не остаются бесплодными».¹³¹

Действительно, жертвы не были напрасными. Покоряя и распахивая Дикое поле, мы пришли в конце концов туда, откуда веками к нам приходили деятели «набеговой экономики», грабя и сжигая наши жилища, обрекая нас на голодную и холодную смерть, захватывая наших детей в рабство. Пришли, чтобы возделывать землю и участвовать в мировой торговле.

Как пишет английский историк Тойнби, русский ответ на сокрушительный напор кочевников Великой степи «представлял собой эволюцию нового образа жизни и новой социальной организации, что позволило впервые за всю историю цивилизации оседлому обществу не просто выстоять в борьбе против евразийских кочевников и даже не просто побить их (как когда-то побил Тамерлан), но и достичь действительно победы, завоевав номадические

¹³¹ Любавский. Наступление на степь. С. 22, 23.

земли, изменив лицо ландшафта и преобразовав в конце концов кочевые пастбища в крестьянские поля, а стойбища – в оседлые деревни». ¹³²

Война 1736–1739. Новая Сербия

С XVIII в. степной вопрос окончательно превратился в вопрос борьбы с Турцией, в так называемый восточный вопрос («восточный» он, в общем, для европейцев, а для русских скорее «южный»). С ослаблением и исчезновением кочевых государственных образований в степной полосе от Дуная до Волги Россия все более входила в прямое столкновение с Османской империей, самым сильным и устойчивым из всех государств, созданных кочевниками. Султанская сверхдержава занимала огромные пространства в Африке, Европе и Азии. Черное море являлось «турецким озером», османский флот господствовал на значительной части Средиземноморья, османские купцы бороздили Индийский океан от Танганьики до Явы. Представляя собой огромный рабовладельческий рынок, Османская империя формировала набеговую экономику на всей своей периферии. Блистательная Порта осуществляла

¹³² Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 2006. С. 148.

власть над христианскими «райя» (дословный перевод – стадо) террористическими методами, вгрызаясь в их биологию и беря «налог кровью». Спаситься от этого можно было, лишь изменив вере отцов.

О богатствах султанов свидетельствует невероятная по тем временам сумма в 34 млн дукатов, найденная в покоях умершего в 1730 г. властителя Ахмеда III.¹³³

Замечательным ноу-хау султанов стало то, что они «управляли империей с помощью обученных рабов, и это стало залогом продолжительности их правления и мощи режима».¹³⁴

Лучшая часть турецкой армии, янычары (yeni serî – молодые воины), также состояла из рабов, еще в малолетстве отобранных у христианских родителей и подвергшихся изощренной психологической обработке при помощи учителей из исламских духовных орденов.

Своеобразный естественный отбор – претендент на трон должен был непременно истребить своих братьев – делал султанскую власть весьма

¹³³ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. М., 1988. С. 338. (Далее – Бродель. Материальная цивилизация.)

¹³⁴ Тойнби. С. 196.

устойчивой...

Вот уже наш флот освоился на Балтике, русские поселения возникают на берегах Тихого океана, промысловики подплывают к Северной Америке, но крестьянин на Донце и Днепре не забывает об аркане и сабле кочевника. Подданные и вассалы турецкого султана все еще ведут ясырь из Киевской, Полтавской, Харьковской, Воронежской, Пензенской губерний. Нет покоя для земледельческого труда на Дону и Тереке, где любая оседлость может стать в любой момент добычей огня и стали. Степной наездник не дает поднять русский парус на Черном море.

Однако страна вышла из реформ Петра I – безусловно стоящих на хозяйственных достижениях предшествующего времени – с сильной регулярной армией, с уральской металлургией.

Сейчас принято «шпынять» первого российского императора. Почин дал Ключевский, приведший в качестве положительного примера Венецианскую республику. Дескать, можно было развиваться припеваючи, веселясь на карнавалах, не отягощая общество внешнеполитическими задачами. Пример очень удачный, только не в том смысле, в каком полагал классик. Венеция была по сути большой торговой корпорацией, которая поднялась на

посреднической торговле между Левантом и Европой, не брезгуя и перепродажей рабов, захваченных монгольской ордой, да и самостоятельным грабежом в особо крупных размерах, как было в Константинополе в 1204 г. Имея такого сорта доходы, можно было и поплясать на карнавалах. И пусть Венеция обладала мощными финансами и флотом, что позволило ей захватить ряд островов и Далмацию, представить ее решающей какие-то большие задачи на материке просто невозможно.

Не годилась в качестве примера и Англия, которая воевала на европейском континенте в основном своими деньгами, а не солдатами. Как отмечал Бродель: «Блистательная Англия вела свои войны издалека, спасаемая островным положением и размерами субсидий, которые она раздавала своим союзникам».¹³⁵

Россия же должна была сама биться и за выход к морям, и за овладение континентальным простором, и за покой для мирного земледельческого труда. Для этого ей была нужна большая армия. А ввиду скудости государственных средств еще и дешевая. Большая дешевая армия требовала постоянной рекрутской повинности.

Неудачный Прутский поход был первым в

¹³⁵ Бродель. Материальная цивилизация. Т. 3. С. 387.

длительной серии войн России против Османской империи, растянувшихся на два века. И в ходе войн, и в мирных паузах государству пришлось создавать тыл для армии, осваивая причерноморские и предкавказские степи.

В 1713 г. началось строительство оборонительной линии вдоль реки Орели, притока Днепра, и Береки, притока Донца (в 1731 г. она получила название Украинской). На ней планировалось создать 17 крепостей и множество редутов.¹³⁶ Постройка была связана с переходом в 1711 г. Запорожья под власть Турции. Поселенные на черте ландмилицейские полки набирались из бедных дворян и однодворцев Белгородской черты. (К числу однодворцев относились потомки служилого населения на старых чертах, в том числе помещики, не имевшие крестьян.¹³⁷)

На новой линии однодворцы получили земельные наделы, но вместо исполнения рекрутской повинности служили в линейных гарнизонах, работали на постройке и ремонте укреплений.¹³⁸

¹³⁶ Редут – сомкнутое укрепление в форме квадрата или многоугольника.

¹³⁷ Павлов-Сильванский. С. 250–251.

¹³⁸ Ландмилиция // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1890–1907.

Русско-турецкая война 1736–1739 гг. хотя и считается историками неуспешной, стала переломом в борьбе со степью.

Началась война после того, как султан потребовал от России пропустить 70-тысячную крымскую орду через русские владения в Закавказье, где Турция конфликтовала с Персией. Турецкое требование поддержал и британский посланник в Стамбуле: ну дайте же транзитную визу крымским туристам. Россия за предыдущие два века хорошо узнала, как проходят транзиты крымцев, и вежливо отказалась.

Генералы Анны Иоанновны поставили себе первоочередной задачей взятие Азова.

Нынешний заштатный городишко был тогда грозной турецкой крепостью, державшей в страхе всю южную окраину России, базой для набегов, невольничьим рынком и портом, через который шло оружие.

Гарнизон Азова был невелик, но опирался на силы Крымского ханства, ногайских и черкесских племен, обитающих в западной части Кавказа, на Кубани.

Гости из этого края стали наведываться на Русь гораздо раньше, чем увидели у себя штык и саблю русского воина. Малые Ногаи были постоянными участниками крымско-татарских нашествий XVI–XVII вв. В начале XVIII в. кубанские татары (ногаи

и черкесы) «брали людей в полон и скот отгоняли» вплоть до Саратова.¹³⁹ В 1711 г. ногайское войско с Кубани во главе с Чан-Арасланом ходило в Саратовский и Пензенский уезды громить русские села – на обратном пути казанскому губернатору П. Апраксину, по счастью, удалось перехватить его и отбить полон.¹⁴⁰

А в 1736 г. ногаи переправились через Дон в районе Кумшацкой станицы, сожгли ее и, рассыпавшись по соседним селениям, хватали в плен женщин и детей, угоняли скот. Затем с богатой добычей и в полном удовлетворении вернулись в свои закубанские кочевья. Большинство казаков в это время находилось в дальнем походе.

На следующий год донцы во главе с атаманом Фроловым выступили на Кубань в числе 9,5 тыс. конных и пеших, с пушками и мортирами. На реке Ее к казакам присоединился калмыцкий тайши Дундук-Омбо с 40-тысячной ордой, чьи становища располагались тогда на реке Егорлык, – дипломаты императрицы Анны Иоанновны недавно приняли его в российское подданство. Степь была ногаями выжжена, и до Кубани добралось лишь 5 тыс.

¹³⁹ *Перетяткович Г.* Поволжье в XVII и начале XVIII вв. Одесса, 1882. С. 338. (Далее – *Перетяткович.* Поволжье в XVII в.)

¹⁴⁰ *Потто В. А.* Кавказская война. Т. 1. С. 13.

самых «доброконных» казаков. Вместе с калмыцкими воинами казаки переправились на левый берег Кубани и прошли до ее устья, учинив врагам повсеместный разгром.¹⁴¹

От кубанского устья донцы вернулись домой, а калмыки еще два раза прошли по ногам в чингисхановом стиле.

В ходе этих походов были взяты турецкие крепости на Таманском полуострове, следом пал и Азов.

Во время войны быстрыми темпами шло покорение Дикого поля, главного врага русских войск. Ударно достраивалась Украинская оборонительная линия – 300-километровая полоса укреплений между Донцом и местом впадения Орели в Днепр.

Прусский офицер на русской службе Х.-К. Манштейн писал, что «она простирается более чем на 100 французских лье, и на этом протяжении выстроено до пятнадцати крепостей, снабженных хорошим земляным бруствером, штурмфалами, наполненным водой рвом, гласисом и контрэскарпом с палисадом. В промежутках крепостей, по всей линии, устроены надежные редуты и реданы¹⁴²».

Численность ландмилиции на линии была доведена до 20 регулярных полков. В 1736 г.

¹⁴¹ Абаза К. К. Казаки. СПб., 1899. С. 50.

¹⁴² Редан – укрепление, имеющее два фаса и открытое с тыла.

решением фельдмаршала Миниха их преобразовали в конные и назвали Украинским ландмилицион-ным корпусом. По мнению Манштейна, белгородские и курские однодворцы, служившие в ландмилиции, являлись «прекраснейшим войском в России».

Кстати, строительство линии вызвало недовольство со стороны малороссийских дворян, потомков казачьей старшины. Работавшие на старшину простые казаки теперь воздвигали укрепления, а часть дворянских земель перешла ландмилиционерам...

С постройкой Украинской линии крымские татары лишились многих дорог, которые вели их в Южную Россию. В то же время степь все еще оставалась главным союзником Крымского ханства. Настоящим оружием массового поражения были поджоги степи. Из-за раскаленного воздуха и дыма люди и лошади русского войска оказывались как в печи. Тот, кто спасся от огня и удушья, мог затем погибнуть от жажды и голода. После падежа коней русская армия становилась крайне уязвимой перед внезапными нападениями крымской конницы.

Южнее Орели оседлости уже не было, за исключением редких поселений в речных плавнях – их обитатели жили речными промыслами. Южнее реки Самары не было и лесов. «Можно пройти, –

пишет Манштейн, участник походов Миниха, – 15 и 20 верст и не встретить ни одного куста, ни малейшего ручейка; вот почему надо было тащить дрова с одной стоянки на другую...»

Однако русская армия все же преодолела степи, опираясь на цепи спешно выстроенных редутов, соединивших ее с Украинской линией, и дважды входила в Крым.

Калмыки и донские казаки рассыпались по всему полуострову для захвата добычи. Грабительское ханство прочувствовало на своей шкуре, что такое настоящий набег.

Но на море все еще господствовал турецкий флот, организовать снабжение русской армии по растянутым сухопутным коммуникациям оказалось невозможно.

Несмотря на формальную бесплодность русских операций в Крыму – войска в итоге покинули полуостров, – ханским силам было уже не до помощи кубанским союзникам.

По условиям Белградского мира Россия получала крепость Азов, бывшую ключом к Западному Кавказу. Малая и Большая Кабарда, то есть центр Северного Кавказа, объявлялись нейтральными.

Русские потери, связанные с войной, в первую очередь санитарные, были огромны, но стало ясно,

что господству турок на Черном и Азовском морях подходит конец. На Дону и Днепре действовали речные флотилии – русские готовились выйти в море. Крымское ханство было отрезано от кубанских ногаев.

Де-факто по результатам войны к России был присоединен огромный кусок Дикого поля к востоку от Днепра – вдоль Украинской линии, от реки Орели до реки Самары и от Донца до истоков Миуса. Назвали его СлавяноСербией – в честь поселившихся здесь вместе со своими дружинами сербских полковников Шевича и Прерадовича.

При императрице Елизавете Петровне русские присоединили еще одну область Дикого поля, к западу от Днепра, до реки Синюхи, бывшей границей с Польшей. Она получила название Новая Сербия (с 1764 г. Новороссийская губерния) благодаря пришедшим сюда из Австрии братьям-славянам во главе с полковником Иваном Хорватом.

В этих двух «сербиях» возникают Новосербское и Славяносербское поселения, Бахмут, Константиноград, крепости Булевская и Св. Елизаветы – Елисаветград (современный Кировоград).¹⁴³

¹⁴³ *Багалея Д. И.* Колонизация Новороссийского края. Киев, 1889. С. 31. (Далее – *Багалея.* Новороссия.)

В отличие от последующей екатерининской эпохи, правительство раздавало здесь земли под поместья небольшими участками, типичными для Московской Руси.

Крестьяне старого Черноземья все еще были достаточно зажиточны и не очень легки на переселение в новый степной край России. Так, на двор государственных крестьян в Курской губернии около 1750 г. приходилось в среднем 5 лошадей, 5 коров и зерновой сбор в 300 пудов. В 1765 г. в Острожском уезде Воронежской губернии у крестьян-середняков в хлевах жевало сено по 5-15 коров, у зажиточных – 15–50.

Население края пополнялось из более отдаленных земель.

Сюда шел «отход» крестьян Нечерноземья, которые нанимались на работы к помещикам, однодворцам и казакам. Вслед за «отходом» часто происходило и переселение. Богатые землевладельцы привлекали крестьян низкими оброками и большими наделами. Аппетит помещика совпадал с желанием мужика найти тучную землю на юге. Если даже крестьянин сбегал от владельца на малой родине, то новороссийские власти никогда не выдавали обратно столь важных для них новых жителей.

В 1750-х гг. правительство вызывало староверов из Польши и Турции, отводя им земли в окрестностях Елисаветграда. Много старообрядческих слобод возникло в Бахмутском уезде.¹⁴⁴

Существенным элементом при заселении нового края стали выходцы с Балкан. С 1752 по 1762 г. правительством была истрачена на сербскую колонизацию огромная по тем временам сумма в 700 тыс. руб.

Сербы и черногорцы в Новой Сербии действительно селились. Однако большинство переселенцев лишь выдавали себя за сербов: румыны, болгары, валахи (румыны), выходцы из Польши, как мелкие шляхтичи, так и беглые кметы.

Служить настоящие и фальшивые сербы должны были в иррегулярных гусарских полках, за что получали земли в потомственное владение, денежное жалованье, беспошлинные промыслы и торговлю.

Крепкий толчок к развитию торговой, промышленной и ремесленной деятельности нового края дали греки. В Елисаветграде, месте действия постоянной ярмарки, они составили около половины населения.

На российской стороне реки Синюхи возникли села

¹⁴⁴ Щапов А. П. Сочинения. Т. 1. С. 176.

Цыбулев и Архангельск (позднее – Новоархангельск), а также были поставлены укрепления для защиты от набегов окончательно одичавшей польской шляхты. В 1752 г. там имелось 4 тыс. дворов, принадлежавших казакам и беглым холопам из Польши.

Хотя установившийся в постпетровское время режим дворяновластия привел к углублению крепостных отношений в частных интересах землевладельцев, это пока мало затрагивало новый степной край России – здесь преобладали государственные крестьяне, казаки и однодворцы.

С 1719 по 1744 г. население недавнего Дикого поля увеличилось с 2,1 млн до 4,2 млн человек, а в 1762 г. сравнялось по численности с населением старого центра, составив 6 млн человек.¹⁴⁵

Кючук-Кайнарджийский мир. Освоение Причерноморья

Начало русско-турецкой войны 1768–1774 гг. продемонстрировало тесную связь восточного и западного вопросов для России. Французский дипломатический агент уговорил польскую Барскую конфедерацию, ведущую борьбу с русскими

¹⁴⁵ ДСА. С. 158.

войсками, уступить османам Волынь и Подолию – в обмен на выступление Турции против России. Порта заключила русского посла в крепость и предъявила России кучу претензий, в том числе и по поводу ограничений польских «вольностей».

В ходе войны в 1769 г. состоялся последний крупный набег крымского хана на русские земли, на Новую Сербию, жертвами которого стали более 20 тыс. человек. Что интересно, набег проходил практически на глазах французского посланника в Бахчисарае барона де Тотта. Просвещенный европеец, называвший хана «татарским Монтескье», превращал в шутки подробности насилия над пленницами.¹⁴⁶

Несмотря на поддержку Франции и действия Барской конфедерации (от которых больше всего пострадало православное население Речи Посполитой), Турция потерпела поражение.

Военные победы русских были прямым следствием упорного освоения степей и движения фронта к югу. Возникавшие поселения составляли естественный тыл русской армии.

Согласно Кючук-Кайнарджийскому мирному трактату, русско-турецкая граница на Западном

¹⁴⁶ Mémoires du baron de Tott sur les turcs et les tartares 1781 a. sec. partie, 153–154.

Кавказе устанавливалась по реке Кубань. Крымское ханство политически отделялось от Османской империи. К России переходила часть черноморского побережья между Днепром и Бугом, а также Большая и Малая Кабарда.¹⁴⁷

Пункт 2 артикула 16 данного трактата обязывал турок разрешить беспрепятственный выезд из Турции христианских семей со всем имуществом. Это сыграет немалую роль в колонизации российского Причерноморья.

Трактат накладывал на Османское государство многочисленные обязательства по гуманизации его отношения к христианским подданным. Заметим, что ни Франция, ни Англия, имевшие на турков большое влияние, даже не пытались как-то оградить от произвола и постоянного насилия жизнь христианских «райя».

Трактат открывал Черное и Азовское моря, как и Черноморские проливы для свободного плавания российского флота.

В 1785 г. был утвержден первый штат Черноморского флота. Россия стала черноморской державой и в военном, и в торговом плане.

С созданием Черноморского флота существование Крымского ханства теряло свой внутренний смысл –

¹⁴⁷ Дружинина Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774. М., 1955.

крымцы более не могли бы сбыть ни одного раба туркам.

Следствием победоносной войны было заключение в Георгиевской крепости договора о протекторате с Картли-Кахетией. 26 января 1784 г. царь Ираклий II и грузинский народ в тифлисском Сионском соборе принесли присягу на вечное подданство российской государыне.

Следствием Кючук-Кайнарджийского мира был переход под контроль России всего Днепровского водного пути – вернулись времена князя Игоря.

Россия могла приступить к освоению Южного Причерноморья (позднее составившего части Херсонской и Екатеринославской губерний) и побережья Азовского моря – все это получило многообещающее название Новороссия.

Несмотря на то что это был юг, он весьма отличался от того средиземноморского юга, который был известен европейцам, что они охотно отмечали в свои путевых заметках.

Климат Причерноморья XVII–XVIII вв. характеризовался резкой континентальностью, напоминая современный североказахстанский.

Зимой здесь нередко свирепствовали морозы. Боплан описывал их с непритворным ужасом: «Обыкновенно стужа охватывает человека вдруг и с

такой силою, что без предосторожностей невозможно избежать смерти».

Осталось описание очаковских холодов: 13 октября (по старому стилю) выпал большой снег, 7 ноября началась настоящая зима с метелями, убийственная для скота, не имевшего теплого хлева, а накануне 12 июня мороз убил огородные овощи.

Быстрое испарение почвенных вод из-за сухих ветров было причиной частых засух.

Засушливыми оказались черноморские берега от Днепра до Днестра. Родники и колодцы в юго-восточной части Новороссийского края находились только у речных берегов, в степи их не было, поэтому и дороги проходили лишь возле рек.

Летом вся трава в степи выгорала, и она обращалась в пустыню. Если не случалось сильной засухи, то растительность истреблялась саранчой.

Цитата из изрядно напуганного Боплана: «Саранча летит не тысячами, не миллионами, но тучами, занимая пространство на 5 или 6 миль в длину и 2 или 3 мили в ширину... она пожирает хлеб еще на корне и траву на лугах...»

А реки были, по словам Боплана, богаты на другие «дары природы»: «Берега днепровские замечательны бесчисленным количеством мошек... в полдень являются большие, величиной в дюйм, нападают на

лошадей и кусают до крови...»

Укушенный насекомым француз получил такую опухоль на лице, что почти не мог видеть.

Чума гуляла по причерноморским степям тогда, когда в Европе о ней уже забыли.

Три большие реки, протекавшие через причерноморские степи, Днепр, Буг и Днестр, были перерезаны порогами, что делало судоходство возможным лишь ниже их. Речки, впадавшие в Днепр и Буг, оказались мелководны, непригодны для судоходства...

Еще во время войны в 1769 г. были образованы казачьи полки из воронежских и белгородских крестьян, переселившихся в Азов и Таганрог (крепость Троицкая). А в 1770 г. протянута Днепровская оборонительная линия – от впадения в Днепр Мокрой Московки к Азовскому морю по р. Берда и Конские Воды.

На ней встало 8 крепостей, последняя, Святого Петра, находилась близ места, где позднее появится Бердянск. Охраняли ее три казачьих полка, а первыми мирными поселенцами были отставные солдаты.

Благодаря ей поселения около Украинской линии стали глубоким тылом.

Еще большее значение для колонизации

причерноморских степей имело присоединение Крыма к России (1783).

Если ранее оседлое население Причерноморья держалось речных берегов, где могло как-то укрыться от степных хищников, то теперь отправилось создавать земледельческие поселения в чистом поле.

В 1784 г. начата была новая военная линия, призванная служить обороне уже не от крымцев, а от польских конфедератов, османов и кочевников Западного Причерноморья. Прошла она через место впадения Синюхи в Буг (позднее г. Ольвиополь), Ингула в Буг (здесь возникнет Николаев), Кинбурн, Херсон, крепость Днепровскую на Збурьевском лимане и крымские укрепления. Не все укрепления новой линии были отстроены до конца ввиду бюджетных дыр, свойственных екатерининскому времени, однако слава русского оружия уже устрашала противника более, чем крепостные стены.

При воцарении Екатерины II города на Слободской Украине были ограждены деревянными стенами с башнями, земляными валами и рвами.¹⁴⁸ А к концу ее царствования они совершенно потеряли военно-оборонительный характер. Осыпались их валы, заполнялись всяким мусором рвы, сгнивали деревянные стены. Город зачастую превращался

¹⁴⁸ Багалеј. Материалы. С. 220.

в заурядное земледельческое поселение, село, слободу. На его сонных улочках вряд ли вспоминали, как еще тридцать лет назад гудел вестовой колокол и пели в воздухе смертоносные стрелы кочевников...

В 1778 г. был основан на Днепровском лимане первый русский черноморский порт Херсон, с крепостью и верфью. Через пару лет сюда уже приходили корабли за зерном, предназначенным для французских, итальянских, испанских портов.

Появление морских портов благоприятно подействовало на колонизацию степей – здесь стали создаваться крупные товарные хозяйства, сбывающие зерно на внешний рынок.

Сотрудник Потемкина купец Фалалеев в 1783 г. смог провести речными путями из Брянска в Херсон барки с железом и чугуном, а также провиантом.

В 1784 г. прибыло 20 судов из Херсона в Марсель, 15 из Марселя в Херсон. Торговля велась также со Смирной, Ливорно, Мессиной и Александрией.

На херсонскую верфь нанимались плотники из далекого Олонца и с петербургской Охты, кузнецы-немцы из Москвы, работали здесь и солдаты, но за вознаграждение.

Три пехотных полка расчищали днепровский фарватер. Тем не менее с задачей полностью справиться не удалось, что отразилось на развитии

херсонского порта. Мешало развитию порта и мелководье речных гирл, по которым суда должны были выходить в море.

Если в новороссийских городах первенствовали русские военные и бойкие иммигранты из средиземноморских стран, то в сельской местности преобладали малорусы, выходцы из левобережной Малороссии и Слободской Украины, и великорусы-крестьяне из самых разных областей.

Среди великорусских поселенцев были казенные и экономические (бывшие монастырские) крестьяне, однодворцы, казаки, отставные солдаты и матросы, староверы.

В потоке переселенцев немалое число составляли беглые из числа «поспольштва», то есть крепостные люди польской шляхты. Они преобладали в Елисаветградском уезде.

Весьма успешно в колонизации степей при р. Орели и Самаре проявили себя бывшие запорожцы и зависимые от них люди: «подданные», наймиты, хлопцы, мальцы, челядь (первобытного равенства у «Козаков» давно уже не было). Князь Потемкин предусмотрительно превратил войсковую и старшинскую казны в так называемый городской капитал, используемый для выдачи ссуд запорожским переселенцам.

Причерноморские степи подходили для скотоводства, и самыми крупными скотоводами первое время были представители запорожской старшины. Крымские татары во время набега 1769 г. отогнали у кошевого атамана 600 лошадей, у полковника Колпака – 1,2 тыс. овец и 300 голов крупного рогатого скота, у казака Ф. Руди – 5 тыс. овец, у казака Ф. Горюхи – 2 тыс., у писаря Глобы – 4 тыс. Всего крымцы увели ни много ни мало 100 тыс. овец и 10 тыс. лошадей – очевидно, порадовав французского посла де Тотта.

На казенных землях, в слободах, селились по своему желанию или вызову правительства государственные крестьяне и близкие им категории сельского населения. По указу императрицы от 1781 г. велено было переселить в Новороссию до 20 тыс. экономических крестьян и еще выбрать из их среды 24 тыс. добровольных переселенцев для создания государственных деревень.

Азовский губернатор Чертков, распорядившись восточной Новороссией, оказывал денежную и административную помощь так называемым осадчим, которые искали место для новых государственных слобод и созывали туда народ.

Некоторые из осадчих, преимущественно малороссийские дворяне, и сами вскоре

обзаводились поместьями на новых землях.

Такие активные новороссийские губернаторы, как Каховский, Синельников и Зубов, посылали комиссаров в губернии центральной России для вербовки переселенцев любого социального статуса. Особые усилия прилагались для привлечения в преимущественно мужскую Новороссию лиц женского пола. Вербовщикам платили по 5 руб. за завербованную девицу! Офицеров за вербовку 80 «лебедушек» даже повышали в звании.

Каховский стремился занять новую западную границу именно казенными селениями. «Из сих поселян можно будет устроить военную цепь в свое время и при селениях построить небольшие редуты... Буде же сии селения поступят в отдачу помещикам, то все они разбредутся».¹⁴⁹

Зубов зазывал мастеровых из Ярославской, Костромской, Владимирской губерний.

Политика освоения Причерноморья, которая велась при Екатерине II, была далеко не единообразной для разных категорий переселенцев. Наилучшие условия создавались для иностранцев.

С 1770-х гг. в Новороссию мигрировали греки из Крыма и островов Эгейского моря. Жалованная грамота императрицы отводила им

¹⁴⁹ Багaley. Материалы. С. 74.

земли для поселений по берегам Азовского моря с исключительным правом рыбной ловли в ближних водах, предоставляла казенное жилье, ссуду на хозяйственное обзаведение, податные льготы и освобождение от воинской повинности.

Близко к грекам было положение армянских переселенцев с Кавказа и из Крыма.

После первого раздела Речи Посполитой в Новороссию стали переселяться польские паны; получая от Екатерины громадные имения, переводили туда своих крестьян.

В 1769 г. добились разрешения на переселение в Новороссию польские евреи. Им разрешалось привезти беспошлинно товаров на 300 руб., держать винокурни и пивоварни.

Представители Западной Европы составляли наиболее привилегированную группу переселенцев. Их пригласили в Новороссию двумя правительственными манифестами от 1762 и 1763 г.

Во втором манифесте императрица выдвинула целый космополитический проект по заселению Российской империи при помощи всего прогрессивного человечества.

«Мы, ведая пространство земель нашей империи, между прочим усматриваем наивыгоднейших к населению и обитанию **рода человеческого**

полезнейших мест, до сего праздно остающихся, не малое число...»

Цивилизованным европейцам предоставлялось право селиться в России, как в городах, так и в сельской местности, отдельными колониями, где им сохранялась собственная юрисдикция.

Деньги на путевые расходы европейцы получали еще на старой родине, от российских представителей за границей.

Самым приметным и массовым переселением из-за границы было немецкое.

Начиная с 1789 г. в Новороссию текли потоки меннонитов из Западной Пруссии (это секта происходила от анабаптистов, последователей Мюнцера, подвергавшихся в Германии XVI в. страшным преследованиям и уничтожению).

Успешность меннонитов в новых краях объяснялась не только немецким *Ordnung*¹⁵⁰ и сектантской сплоченностью, но и огромными льготами и пособиями – ничего подобного великорусские и малорусские переселенцы не могли и желать.

Земли меннонитам сперва отводились на правом берегу Днепра, включая остров Хортицу, здесь появилось 8 немецких деревень, затем

¹⁵⁰ Ordnung (нем.) – порядок.

в Павлоградском и Новомосковском уездах. Но положение немцев в этих районах оказалось неудовлетворительным; из-за засушливости земля не давала хлеба, необходимого даже для их собственного пропитания.

Меннонитов стали переселять в более благоприятные места, на реке Молочные Воды и в окрестности городов. Списали и часть предоставленных им ссуд.

С родины, из окрестностей Данцига, меннониты привезли хорошие земледельческие орудия труда, лошадей-тяжеловозов и скот улучшенных пород – это вместе с волной дарений от государства помогло им справиться с трудностями...

Староверы, эти живые осколки Старой Руси, «третьего Рима», не имея особых привилегий, добились в Новороссии не только цветущего земледелия, но и продуктивного садоводства, виноделия и огородничества. И тут играла роль сплоченность родственников душ.

Изрядно поспособствовал их переселению князь Потемкин. Указ Екатерины предоставил старообрядцам свободу вероисповедания при поселении в «местах, лежащих между Днепром и Перекопом».

В 1785–1786 гг. на реке Белозерке в

Таврической губернии поселились знаменские староверы, получившие по 50 руб. на двор и пятилетнюю налоговую льготу.

В отношении беглых крестьян правительственная политика оставалась, как говорится, разнонаправленной. Сочетались, словно инь и ян, два вектора – охранение владельческих прав помещиков и содействие заселению новых земель.

Беглых в Новороссии спокойно принимали и помещичьи, и казенные селения. В секретном письме графа Зубова к екатеринославскому наместнику Хорвату указывалось, что к беглым надо иметь снисхождение, «дабы строгостью законами повелеваемую не доводить их до отчаяния», что их надо «приписывать к городским и сельским обществам, смотря по их состоянию, чтобы они могли таким путем снискать себе пропитание», однако делать это нужно «скромным образом, под рукой и без всякой огласки».

Даже в самый расцвет дворянства, когда помещики в центре рвали и металы по поводу каждого беглого крестьянина, в государстве российском сохранилось старое понимание того, что колонизация новых земель – чрезвычайно важный процесс, дающий стране будущее.

Екатерининское правительство начиная с 1762 г.

несколько раз прямо санкционировало в Новороссии «право убежища» и освобождение от наказаний для беглых, которые селились там как на государственных, так и на частных землях.

В общем, знаменитая поговорка «С Дона выдачи нет» вполне относилась и к Новороссии.

Среди беглых всплывали, легализовывались и даже поступали в купечество новороссийских городов совсем уж темные личности, неизвестно как разжившиеся капиталом.¹⁵¹

Правительство переселяло в Новороссию и превращало в вольных поселенцев арестантов из Московской, Казанской, Воронежской, Нижегородской губерний. В 1792 г. под Очаков перевели жителей с. Турбаев с Полтавщины, умертвивших своего несносного помещика.¹⁵²

Однако дворянновластие проявило себя в полной мере в той ретивости, с которой новороссийские земли раздавались помещикам, – после 1775 г. земельные пожалования приобрели особо крупные размеры.

Полторы тысячи десятин были минимумом (такой «минимум» выглядел бы умопомрачительным во времена Московского государства).

¹⁵¹ Багале́й. Новороссия. С. 60.

¹⁵² Багале́й. Новороссия. С. 65–67.

В десятилетний срок владельцы должны были населить землю из расчета 13 дворов на 1500 десятин – цифра весьма умеренная. После чего земля обращалась в их полную собственность.

Естественно, что счастливые землевладельцы готовы были селить в своих владениях кого попало, включая беглых каторжников.

Поселенцы, которые сами приходили на помещичьи земли, вначале обрабатывали свои наделы, отдавая землевладельцу лишь десятую часть урожая (и назывались поэтому десятинщиками), но мало-помалу закабалялись. В крепостных крестьян у помещиков-малороссов были обращены «подданные» или челядь бывшего запорожского войска.

В 1776 г. в Екатеринославском уезде 94 лицам было выдано 400 тыс. десятин государственной земли, то есть по 4 тыс. на брата.

Обзавестись латифундией могли даже мелкие чиновники.

Земельные пожалования некоторым «новым аристократам» были огромны. Например А. Вяземскому, генерал-прокурору, выдано было 200 тыс. десятин новороссийской земли, после чего он стал напоминать какого-нибудь польского магната. Наследники прокурора продали эту землю,

населенную уже 3 тыс. крестьян, коллежскому асессору Штиглицу, нажившемуся на откупках соляных озер в Тавриде. «Новым аристократом» стало совсем уж безродное лицо, что было символом эпохи дворянства, эпохи масштабной приватизации земель и роста власти денег.

Ясский мир. Расцвет Новороссии

Война 1787–1791 гг. фактически велась Россией ради обеспечения положений Кючук-Кайнарджийского мира, погранных Османской империей.

Немирные закубанские племена, турецкие подданные, ходили воевать на Донскую область. Со стороны турецких владений шли постоянные набеги на грузинские земли. Порта требовала от русского правительства отказа от протектората над Грузией и владения Крымом, возвращения 39 соляных озер возле Кинбурна. Наконец турецкие требования были предъявлены в ультимативной форме, и, когда Петербург не удовлетворил их, русский посол был заключен в тюрьму.

Ситуация осложнялась очередным воспламенением Польши и началом военного противоборства со Швецией, «скупавшей» по

потерянному ей Выборгу. В очередной раз действия южных и западных врагов России были вполне скоординированы.

Не буду останавливаться на многократно описанных событиях этой войны, когда просияли военные таланты Суворова, Румянцева, молодого Кутузова, проявилась инициативность русских офицеров, энергия и мужество русских солдат.

Промышленность, созданная Петром, все еще обеспечивала техническое преимущество российских войск над всеми ближайшими соседями; дворянство пока не отвыкло от старого правила, что за земельное владение, обеспечиваемое крестьянским трудом, нужно служить государству. Российская рекрутская армия, сочетая профессионализм и народность, оставалась сильнейшей армией мира. Ни в открытом бою, ни при осаде крепостей, ни турки, ни европейские армии не могли противостоять ей.

Эти факторы перевешивали полное расстройство российских финансов и слабую централизацию управления.

Мирный договор, завершивший русско-турецкую войну, был подписан в Яссах 29 декабря 1791 г.

Он восстанавливал действие Кючук-Кайнарджийского мира и Георгиевского трактата. Турция соглашалась с потерей Крыма, отказывалась

от претензий на земли Картли-Кахетии, признавала российский протекторат над дунайскими княжествами. К России отходили земли между Южным Бугом и Днестром.¹⁵³

Русская реконкиста подходила к концу, к Руси вернулись земли времен Ярослава Мудрого и Мстислава Тмутараканского, реки и степи Северного Причерноморья. Русские суда снова белели парусами в Черном море.

Несмотря на замечательные победы, Российская империя ограничилась умеренными территориальными приобретениями и отказалась от взыскания с побежденных контрибуции.

С окончанием войны для причерноморских степей исчезала проблема кочевых нашествий. Но до настоящей дружбы с трижды побитой Турцией оставалось еще очень далеко, поэтому в 1792 г. была построена Днестровская линия. Западная ее сторона прошла по Днестру, от впадения в него Ягорлыка, южная – по морскому берегу до Очакова.

На линии был заложен ряд крепостных сооружений – занималась этим «Экспедиция строения южных крепостей» во главе с екатеринославским губернатором Каховским. На Днестре, против Бендер,

¹⁵³ Договоры России с Востоком политические и торговые // Сост. Т. Юзефович. СПб., 1869. С. 41–49.

появилась Тираспольская крепость, на Днестровском лимане – Овидиополь, на месте турецкой крепости Хаджибей родилась «красавица» Одесса.

В Николаеве, созданном у впадения Ингула в Буг, решено было построить верфь. Этот город развивался успешнее, чем Херсон, за счет более удачного местоположения. Строительство шло бойко, лес доставлялся за казенный счет из Киевской губернии. Казна выкупила у ярославских помещиков крестьян, сведущих в каменном строительстве, они стали одними из первых николаевских граждан.

Вдобавок к верфи были построены литейный и канатный заводы; на бугских порогах поставлены водяные двигатели для кузнечных работ.

Сюда перевели правление Черноморского флота, затем кадетский корпус и некоторые судоремонтные мастерские и, наконец, в 1824 г. – адмиралтейство.

В Николаеве разместились кораблестроительное и штурманское училища.

Здесь базировался приморский гренадерский корпус, составлявший морскую пехоту для гребных судов, в мирное время занимавшийся работами в порту или перегонкой леса по лиману. Семейных солдат учили плотничьему и другим ремеслам, необходимым в адмиралтействе. Три тысячи гренадер получили земли для поселения, в том числе

участки, выкупленные у частных лиц.

Для распашки земель в казенных селениях вокруг города водворяли беспаспортных выходцев из Польши и русских бродяг.

Домом престарелых для отставных одиноких офицеров стал монастырь Спасо-Николаевской лавры. Для остальных страждущих построили инвалидный дом и госпиталь.

Для наслаждения глаз соорудили фонтаны, отделанные мрамором, для здорового наслаждения тела устроили турецкую баню.

Доходы от лавок, выстроенных у биржи, от винных погребов, трактиров и кофеен, употреблялись на содержание монастыря и церквей.

И вся эта бурная деятельность по созданию образцового города была чисто казенной, старт ей дал инициативный причерноморский наместник князь Потемкин, который не собирался ждать до второго пришествия частной инициативы. Так что торговые люди приходили на все готовое.¹⁵⁴

Но все же жемчужиной Новороссии стал не Николаев, а Одесса, основанная в 1794 г.

2 млн рублей было ассигновано на устройство здесь порта и верфи.

В 1802 г. в Одессе, имевшей выборный

¹⁵⁴ Багалея. Новороссия. С. 49.

магистрат и два форштадта, военное и греческое, насчитывалось 9 тыс. жителей. Для дальнейшего развития она получила 15-летнюю налоговую льготу, освобождение от постоев, новые земли.

Торговый оборот Одессы в 1814 г. достиг знатной цифры в 20 млн руб. Главным товаром вывоза являлась пшеница. С Одессой Новороссия твердо вступила в мировой рынок.

Одесский порт быстро стал ведущим в России по вывозу и удерживался в этой роли вплоть до заката империи. Греческие торговцы от начала до конца крепко держались на верхушке одесской торговли.¹⁵⁵

Местный градоначальник герцог де Ришелье, не слишком отличившийся на военном поприще, в строительном деле показал себя наилучшим образом. И вкус, конечно, ни разу не изменил французу.

Под его чутким руководством русские мужики построили торговый порт, карантин, таможню, воспитательно-учебное заведение, театр, госпиталь, две тысячи домов для частных лиц, на казенные, кстати, деньги. Были разведены сады, высажены белые акации, каштаны и прочее – для озеленения

¹⁵⁵ Хобсбаум Э. Век капитала. 1848–1875. Ростов-на-Дону, 1999. С. 247.

городской территории. В общем, дюк¹⁵⁶ вполне заслужил себе памятник в самом красивом месте Одессы.

Из других городов Новороссийского края выделялись Мариуполь, населенный греческими колонистами, и Ростов вместе со своим многолюдным армянским пригородом, именуемым Нахичевань. Армяне, издревле торговавшие по всей Передней Азии, принесли сюда свои обширные торговые связи. Здесь было устроено несколько фабрик и заводов, обслуживавших бурно растущее сельское хозяйство Донской области.

Таганрог к началу XIX в. насчитывал 8-10 тыс. жителей, имел биржу, гавань, его торговля находилась в руках греков – но с Одессой тягаться он не мог уже ввиду своего географического положения.

После Ясского мира усилилась иммиграция в Новороссию молдаван из-за Прута, причем Екатерина особо способствовала переселению молдавских бояр. Императрица не изменяла своему правилу увеличивать привилегированный чужеземный элемент в зонах освоения.¹⁵⁷

Молдаван селили по Днестру, возле Овидиополя, Дубоссар, Тирасполя. Бояре получали поместья на

¹⁵⁶ Дюк – от французского *duce*, герцог; прозвище Ришелье в Одессе.

¹⁵⁷ *Багале́й*. Новороссия. С. 16–18, 33–35.

несколько тысяч десятин, в их владениях селились русские и молдавские крестьяне, которые тут же попадали в зависимое положение, хотя до полного крепостного права не доходило. Правительство издало «Положение об обязательных поселениях», ограничивающее власть помещиков. Крестьяне должны были отрабатывать на барщине 12 дней в году, также нести отработочную повинность на виноградниках и уплачивать землевладельцу десятину.

26 молдавских бояр и чиновников получили в Тираспольском и Ананьевском уездах 260 тыс. десятин земли. Но почему императрица увидела в них цивилизованных европейцев, остается загадкой.¹⁵⁸

К меннонитам добавились и другие прусские переселенцы, которые пользовались еще более широкими льготами. Возврат ссуд для них отсрочили на 30 лет. Немцы-колонисты жили замкнуто, работая на себя и на внешний рынок, и никакой культурной миссии (о чем, видно, мечтала Екатерина) не осуществляли – в отличие от немецких мастеров, селившихся в российских городах.

В 1795 г. из Турции переселилось в Очаковскую область более 6,5 тыс. старообрядцев.

Староверы обладали наилучшими навыками

¹⁵⁸ Там же. С. 93.

ведения земледельческого хозяйства из всех русских поселенцев Новороссии. В успешности «старые русские» уступали разве что меннонитам, получившим море льгот, ссуд и безвозмездной помощи.

В 1802 г. на основании манифеста Александра I на реке Молочной в Мелитопольском уезде Таврической губернии поселились духоборы, где им предоставили в полную собственность земельные участки, а также за ничтожную арендную плату – бывшие ногайские земли.

Духоборы были христианскими коммунистами с общественной обработкой земли и равным распределением продуктов.

В 1820-х гг. переселялись в Новороссию молокане из Тамбовской и Астраханской губерний.

К 1830-м гг. в Новороссийском крае насчитывалось более 36 тыс. старообрядцев и русских сектантов. Все они отличались коллективистским духом, взаимопомощью. Почти все их селения были зажиточны.

Русский крестьянин научился бороться с такими бедами новороссийских земель, как засуха и засоление почв.

Здесь он стал применять осеннюю зяблевую вспашку – чтобы сохранить «зимнюю сырость».

Осваивал новые устойчивые к зною сорта зерновых, например пшеницу-арнаутку, которая в Приазовье давала в первые 4–5 лет урожаи до сам-30.

Переселенцы переходили на орошаемое и богарное земледелие. Засоленные поля «лечились» водой из подведенных каналов.

Многие многоземельные крестьянские хозяйства использовали сложные севообороты. Например, сеяли после пшеницы ячмень, затем овес, гречу и озимую рожь. После гречи, умевшей подавлять сорняки и увеличивать плодородие почвы, поле не пахали, сеяли в стерню, а потом уже запахивали семена.

Но природа создавала ситуации, которые невозможно было пережить при помощи терпения и труда. Одна только суровая зима 1812 г. убила половину всего скота в Новороссии – 1,25 млн голов.¹⁵⁹

В императорском манифесте от 1804 г. говорилось уже о том, что ввиду размножения населения в центральных губерниях необходимо оставить новые земли для переселения русских крестьян, принимать иностранцев не каких попало, а семейных и зажиточных хозяев из числа тех, кто занимается земледелием, скотоводством,

¹⁵⁹ *Багалея*. Новороссия. С. 98, 102, 105.

виноградарством, разведением шелковичных червей и некоторыми ремеслами (кузнечное дело, ткачество, портняжничество).

Теперь европейцы, желавшие переселиться в Россию, должны были являться к российским резидентам, имея свидетельства от магистратов о своем хорошем поведении и предъявляя капитал в размере 300 гульденов. До водворения на месте европейцев обеспечивали только подводами на сухопутном участке пути и кормовыми деньгами.

Для них сохранялось освобождение на 10 лет от податей, они по-прежнему не несли наиболее тяжелых повинностей – рекрутской и постоянной. Им предоставлялось бесплатно по 60 десятин земли, до первой жатвы выдавалась беспроцентная ссуда на хозяйственное обзаведение по 300 руб. и более.

При Александре I размах земельной приватизации в Новороссии несколько уменьшился, но освобожденное дворянство все еще требовало «свое».

В 1803 г. прокатилась волна пожалований: штаб-офицерам – по 1 тыс. десятин земли, обер-офицерам – по 500. Многие брали землю только для того, чтобы затем перепродать.

С середины XIX в. крупные земельные собственники Новороссии, стремясь к увеличению

товарности, расширяли посевы сахарной свеклы, кормовых и технических культур и нуждались уже в меньшей по численности и к тому же сезонной рабочей силе. Землевладелец хотел оперативно отводить продуктивное поле под ту или иную культуру, затребованную на рынке. Для него батрак являлся более удобным работником, чем крестьянин. Владельцы специализированных хозяйств стали избавляться от «излишков» крестьянского населения на своей земле, захватывая крестьянские наделы, как и их собратья английские лендлорды. В общем, история вполне показала, что крупное землевладение хорошо для товарного производства, но для колонизации подходит плохо...

Несмотря на все издержки сомнительной земельной политики, в начале XIX в. Новороссия стала новой житницей России.

В 1804 г. Екатеринославская губерния дала 2387,7 тыс. четвертей хлеба, на продажу пошло 45 %.

Освоение Новороссии открыло еще одно окно для демографического роста российского населения, почти на столетие сняло ограничения, которые возникали из-за оскудения запаса удобных земель в старом Черноземье.

В 1768 г. в Новороссии жило 100 тыс. чел., в 1797 – уже 850 тыс., в 1823 – 1,5 млн.

Большую роль в освоении Новороссии сыграла политика правительства Николая I, благоприятствовавшая переселениям малоземельных государственных крестьян. Практика приватизации казенных земель была прекращена, свободные участки распределялись между переселенцами. Теперь уже помещик мог потерять свое имение за неподобающее отношение к крестьянам или заложив землю в государственное кредитное учреждение.

Казачи, казачи

В старом русском государстве было, формально говоря, два казачества: казачи служилые, входившие в число государевых служилых «по прибору», и вольные, не очень многочисленныe. Впрочем, вольное казачество до определенной степени также находилось на государственной службе, получало жалование из казны, начиная со времен Ивана Грозного. И свою государственную роль вполне осознавало: «Служим... за дом Пречистой Богородицы и за все твое Московское и Российское царство».

Вольное казачество то открыто участвовало в походах царских войск, то проводило «спецоперации»

против крымцев, турок и прочих беспокойных басурман. От «спецопераций» Москва формально открещивалась, чтобы не навлечь войну с Турцией или крымский набег, но тут же присылала казакам жалованье и царские грамоты: «Будьте уверены в нашей к вам милости и жалованьи». Без царской казны вольным казакам трудно было бы прожить, особенно донским, которые до конца XVII в. сами себе запрещали заниматься земледелием; наказания за нарушение запрета были весьма суровые (отдавали крепкого хозяйственника на разграбление и даже на смерть).

Правительство посылало на Дон, Яик, Терек хлеб, порох, свинец, ядра, холсты и сукна, в общем все, без чего нельзя жить на окраине. Государево жалованье грузилось в Воронеже на суда-будары и сплавлялось до Черкаска. Там встречали казну естественным оживлением, пальбой из всех калибров и следующими словами войскового атамана: «Государь за службу жалует рекою столбовою тихим Доном со всеми запольными реками, юртами и всеми угожьями и милостиво прислал свое царское годовое жалованье».

К востоку, северу и западу от земель вольных донских казаков стояли государевы сторожи, по Дикому полю ездили станицы государевых служилых

людей. Это была система раннего обнаружения татарских набегов, благодаря которой увеличивалась и безопасность казачьих земель.

Красивая и точная цитата из Любавского: «По мере того как подвигалась вперед **колонизация степей, руководимая государством**, укреплялась и разрасталась вольная казацкая колонизация на Дону и Днепре... Станицы казаков, пронесившиеся прежде по степи, как станицы перелетных журавлей, сели на землю и вытянулись длинными селениями по Дону и Донцу и их притокам».¹⁶⁰

Среди государевых людей весомую долю составляли тоже казаки, только не вольные, а служилые «по прибору». Их верстали из вольных казаков, крестьян, посадских. Наделяли землей на общинном праве, иногда на индивидуальном поместном. Помещики на окраинах, как казачьего, так и неказачьего происхождения, жили кучно, использовали общие выпасы, сенокосы, а кормящих крестьян, как правило, не имели. Так появлялись, например, атаманские деревни. (Назваться атаманом, при верстании на государеву службу, мог каждый желающий, поди проверь.) Впоследствии, в XVIII в., многие из этих помещиков в благородное дворянство не попали, а были

¹⁶⁰ Любавский. Наступление на степь. С. 19, 20.

перечислены в сословие однодворцев.

В Сибири как такового вольного казачества не было, ее прошли вдоль и поперек казаки служилые, достаточно вспомнить устюжан Дежнева и Атласова.

Да, произошло со временем огосударствление казачьей жизни и все казаки стали служилыми. А разве могло быть иначе? За XVII–XIX вв. на планете почти не осталось мест, куда бы ни пришли государственные институты: все локальные общины приняли верховную власть того или иного государства. Чаще всего вместе с государством приходил капитал, взламывал натуральное и мелкотоварное хозяйство, сгонял общинников с земли. В Российской империи этого не произошло. Государство, наоборот, тормозило приход капитала (купли-продажи) на казачьи земли. А земли у казаков было много, порой с избытком – так, согласно «Положению об управлении Войска Донского» от 1835 г., на каждого донца приходилось по 30 десятин. В южных районах к казакам нанимались работать «иногородние» или ногайцы.

Государство дорожило казачьей службой, поскольку главным было не товарность и прибыльность, а освоение, окультуривание территории и защита ее от врагов, от дикости. Казачество было уникальным

государственным и общественным институтом, несущим одновременно военные, полицейские, административные, хозяйственные функции. Идеальным инструментом обживания новых земель России.

Казак являлся одновременно воином, стражем порядка, крестьянином, ремесленником, транспортником, рыбаком, строителем, промысловиком и даже торговцем.

Войсковые атаманы с XVIII в. были наказные, назначаемые, однако на низовом уровне казачье самоуправление процветало (и очень напоминало крестьянское самоуправление в центре России середины XVI в).

Описания казачьей жизни, даже позднего времени, оставляют впечатление некоего военного коммунизма. Многие работы проводились коллективно, например рыбная ловля; пастбища и сенокосы не делились. Часть земли, пригодной для пашни, также находилась в свободном пользовании, каждый казак мог брать землю там, где удобнее; остальная земля подвергалась переделу. Пока взрослые казаки несли кордонную службу, казачата охраняли станичную землю, сидели в дозорах на берегу Терека или Лабы. Весь строй жизни был общинный: смотры, походы, праздники, управление.

Государство российское носило мобилизационный тягло-служебный характер, со всеми вытекающими минусами и плюсами. Основной плюс заключался в том, что русские не разделили судьбу многих аборигенных народов мировой периферии, а, продвигая фронт все дальше и дальше, создали огромный «русский мир». И казаки в этом играли видную роль. К 1917 г. было 11 казачьих войск от Уссурийского края до Кубани и Дона, все на государственной службе, их численность составляла миллионы душ обоего пола.

Регулярная российская армия, ее артиллерия и крепостные сооружения внесли огромный вклад в защиту Области Войска Донского. Казаки превратились в земледельцев, что дало начало быстрому росту донского населения. Здесь начали строиться школы, церкви, промышленные предприятия. В общем, приход государственных институтов в Область Войска Донского дал начало правильному освоению края, недавно еще полупустынного. Из пристанища отчаянного воинства он превратился в развитый регион, где вслед за сельскохозяйственным освоением поднялась и промышленность. Восточная часть донского края стала первым центром российской тяжелой индустрии. Население его, составлявшее в 1625 г.

всего 5 тыс. взрослых казаков, в 1775 г. было около 100–120 тыс. человек (30 тыс. взрослых казаков), столетием позже, в 1873 г., уже 1,3 млн человек. В общем, жителей на Дону, как казаков, так и неказачьих, стало на два порядка больше, чем во времена вольного казачества.

Марксисты-западники, вроде Троцкого, преследовали казаков не как отдельный народ, а как наиболее традиционалистскую, «реакционную» часть русского народа. Ведь казачество сохранило принципы организации и быта, характерные для всего русского фронта XV–XVII вв., в том числе постоянную готовность к вооруженной борьбе. Многие из этих принципов не сохранились во внутренних регионах России просто потому, что они давно перестали быть фронтиром.

Предгорья и горы

Предыстория. Миф об автохтонности

Кавказский хребет напоминает дуршлаг, в котором «застревали» племена и народности, переходившие из Азии в Европу, из зоны афразийских степей и пустынь в евразийские степи и обратно. Сами горы – место, малопривлекательное для жизни. Они были временным укрытием слабых и малочисленных племен от сильных и многочисленных народов.

Однако нет ничего более постоянного, чем временное.

Если очень кратко охарактеризовать историю «кавказского дуршлага», то с севера на юг через него проходили индоевропейские племена, носители Y-хромосомной гаплогруппы R1a, а с юга на север – выходцы из Передней Азии и Месопотамии, носители гаплогрупп J2 и G.

В X в., когда русские воины появились на Кавказе, они увидели там два крупных государства. Одно принадлежало ираноязычным аланам-христианам, жившим в верховьях Кубани, Пятигорье и по Тереку. Согласно арабскому автору Ибн Рустэ, восточная граница Алании проходила по Терско-Сулакской низменности, западная – по притоку Кубани – Лабе. Хазарское государство занимало помимо низовьев Волги, Дона, восточного Крыма также Кубань и часть Закавказья.¹⁶¹

В 943–944 гг. аланы были союзниками русских дружин в походе на Каспий и в Закавказье, когда те овладели большим городом Берда в районе озера Севан. Следы этого многотысячного воинства, возглавлявшегося одним из воевод князя Игоря, затерялись – хазары не пустили его обратно.

Удачливее оказался князь Святослав, который

¹⁶¹ http://grants.rsu.ru/osi/Don_NC/Middle/Alani.htm

в 965–966 гг. прошел по Волге и после победы над булгарами разрушил хазарский город Итиль – очевидно, волжские низовья перешли под контроль русского государства. Взяв хазарский город Семендер (будущие Тарки, окрестности современной Махачкалы) на Каспийском побережье, Святослав двинулся вдоль Кавказского хребта на запад, на Тамани занял Таматарху (Тмутаракань русских летописей), разгромил в Приазовье адыгов, из низовья Кубани отправился на нижний Дон, где взял хазарскую крепость Саркел, выстроенную византийскими инженерами. Последняя была переименована в Белую Вежу (вежа – крепость) и стала русским степным форпостом.

От разгрома, учиненного Святославом, хазары более уже не оправились. На Кавказе наступает время расцвета алан.

В 1032 г. аланы вместе с русскими дружинниками ходили на Ширван, в следующем году на Дербент. Военные кампании русских и алан против мусульманских владетелей Восточного Закавказья были связаны с деятельностью черниговского князя Мстислава Владимировича, владевшего восточной частью Киевской Руси, Азовским побережьем и Западным Прикубаньем.

В XI–XII вв. Алания переживала период расцвета.

Часть аланских поселений приобретает городской тип. Константинополь создает Аланскую митрополию и разворачивает в верховьях Кубани широкое церковное строительство.¹⁶²

В 1238–1239 гг. Алания подвергается разгрому со стороны монгол. Уцелевшие аланы заперты в горах, где большая их часть вымирает от голода.

Фламандский путешественник Г. Рубрук, посетивший Кавказ в 1254 г., писал: «Аланы на этих горах все еще не покорены, так что из каждого десятка людей Сартаха (сына Батыя) двоим надлежало караулить горные ущелья, чтобы аланы не выходили из гор».¹⁶³

Предгорные равнины, закрытые Терским, Сунженским и Качкалыковским хребтами от зимних буранов, стали зимними пастбищами татарских стад. В Эльхотовском ущелье, на Тереке, на месте аланского городища Верхний Джулат, находилась ставка золотоордынского хана – Татартуп.

В конце XIV в. Тамерлан, во время борьбы с Золотой Ордой, нанес еще один сокрушительный удар по аланам, преследуя их в горах и подвергая уничтожению. Лишь небольшая часть алан уцелела в горных верховьях Кубани и в Приэльбрусье.

¹⁶² <http://na5.ru/505233-l>

¹⁶³ http://www.dombayinfo.ru/karachay/about_karachay4

Нашествия татаро-монголов и узбеков Тамерлана капитально изменили этническую карту Кавказа.

С ослаблением Золотой Орды на Северном Кавказе началась экспансия адыгов (черкесов).

Адыги вытесняют татар из района Пятигорья и запирают тюркское племя балкар в горных ущельях под Эльбрусом. Вскоре адыги-кабардинцы господствуют над всей западной частью Терского края. В восточной части края кочует племя кумык («степные люди») – один из осколков Золотой Орды.

Со временем Кабарда разделилась на Большую, к югу от течения Малки, и Малую, занимавшую западную часть Терского хребта. Особенностью кабардинцев, как, впрочем, и остальных адыгских племен, была кастовая иерархичность. В верхней части иерархии находились князья, за ними следовали три благородные касты (уорки или уздени), внизу находились четыре полурабские и рабские касты.

Вскоре после взятия русскими войсками Казани, в ноябре 1552 г., в Москву прибыли князья Жанейских и Пятигорских «черкасов» (т. е. черкесов) и присягнули царю Ивану Васильевичу.

Царь Иван направил к черкесам посла Андрея Щепотева, чтобы тот на месте получил присягу на подданство. В августе 1555 г. Щепотев возвратился в

Москву с известием, что черкесы дали присягу «всею землею».

В то время адыги являлись христианами – христианство перешло к ним, очевидно, от алан, хотя и сочеталось с языческими верованиями.

Вслед за покорением Казанского и Астраханского царств увеличивается и русское население на Тереке. К гребенским казакам, выходцам из Рязанского края, добавляются казаки с Волги.

Одновременно с походом Д. Вишневецкого (литовского князя на московской службе) на Крым в октябре 1556 г. пятигорские черкесы, перешедшие в российское подданство, взяли крымскую крепость Темрюк на Тамани.

В 1557 г. российское подданство принимает группа кабардинских властителей. Прибывшие в Москву послы князей Темрюка и Тазрюта «бьют челом» Ивану IV, прося, чтобы царь оберегал их как собственных подданных от всех противников.

«Черкасы пятигорские многие» двинулись, совместно с русскими войсками, против Ливонского ордена в 1558 г.

Вскоре были посланы на Терек государевы люди – дети боярские, стрельцы, служилые казаки. В 1559 г. они помогают кабардинцам обороняться от кумык. Годом позже воевода Иван Черемисинов с русско-

кабардинским войском идет в поход на шамхала Тарковского.¹⁶⁴

Шамхальство было крупным государством, занимавшим северную часть Дагестана; оно находилось в зависимости от Османской империи и поставляло рабов, в первую очередь кабардинцев, на османский рынок.

Войско под командованием Черемисинова разгромило шамхала Чулана и сожгло Тарки.¹⁶⁵

Царь Иван после смерти своей супруги Анастасии Романовны женился в 1561 г. на дочери влиятельного кабардинского князя Темрюка Айдаровича.

Казачи и служилые люди на Тереке

К началу XVI в. относится формирование русских казачьих сообществ в восточной части Северного Кавказа.

Терский атаман Караулов, пользовавшийся устными преданиями, писал в своей книге, что в 1520-х гг. рязанские казаки прошли Доном к «переволоке» на Волгу (в районе будущего Царицына), спустились в Каспий, оттуда вошли в устье Терека, затем поднялись на 150 верст вверх по реке.

¹⁶⁴ *Караулов М. А.* Терское казачество. М., 2008. С. 104.

¹⁶⁵ *Вершинин А.* <http://putnikl.livejournal.com/415931.html>

Русские поселенцы осели на Терско-Сунженских возвышенностях, на гребне Терского хребта между правым берегом Терека и левым берегом нижней Сунжи – отсюда происходит название «гребенские казаки».¹⁶⁶

Особенности терского говора также указывают на происхождение первоначальных русских обитателей Сунжи и Терека из южной части Рязанского края.

Селились русские на правом берегу Сунжи возле того места, где три века спустя возникнет город Грозный, а также у впадения в нее Аргуна. Существовали поселения гребенских казаков на р. Баас, Хулхулау, Сулак, в среднем течении Сунжи и Аргуна, на Тереке ниже впадения Сунжи.

В 1554 г. группа казаков, которая пришла с Волги и учинила на каспийских берегах «многая персиянам грабительства», поселилась на реке Акташ в городке, именуемом Андреева Деревня.

Стоит упомянуть, что это было время достаточно благоприятное с точки зрения окружения для гребенских и терских казаков.

И Терек, и Сунжа тогда были гораздо многоводнее, чем теперь, и использовались купцами, которые доставляли товары из Азова в Дербент и Шемаху.

¹⁶⁶ Великая Н. Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX. Ростов н/Д, 2001. С. 41.

Гребенцы держали на переправах через Сунжу, а также у входов на горные перевалы свои заставы, собирая, естественно, «дани-выходцы» с купцов, сопровождая торговые караваны и отбивая нападения на них разбойного люда, приходящего с гор и степей.

На Тереке с казаками соседствовали православные кабардинцы, присягнувшие русскому царю.

Когда в 1552 г. 150 знатных кабардинцев («пятигорских черкас») явились в Москву просить русского подданства, с ними прибыла и станица гребенских казаков. Царь Иван принял их на службу.

В 1563 г. на помощь кабардинскому князю Темрюку Айдаровичу был послан из Астрахани воевода Плещеев, а «с ним стрельцов 500 человек, да 5 атаманов, а казаков с ними 500 человек...»¹⁶⁷

Русские ратники поставили крепость на правом берегу Терека, на аланском городище Нижний Джулат (близ современного города Майский). Назвалась она Терки.¹⁶⁸

В 1567 г. «князя Андрей Бабичев и Петр Протасьев со многими людьми, пушками и

¹⁶⁷ Губенко О. В. Казачья старина XV век – 1721 год // http://artofwar.ru/g/gubenko_o_w/text_0013.shtml (Далее – Казачья старина.)

¹⁶⁸ Караулов. С. 104.

пищалями» построили около устья Сунжи еще одну крепость, обозначаемую на исторических картах как Сунженский городок. Встала она на пути между Крымом и Дербентом, что, естественно, не понравилось крымцам.

Когда турки и крымцы возвращались в 1569 г. из похода на Астрахань, то гребенцы и кабардинцы изрядно потрепали вражеское войско в степи. Не только голод, но и эти нападения стали причиной того, что из янычар домой не вернулся почти никто.¹⁶⁹

В 1569 г. казаки с реки Акташ во главе с атаманом Шадрою перешли на Терек, где поставили городок Шадрин.¹⁷⁰

В 1571 г. крепость Терки была оставлена стрельцами, однако еще какое-то время использовалась союзными Москве кабардинцами и гребенскими казаками.

Воевода Лукьян Новосильцев в 1577 г. переставил крепость в устье Сунжи на новое место. В гарнизоне ее состояли терские служилые казаки, а также принятые на службу «новокрещены». В это время документами отмечено участие терцев в столкновении с крымцами на Сунже.¹⁷¹

¹⁶⁹ Абаза. С. 302.

¹⁷⁰ Татищев В. Н. Избранные произведения. Л., 1979. С. 247.

¹⁷¹ Казачья старина.

С этого года считается старшинство Терского казачьего войска. Пять сотен казаков начали получать из казны жалованье.¹⁷²

Казаки ездили за ним зимой в Москву, царь принимал терцев, дарил им подарки, серебро и меха.

В 1578 г. Тарковский шамхал вынужден был дать согласие на постройку российского укрепления на реке Овечьи Воды (Койсу-Сулак, современный Дагестан), где также встали стрельцы и казаки.

К концу эпохи Ивана Грозного терцев и гребенцов, считая одних только мужчин, было около 4 тыс. Царь Иван остался в памяти терских казаков не Карамзинским «тираном», а патроном войска:¹⁷³

*Подарю я вас, казаченьки, да пожалую
Рекой вольной, Тереком-Горынычем,
Что от самого гребня до синя моря,
До синего моря до Каспийского.*¹⁷⁴

В 1588 г. московские войска в низовьях Терека сооружают новый городок со старым именем Терки. Воеводой там садится князь Андрей Хворостинин, брат знаменитого военачальника

¹⁷² Караулов. С. 105.

¹⁷³ Абаза. С. 315.

¹⁷⁴ Потто. Т. 1. С. 6.

Дмитрия Хворостинина. Появление новых Терок, очевидно, связано с соглашениями, которые заключило русское правительство с грузинским Кахетинским царством.

Терский воевода ставит остроги на Сунже, Койсу и Акташе с гарнизонами из стрельцов и казаков.¹⁷⁵

Воеводы Хворостинин в 1594 г. и Бутурлин в 1604 г. ходили с казаками на шамхальство Тарковское. Предполагалось, что русским окажет помощь кахетинский царь, а на шамхальский трон будет посажен кахетинский царевич. Однако помощи от вялых грузин не дождались; оба похода, несмотря на занятие Тарок, закончились неудачей и большими потерями русских войск.

Окрест крепости Терки возникло несколько слобод, в частности Черкасская, Новокрещенская, Окоцкая (в последней жили мусульмане из числа кавказских народов).

Слободы эти, по словам посетившего в 1623 г. Терки служилого человека Ф. Котова, были велики, а крепость являлась к тому же торговым центром. Русские и восточные купцы вели торговлю около трех гостиных дворов: Старенького, Нового и Билянского.

В годы Смуты Москве, конечно, было не до Терского края, хотя воевода какое-то время еще

¹⁷⁵ Караулов. С. 105

оставался в Терках с отрядом служилых людей. А вот терские и гребенские казаки поучаствовали в большой политике, желая посадить на московский трон некоего муромца Илью Коровина, выдаваемого за царевича Петра. Загулявшие казаки со своим «царевичем» присоединились к войску Болотникова. Те из них, что попали в плен в Туле, были помилованы и отправлены обратно на Терек. В 1613 г. отряд терцев с воеводой Головиным, пройдя через Астрахань на Волгу, ловил знаменитого воровского атамана Заруцкого, приложившего немало сил к продолжению Смуты.¹⁷⁶

По окончании Смутного времени в Терки был снова направлен воевода из Москвы. С 1618 г. Разрядный приказ возобновил выплату жалования гребенским и терским казакам.¹⁷⁷

В 1628 г. английские минерологи Фрич и Герольд, посланные московским правительством на Кавказ для поиска руд цветных металлов, находили кров в гребенских селениях неподалеку от становищ кумыцкого мурзы.¹⁷⁸

В 1633 г. терцы ходили на Малые Ногаи, в 1645–1646 гг. – на Большие Ногаи совместно с

¹⁷⁶ Казачья старина.

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ Караулов. С. 98.

государевыми войсками и донскими казаками.¹⁷⁹

В 1651 г. возобновляется острог в устье Сунжи, в котором располагаются государевы служилые люди. Около него появляются торговые слободы с разноплеменным людом.

У казаков Терека раньше, чем на Дону и Яике, очевидно с середины XVII в., стало развиваться сельское хозяйство, причем разнообразное: скотоводство, хлебопашество, садоводство, пчеловодство, даже шелководство. Терский воевода в письме в Москву отмечал, что в гребенских селениях, в 150 верстах от устья Терека, «виноградного кустья добре много».

В 1653 г. Сунженский острог отбил от кумыков Тарковского шамхала и персов. Но разорения, причиненные окрестным гребенским селениям, были столь велики, что служилые люди ушли отсюда в Терки.

Гребенцы и терцы участвовали в долгой русско-польской войне 1654–1667 гг., сражались со шведами в 1656 г., с турками в Чигиринской битве, ходили на Крым с воеводой Голицыным и с царем Петром штурмовали Азов.¹⁸⁰

После никоновской реформы немало староверов

¹⁷⁹ Казачья старина.

¹⁸⁰ Там же.

подались на Северный Кавказ: селились в прикумских Черных лесах, на Аграхани, притоке Сулака, на правом берегу Терека. Некоторые из них, теснимые кумыками, ушли во владения крымского хана на Кубань и позднее слились с некрасовцами, беглыми донскими староверами. Некрасовцы немало повоевали под турецкими знаменами против донских и терских казаков, своих бывших братьев. Не раз аукнулось никоновское «исправление книг», которое было по сути унижением русской духовной культуры, разрушением образа «Москвы – Третьего Рима», хранительницы православной веры.

В 1660-х гг. казаки основали Трехстенный городок близ впадения Баклаковского ерика в Каспий.

После сильного шторма, затопившего Терки в 1668 г., служилые казаки перешли в Старый Городок на реке Капай.

Этот год оказался бурным по части не только погодных экстремумов, но и социальной активности масс.

Соратники Стеньки Разина побывали в казачьих селениях у Калиновых Лук на Тереке. Предположительно некоторые терцы участвовали в походах Разина, но в 1671 г. терские и гребенские казаки пленили разинского атамана Шелудяка в Астрахани.

На рубеже XVII и XVIII в. гребенские казаки выставляли на государеву службу 1 тыс. человек. Оскудение числа казаков связано с суровыми испытаниями этого времени. Происходило усиление турецкого влияния на Северном Кавказе, турки исламизировали не только адыгов Западного Кавказа, но и Кабарду, где от прежнего русского влияния ничего не осталось. В 1688 г. османский властитель-сераскир Прикубанья Казы-Гирей разорил немало казачьих поселений на Тереке. В 1707 г. на Терек с Кубани снова пришло ногайско-черкесское войско во главе с сераскиром Каип-Султаном, чтобы сжечь посады и слободы Старого Городка. Уцелевшие их обитатели были забраны в неволю.¹⁸¹

С конца XVII в. у казаков появляются новые соседи – вайнахи. Местом первоначального их обитания на Кавказе были горные теснины в верховьях Ассы и Аргуна. По выходу на предгорную равнину вайнахи подвергались набегам кумыков, затем прошли через правление князей Турловых из дагестанского Гумбета. Те собирали подати, призывали воинов в свою дружину и создали систему взаимопомощи между селениями.¹⁸²

¹⁸¹ Там же. С. 102, 110–113.

¹⁸² Караулов. С. 215.

Граф П. Апраксин в 1711 г. примерно наказал кубанские племена, разорявшие в то время поволжские русские уезды, – разбив их на реке Чаны.¹⁸³ И предложил гребенским казакам из соображений безопасности перейти из района между Тереком и нижней Сунжей на левый берег Терека. Гребенцы еще какое-то время пользовались угодьями на правом плодородном берегу Терека, но те мало-помалу перешли в распоряжение вайнахов.¹⁸⁴ На память о казаках там остались такие названия, как Урус-Мартан – Русская Река.

На левом берегу Терека гребенцы образовали станицы Червленную, Щедринскую, Курдюковскую, Старогладковскую, Новогладковскую.

И здесь не оказалось мирной жизни, однако отбивать нападение врагов было легче – благодаря естественной речной границе.

Около полутысячи терских и гребенских казаков участвовали в экспедиции князя Александра Бековича-Черкасского (кабардинца родом), имевшей целью открытие пути в восточные страны. Разбив врага в поле, русские вошли в Хиву и были там погублены коварным ханом. На Терек вернулись лишь 3 человека, среди них, после сорокалетней

¹⁸³ *Перетяткович*. Поволжье в XVII в. С. 338; *Потто*. Т. 1. С. 12, 13.

¹⁸⁴ *Потто*. Т. 1. С. 13.

неволи, казак из Червленной Демушкин, чей рассказ превратился в легенду, заканчивавшуюся словами: «По ком плачешь, Терек-Горынович?» – «По гребенским моим по казаченькам. Как-то я буду за них ответ держать перед грозным царем Иваном Васильевичем!»¹⁸⁵

Результатом персидского похода Петра, приведшего к покорности и несколько дагестанских правителей, было создание крепости Святого Креста при впадении Аграхани в Сулак. Туда переселилась часть терцев и гребенцов, а в 1722 г. из них образовано было Аграханское казачье войско, которое пополнилось тысячей донских казаков с семьями.

Сотня терских казаков и 50 пехотинцев, засев в редуте, отразили на Сулаке нападение 20-тысячного войска Тарковского шамхала, после чего сами Тарки были легко взяты полковником Еропкиным.

В 1733 г. 25-тысячное крымско-татарское войско, ходившие по указанию турецкого султана через Сунжу на персидский Дагестан, опустошило немало терских и гребенских станиц.

Двумя годами позже крепость Святого Креста, гарнизон которой сильно пострадал от эпидемии, была срыта, а терские казаки с Сулака и Аграхани

¹⁸⁵ Там же. С. 14.

стали переселяться на север в новый городок Кизлярский на Тереке.

Терцы участвовали в походах калмыцкого правителя Дондук-Омбо и донских казаков, уничтоживших ногайскую мощь на Кубани в ходе русско-турецкой войны 1736–1739 гг.

Постройкой Кизляра было положено начало созданию Терской линии, к терцам прибыло пополнение – казаки с Волги.

Как растревоженные осы, немирные горцы кружили вокруг Кизляра, кусая там и сям, но взять не могли.

Казаки, поселенные в крепости, образовали войско Терское Кизлярское, а живущие выше по Тереку, в Бороздинской, Дубовской и Каргалинской станицах, получили название Терское Семейное войско, поскольку получали от государства продовольствие для своих семей.

В 1785 г. Кизлярская крепость, которой командовали атаман Сехин и князь из славного рода Бековичей-Черкасских, увидела под своими стенами 15-тысячное скопище горцев и кумыков, приведенных шейхом Мансуром. Вражеское воинство, переправившись через Терек, грабило селения и хутора вокруг крепости, как саранча уничтожало посевы. В Кизляре началась паника, русские и армянские священники ходили по

улицам с молебным пением, успокаивая народ. 20 августа горская рать бросилась на ретраншемент, обороняемый терцами во главе с Бековичем-Черкасским, но была отбита, затем напала на стоявший у Кизляра Томский полк. Полк отошел в крепость, встречая атакующих горцев огнем карте и штыковыми контратаками. После пяти безуспешных штурмов, потеряв несколько сотен человек, горцы сняли осаду.

Генерал Гудович 7 ноября 1791 г. писал императрице Екатерине о гребенцах, участниках последней русско-турецкой войны: «Гребенские казаки отменно храбрые, хорошо стрелять умеющие и для здешнего горного края полезны; можно оных почестъ конными егерями. Они и в прошедший поход под Анапой¹⁸⁶ везде себя особливо отличили».¹⁸⁷

Постоянное состояние войны не способствовало быстрому увеличению числа терцев, к концу XVIII в. в терских Кизлярском и Семейном войсках было не более 1,5 тыс. взрослых казаков.

Как и в других казачьих войсках, терцы жили по старинным русским обычаям, по давно утвердившимся правилам русского фронта. Много среди них было и староверов. На Тереке стояли

¹⁸⁶ В 1788 г.

¹⁸⁷ *Помно.* Т. 1. С. 101.

скиты, из-за враждебного окружения имевшие вид небольших крепостей; там жили старцы, молившиеся двуперстным сложением, а заодно владевшие шашкой и стрельбой.

Природа, климат, соседство с горцами наложили отпечаток на материальный быт терцев. Их мужская одежда была отмечена сильным влиянием Кабарды. Позаимствовать было не грех – кабардинские аристократы являлись законодателями мод на всем Кавказе.

Терцы считались великолепными наездниками и, в отличие от донцов и уральцев, пиками не пользовались. «Яицкие казаки дивовались, как мы супротив длинных киргизских пик в шашки ходим», – вспоминал терский участник среднеазиатского похода Бековича.¹⁸⁸

Терцы стали и прекрасными земледельцами, освоили орошаемое земледелие, умели бороться с засолением полей. Известный агроном И. Комов писал в 1788 г.: «А казаки семейные низменные в степи лощины, прокопавши из Терека ров, водой затопляют. После ров запружают и, как вода от летних жаров высохнет в лощине, тогда ее пашут и пшеницу сеют, которая в таких местах родится

¹⁸⁸ Абаза. С. 317.

чрезвычайно». ¹⁸⁹

Поскольку мужчины были заняты разъездами и походами, на приусадебных и полевых работах применялся труд батраков из числа ногайцев и чеченцев.

Обычаи землепользования у терских казаков происходили от русского общинного права. Часть станичных земель предоставлялась в коллективное пользование; лучшие земли – как пахотные, так и сенокосы – делились между всеми казаками на сходе. Каждый имел право обрабатывать земли, сколько хочет, в лощинах, на незанятых и малодобных местах. В некоторых станицах все земли предоставлялись казакам на выбор – надо было только перед посевом обвести плугом границы выбранного участка. ¹⁹⁰

Войско избирало старшину: атамана, которому вручалась насека, хорунжего – хранителя знамени, есаула, смотрящего за организацией и дисциплиной. Что-то подобное происходило и в станицах. Не меньшую роль, чем старшина, играли «почтенные казаки», выделяющиеся умом, заслугами и ранами.

Воинский уряд (порядок) не отличался от такового

¹⁸⁹ *Милов А. В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001. С. 71.

¹⁹⁰ *Соколовский.* С. 145.

в других казачьих войсках. Походное начальство выбиралось, от десятника до походного атамана, но власть последнего в походе была абсолютной. Одного атаманского слова было достаточно, чтобы предать послушника смерти.

Наказания, налагаемые казачьим кругом, были суровы и пресекали всякое разложение в корне. «Так установили отцы» – суд и расправа руководствовались обычаем. Казачье самоуправление и «демократия», проповедуемая сегодняшними либералами, – это, как говорят в Одессе, две большие разницы.

На левом берегу Терека казачьи поселения стояли на полосе плодородной земли шириной всего в несколько сот метров. Терек нередко менял свое русло, уничтожая посевы, но за пределами этой полосы начинались сухие почвы. Немирным горцам было легко попасть на территорию казачьего войска, переправившись через узкую реку. Они вырезали посты, вводили в плен женщин и детей, отгоняли скот.

Ни в какую поездку казаки и члены их семей не отправлялись без оружия, вооруженными работали и в поле.

Пока шла работа в полях или садах, подростки сидели на своих постах, где-нибудь на ветвях высокого дерева.

С наступлением темноты все работники спешили под защиту станичных укреплений, из станиц и с постов выезжали разъезды, на берегу маскировалась в зарослях казачья «залога».

Опытные казаки умели различать по шуму реки, не переходят ли ее вброд враги.

Как только у съезжей избы ударял колокол, из ворот выносился станичный резерв, пытавшийся перехватить горцев, уводящих полон. Как правило, казачья погоня уходила в Затеречье на один «перегон доброго коня». Иногда удавалось отбить людей и добро, нередко казаки сами попадали в засаду, в окружение. Своих не бросали, казаки пробивались на помощь товарищам, даже если это сулило верную гибель.

Вот, можно сказать, типичный случай. Абреки напали на казака Новогладковской станицы, который работал в саду вместе с женой, ранили его, скрутили их обоих и потащили к Тереку. Работавший в соседнем саду Василий Дохторов бросился на шум, пошел по следам крови к реке, сделал несколько выстрелов по горцам, уже подвязавшим бурдюки-турлуки (плавсредства), затем полез с шашкой в воду. Перекрестил похитителей клинком и отбил соседей.

В 1832 г., когда было образовано Кавказское линейное казачье войско, в него вошло Гребенское

войско под названием Гребенской казачий полк, Терское Кизлярское под именем Кизлярского казачьего полка, Терское Семейное под именем Терского казачьего полка. К 1870 г., после ряда объединений и переименований, все эти подразделения составили Кизляро-Гребенской полк как часть Терского казачьего войска. Это войско вобрало с 1861 г. большую часть линейного казачества.

Гребенцы и терцы участвовали во всех кампаниях русской армии на Центральном и Восточном Кавказе, включая взятие Шамиля в Гунибе, во всех войнах против Персии и Турции, во многих среднеазиатских походах. Кизляро-Гребенской и Сунженско-Владикавказский полки получили «георгиевские трубы» за взятие разбойной Хивы в 1873 г. Терек-Горыныч мог быть доволен, гребенцы отомстили за гибель своих предков – участников экспедиции Бековича.

К началу Первой мировой войны численность Терского казачьего войска составляла вместе с членами семей 229,5 тыс. человек.¹⁹¹

Сокрушить этот оплот русского владычества на Кавказе могла только гражданская смута.

¹⁹¹ Караулов. С. 210.

Моздокские казаки

В 1721 г. грузинский царь Вахтанг VI через астраханского губернатора Волынского просил царя Петра прислать русские войска в Грузию, а также предложил построить русскую крепость на Тереке «между Кабарды и Гребенских казаков». Однако вскоре русское влияние на обе Кабарды значительно ослабло, что и было зафиксировано в русско-турецком договоре 1739 г.

Только в 1763 г. удалось заключить соглашение с малокабардинским князем, которого русские звали Канчокин, и на левом берегу Терека, в урочище Мыздогу (Дремучий Лес), было построено укрепление. Хотя кабардинские феодалы вскоре опомнились и потребовали его срыть, в 1765 г. оно было обращено в крепость, именуемую Моздок, и снабжено 40 пушками.

Те же кабардинцы, с добавлением казаков, составили в 1769 г. ее гарнизон, называемый Моздокской Горской казачьей командой.

В это время формировалась Терская линия, брешь между Моздоком и гребенскими городками заполнили казаками Волгского войска.

Казаки с Волги поставили пять станиц, каждая

из которых была обнесена валом и снабжена трехфунтовыми пушками. Эти станицы образовали Моздокский полк.

Для обслуживания крепостной артиллерии Моздока с Дона было переведено сто канониров с семьями, которые построили станицу Луковскую. Для несения артиллерийской службы в моздокских станицах прибыло еще 250 семей с Дона.

В июне 1774 г., во время русско-турецкой войны, станицы Моздокского полка подверглись нападению 10-тысячного войска, состоящего из крымских татар, турок, кабардинцев, некрасовцев и возглавляемого калгой Шабаз-Гиреем. Четыре станицы были сожжены врагами. А вот Наурская оказала геройское сопротивление.

Строевые казаки находились в походе. Станицу обороняли старики, женщины, подростки и небольшая солдатская команда во главе с Иваном Савельевым. Защитники били нападающих чем попало – косами, вилами, ухватами, лили на басурманов смолу, кипяток и даже плескали щипцами. Жители с солдатами споро перетаскивали с позиции на позицию несколько чугунных пушечек. А вражеское войско нападало под защитой деревянных щитов, установленных на арбы (гуляй-город в восточном стиле).

После нескольких отбитых приступов потери нападающих достигли 800 человек. Однако и осажденные не получили никакой помощи. В станице Червленной, находящейся в 40 верстах, слышали грохот выстрелов, но почему-то считали, что у соседей идет водевиль, задаваемый бродячими артистами (возможно, это лишь исторический анекдот). Осада была снята после того, как племянника калги разорвало метким выстрелом из пушки.

«А то, дос,¹⁹² не щи ли в Науре хлебал?» – подкалывали потом казаки кабардинцев.¹⁹³

В 1780-х гг. против станиц Моздокского казачьего полка, на правом берегу Терека, появляются чеченские аулы.

А в 1785 г. началось восстание поддерживаемого турками шейха Мансура (ходили слухи, что этот человек был не религиозным фанатиком, а итальянским авантюристом). После августовской неудачи с осадой Кизляра повстанцы атаковали в разных местах Кавказскую линию.

За неимением другой легкой конницы отряды казаков, часто сводные (терцы, гребенцы, донцы), носились по линии, выискивая вражеские скопища.

¹⁹² Дос – приятель

¹⁹³ Караулов. С. 121.

2 ноября 1785 г. моздокские казаки отличились в деле при Григориополисе, где отряд полковника Нагеля помешал вступлению шейха Мансура в Кабарду. На русских двинулось 20-тысячное скопище, и здесь использовались мобильные укрепления типа гуляй-город. Однако цвет мансуровского воинства был обращен в бегство. Храбрейшие из храбрых бежали как стадо баранов.

Вскоре шейх Мансур, добитый генералом Текели, отправился в русский плен. Но взрывы религиозного фанатизма будут повторяться. На Северном Кавказе они найдут благодатную почву. Русские войска и казачьи станицы мешали набеговой экономике горных районов.

У входа в горы был поставлен Владикавказ, на пути от Моздока к новой крепости построены три редута. Для наблюдения за Кабардой у Татартупского ущелья на Тереке встал редут Потемкинский.

Моздокский полк усилили новыми переселенцами с Дона, казаками Саратовской крепостной милиции, крещеными калмыками. Командиром полка стал полковник Иван Савельев, герой обороны Наурской, по имени которого позднее были названы хутора около Мекеней, ставшие станицей Савельевской.¹⁹⁴

Казаки-моздокцы составили и ядро Сунженского

¹⁹⁴ Караулов. С. 115, 116.

казачьего полка, образованного в 1845 г., наверное, самого лихого и прославленного на последнем этапе Кавказской войны.

Опыт земледелия у казаков Северного Кавказа надо признать удачным. В селениях Моздокского полка, стоящих на черноземных, глинистых и местами песчаных почвах («чернопещаных»), трехпольная система была полностью отставлена. В феврале землю один раз вспахивали тяжелым плугом, засевали яровым хлебом, боронили четыре раза. По снятии яровых, не пахав, засевали озимыми. И снова заборанивали четыре раза. Озимые в незасушливые годы давали до сам-16! Плугом, запряженным тремя парами волов, могли управляться даже подростки – взрослые казаки были заняты службой.¹⁹⁵

Кавказская линия и колонизация Северного Кавказа

После русско-турецкой войны 1768–1774 гг. настало время обустройства Кавказской линии, оборудованной и защищенной границы между оседлым населением южных российских губерний и горскими племенами.

¹⁹⁵ Милов. С. 67–68.

Кавказский край в это время находился в ведении Новороссийского генерал-губернатора князя г. Потемкина, который поручил обустройство границы Астраханскому губернатору И. Якоби.

Линия создавалась на основе существующих кордонных участков по Кубани, Малке и Тереку, которые теперь смыкались в единую полосу укреплений. Защищали ее терские, гребенские, моздокские казаки, к ним на помощь прибывали казаки с Дона, Урала, Волги, Хопра и Днепра. За линией селились крестьяне, многие из которых стали привычными к постоянной пограничной войне не менее казаков. Среди защитников линии были и представители кавказских народностей, особенно кабардинцы и ногайцы.

Первоначальное назначение линии было сугубо оборонительное. Она должна была преградить путь немирным горцам, чьи набеги поражали не только степное Предкавказье, но также достигали Дона, Волги, Воронежского края. С 1713 по 1804 г. российским землевладельцам отвели в Предкавказье лишь 623 тыс. десятин земли, преимущественно в Ставрополье, – в общем, немного, из-за набеговой активности горцев.

По рапорту Потемкина военная коллегия создала от Моздока до Азова десять новых укреплений,

построила на Дону крепость Св. Дмитрия Ростовского.

Для службы на линии переселялось Волгское казачье войско. 517 семей разместились от Моздока вниз по Тереку, а 700 семей вверх по Тереку и по верховьям Кумы, до Новогеоргиевска.

На линию был переведен Хоперский казачий полк (ведущий свою давнюю историю от новохоперских городских казаков), который создал станицы Ставропольскую, Северную, Московскую и Донскую.

В верховьях Кубани расположился Кубанский казачий полк, состоявший поначалу из 100 донских казаков с семьями. Сюда передвинули и часть хоперцев.¹⁹⁶

Переселение казаков из станиц, оказавшихся в тылу, на новую границу было обычной практикой. Кому двигаться в путь, обычно решалось добровольно и скреплялось станичным приговором.¹⁹⁷ Переводились на новые места и целые станицы, на их месте устраивались поселения государственных крестьян или дворянские имения.

Известно, что донцы, привыкшие к степям, поначалу неуютно чувствовали себя в горах и даже получили от старых линейцев нелестное прозвище

¹⁹⁶ Караулов. С. 116, 117.

¹⁹⁷ Абаза. С. 325.

«камыш». Традиционная донская пика была неудобна в условиях горной войны, в борьбе против панцирных узденей. Но со временем донцы освоились и во главе с такими атаманами, как Власов и Бакланов, отметились многими подвигами.

Нередко села и слободы, населенные крестьянами и однодворцами, обращались в казачьи станицы, как, например, Шелковская, Павлодольская, Прохладная.

В Ставропольском казачьем полку служили недавние государственные крестьяне – оказались они быстро.

С конца XVIII в. Кавказская линия должна была обеспечивать и связи с Закавказьем, где картли-кахетинские правители присягнули России и получили ее покровительство. В 1784 г. стала обустраиваться укреплениями и постами казаков-линейцев дорога, ведущая из Моздока в Грузию через Дарьяльское ущелье, – она получила наименование Военно-Грузинской.¹⁹⁸

В это время все казачество Кавказской линии выставляло на строевую службу до 13,5 тыс. бойцов и гребную флотилию в 25 судов.

Каждый казачий полк представлял собой и участок хозяйственного освоения фронта со своими селениями, пашнями, выпасами, дорогами,

¹⁹⁸ Караулов. С. 132.

собственной сторожевой и полицейской службой, органами административного и хозяйственного управления.

Помимо поселенных на линии казаков ее защищала пехота и кавалерийские подразделения регулярной армии.

Кавказ можно было покорить, лишь заселив его русскими людьми, – Петербург, как правило, осознал этот принцип. И на самых острых кавказских гранях предпочтение отдавалось казачеству – войску самоуправляющемуся и в основном самообеспечивающемуся.

Казачий генерал Караулов приводит такое изречение горцев: «Укрепление – это камень, брошенный в поле: дождь и ветер уничтожает его; станица – это растение, которое впивается в землю корнями и понемногу застилает и охватывает все поле».

«Типовой план» для казачьей станицы был таков. Прямые улицы вдоль и поперек. Посредине площадь с церковью – для сборов по тревоге и проведения общественных мероприятий.

Своими укреплениями линейная станица весьма напоминала городки на оборонительных чертах русского государства столетней и двухсотлетней давности.

Со всех сторон она окапывалась глубоким и широким рвом. По его внутреннему краю ставилась ограда, дополненная терновником, игравшим роль спирали Бруно. С двух или четырех сторон оборудовались въезды.

В промежутках от станицы к станице тянулся «кордон» – цепь сторожевых постов и пикетов.¹⁹⁹ Последние на ночь заменялись секретами.²⁰⁰

На каждом посту сооружалась вышка и «хатка» (небольшая постройка, иногда просто шалаш), а также «фигура», необходимая для сигнализации, – к примеру, шест, обмотанный паклей. На конных постах имелась конюшня. Они окружались рвом, валом и плетнем, иногда оснащались пушкой. Заметив врага, пост давал залп, зажигал «фигуру» и отправлял казака с донесением в станицу. От поста к посту передавались сообщения, информировавшие всю линию. Мне это, грешным делом, напоминает передачу сигналов в компьютерной сети.

Вести нормальную хозяйственную жизнь станицам на линии было крайне непросто, ведь значительная часть времени казаков тратилась на кордонную службу, а то они и вовсе отбывали со своим полком в дальний поход.

¹⁹⁹ Пикет – конное или пешее сторожевое охранение.

²⁰⁰ Секрет – скрытая сторожевая застава.

Каждое утро выезжали из станицы конные разъезды, которые «освещали местность». Если все выглядело спокойным, то раскрывались ворота и станичники отправлялись на полевые работы, которые обеспечивались дозорной службой. За любую оплошность станица могла заплатить по крупному счету – враги были беспощадны. Убивали мужчин, забирали в плен женщин и детей, сжигали дома и угоняли скот.

Получив извещение о приближении неприятеля, станица быстро готовилась к обороне. Чтобы перегородить улочки, выкатывались возы. Детей и стариков прятали в погреба, входы в которые для маскировки заваливали дровами, хворостом и всем, что попадалось под руку. Несколько казаков скакало на разведку и за помощью в другие станицы.²⁰¹

Служить казаки начинали с 15 лет. Полевая (строевая) служба, проходящая в походах и на кордонах, в XVIII в. была пожизненной; при императоре Александре I ее сократили до 30 лет, при Николае I – до 25. (Впрочем, и в первой половине XIX в. случались анекдотичные случаи, когда в поход ходили 80-летние старцы.) А на сторожевой (внутренней) службе оставались до самой смерти, ведь от нее зависело выживание станиц.

²⁰¹ Караулов. С. 125, 126.

Казаки также должны были нести постоянную, подводную, дорожную и береговую (по укреплению речных берегов) повинности. Участвовали в возведении крепостей и укреплений, доставляли строительный материал. Содержали почтовые станции и паромные переправы, рубили просеки в горах, препровождали больных в лазареты и т. д.

Ввиду сложностей ведения хозяйства на линии казаки получали от правительства жалованье натурой и деньгами. Для простого казака это было 11 руб. 8 коп. в год, 180 пудов сена и хлебное снабжение.²⁰²

Объем обязанностей, который имел казак на Кавказской линии, кажется просто невыносимым. И тем не менее казаки верно исполняли свой долг, более того, были инициативными воинами и тружениками...

Описание действий армии на Кавказской линии выходит за рамки этой книги. Отмечу лишь то, что пехотные и конные полки регулярной армии, стоявшие здесь (Кабардинский, Нижегородский драгунский и т. д.), не только были поддержкой линейным казакам, но, как замечали современники, перенимали от казачества навыки горной войны, инициативность, стремительность и,

²⁰² Там же. С. 129–131.

кстати, небрежность в ношении формы. Солдаты кавказских частей обычно делали переходы по ночам и появлялись перед противником внезапно. Кавказские солдаты успевали повсюду, проходя в 6 дней всю Кабарду, то есть 300 верст по горной местности...

Ничего подобного «дедовщине» или пьянству солдаты регулярных частей на Кавказе не знали. Можно тысячу раз обзывать «рекрутчину» разными нехорошими словами, однако иного способа комплектации армии в огромной стране без железных дорог просто не могло быть. Рекрутская армия представляла собой сплоченные коллективы профессиональных солдат, стойких в бою и в то же время уважительных по отношению к друг другу. Солдат такой армии не был казарменным рабом; жил он, как правило, снимая площадь у частного хозяина, нередко имел семью, в свободное от службы время мог заниматься каким-нибудь ремеслом для собственной выгоды. В большинстве кавказских частей российской армии телесные наказания не были употребимы, в то время как британские моряки могли получить от своего начальства 1200 ударов девятихвостной плетью-кошкой.²⁰³

²⁰³ *Абаза. С. 342; Керсновский А. А. История Русской армии. Гл. 8. // [http:// militera.lib.ru/h/kersnovskiy/index.html](http://militera.lib.ru/h/kersnovskiy/index.html)*

В 1820-х гг. из-за участвовавших набегов горцев движение по старой Моздокской дороге в Закавказье стало смертельно опасным, поэтому Ермолов изменил ее направление. Теперь она прошла по левому берегу Терека через Татартупское ущелье на станцию Екатериноградскую, минуя Моздок. Для защиты нового маршрута были поставлены три укрепления и образована стоверстная Верхне-Терская линия с 8 станицами Владикавказского казачьего полка (позднее к ним добавилось еще 5 станиц). Полк был образован из двух малороссийских казачьих полков, отличившихся в борьбе против поляков Костюшко, с добавлением казаков-старолинейцев, солдат из упраздненных военных поселений и крестьян-переселенцев из Воронежской и Харьковской губерний.²⁰⁴

В 1832 г. высочайшим указом образовано Кавказское линейное казачье войско, в которое вошли 5 полков терского участка линии, 5 полков азовско-моздокского участка, Сунженский и Владикавказский полки.

В период максимального развития, в 1840 – 1850-е гг., Кавказская линия проходила от устья Терека до устья Кубани. Ее левый фланг включал Терскую и Сунженскую линии, Кумыкскую и передовую

²⁰⁴ Караулов. С. 133.

Чеченскую. К ее центру относились внутренняя и передовая Кабардинские линии. Ее правый фланг включал Лабинскую и Кубанскую линии. К этому флангу примыкала Черноморская кордонная линия, тянувшаяся на 180 верст до устья Кубани, – на ней стояло Черноморское казачье войско.

С Ермоловым и без

Период с 1816 по 1827 г. на Кавказе отмечен печатью генерала А. П. Ермолова, командовавшего здесь русскими войсками и управлявшего Грузией.

Первым делом он свел находившиеся здесь войска в отдельный Кавказский корпус – настало время планирования всех военных операций из единого центра.

Время «дружелюбия и снисходительности» закончилось. Новый командующий сделал ставку на системное подавление военной активности горских племен. Ермолов не прощал немирным горцам ни одного набега, действовал планомерно и хладнокровно, строя цепочки укреплений и прорубая просеки, создавая «инфраструктуру» наступления. Покорение горного района означало размещение там казачьих станиц, придание ему большей «прозрачности» за счет сведения лесов, «запирание»

немирных аулов с помощью крепостей, постов и пикетов, переселение аулов на равнину, где им было легче заняться мирной сельскохозяйственной деятельностью.

Действия Ермолова на кавказском фронтире в XIX в. весьма напоминают московскую технологию освоения Дикого поля в XVI–XVII вв. С поправкой на ландшафт, разумеется. Так, на смену засеке приходит просека.

В 1825 г. казалось, что покорение Кавказских гор – вопрос решенный, но именно в это время у русских появляется новый и крайне опасный враг – мюридизм. Простор для мюридизма открылся в связи с ослаблением российского военного присутствия на Северном Кавказе.

Вплоть до 1831 г. Россия была занята тремя войнами – с персами, турками и польскими мятежниками. В результате оказалось потеряно ермоловское ноу-хау, с немирными горцами было решено действовать лаской и терпимостью, так же как и с финляндцами. Такая стратегия лишь поспособствовала взрывному росту мюридизма, который был религиозным выражением кавказской набеговой экономики.

Проповедь воинственного исламизма совсем неслучайно началась после больших успехов России

в обеспечении порядка и безопасности на Кавказе.

Русские кордоны преградили немирным горцам путь-дорогу в Грузию, за Алазань, в Кубинское и Ширванское ханства, а также на север от Терека и Кубани. Это лишило многих жителей гор традиционного заработка, происходившего из захвата добычи и рабов.

В первой половине XIX в. климат значительной части России, в том числе Северного Кавказа, становился более засушливым, обнажались верховья рек, впадавших в Кубань и Терек. Скучная каменистая почва не давала достаточного пропитания растущему горскому населению.

Горы должны были взорваться как паровой котел, не имевший клапанов.

Не агрессивность николаевщины, а стеснение набеговой экономики стало причиной самой горячей фазы Кавказской войны.

Русским войскам противостояли уже не столько немирные горцы, сколько теократическое мюридское государство, где была введена всеобщая воинская повинность и собирались налоги. Каждые 10 дворов обязаны были выставить одного всадника – общая численность конницы составляла 60 тыс. человек. Имамат постоянно снабжался оружием извне и с помощью иностранных специалистов смог наладить

выпуск своего стрелкового оружия, пороха, даже пушек и снарядов. Внешние силы как могли нагнетали жар. Английские спецслужбы с 1830-х гг. делали все, чтобы обескровить Россию на Кавказе.

Набеговый характер горской экономики при переходе к имамату не изменился. Если точнее, государство мюридов «покупало» немирных горцев, предоставляя им возможность продолжать набег. Этот негласный акт «купли-продажи», в совокупности с разжиганием религиозного фанатизма, позволял имамату быть грубо организованной тиранией. Имам, управлявший через своих подручных-наибов и каравший за малейшее неповиновение смертью, долгое время способен был выставить намного больше вооруженных бойцов, чем Российская империя могла иметь на Кавказе.

Около 15 лет российскими властями на Кавказе не проводилось системной наступательной политики, вместо этого они проводили точечные удары по тем или иным аулам, пытаясь склонить верхушку имамата к сотрудничеству. А мюриды легко перемещались с места на место и любое соглашение воспринимали лишь как способ обмануть гяуров.

Единственным позитивным следствием этого периода явилось формирование выносливого умелого солдата Кавказских войск, который

замечательно покажет себя на завершающем этапе войны.

Кубань

По Кючук-Кайнарджийскому договору река Кубань стала границей между Россией и Турцией. Граница не была мирной. Черкесские воины переходили Кубань и Азовско-Моздокскую оборонительную линию, нападали на донские станицы, добираясь до Черкаска. Не были дружественными и ногаи, кочевавшие в Прикубанье. Российские власти вели себя в этом регионе достаточно пассивно, пока в середине 1770-х гг. командовать русскими войсками на Кубани не был назначен Суворов. Он с обычной своей бодростью приступил к укреплению Кавказской линии на правом фланге и в короткий срок поставил 4 крепости и 20 редутов. Новые укрепления должны были защитить донские земли от закубанских черкесов и прекратить сообщение ногаев, кочевавших к югу от Маныча, с Крымским ханством. Как это обычно бывало со строительством пограничных линий, враги сразу попытались опробовать ее на зуб.

В 1777 г. два донских полка, а также Иллирический гусарский полк, состоявший из

югославян, подверглись нападению черкесов близ Темрюка. Ногаи попытались через Манычскую степь выйти к Дону, однако были отражены атаманом Иловайским. Неудача набега, как это нередко бывало у обществ, имевших набеговое хозяйство, привела к истребительной усобице. Черкесы стали громить ногайские становища на берегах Бейсуги, Есени и Ей. Ногаи разбили черкесов в нескольких крупных сражениях, особенно кровопролитной была битва близ Ейского укрепления.

В 1783 г. Крым был присоединен к России, а вместе с тем и владения крымского хана на Западном Кавказе – Тамань. Донцы под началом Иловайского нанесли новое поражение ногаям, после того как те совершили нападение на Ейск.

С этого времени началось освоение оседлым населением правого берега Кубани. На сцену выходит сформированное из запорожцев генерал-фельдмаршалом Потемкиным войско «верных казаков» числом в 12,5 тыс., которое отлично показало себя во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг.

В начале 1792 г. войску была дана жалованная грамота императрицы на остров Фанагорию и земли между Кубанью и Азовским морем, доверена «стража пограничная от набегов народов закубанских»,

предоставлено право свободной торговли и продажи вина на причерноморских землях. На нужды войска стало отпускаться 20 тыс. руб. в год.²⁰⁵

Сперва черноморцы заняли Тамань, потом двинулись на восток, осенью достигли реки Ей и в следующем году окончательно заняли выделенную им землю. Край для освоения был непростым, с малярийными болотами, болотистыми речками и тучами мошкары. Однако вскоре здесь были уже 40 станиц (курений), возделанная земля, пасеки, мельницы, в 1794 г. был основан город Екатеринодар (ныне Краснодар).

Первые три войсковых атамана были выборными, потом они назначались правительством из числа казаков, и только с 1855 г. – из армейских чинов. Низовой уровень, курени, сохранял самоуправление.

И если Сечь долгое время приманивала одиноких и не ведущих хозяйства бойцов-удальцов (лишь в XVIII в. ее обитатели стали заниматься скотоводством), то в новых условиях экс-запорожцы сразу показали себя упорными земледельцами, пахарями, строителями, короче – настоящими русскими людьми.

Характерным для Черноморского казачества было большое количество земель, предоставленных

²⁰⁵ Караулов. С. 93.

курениям в общее пользование. Это относилось как к пастбищам, так и к пахотным и сенокосным землям, которые использовались казачьими семьями по свободному выбору. Со временем оформилась наделная система, офицеры получали от 40 до 1500 десятин, а рядовые казаки вполне неплохие 30 десятин.²⁰⁶

Освоение земли сочеталось после 1793 г. с кордонной службой вдоль Кубани.

Отношения между казаками и черкесской верхушкой стали враждебными вскоре после поселения Черноморского войска, хотя их и разделяла Кубань.

В июне 1796 г. бжедухский князь Батыр-Гирей сообщил черноморцам о готовившемся нападении на них 12-тысячного абадзехского войска. Абадзехи бросились мстить бжедухам. Кошевой атаман Чепега послал казаков и полковника Еремеева с конной артиллерией на помощь Батыр-Гирею. Абадзехи были разгромлены, но с тех пор нападения немирных черкесов – а если точнее, представителей черкесской воинской касты – на черноморцев стали рутинной.

При низкой воде черкесская конница выискивала броды для перехода через реку. В полную воду черкесы переправлялись вместе со своими конями

²⁰⁶ Соколовский. С. 145.

при помощи плавсредств, бурдюков-тулуков и фашин.

Уничтожив передовые казачьи пикеты, черкесские воины нападали на посты и станицы, уводили в плен женщин и детей, угоняли скот. Крупные черкесские набеги приводили к истреблению многолюдных селений, казачьих и крестьянских. В случае казачьей погони уздени убивали пленников или, подрезав им жилы, бросали на съедение комарам.²⁰⁷

Черноморцы совершали рейды возмездия, беря на подмогу егерей из регулярных войск.

Не дремали и турки. Крепость Анапа, взятая генералом Гудовичем, но снова возвращенная Турции, по-прежнему исполняла функции работоргового рынка и поставщика военного снаряжения для горцев.

Турецкий паша, сидящий в Анапе, какое-то время пытался мешать черкесским набегам и даже казнил несколько особо буйных абадзехских вождей, но потом понял, что таких подданных не сдержать. А с новым обострением русско-турецких отношений Стамбулу оставалось лишь поощрять набеги, тем более что это было выгодно. Черкесские вожди через Анапу сбывали людей, захваченных в рабство,

²⁰⁷ Черноморская кордонная линия // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона; Абаза. С. 254.

турецким покупателям.²⁰⁸

Черноморская кордонная линия протянулась по правому берегу Кубани от устья до поста Изрядный источник, находившегося в 17 верстах ниже впадения реки Лабы. Выше по реке находились станицы Кубанского казачьего полка.²⁰⁹

На верхние кордоны атаман Захар Чепега ставил от 50–60 казаков, порой и до 200, на нижние – 25–30. Они были защищены валом и глубоким рвом, обсажены терновником. Между постами, в угрожаемых местах, делались насыпи для установки артиллерии – батареи и ставились пикеты, защищенные частоколом и рвом. Каждый пикет имел свой маяк – вышку со шпилем и перекладиной. На ней крепились плетеные шары, которые в случае опасности поднимались наверх. Еще имелась классическая жердь, обмотанная сеном и просмоленной пенькой. Ее зажигали в случае ночной тревоги.

В темное время спешенные казаки патрулировали берег командами по 2–3 человека, «залогии» вели наблюдение в камышовых зарослях, находясь иной раз по шею в воде. По прибрежным «стежкам», тропинкам в кустарниках и камышах, разъезжали

²⁰⁸ *Потто*. Т. 4. С. 39.

²⁰⁹ *Караулов*. С. 117.

конные патрули, высылаемые постами.

Казачьи выискивали немирных черкесов, перебирающихся через реку, а черкесские «хубхадеды» (удальцы) устраивали засады на казачьи разъезды.

Казачьи, оставшиеся на постах, постоянно держали оседланных лошадей, чтобы по первому сигналу мчаться туда, где был обнаружен враг.

В низовье Кубани, где русло широкое и много болот, посты и пикеты сообщались только по воде, используя мелкосидящие лодки.

В туман казачьи разъезды ездили до полудня, цепью, на дистанции друг от друга. Не снимались до яркого солнца и «залогии». Зимой они заменялись учащенными разъездами, караулы стягивались к постам, передовые пикеты снимались. Кубань могла покрыться льдом и стать «божьим помостом для хубхадедов» – немирные черкесы в это время осуществляли нападения большими силами.

Почувствовав крепкую оборону, враги старались обходить пикеты и кордоны, но в случае нападения крупными силами пытались уничтожить и укрепления.

Обе стороны были обречены на бескомпромиссную и беспощадную борьбу, обусловленную природой их жизни, – продлилась она около 70 лет. В ней нельзя занять объективную позицию и назначить правых и

виноватых. Автор этих строк смотрит на эту борьбу с точки зрения казаков, которые защищали свои очаги и поля.

И с точки зрения прогресса правота была на стороне русских. Российское государство, как показала история, нигде не нуждалось в изгнании или истреблении туземных народов, в лишении их земли, обычаев, языка.

Русская нация была, по сути, социальной машиной по окультуриванию пространства, по превращению зон присваивающего и набегового хозяйства в мир производящего хозяйства. Человек любого этнического происхождения, если присоединялся к этой машине, становился русским. И никакого предубеждения по отношению к черкесам (точно так же как к грузинам или бурятам) не было, совершенно наоборот. Адыги охотно принимались на русскую службу еще с XVI в. и дали немало замечательных героев России. Мирному черкесскому селению никогда не грозила казачья шашка. Никто не ставил целью лишить черкесов земли.

Для сравнения: в английских колониях и в США наибольшая опасность грозила от колонизаторов именно самым миролюбивым, безобидным племенам. Аборигенное население Австралии было сокращено на 80 % с начала

колонизации до 1920-х гг., с 300 до 60 тыс., причем в бассейне Муррея – Дарлинга и в Тасмании его уничтожили полностью. Севернокалифорнийское племя яхи численностью около 2 тыс. человек перестало существовать уже после четырех рейдов вооруженных белых поселенцев, осуществленных в 1865–1868 гг. Схожая судьба постигла и других калифорнийских индейцев...²¹⁰

Сегодняшние вздыхатели по «геноциду черкесов» должны помнить, что пламя борьбы запалила сама черкесская верхушка. И сокрушительные ответные рейды казаков на черкесские аулы не были заданием петербургского правительства – власти часто препятствовали актам возмездия. Казаки мстили за свои жилища, за свои семьи, это был ответ вооруженного и самоуправляющегося населения фронта на набеги.

Казакам-черноморцам противостояла лучшая конница того времени, панцирная, кольчужная, на арабских скакунах, владеющая виртуозной джигитовкой, вооруженная булатными клинками и английскими ружьями.

Помимо конницы, состоявшей из наездников-аристократов, у черкесов были пешие воины, так

²¹⁰ Даймонд Дж. Сталь, ружье и микробы. Судьбы человеческих обществ // <http://lib.rus.ec/b/172747>

называемые «водяные псы», психадзе, небольшими группами переплывавшие реку и выползавшие из плавней. Были и «отморозки», так называемые «беглецы», хеджреты, которым не было места даже в черкесских аулах.

Пешие казаки-пластуны были черноморским ответом на действия вражеских головорезов. Первейшей обязанностью пластунов была ликвидация «водяных псов». С кордонов пластуны ходили за Кубань – в разведку. Когда казачьи отряды совершали рейды в Закубанье, то пластуны уничтожали вражеские дозоры и выступали в роли проводников.

Были вооружены пластуны не только кинжалами, шашками, штуцерами, но также отмычками и пилами – на случай, если придется освободить пленных из заточения. Были у них гранаты, производящие много дыма и треска, под прикрытием которых можно было скрыться от преследователей. Пластуны не только мастерски владели огнестрельным и холодным оружием, но и обладали такими специфическими навыками, как метание ножа, плавание под водой и т. д. Знали они и кавказские языки. Пластуна в горской одежде трудно было отличить от горца, даже и заговорив с ним.

И если казачьи пластуны – не ниндзя, то уж точно

спецназ XIX в.

Удивительно, но сохранившиеся изображения пластунов нередко показывают людей, украшенных длинной седой бородой, – получается, почтенный возраст не столько убавлял силы и ловкости, сколько добавлял знаний и мастерства.

Когда взрослые казаки находились в походах, в секреты и «залог» назначали малолеток, казачат от 13 до 17 лет. И они справлялись. Так, у станицы Лабинской секрет, состоявший из трех пластунов 15 лет, Потапова, Браткова, Красновского, и вооруженный четырьмя ракетными станками, обнаружил отряд немирных горцев, подходивший к броду на Лабе. Казачата оповестили другие посты пуском ракеты. Заработала станичная артиллерия, осветив брандкугелями место переправы. А казачата уже несли свои ракетные станки к ущелью, через которое собрались отступить обнаруженные враги. Попав под ракетный обстрел, горцы отправились обратно к Лабе, но там их встретил станичный резерв. Более сотни врагов были уничтожены...²¹¹

В просвещенное царствование Александра I признано было, что на горцев лучше воздействовать лаской и нравственным примером, а не устрашением. Но в марте 1807 г. несколько тысяч конных черкесов,

²¹¹ Абаза. С. 351.

прорвав кордоны, устроили резню в селениях Стеблиевском и Титаровском, на Курчанских хуторах. В апреле погибло с. Богоявленское. В мае из Воровсколесской станицы враг увел более 200 пленных.²¹²

Весной 1809 г. около Новогригорьевского кордона через Кубань переправились 2 тыс. немирных черкесов, перебили встретившую их казачью сотню, сожгли кордон.

Через месяц 5 тыс. казаков во главе с атаманом Федором Бурсаком перешли на левый берег у Александровского поста, имея 6 орудий и батальон егерей. Аулы князя Баты, изменившего мирному договору, были сожжены, черкесы потеряли 500 воинов.²¹³ Однако казачий рейд был остановлен генералом де Траверсе.

Другой российский француз, герцог де Ришелье, управляющий Новороссийским краем, долго упрашивал закубанских князей жить в мире и дружбе. Те, охотно приняв богатые подарки, решили заполучить и самого герцога. «Водяные псы» подстерегли кортеж миротворца в болотах у Петровского поста. По счастью, казачья полусотня успела накрыть вражескую засаду.

²¹² *Потто*. Т. 1. С. 319, 359.

²¹³ *Абаза*. С. 258.

В начале 1810 г. вторглись на нашу территорию около 4 тыс. немирных черкесов возле Ольгинского поста. Пост был вырезан, еще три станицы разорены. Ивановская станица отбила удар силами местных жителей и небольшой солдатской команды. Полковник Тиховский с двумя сотнями черноморцев вступил в бой с вражеской конницей. Черкесы окружили казаков и то вели огонь, то бросались «в шашки». Когда казаков осталась едва половина, притом обессилевших и израненных, Тиховский рванулся с уцелевшими на прорыв. Пробриться смогли только 16 – и большинство из них затем умерли от ран. Враги хоть и оставили на поле боя сотни трупов, ушли, гоня пленных и стада.²¹⁴

Теперь правительством был снова пущен в дело лихой атаман Бурсак. Через четыре недели он пришел с возмездием в Закубанье. Один отряд казаков отправился на восток, другой – на запад. Несколько аулов были сожжены, горцы бежали в леса, теперь уже казаки уводили скот. Казачьи потери были ничтожными.

Но когда черноморским и донским отрядам удалось утихомирить Закубанье, чиновники Александра I снова организовали милость. В результате черкесские воины, несвоевременно получившие от

²¹⁴ Абаза. С. 259.

правительства звание «мирных», стали перебираться на правый берег Кубани. «В день мирный, а в ночи дурный», – характеризовали таких визитеров острословные черноморцы.

В ноябре 1812 г. около 5 тыс. черкесских воинов напали на село Каменнобродское в глубине Ставропольского уезда. Резали крестьян беспощадно. Вся церковь, где пытались спастись мирные люди, была завалена трупами. Враги перебили более 130 и взяли в плен до 350 человек.²¹⁵

Некоторое облегчение в русском пограничье наступило, когда на Черноморскую кордонную линию был откомандирован донской атаман Власов. Осенью 1821 г. к Власову, бывшему на Петровском посту, прискакал вестовой с тревожным сообщением, что неприятель переправился через Кубань и подошел к селу Давыдовке. С 600 конными казаками Власов отправился незаметно вслед за шапсугами, а по всей линии уже запылали маяки. Когда черкесы под ударом казаков развернулись обратно, то попали под огонь артиллерии. Оставался только путь в Калаусский лиман. Те из черкесских воинов, что уцелели при отступлении, сгнули в болоте.

Донцы и черноморцы под командованием Власова совершили немало рейдов в Закубанье, платя

²¹⁵ *Помно.* Т. 1. С. 360.

уздням за набеги той же монетой. Казаки не торговали рабами и не держали их, но пленные черкесы годились для размена на русских пленников, а черкешенку могли окрестить и взять в жены.²¹⁶

В мае 1823 г. черкесы и ногаи под предводительством Джем-булата напали на село Круглолесское. Рота Кабардинского полка с трудом прорвалась к селу и спасла его от полного уничтожения. Черкесские воины увели 345 человек и более тысячи голов скота. Когда Джембулата на переправе у Невинномысского укрепления настигли казаки Хоперского и Кубанского полков, вражеский отряд начал резать пленных – удалось спасти только 40 сильно израненных людей.²¹⁷

В июле того же года был нанесен ответный удар. У Большого Зеленчука русские войска захватили 5 ногайских аулов, около Усть-Тохтамышского поста разбили отряд горцев в тысячу человек. Полковник Ф. Бекович-Черкасский разрушил укрепленный аул князя Али Карамурзина.

При Ермолове новые посты уже ставились за Кубанью. Все пограничные селения и города, включая Екатеринодар, обзавелись палисадами и были защищены крепостными орудиями. Черноморское

²¹⁶ Там же. С. 263.

²¹⁷ *Потто*. Т. 2. С. 240, 241.

казачье войско было причислено к Кавказскому отдельному корпусу.

Серьезное обострение ситуации произошло на рубеже 1825–1826 гг., когда немирные черкесы пытались взять Елизаветинскую станицу и пост Александрия, затем напали на поселения Ольгинское и Екатерининское.

Атаман Власов в ответ дважды ходил на левый берег Кубани, громил аулы в Догайском ущелье, но был отстранен от командования за «разорения», причиненные якобы мирным натухайцам. (Позднее он еще возглавит Донское войско.)

Перед началом русско-турецкой войны 1828–1829 гг. в Анапу был направлен паша Хаджи-Хассан-Чечен-Оглы – для усовершенствования турецкого правления в Закубанье. Черкесская верхушка неохотно платила подати султану, однако на пропаганду ненависти к «неверным» отзывалась. Отряд во главе с Джембулатом летом и осенью 1828 г. нанес несколько сокрушительных ударов по русским поселениям на правом берегу Кубани.

3 тыс. вражеских воинов, ворвавшись в село Незлобное, где проживало более 600 душ, вырезали и сожгли всех, кто не годился для рабства, – пожилых и младенцев, а остальных увели с собой. Когда русская кавалерия стала преследовать горцев, те перебили

Но с победой России над турками для Западного Кавказа стало многое меняться. Анапа наконец перешла в руки русских. Это стало большим ударом по немирным черкесам – для них закрылся порт, через который они сбывали рабов и получали оружие.

Покорение Западного Кавказа

И после поражения в войне 1829–1829 гг. турки имели возможность сообщаться с горцами на протяженном Черноморском побережье, где русские дозоры были крайне редки. Турецкие торговцы продолжали поставлять черкесским племенам оружие и закупать невольников – только делали это с помощью небольших судов. Чтобы не дать утихнуть кровопролитию на Западном Кавказе, в поставках контрабандного оружия участвовали и англичане. Перехват русским капитаном Вульфом в 1836 г. английской шхуны «Уиксен», доставлявшей оружие и амуницию немирным черкесам, вызвал истерику у английских бульдогов. Лая было много, но Уайт-Холл тогда побоялся начать открытую войну.

С 1829 г. английское посольство в Стамбуле было центром антироссийской деятельности.

²¹⁸ *Потто*. Т. 5. С. 172, 173.

Планированием тайных операций занимались Д. Уркварт и Д. Понсоби, мечтавшие о полном изгнании русских с Кавказа. Здесь польские шляхтичи, уже понюхавшие русской крови, встречались с опытными головорезами и работорговцами из числа кавказских горцев и под председательством английского спикера совещались, как бы им насолить России.

Лондон посчитал, что расчесывание кровавого нарыва в южном подбрюшье Российской империи будет отвлекать русских от продвижения на Балканах и Среднем Востоке.

А полякам было все равно, в какой компании убивать «кацапов». Добрый знакомый Герцена пан Т. Лапинский вместе с горцами совершал рейды на незащищенные русские усадьбы, захватывая там женщин и детей.²¹⁹ (В последний раз англичане перебросят отряд Лапинского, состоявший из поляков и венгров, к Геленджику в 1857 г.²²⁰)

В 1833 г. часть побережья, от Геленджика до кубанского устья, была защищена Черноморской береговой линией, которая должна была пресечь военную контрабанду. В ее состав вошли укрепления Николаевское, Новотроицкое и Михайловское – в устьях рек Пшада и Вулана.

²¹⁹ Герцен А. И. Былое и думы. Часть 7. М., 2003.

²²⁰ Лапин В. В. Армия России в Кавказской войне. СПб., 2008. С. 32.

В сентябре 1837 г. Николай I посетил Западный Кавказ и оценил результаты многолетней борьбы за умиротворение горцев как неудовлетворительные. Та земля, на которой впоследствии будут поправлять расстроенные нервы и критиковать власти поколения российских интеллигентов, нуждалась еще в огромных вложениях труда, ратного и мирного.

В 1838 г. на морском побережье выстроены укрепления Навагинское (Сочи), Вельяминовское и Тенгинское, с боем занято устье реки Туапсе, заложен Новороссийск.

В следующем году десантный отряд генерала Раевского возвел на Черноморском побережье форты Головинский, Лазарев, Раевский.

Снабжение горцев оружием с моря могло пресечься в любой момент, поэтому в 1840 г. враг начали полномасштабные действия против русских береговых фортов. Проводились они крупными силами, скоординированно – чувствовалась опытная рука западного штабиста. Собственно, в это время два англичанина, Белл и Лонгворт, возбуждали черкесов, обещая им скорую помощь Англии и Турции, и принимали непосредственное участие в военных действиях.

В феврале черкесы овладели фортом Лазарев и укреплением Вельяминовское, истребив всех его

защитников. В марте более 10 тыс. черкесов штурмовало Михайловское. Когда разъяренное скопище ворвалось в укрепление, то солдаты Тенгинского полка взорвали себя вместе с врагами. В апреле черкесы захватили Николаевский форт, однако были отражены от форта Навагинского и укрепления Абинского.

Уже осенью черкесов выбили из всех захваченных ими пунктов на Черноморской береговой линии. Укрепления Вельяминовское и Лазаревское были возобновлены. На реке Лабей, левом притоке Кубани, создана новая оборонительная линия – Лабинская, с фортами Зассовским, Махошевским и Темиргоевским. Между Лабой и Кубанью выросли одно за другим новые казачьи поселения.

Последующие атаки немирных горцев на укрепления Черноморской береговой и Лабинской линии оказались безуспешными. Летом 1845 г. они были отбиты от фортов Раевский и Головинский, осенью следующего года разгромлены при повторном нападении на Головинский форт.

В 1847 г. Шамиль послал в Закубанье своего наиба Мегмед-Эмина, который попытался прорваться через Лабинскую линию.

«Залого» из 20 пластунов Лабинского полка обнаружила партию горцев, переправлявшуюся через

реку Ходзь. За ними шли и другие вражеские отряды в сторону станицы Лабинской. Пластуны невидимо «проводжали» шамилевцев до Сегилеевки, куда уже были вызваны казачьи сотни.

Мегмед-Эмина и его мюридов в 1850 г. ожидал очередной неприятный сюрприз – Урупская линия. В следующем году русские стали переносить оборонительную линию с реки Лаба на реку Белая. А Черноморская кордонная линия прошла по кубанскому рукаву Каракубани с занятием Каракубанского острова, где до того гнездились «хищники».²²¹

Не сильно помогли немирным горцам и отряды «интернационалистов» (Младецкого, Пичикини, Лапинского), которые в 1840 – 1850-х гг. формировались на английские деньги и перебрасывались в Закубанье английскими судами.²²²

В 1853 г. пластуны из отряда генерала Евдокимова, двигавшегося по реке Белой, проникли к Богорсуковским аулам и взяли там «языком» муллу. Священнослужитель провел евдокимовский отряд,

²²¹ Черноморская кордонная линия // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.

²²² Черноморская береговая линия // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.

оснащенный ракетными станками, к аулу, откуда много лет шли набеги на Лабинские станицы.

С началом Восточной (Крымской) войны Мегмед-Эмин, собрав черкесских старшин, объявил о получении султанского фирмана, зовущего на борьбу против общего врага. Однако было уже поздно «пить боржоми».

Хотя в ходе войны русские гарнизоны покинули укрепления Черноморской береговой линии, это мало что дало немирным черкесам. Их воля была уже сломлена, воинская каста прорежена как боями, так и репрессиями шамилевского наиба. Враждебные горцы не смогли преодолеть Лабинскую линию, преграждавшую им путь к побережью. Мегмед-Эмин был разбит отрядом генерала Козловского.

По окончании Восточной войны Кавказский корпус, возвращавшийся с победой из Турции, принимается за окончательное замирение горцев Западного Кавказа.

В 1856 г. командующий Кавказским корпусом князь Барятинский выдвигает правый фланг Кавказской линии к Майкопу.

Годом позже английский и австрийский посланники в Стамбуле организуют высадку отряда из двух сотен поляков и венгров на Кавказском побережье, но вмешательство Запада лишь увеличивает решимость

российского командования поскорее закончить Кавказскую войну.

Черноморцы вместе с казаками на верхней Кубани в 1860 г. получают официальное наименование – Кубанское казачье войско. С этого времени начинается активное переселение казаков с правого берега Кубани в Закубанье. За четыре года там образовалось 83 новых поселения.

Одним из последних героических эпизодов в покорении Кавказа была оборона Липкинского поста. Осенью 1862 г. отряд нутхайцев, собравшийся у Неберджаевского ущелья, был обнаружен и напал на пост, где находились 34 пластуна. Атакующих насчитывалось около 2 тыс. человек, еще тысяча заняла дорогу. Пластуны били из штуцеров, потом отбивались шашками и штыками, а когда горцы хлынули внутрь укрепления, перешли на ножевой бой. Каждый казак обменивал свою жизнь на несколько вражеских, даже жена сотника. Последние семь казаков закрепились в казарме. Горцы обложили ее хворостом, предложили сдаться. «Русский воин не сдается», – отозвался кто-то из кубанцев. Казаки предпочли сгореть, чем испытывать вражескую милость. Предание гласит, что после этого немирные черкесы решили прекратить войну и уйти во владения

султана.²²³

К маю 1864 г. все вражеские силы на Западном Кавказе были разгромлены, русские отряды соединились в горах у Сигнаха, где молебном отметили окончание войны.

Покорение Восточного Кавказа

В 1846 г., когда кавказскими войсками командовал граф М. С. Воронцов, произошел возврат к ермоловской стратегии – и исход войны на Восточном Кавказе был предрешен.

Начинается вырубка непроходимых чащ, через леса проводятся просеки, протягиваются дороги, строятся цепочки укреплений; на всех местах, где требуется постоянная стража, ставятся казачьи станицы.

Изменение среды, смыкание кольца русских поселений и укреплений ставило немирных горцев в безвыходное положение. Можно, конечно, осудить воздействие армии на экологию, но альтернативой этому было только бесконечное затягивание войны.

В покорении Малой Чечни огромную роль сыграла Сунженская линия и Сунженский казачий полк (с 1845 г.), в состав которого вошли не только казаки-

²²³ Абаза. С. 295.

старолинейцы, но и кабардинцы, чеченцы, ингуши. Возглавлял полк отчаянный генерал-майор Слепцов. Достаточно было далекого выстрела в ночи, часовой еще не успел отворить станичные ворота, а генерал уже перемахнул на своем коне через вал и ров и умчался на помощь соседней станице. В феврале 1847 г. в ущелье Галашевском Слепцов лихой кавалерийской атакой уничтожает 300 мюридов из отрядов Апинского и Шагоевского наибов, не потеряв убитым ни одного человека. В начале 1848 г. левый берег Сунжи уже обставлен станицами и вполне спокоен, Слепцов начинает покорять правый берег, имея 7 пехотных рот и 11,5 кавалерийской сотни.

От станицы Воздвиженской к Шалинской поляне солдаты и казаки прорубают просеку, на что Шамиль отвечает постройкой укрепления Шалинский окоп, обладавшего редутом и артиллерией. 22 августа 1850 г. Слепцов, совершив стремительный переход с 4 сотнями сунженцев, 150 донцами, конно-ракетной командой и небольшим отрядом пехоты, атакует с нескольких сторон мюридское укрепление и берет его.

За четыре года Сунженский полк очищает Малую Чечню от мюридов, и в начале 1851 г. с четырьмя сотнями казаков и конно-ракетной командой Слепцов совершает поход в горную Чечню, откуда вытекают

Шалаж, Валерик и Гехи. Он расчищает сложенные врагом огромные завалы, громит отряды Хаджи-Мурата в шалажинских аулах и, вырубая лес по верховьям горных рек, сковывает войско Шамиля.

В верховье Гехи казаки Слепцова ставят крепость, которая должна соединиться просекой с Урус-Мартаном. Наибы, наслушавшись западных инструкторов, решают противопоставить русской крепости свою контрфортификацию и строят неподалеку огромный завал на три версты в длину и на версту в глубину.

В центре его редут, оснащенный артиллерией. 10 декабря 1851 г. тридцатилетний генерал получает пулю в грудь во время атаки на вражеское укрепление.

Николай Слепцов был в первой шеренге людей, которые сделали Кавказ российским. Однако не он, а предатель Хаджи-Мурат стал героем русской литературы. Настоящий герой русского фронта был предан забвению...

К весне 1853 г. Шамиль контролировал лишь несколько горных районов Чечни и Дагестана, территория имамата съеживалась, как шагреновая кожа. Попытки прорваться через Лезгинскую линию в сытую Кахетию в августе этого года и июле следующего были легко отражены грузинской

милицией и несколькими сотнями русских солдат. Мюридизм выдохся.

Разгром в 1855 г. генералом Н. Н. Муравьевым анатолийской армии турок покончил и с надеждами Шамиля на помощь извне.

По окончании Крымской войны войска под командованием А. Барятинского, которые были пополнены пехотными дивизиями, завершившими победоносную кампанию в Турции, стали быстро добивать имама.

В 1858 г. генерал Евдокимов овладел горной Большой Чечней, а князь Барятинский разбил силы Шамиля в Аргунском ущелье. В начале 1859 г. Евдокимов взял Ведено, где укрывался Шамиль. Тот с присущей ему прытью бежал с последними бойцами в высокогорный Дагестан. В июле русские солдаты смогли под огнем горцев переправиться через бурную Андийскую Койсу. В августе наши силы подошли к высокогорному аулу Гуниб, последнему пристанищу имама, – уходить тому было уже некуда. 26 августа добровольцы из Апшеронского и Ширванского полков вскарабкались по отвесному склону на вершину горы Гуниб и в короткой схватке уничтожили фанатичных мюридов.

Имамат был разгромлен. Значительная часть мюридов погибла, другая бежала за пределы

империи. Весь Восточный Кавказ стал российским. Вскоре опустился занавес для боевых действий и на Западном Кавказе.

Взятому в плен Шамилю пришлось скучать за чашкой чая и утренней газетой в российской провинции – русские, в отличие от цивилизованных европейцев-англичан, не собирались травить его мышьяком или каким еще ядом.

Кавказская война стала одним из пунктов обвинения, которое предъявляли российскому государству разномастные «борцы с империей», входящие подмножеством в великое множество борцов против России и русского народа. В годы войны 1994–1996 г., которую вели полуголодные российские солдаты против дудаевских банд, в веселой Москве издавались массовым тиражом брошюры, где авторы упивались несколькими провалами русских войск на Кавказе в первой половине XIX в. Само собой, из бойкой московской прессы и брошюр, издаваемых грантоедскими фондами, нельзя было узнать ни про давнюю историю русских на Тереке и Сунже, ни про набеговое хозяйство «свободного Кавказа», ни даже про истребление и изгнание старинного русского населения из дудаевской бандитской республики. Станицы погибали молча, сообщения о творившемся

там беспределе были в центральной прессе табуированы.²²⁴

Если бы Россия не покорила Кавказ в середине XIX в., это к своей пользе сделала бы другая держава – Турция, Персия, Англия. И крови было бы пролито не меньше. Учитывая, как эти страны умели решать проблемы с непокорными племенами и народами, можно полагать, что больше. Как бы то ни было, ни одна страна не стерпела бы конгломерата набеговых работорговых сообществ, мешающих освоению природных ресурсов и торговым коммуникациям.

В ходе покорения Кавказа российской армией было допущено немало ошибок. Но значительная их часть была связана вовсе не с жестокостью царских генералов и атаманов, а с гуманизацией военных действий. Отказ от системной борьбы, попытки точечными ударами обезглавить вражеские военные структуры или договориться с вражескими вождями приводили лишь к напрасным потерям русских сил и мирного населения как в станицах, так и в аулах. Только «запирание» противника и постоянное расширение зоны освоения, где селились русские казаки и крестьяне, позволило закончить Кавказскую войну.

Кровью и потом казаков, солдат, офицеров, волей

²²⁴ Соколов-Митрич Д. Забытый геноцид // Известия. 28.01.2005.

императора Николая I Кавказ стал российским. Да, он стал менее свободным, если за свободу считать набег, захват в рабство, разбой, сексуальное насилие. (Не думаю, что «борцы с империей» хотели бы испытать это на себе.) На место такой «свободы» пришли порядок и законность. В «Записках из мертвого дома» Достоевским упоминается русский офицер, которого приговорили к смертной казни, замененной потом длительным заключением, за то, что он расстрелял горского князька, сжегшего русскую крепость. Думаю, что ничего подобного с английским офицером в колониях произойти не могло.

Кавказ стал частью быстро развивавшегося южнороссийского региона, который вскоре превратился в локомотив экономического роста всей страны, как Российской империи, так и СССР. Только за 1860-1880-е гг. в предгорьях Кавказа площадь пахотных земель увеличилась вдвое.²²⁵

С конца 1860-х гг. усиливается переселенческий поток на Северный Кавказ. Это было связано с окончанием войны и законом (1868), разрешающим приобретать в собственность усадьбы на казачьих землях. К середине 1880-х гг. число крестьян-переселенцев на Кубани составило 300 тыс. человек. Привлекательной для переселенцев была и западная

²²⁵ Хобсбаум. С. 260.

часть Ставропольской губернии, в восточной же ее части правительство оставило основную массу земель за кочевниками.

На Северном Кавказе большинство новых переселенцев селились в качестве арендаторов на казачьих юртовых, запасных и офицерских землях, отчасти на частновладельческих и инородческих.

Непоследовательность в решении земельного вопроса для переселенцев была следствием либеральной политики правительства Александра II, в целом не благоприятствовавшей русским колонизационным процессам.

На восток От Поволжья до Юкона

Колонизация Поволжья

Ранняя колонизация

В середине XVI в., в царствование Ивана Грозного, началось не только масштабное освоение Дикого

поля, но также было прорублено «окно в Азию». На восток хлынул русский колонизационный поток. От Казани и Астрахани он докатился до Чукотки, Юкона, Усури, Мавераннахра, Тянь-Шаня. А начинался этот великий восточный путь на берегах Волги...

Весьма далек от истины миф о том, что Поволжье было исконным местом обитания финских племен. Достаточно вспомнить индоевропейские Фатьяновскую культуру бронзового века и Именьковскую 4–7 вв. н. э.

Фатьяновская культура занимала территории Верхнего и Среднего Поволжья, Нижнего Прикамья. Основными занятиями фатьяновцев были скотоводство и подсечное земледелие. Антропологический тип – чисто европеоидный. Фатьяновцы были частично истреблены, частично ассимилированы финноязычными племенами, относящимися к Дьяковской культуре. Последние двинулись с востока, из Зауралья, с наступлением относительно холодного суббореального периода, вместе с таежными лесами.

То, что финноязычные приходили на индоевропейский субстрат, легко доказывается тем, что эти выходцы из Северо-Восточной Азии сменили свой антропологический типаж с лапоноидного на европеоидный, а также тем, что характерная

для них Y-хромосомная гаплогруппа N1c1 была серьезно потеснена гаплогруппой R1a1, типичной для праславян и современных русских. В языках новых обитателей Волго-Камья оказалось много заимствований, относящихся к сфере скотоводства и земледелия, от носителей Именьковской культуры, говоривших, по мнению некоторых лингвистов, на славянском праязыке.²²⁶

Достаточно нелепо и название «финские», прилепленное к волжско-пермским народам усилиями финляндских ученых-националистов. Предки мери, веси и муромы, мордвы, чувашей, мари, удмуртов, коми не жили в Финляндии, наверное, и потомки их жить там не будут.

Нижнее же Поволжье к области обитания финоязычных племен не относилось. Около 4 тыс. лет, начиная с эпохи поздней меди, это была часть ареала евроазиатских степей, где жили восточные индоевропейцы.

Климатический оптимум IX–XII вв., который сократил период замерзания рек и поднял уровень морей, открыл не только балтийско-черноморский путь, но и балтийско-каспийский путь

²²⁶ *Напольских В.* Балто-славянский языковой компонент в Нижнем Прикамье в сер. I тыс. н. э. // http://www.archaeology.ru/Download/Napolskich/Napolskich_2006_BS_component.pdf

– «из варяг в персы». С X в. на верхнюю Волгу пошли дружинники Рюриковичей, сочетавшие сбор дани с торговлей, сюда вливались потоки ильменских славян с северо-запада и мигранты из разоряемого степняками Черниговского княжества и Переяславского княжества. Вскоре этот край меняет название – уже не Мерянский, а Ростовский.

С распадом Древнерусского государства верхняя Волга становится своего рода рубежом между Новгородским и так называемыми низовскими княжествами, это стимулирует здесь постройку пограничных крепостей. Этому обстоятельству обязаны своим появлением Тверь и Кострома. Пограничный новгородский Торжок на волжском притоке Тверце был утоплен в крови дважды, войском Батыя в 1238 г. и тверского князя Михаила в 1372 г.²²⁷

Малочисленное племя мурома («люди на земле») быстро покоряется Руси, однако в конце XI в. ненадолго переходит под власть Волжской Булгарии. Сами булгары были потомками кочевников, пришедших из Центральной Азии в причерноморские и приазовские степи, когда те оказались в составе тюркского каганата. Под натиском хазар в VIII в. булгары отселились на среднюю Волгу и нижнюю Каму, где смешались с местным

²²⁷ *Перетяткович Г.* Поволжье в XV–XVI вв. М., 1877. С. 69.

населением. У прямых потомков болгар, чувашей, носители праславянской гаплогруппы R1a1 составляют относительное большинство.

Между Булгарией и северо-восточными русскими княжествами неизбежно должна была завязаться борьба ввиду отсутствия каких-либо естественных границ. Булгары, не утратившие с кочевых времен склонности к работоторговле, сбывали русских пленных на азиатских рынках; северо-восточные русские князья также не терялись – брали пленных в Булгарию и селили их на своих землях. Противостояние русских и болгар имело и религиозное измерение. В 922 г. правитель Волжской Булгарии принял ислам и признал себя вассалом арабского халифата.²²⁸

Несмотря на то что почвы Поволжья между Камой и Самарой относятся в основном к черноземам, земледелие у болгар оставалось лишь третьим в ряду важнейших занятий – после скотоводства и торговли, на что указывает характер податей, выплачивавшихся хану.²²⁹

В 1217 г. болгары на время захватывают Устюг. Ответный поход 1220 г., предпринятый великим князем Владимирским Юрием Всеволодовичем совместно с Муромскими и Рязанскими князьями,

²²⁸ Тойнби. С. 566.

²²⁹ Перетяткович. Поволжье в XV–XVI вв. С. 22, 43.

завершился поражением болгар и сожжением города Ошел неподалеку от устья Камы.

Для походов на болгарское государство русские князья собирались около устья Оки, в районе, населенном мордвой («люди у воды»). Здесь Юрий Всеволодович и ставит Нижний Новгород. Некоторые мордовские князья, например Пурейша, вошли в союз с Русью, другие, например Пургаса, предпочли союз с болгарам и ходили с ними на Нижний Новгород.

В 1236 г. в связи с завоеванием Батыем Булгарии противостояние русских и болгар резко закончилось. Множество болгар бежало во владения Юрия Всеволодовича, спасаясь от монгольской грозы, великий князь радостно расселил их по своим волжским городам. В конце следующего года Батый пришел на Русь и «поплениша все по Волзе». Волжские города, как русские, так и болгарские, стали добычей огня.

Во второй половине XIV в., когда в Золотой Орде царил «замытия», ордынские феодалы усилили свою набеговую активность. Если раньше набегом наказывалось какое-то непослушание русских или недовольство размером «выхода» (выплаченной дани), то теперь вооруженное нападение стало средством хищной эксплуатации подвластной территории. Любой

мурза мог по собственному почину осуществить грабительский поход. Захваченное добро и рабы перепродавались через главных «рыночников» того времени – итальянцев – в крымском улусе.

Ордынское «нестроение» не только способствовало увеличению числа татарских набегов, но и повысило решимость русских князей дать вооруженный отпор насильникам. Ордынцы уже не выставляли таких крупных сил, как ранее, да и отделаться от них серебром было невозможно. Князья ставят укрепления на землях, заселенных поволжскими племенами, чтобы не пустить разбойничьи отряды в глубь русской оседлости.

Московский князь Дмитрий Иванович и Олег Иванович Рязанский занимают местности, населенные мещерой.²³⁰

Суздальско-Нижегородский князь Константин Васильевич берет мордовские земли по Волге, Оке и Кудьме и распространяет пределы своего княжества до рек Пьяны, Теши, Вады – сюда начинают течь русские колонизационные потоки.

Константин «повелел русским людям селиться по рекам Оке, Волге, Кудьме и на мордовских жилищах,

²³⁰ Любавский. М. К. Историческая география России в связи с колонизацией: Курс лекций. М., 1909. С. 231. (Далее – Любавский. Курс.)

где кто похощет». Благодаря этому решению и предоставленной переселенцам защите князь правил «честно и грозно, бороня отчину свою от Татар» – его владения протянулись вниз по Волге до впадения в нее Суры. Сыновья его продолжили освоение «нагорных» земель за рекой Кудьмой до устья Суры. Заселением поволжских земель занимались не только нижегородские князья, но и крупные купцы, такие как Тарас Петров. Он купил у князя шесть сел по реке Сундовак и поселил там выкупленных у татар пленников.²³¹

Русские поселения в Среднем Поволжье все еще были крайне уязвимы. Мурза Булат-Темир разорил значительную часть нижегородского княжества до реки Сундовак. Тарас Петров вынужден был махнуть рукой и податься в Москву.

Подвергались поволжские селения и грабегам со стороны ушкуйников, которых Новгород слал толпами с середины того же XIV в.²³²

Господин Великий Новгород в это время хирел, беднел, часто был ареной голода и социальных конфликтов. Его внешняя торговля попала под контроль ганзейцев, его земли перешли в руки боярской олигархии (60 % обрабатываемых

²³¹ *Перетяткович*. Поволжье в XV–XVI вв. С. 91, 92.

²³² Там же. С. 94.

площадей находилось в руках 22 боярских фамилий), нещадно эксплуатировавшей арендаторов-испольщиков.²³³ Землевладельческая олигархия, манипулировавшая вечевыми сборищами, составляла правительственный слой Новгорода, который немецкие гости называли Советом Господ (Herrenrat).

«Отмороженные» новгородцы грабили без разбору христиан и басурман на Волге, Ветлуге, Каме и Вятке. Новгородские посадники обычно отрещивались от разбойных нападений своих удальцов, говоря, что они происходили «без новгородского слова», пусть-де сами и отвечают. Но во всяком случае новгородские власти были рады, что крепкие молодцы, не отягощенные моралью, гуляют вне дома.

Нижний Новгород несколько раз был захвачен и разграблен шайками новгородских викингов, брали они «на щит» и такие крупные города, как Ярославль и Кострома. Еще меньше шансов было отбиться от посланцев беспокойного Новгорода у небольших селений. «Найденное имущество (новгородцы) выносили на середину города и, что было получше и полегче, брали себе, а что потяжелее, то бросали в Волгу, а иное жгли; множество людей, без различия возраста и пола, уводили обыкновенно в

²³³ Любавский. Курс. С. 207.

плен с собою». ²³⁴

А пленников новгородцы продавали татарам в Казани и Астрахани. Вряд ли жителю Ярославля или Нижнего было много легче от того, что его грабил, обрекая на голодную смерть, или продавал в рабство новгородский русак, а не басурманин. Из татарских городов ушкуйники не всегда возвращались в добром здравии, потому что, получив от удачной работорговли «много честь и кормы», напивались «аки мертвы» и в таком беспечном состоянии сами становились легкой добычей казанцев и астраханцев.

Низовские русские князья вовсе не по приказу татар, а исходя из интересов своих подданных отлавливали ушкуйников. А порой воевали и с самим источником беды – Новгородом.

Таковы были горькие реалии периода феодальной раздробленности; о них стараются позабыть либеральные «историописатели», всячески «кошмарящие» Московское государство, которому пришлось выкорчевывать практику и мышление удельных времен. От периода раздробленности жители разных русских земель сохранили друг о друге не самые лучшие воспоминания. Царям и церкви пришлось потом долго преодолевать это разобщение. И сегодня людям, одурманенным

²³⁴ Соловьев С. М. История России с древнейших времен.

идеями сепаратизма («Будем жить, как в Швейцарии»), надо почаще рассказывать о тех временах, когда русский убивал русского и считал это вполне нормальным...

В 1372 г. на Суре был построен городок Курмыш и насыпан вал на Оленьей Горе у реки Сундовак.

Первый и притом успешный поход московско-нижегородского войска на Казань состоялся в 1376 г. За опустошения русских земель воеводы наконец выставили какой-то счет – без этого успеха не было бы и Куликова поля. Впрочем, досталось не только ордынцам, но мордве, жившей на западной окраине Казанской земли. Уже на следующий год мордовские князья помогли татарам тайно войти в русские рубежи.

Колонизация правобережья средней Волги приобрела бесповоротный характер с переходом нижегородских земель под власть московских Даниловичей, которым отлично бы подошел девиз «Мыслить глобально, действовать локально».

Великий князь Василий Дмитриевич купил в Орде ярлык на Нижний Новгород, где в то время шла борьба между суздальским князем Борисом Константиновичем и его племянниками, Василием Кирдяпой и Семеном Дмитриевичем. Это были те самые продажные феодалы, что своими клятвами

уговорили москвичей в 1382 г. сдаться Тохтамышу – на убой.

Борис вскоре вышел из игры, а Семен еще неоднократно пробовал вернуть край себе при помощи Орды.

Семен верой и правдой восемь лет служил четверем ханам, натравливал их на московского князя, водил татарские отряды и наконец получил от Орды воинские силы для собственных нужд. Дело, однако, «ограничилось» кратковременным взятием и разграблением Нижнего. На это московский князь ответил разорением ряда татарских городов, включая Казань – она была возобновлена много позднее ханом Улу-Махметом (Улуг-Мухамедом).

Для отражения татарских набегов Москва берет под свой контроль естественную оборонительную линию – берега Оки и Волги до устья Унжи.²³⁵

В начале XV в. на реке Сундовак, откуда в свое время должен был бежать Тарас Петров, уже существует московское наместничество с центром в с. Лысково.²³⁶

В это время граница между московскими и татарскими владениями проходила по течению реки Суры. На ее левом берегу, лесистом и болотистом,

²³⁵ Любавский. Курс. С. 232.

²³⁶ Перетяткович. Поволжье в XV–XVI вв. С. 97.

царила дикость, здесь проходили ордынцы, следуя своим обычным путем на Русь, за ясырем, и жили немирные племена охотников и звероловов.

В годы страшного опустошения, постигшего Московское княжество из-за Едигеева нашествия, за Нижним Новгородом в диких местах селятся такие примечательные иноки, как Макарий и Тихон.

Макарий вначале обосновался на правой стороне Волги, на реке Добрице, а Тихон на реке Лухе. Потом Макарий, приустав от «многолюдия» и желая «конечного безмолвия», перебрался на левую сторону Волги, где основал скит около озер, называемых Желтыми Водами.

Но и тут старцу не дали покоя, стали приходить монахи, создавая нестерпимое «многолюдие».

Макарий понял, что раз не удастся противостоять процессу, то надо его возглавить – основал монастырь, стал там игуменом, который, однако, работал для всех, «меня себе не наставника и учителя, но яко раба и послушника».

В окрестности монастыря потекли и миряне. Местные черемисы, пораженные нравственной силой Макария и «зряще нестяжательное его в пустыне пребывание», уже не помышляли убить его вместе с братией, но даже приносили в монастырь съестное. А потом шли к Макарию креститься.

Однако первая половина XV в. была временем неуютным. После Тохтамыша и Едигея Московское княжество пребывало в жалком состоянии, разруха перетекла в масштабную междоусобицу; Золотая Орда хоть и распадалась, но хищничала больше прежнего.

«И в начале XV века можно было еще видеть, как отряды татарские уводили в плен с собою из Руси толпы крепко связанных людей, причем на одного татарина приходилось 40 человек русских», – пишет Г. Перетяткович.²³⁷

Происходившее в это время напоминало худшие десятилетия XIII в. Стоял на Руси «плач неутешим и рыдание и кричание».

В 1439 г. хан Улу-Махмет так сильно разорил нижегородские земли (хотя и не взял ни одного города), что от Желтоводской обители не осталось и следа. Живших вокруг нее людей сабли татарские «яко класы²³⁸ зрелые пожаша», уцелевшие были уведены в рабство. Однако мурза, взявший здесь полон, оказался не глух к нравственной силе Макария и отпустил его. Преподобный выпросил еще 40 русских пленников вместе с их семьями. Этих людей, страдающих от голода, холода и изнурения,

²³⁷ Перетяткович. Поволжье в XV–XVI вв. С. 106.

²³⁸ Класы – колосья.

85-летний старец провел лесами и болотами в окрестности города Унжи. И здесь людям, едва вырвавшимся из плена, также угрожала ордынская сабля, но все же имелась возможность укрыться за земляным валом и бревенчатым тыном унженской крепостенки. Сам Макарий прожил остаток дней в одинокой келье в 15 верстах от городка.

Этот эпизод стал известен благодаря житию святого Макария, однако можно не сомневаться, что подобных ситуаций было немало. Из них и складывалась жизнь русского фронта не только в 1430-х гг., но и двумя веками раньше, и двумя веками позже.

Князья прилагали все усилия, чтобы заселить опасные земли пограничья, понимая, что от их освоения зависит сила их княжеств. Ведь жители фронта, при достаточной густоте заселения, уже могли постоять за себя, укрывшись за стенами укреплений, а заодно не пустить врагов вглубь княжества.

Пользующиеся податными льготами монастыри старались привлечь на свои земли работников, преимущественно «без-вытных», «неписьменных», то есть не числящихся на тяглых землях какого-нибудь владельца или, еще лучше, пришедших за лучшей долей из другого княжества. Так, в

1476 г. углицкий князь дал Покровскому монастырю грамоту «собирати слободу на сей (правой) стороне Волги», причем земледельцы, привлеченные из других княжеств, были освобождены от податей на 20 лет, а «без-вытные» – на 10 лет.

В 1505 г., после многих лет относительного затишья, казанский хан Магмет-Аминь (Мухамед-Эмин) неожиданно взял курс на конфронтацию с Москвой. Для начала хан вырезал всех русских, беспечно находившихся в Казани: «гостей русских побил, а товар их поймал на себя весь», не давалось пощады даже их семьям, «юноша младыя и красныя отроковица, младенца вкупе убивахуся».²³⁹ Вот такая «Варфоломеевская ночь» на казанский манер.

20-тысячное казанско-ногайское войско пришло, «хрестьянство убивая», к Нижнему Новгороду, выжгло его посады, в то время как русская армия пассивно ожидала казанцев в Муроме и Плесе. По мнению летописца, воеводы струсили, «великим страхом объяти быша».²⁴⁰

С утверждением в Казани крымских Гиреев походы волжского ханства на «казанскую украйну» Московского государства стали регулярными. Особенно разорительные нашествия проходили в

²³⁹ Разрядная книга. С. 33.

²⁴⁰ Сказание о царстве Казанском. М., 1959. Гл. 8.

годы русско-польских войн. Ханы, посаженные на казанский трон турецкими султанами, прекрасно координировали свои действия и с поляками, и с крымцами.

Так, в 1521 г., когда основная масса русских войск находилась на литовском рубеже, казанцы и крымцы пробили русскую оборону с двух сторон и, по свидетельству Герберштейна, взяв огромный полон, соединились у Коломны.

Казанцы разорили Муромские, Мещерские, Нижегородские места, и даже на северной реке Сухоне, в Тотьминской волости, «в полон взяли и иссекли шесть с половиной тысяч христиан».²⁴¹

И в сентябре следующего года происходит нападение казанцев, «приходили татары и черемисы в галицкие волости».²⁴²

Великий князь Василий III и правительница Елена Глинская укрепляли оборону «казанской украины» – построены были города Мокшан на верхней Мокшей, Васильсурск на реке Суре. На какое-то время даже наступило затишье.

Но в годы Стародубской войны, последовавшей за смертью Василия, на Русь пошли вражеские рати

²⁴¹ Кунцевич Г. З. История о Казанском ханстве, или Казанский летописец. СПб., 1905. С. 602.

²⁴² Краткий галицкий летописец. СПб., 1905. С. 601–602.

с трех сторон, литовской, крымской и казанской, повсюду пробивая оборону. Зима 1535–1536 гг. выдалась особенно горячей на казанском рубеже. В декабре казанцы ходили на Нижний Новгород и Гороховец. 6 января казанские воины устроили резню в районе Балахны, убив много крестьян из окрестных сел, и ушли с полоном до прихода русских воевод. Отряды казанцев наведались даже в отдаленный Вологодский уезд, «многих людей посекли, а иных в полон взяли».²⁴³ Казанский хан Сафа-Гирей с 40-тысячным войском ходил на Костромские и Галичские земли. Под Костромой он разбил московского воеводу князя Засекина, который пал в бою. 15 января ханское войско сожгло посады Мурома.

Зимой 1537 г. Сафа-Гирей ходил на Нижний Новгород, Кострому, Галич, Владимир, Плес, «зиме января, на всеядной неделе, под Муром приходил, посады под Муромом и сел и деревень пожег, от Муромы и до Новагорода воевал».²⁴⁴

Годом позже казанцы доходят до Сухоны, разоряют окрестности Костромы, Муромы, Галича, Вологды,

²⁴³ Патриаршая или Никоновская летопись // Полное собрание русских летописей. Репринт 1904. Т. XIII. М., 1965. С. 105–107.

²⁴⁴ Постниковский летописец // Записки о регентстве Елены Глинской и боярском правлении 1533–1547 гг. // Исторические записки № 46. 1954 / Текст подг. Тихомиров М. Н.

уходят с «большим полоном».²⁴⁵

В 1539 г. казанцы опять отправляются к Мурому и Костроме, в бою около Костромы поражают московское войско, где погибают 4 воеводы. Набег отражает «свой» татарин, касимовский хан Шиг-Алей (Шах-Али).

В начале 1540-х гг., в смутное время после отравления Елены Глинской, казанцами были разорены земли Нижнего Новгорода, Мурома, Мещеры, Гороховца, Балахны, Заволжья, Галича с весями, Вологды, Тотьмы, Устюга, Перми Великой, Вятки, Владимира, Шуи, Юрьевца Вольского, Костромы, Кинешмы, Унжи, Касимова, Темникова.

Автор того времени, казанский летописец, сетует, что князья и бояре правят несправедливо: «неправды умножишася, обиды, тядбы и разбои, и убиства» и не берегут от супостата русскую землю. «Везде погани христьянъ воеваху и губяху».²⁴⁶

«От Крыма и от Казани почти половина Русской земли пустовала», – писал об этом времени царь Иван Грозный. И его оппонент А. Курбский добавлял, что «уже было все пусто за осьмнадцать миль до Московского места».

В ночь на 3 января 1542 г. воевода Иван Шуйский

²⁴⁵ Псковские летописи. Т. 1. М.-Л., 1941. С. 108.

²⁴⁶ Кунцевич. История о Казанском ханстве. Гл. 13.

приехал в Москву – в нарушение великокняжеского приказа находиться с войском во Владимире, земли окрест которого подвергались нападениям казанцев. Для того чтобы покончить с могущественным соперником – кланом Вельских. (Не случайно царь Иван ввел опричнину именно 3 января 1565 г.)

В письмах казанского хана Сафа-Гирея королю Сигизмунду, хранящихся в варшавском архиве и относящихся к 1542–1545 гг., содержатся отчеты о проделанной работе: **«Землю московскую завоевал и опустошил... Зо всим своим войском был и замки (крепости, города) иншии побрал, и иншии попалил, и со всем войском своим был есми за Окою рекою далеко в земли неприятельской».** Хан пишет, что в походах на Москву участвовало до 70 тыс. воинов, помимо казанцев также ногайские мурзы и астраханцы.²⁴⁷

За первую половину XVI в. разрядные книги зафиксировали 40 казанских набегов.

Набеговая экономика Казани кормила феодалов и работоторговцев, переправлявших пленников по Волге в Астрахань, откуда их рассылали азиатским «потребителям». Часть пленников оставалась в самом ханстве. К середине XVI в. более 100 тыс.

²⁴⁷ Мустафина Д. А. Послания царя казанского // Эхо веков. № 1–2.1997.

русских томилось в казанской неволе.

Казанское взятие

Казань была «крепким орешком». При Иване III один удачный поход даже завершился ее взятием, но закрепиться там не удалось.

А летом 1530 г. пришла к Казани большая русская рать, судовая и конная, под началом князей И. Вельского и М. Глинского. 10 июля соединившиеся русские силы разбили казанцев, взяли острог и стали готовиться к штурму города. Однако русские воеводы литовского происхождения, Глинский и Вельский, завели местнический спор, кому же первому въезжать в Казань. Пока начальники спорили, начался сильный дождь. Посошные люди и пищальники, намокнув, бросили к чертовой матери всю артиллерию и разошлись (нет, это точно не рабы).

Казанские татары помимо легкой конницы имели тяжелую панцирную кавалерию, численность которой достигала 10–15 тыс. всадников, и пехоту, приспособленную для защиты укреплений. Артиллерия Казани включала как легкие пушки-пищали, так и тяжелые полевые и крепостные орудия. По данным историка М. Г. Сафаргалиева, в казанском войске было не менее 40–50 тыс. человек – примерно

столько же, сколько и в литовском.

Но Иван Грозный сделал покорение Казанского ханства неизбежным. Ключами к нему стал Свияжск, поставленный всего за месяц в стратегически удачном месте. Его появление было результатом сложной логистической операции. Под Угличем зимой срубили крепость, потом разобрали – все бревна были помечены – и, едва сошел лед, переправили по Волге до места впадения Свияги; потом это колоссальное «Лего» было собрано снова. В кратчайшие сроки на площади 150 га было извлечено 3 тыс. м³ земли, израсходовано 20 тыс. м³ бревен. Охраняли стройку казанские татары, перешедшие на царскую службу, числом около полутысячи человек. Живущие окрест нагорные черемисы «град делати помогаху» и более того – обеспечивали строителей сбалансированным питанием, «хлеб же и мед и скот и всякую потребу во град привожаху».

И после падения Казани освоение Поволжья было длительным и тяжелым. Оно обеспечивалось не только военными победами, но и строительством городов, оборонительных черт, организацией сторожевой службы, переселениями служилых людей и крестьян и привлечением на свою сторону «инородцев» (это слово не несло негативной нагрузки, означало человека иного рода, нерусского и

некрещеного).

Несколько лет после казанского взятия воеводам пришлось подавлять вооруженную активность мурз и «сотенных князей», которые никак не могли забыть о «славном» набеговом прошлом. Они выстроили городок на реке Меше, получали помощь людьми от заволжских степняков, грабили суда на Волге, разоряли приволжские селения, даже проникали вглубь русских земель. Некоторые бояре, оппозиционные царю Ивану, считали, что Казань снова будет потеряна, и это вполне их устраивало.

Но феодал Мамич-Бердей, вожак восставших, был в конце концов взят в плен, причем чувашами, верными Москве. Местное чувашское или мордовское население нередко выдавало или просто умерщвляло восставших феодалов. Правительство царя Ивана выводило казанских воинов в московские города и волости, где давало им поместья, обращая в государевых служилых людей. Крупное феодальное землевладение в Казанском крае исчезло. С успокоением края его начали заселять земледельцы из числа русских, чувашей, мордвы.²⁴⁸

Исследователь волжской колонизации Перетяткович пишет: **«Русская государственная власть, уничтожив преобладание в крае**

²⁴⁸ Перетяткович. Поволжье в XV–XVI вв. С. 234, 235, 270

аристократии, сама в своих отношениях к населению русскому и туземному руководится демократическим началом; последним обстоятельством некоторые даже склонны объяснять прочность русской власти между инородцами, среди которых она вследствие этого находила себе сочувствие».²⁴⁹

После 1552 г. были выстроены заново казанские укрепления. На Волге, в 40 верстах ниже впадения Камы, рядом с «перевозом» был поставлен город Тетюшев. Он дал начало оборонительной черте. Тетюшская засечная черта, длиной в 10 верст, протянулась от нового города к реке Свияге.

На нагорной стороне Волги, при впадении Чебоксарки в Волгу, на месте чувашской деревни в 1554 г. был поставлен г. Чебоксары.

На одном из волжских «перевозов», которым пользовались для нашествий ногаи, неподалеку от устья Камы, в 1557 г. основан казанским воеводой город Лаишев. В нем поселились дети боярские и стрельцы, а на городских посадах и в окрестностях – бывшие пленники из числа татар, принявшие

²⁴⁹ Там же. С. 271; *Фирсов Н.* Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве. Репринт 1866 г. СПб., 2010. С. 191–192.

православие.²⁵⁰

В 1574 г. среди устьев Большой и Малой Кокшаг, между Чебоксарами и Свияжском, на левой стороне Волги встал г. Кокшайск.

Во время восстания луговых черемисов, вошедших в сношения с крымским ханом и ногаями, в начале 1580-х гг. был воздвигнут Козьмодемьянск. Его поставили на правой стороне, между Василь-городом и Чебоксарами, неподалеку от впадения Ветлуги.²⁵¹

В каждом новом городе русские люди немедленно воздвигали церковь, выполнявшую не только культовую, но и просветительскую функцию, нередко основывались и монастыри.

В 1555 г. Москва учредила Казанскую и Свияжскую епархию. Поприще для апостольской (миссионерской) деятельности было обширное. Но мусульман к крещению не принуждали. Среди поволжских народов все еще было распространено язычество, и обращение язычников являлось главной целью православных миссионеров. И если Европа, начиная с соседки Польши, обращала в свою веру костоломными пыточными инструментами, сжиганием и погребением заживо, то русское православие принципиально чуралось насилия и

²⁵⁰ *Перетяткович*. Поволжье в XV–XVI вв. С. 243.

²⁵¹ Там же. С. 237, 239

измывательства над чадами божьими, как бы они глубоко ни заблуждались.²⁵²

Удобной земли в Среднем Поволжье было предостаточно, «подрайские» черноземы давали урожая вдвое-втрое больше, чем московские суглинки. Однако значительная часть местного населения кочевала, кочевники же не хотели обрабатывать землю и не давали это делать другим. В Свияжском уезде мордва пахала землю наездом, приходя на время пахоты и жатвы с берегов Суры и Мокши.

Чуваши часто перебирались с места на места, бросая старые пашни, когда те начинали истощаться, и «хоромы свои перевозили».²⁵³ Лишь около Казани имелись деревни оседлых черемисов.

По замирению Казанской земли в 1557 г. царский наместник разделил земли, находившиеся ранее в руках хана и мурз, между государем, духовенством и детьми боярскими.

Дети боярские, поселившиеся около Казани, несли не только ратную службу, но также пахали землю на свое прокормление и десятинную пашню для государства («на государя и на всех»). Пахали наездом и те дети боярские, что поселились в

²⁵² Там же. С. 242.

²⁵³ *Перетяткович*. Поволжье в XV–XVI вв. С. 245–246.

городе. Этот пашущий служилый люд пополнялся крестившимися татарами и чувашами.²⁵⁴

В 1563 г. и 1565–1567 гг., уже после распределения земель, последовало их описание в писцовых книгах. Сперва учитывались дворцовые, потом земли «верстанных людей» – различных служилых лиц. Далее земли государственные, которые сдавались земледельцам, платившим оброк за их использование. И в конце концов земли, на которых жили пленники и поволжские «инородцы». Они вносили точно такой же оброк в казну, как и русские чернососшные крестьяне. Никакого гнета, закабаления и дополнительных налогов русское завоевание не несло – в отличие от турецкого, польского или английского.

Всех служилых, которых «поверстали поместьем», оказалось в Свияжском уезде 34 человека. В их поместьях жили еще 543 человека – в общем, людность небольшая. В Казанском уезде поселилось 155 служилых людей, в их поместьях 121 двор был помещичьим, 50 дворов – крестьянскими и 48 – людскими. То есть во многих поместьях стоял только один двор – самого помещика.

«Некоторые деревни, – читаем у Перетятковича, – состояли из одних лишь боярских детей, которые,

²⁵⁴ Там же. С. 246.

несмотря на свою малочисленность, ставили иногда общими силами церковь и сообща же распахивали пашню, к ней приписанную».

В общем, первыми пахарями новой русской земли были предки позднейшего «благородного дворянства».

Православное духовенство, в котором выделялись Герман, основатель Богородицкого монастыря, и Варсонофий, изучивший в крымском плену татарский язык и исламское богословие, вело местное население к христианству. Заодно и обучали детей грамоте. Дискуссий оба старца не боялись. Варсонофий «истязался с неверными и укоряя их, и препирая и ко крещению приводя, уча и наказуя веровати». Благодаря деятельности таких священников в большом числе появляются «новокрещенские» села и деревни. Новокрещены также селились в одних деревнях вместе с русскими.

Чуваши, наиболее склонные к оседлому образу жизни, быстрее всего ужились с русскими переселенцами и стали проводниками русского влияния. Много чувашей поселилось на епископских и монастырских землях.

На смену полукочевой системе землепользования наездом в Поволжье приходила господствовавшая в центральной Руси трехпольная система.

Русскими сначала заселялись селища и городища, многие из которых заросли быльем с начала XV в., со времен золотоордынской «замятии». Затем поселенцами распахивались дикие поля, залежи, вырубался и выжигался «черный дикий лес» – под пашни и покосы. О починках часто писали – «стал на лесу». Лесные починки быстро обрастали дворами и превращались в деревни.

Если крупные реки сохраняли инородческие наименования, то небольшие речки, холмы, озера и овраги получали преимущественно русские названия – свидетельство того, что переселенцы обосновывались в тех местах, где раньше оседлости не было.²⁵⁵

Привлекая на новые земли крестьян, государство и частные владельцы, особенно монастыри, действовали при помощи длительных льгот, как правило десятилетних.

Впрочем, случалось и так, что «изменники татары» брали в полон монастырских крестьян и продавали в рабство куда-нибудь в Заволжье. Бывало, что дети боярские, от которых уходили крестьяне на монастырскую землю, требовали с них больше денег за выход («пожилое»), чем указывалась Судебником. Да еще и мстили за уход, например могли ограбить

²⁵⁵ *Перетяткович*. Поволжье в XV–XVI вв. С. 260.

на новом месте жительства. Заодно доставалось и монахам. Однако и монахи, и крестьяне могли найти управу на распоясавшегося помещика, подав челобитную воеводе или прямо царю.²⁵⁶

Крестьяне, селившиеся как на дворцовых, так и на владельческих землях, должны были платить налог за ее использование. Собирался он по имущественным единицам – вытям, или сохам. На Волге в то время выть равнялась 15 десятинам обрабатываемого поля.

Плата в натуре заключалась в обработке «по десятине ржи и десятине яри» в поместьях служилых людей или по десятине в монастырских вотчинах – на выть.²⁵⁷

После взятия Казани и Астрахани на волжском пути разгулялась казачья вольница – грабила торговые русские суда и ногайские кочевья, не разбирая, где мирные, а где воинственные. Разбойники базировались на возвышенной и поросшей Самарской Луке, при впадении Самары в Волгу, – там было полно пещер и прочих схронов. Правительство послало в 1557 г. атамана Ляпуна Филимонова (несмотря на смешное имя бывшего одним из покорителей Астрахани) со служилыми казаками на волжскую Переволоку, а стрелецкого

²⁵⁶ *Перетяткович*. Поволжье в XV–XVI вв. С. 264.

²⁵⁷ *Перетяткович*. Поволжье в XVII в. С. 171.

сотника Степана Кобелева – на Большой Иргиз. Казаки-разбойники убили Филимонова, зазвав его на «переговоры».²⁵⁸

Однако после мер по обузданию разбойной стихии, предпринятых правительством, часть казаков ушла с Волги на Терек, Яик и в пермские владения Строгановых. И ушедшие, и оставшиеся приняли условия государевой службы и принесли немало пользы стране.

Правый берег Волги, который осваивался в первую очередь, имел пограничную службу, схожую с той, что действовала на «польской украине» к югу от Оки.

«На Волге и по некоторым другим рекам пока учреждены были постоянные сторожи со станичными головами, жожами, позднее со стоялыми головами, которые своими разъездами должны были обхватывать все пространство от Волги до Вороны, Оскола и Донца», – пишет историк И. Д. Беляев.²⁵⁹

Заволжских ногаев честно старался удерживать от набегов присягнувший царю Ивану хан Измаил. Однако честная жизнь лишила традиционных «источников заработка» значительную часть его кочевых подданных. Хан предусмотрительно отослал многих мурз с их отрядами на службу в Москву. А

²⁵⁸ *Перетяткович*. Поволжье в XV–XVI вв. С. 312.

²⁵⁹ *Беляев*. О службе. С. 21–22.

правительство постоянно отправляло ногаям деньги, продовольствие и даже одежду. Кочевники стали привыкать к ношению русской летней одежды – шерстяных опашень и т. д.

Тем не менее к 1559 г. многие ногайские роды, презрев приказы Измаила, ушли из Заволжья на запад, в основном на Северный Кавказ, во владения крымского хана, где составили Казыевы улусы.

С упадком ханской власти после смерти Измаила Москва стала требовать не только от нового хана Уруса, но и от отдельных мурз, чтобы они караулили «по Волге летом и зимой». И подкрепляла просьбы угрозами и подарками. Однако ни кнутом, ни пряником пресечь переправу немирных ногаев через Волгу полностью не удавалось. Ногайские всадники вторгались в мещерские, алатырские и темниковские «украины». Набеги усилились на рубеже 1570-1580-х гг., когда крымцы стали оправляться от молодинского разгрома.²⁶⁰

Волжские и уральские казаки отвечали на ногайскую набеговую активность соответственно. В 1577 г. они напали на ногайскую столицу Сарайчик на Яике. А в 1581 г., после разорительного ногайского набега на Русь, сожгли Сарайчик и истребили всех его жителей...

²⁶⁰ *Перетяткович*. Поволжье в XV–XVI вв. С. 296, 304.

Казанским приказом в начале царствования Федора Ивановича заведовал Дружина Пантелеев, представитель новой плеяды государственных людей, поднятых Иваном Грозным, – «замечательный по уму человек» – по отзыву весьма недоброжелательного к России Дж. Флетчера.²⁶¹

Правительство продолжало строить города на нагорной и луговой сторонах Волги; вокруг городов, выполнявших роль грибницы, росли деревни и починки.

Перетяткович пишет: «Как следствие этого в конце XVI столетия в некоторых селах и деревнях Казанского уезда, в которых в шестидесятых годах находилось, например, всего 8 дворов с 6 вытями... население выросло до 28 дворов с 10 вытями...»

Появлялись новые укрепления на речных переправах, правительство теперь поручало вести наблюдение за ними частным лицам – за вознаграждение. Например, «Ивану Вятчанину с товарищи 10 человек» (кстати, недурное название для ЧОПа) был вверен надзор за Анатовским перевозом на Каме за г. Лаптевым.

Сторожи, расположенные на речных переправах и в местах, где «вернее проведать про воинских людей», также способствовали возникновению

²⁶¹ Там же. С. 311.

поселений, например к югу от г. Тетюшева.²⁶²

Настал черед городского строительства в Нижнем Поволжье. В 1586 г. появился город на Самарской Луке, ранее облюбованной казаками-разбойниками. Теперь служилые люди могли гораздо лучше контролировать движение ногаев через Волгу. Хан Урус, доселе изображавший дружбу, потребовал от русских сноса Самары, открыто угрожая ее разорением. Оно и понятно: Урус боялся потерять окончательно любовь своих воинственных подданных, которые хотели дополнять скудные плоды кочевого скотоводства пленницами и прочей добычей.

Урусу ответил перешедший на государеву службу «царевич» Мурат – из крымского правящего рода Гиреев, но стремительно обрусевший. Он посоветовал хану: «Не дуруй», угрожая в случае проявления дурости разорить ногайские станы при помощи «рати огненного боя».

Вслед за Самарой был основан на волжском правом берегу, также на переправе, в местах с хорошей почвой, Царицын. Это произошло в 1589 г. под руководством воеводы Г. Засекина. Годом позже был поставлен Саратов на левом берегу, неподалеку от Большого Иргиза, где часто кочевали ногаи перед

²⁶² *Перетяткович*. Поволжье в XV–XVI вв. С. 309, 310.

набегом на Русь (позднее город был перенесен на 10 верст).²⁶³

Правительство, осваивая новые земли, действовало в интересах народа, что людьми вполне осознавалось. О взятии Казани было сложено с полсотни народных песен (но хоть бы одна о присоединении к Российской империи Курляндии). Правительству была в помощь и подвижность народа. Иностранцы отмечали, что русский «легко решается на переселение и свободно направляется для колонизации в отдаленнейшие страны... если только при этом находятся с ним его семья и соседи».²⁶⁴

Русские поселенцы стремились занять поляны на возвышенностях у рек, «на гриве», где удобство речного транспорта сочеталось с «доброй землей», мягкой, хорошей для пашни.

Однако следующая волна колонистов создавала починки, деревни, займища уже в «черном диком лесу». Лес не только внушал страх, но и привлекал поселенцев звериными ловлями и бортными деревьями. Рисковать, так по-крупному – поселенцы стремились захватить как можно больше лесных угодий, а писцы долгое время не

²⁶³ *Перетяткович*. Поволжье в XV–XVI вв. С. 316.

²⁶⁴ *Haxthausen* Studien über die innern Zustände, das Volksleben und insbesondere die landlichen Einrichtungen Russlands. III. S. 138.

производили их точного измерения, указывая в учетных книгах лишь примерное местоположение. Лесные угодья с необозначенными в документах границами надлежало хорошо сторожить, а лучше всего обосноваться рядом с ними. Но одним зверем сыт не будешь. Избушки промысловиков неизбежно превращались в деревеньки с пашней и сенокосом.

В описаниях монастырских владений часто указывается размер «пашенного леса» – лесного участка, где впоследствии будет устроена пашня.

Размеры пашни, приходящейся на одного крестьянина, обычно были небольшими, 1,5–2 десятины, что обуславливалось естественными ограничениями – в первую очередь коротким сельскохозяйственным периодом.²⁶⁵ Но земля первые годы хорошо родила хлеб.

За исключением площадей, переданных в монастырские вотчины (например, Троицкому Сергиеву и Богородицкому монастырям), правительство старалось отдавать землю на поместном праве небольшими участками.

Среди высокородных особ, пожалованных весьма малонаселенными поместьями в Свяжском уезде, были князя Михаил Бахтеяров-Ростовский, Андрей, Дмитрий и Никита Ростовские, Борис Семенович

²⁶⁵ *Перетяткович*. Поволжье в XVII в. С. 6–8.

Пожарский, Никита и Федор Яновы, Иван Темкин, Роман Приимков, Михаил Шеин и др. Таковы были результаты «опричной» политики, когда княжата из давно населенных земель теряли там свои многолюдные вотчины, своих бояр, дворян и подневольную челядь, свои кормления, свое политическое влияние в качестве местных державных владельцев (унаследованное от периода удельной раздробленности) и перемещались на окраины государства. Здесь, уже в роли уездных дворян, им надлежало служить за землю.²⁶⁶

Легче всего заселялись беломестные вотчины монастырей.

У Троицкого Сергиева монастыря, где архимандритом был Варсонофий, имелось около 1557 г. лишь 2 деревни и 3 починка с займищем, всего 30 дворов. А в 1570-х гг. уже есть село Услон с храмом.

Монастырь в это время берет «дикой и черной лес на Услоне на четыре версты поперек... на пашни расчищать лес». Община села Услон высылает починки во все стороны монастырских владений. Поселившиеся там крестьяне получают 15-летнюю льготу не платить оброк.

На левой стороне Свяги, по притокам Большой и Малой Бирлы, на монастырских землях живут

²⁶⁶ Павлов-Сильванский. С. 59, 60.

полоняники.

С 1560-х по 1590-е гг. количество деревень здесь увеличивается втрое, появляется мельница Большое колесо «за Свягой на светлом ручью». А к мельнице «прибавлено лугов, старых покосов по обе стороны ручья и новых росчистей 250 копен...»²⁶⁷

Переселенцы оставались весьма легкими на подъем и при едва заметном улучшении положения с безопасностью отправлялись дальше, на новые невыпаханные земли.

Когда в 1590-е гг. местность около Тетюш была защищена засекой, проведенной в вековом лесу и упирившейся в Свягу здесь сразу стало расти число поселений.

Хозяйствовать абы как помещикам не дозволяется. Так, поместье, находившееся недалеко от засеки на реке Улеме (правом притоке Свяги), забрано у воина Болтина, коим было приведено в негодное состояние, в собственность дворцового ведомства. Помимо села Федоровского здесь появляются три деревни, населенные мордвой, а 20 служилых людей из числа пленников получают поместья.²⁶⁸

Не менее успешно, чем фронтир, заселялись и соседние к нему старые земли, например

²⁶⁷ *Перетяткович*. Поволжье в XVII в. С. 21.

²⁶⁸ *Перетяткович*. Поволжье в XVII в. С. 23.

Нижегородский уезд. Поселенцы «посошлись из дальних мест и дворы поставили, и лес секли, и перелого раздирали, землю распахали».²⁶⁹

В конце XVI в. на правом берегу Камы и на ее притоке Ветке появляются два острога, каждый с пятью башнями и тремя воротами. Возле них скапливается население. Около первого острога появляется слобода, называемая Рыбной, – с 69 дворами. В ней «садовое» хозяйство: крестьяне занимаются аквакультурой, «рыбу в озеро сажают и стерегут и из озера рыбу вынимают».

Отделившиеся от Рыбной переселенцы, числом 13, решают заняться пахотой. Они составляют отдельную общину, сводят лес и, находясь на льготе, «пашут своей рощи... *безоброчно* по государеву указу».

Выше Рыбной слободы возникает дворцовое село Анатош, в котором «три государевы житницы», 30 дворов пашенных крестьян и 13 дворов, чьи владельцы живут ремеслом и торговлей.

Выше села Анатоша на реке Ветке возле острога вырастает село Ветки с церковью, церковной пашней, 35 дворами пашенных крестьян и 7 дворами торговцев и ремесленников.

К этим дворцовым селам тянуло (относилось)

²⁶⁹ Акты Нижегородских монастырей: Печерского и Благовещенского. № 6, грам. № 14, 13, 51 // Нижегородские Губернские ведомости. 1848.

шесть деревень.

Число дворов во владениях Преображенского монастыря близ Казани увеличивается с 44 в 1560-х гг. до 121 в начале XVII в., крестьянская пашня возрастает почти в 4 раза. Вместе с тем уменьшается размер сенокосов, и крестьяне «косят наймуя на стороне».

В вотчинах монастыря уже в 1560-х гг. вместе с русскими крестьянами упоминаются «новокрещены, полоняники и Чуваши», в одном починке «живут в нем Татаровя на льготе». В начале XVII в. все обитатели монастырских владений носят уже русские имена и фамилии. «Татаровьев» никто силком в православие не тащил, это было категорически воспрещено.²⁷⁰

В Казанском уезде много служилых новокрещен, татар и чувашей владели землей «без дач и государевых грамот и выписей», потому что теми землями «владели отцы их и дядья и братья до Казанского и после Казанского взятья».

Воеводам, отправляемым в какой-либо город, в уезде которого жили «инородцы», поручалось «смотреть над головою стрелецким» и «над всякими русскими людьми», чтобы они **«черемисы не обидили... и поминков с них не имели и насильств им**

²⁷⁰ *Перетяткович*. Поволжье в XVII в. С. 93–95.

не чинили».

В отличие от европейцев, не признававших прав завоеванных народов на землю, русские власти повсеместно сохраняли землю за теми, кто издавна жил на ней. Вообще российская власть признавало базовое равенство победителей и побежденных. И эта политика оправдывала себя.

«Инородцы», владевшие поместьями, как правило, крестились первыми, притом новокрещены были весьма ревностными верующими.²⁷¹

Русская вера и русская государственность совместно превращали пространство любой степени дикости в мир созидательного труда и производящего хозяйства. Татарин и черемис, входя в этот мир, сохраняли свою этничность, но становились русскими по типу национально-государственной работы...

В это же время «цивилизированная Англия» королевы Елизаветы I (о которой снято так много комплиментарных фильмов) осваивает Ирландию в следующем стиле: «Головы убитых за день, к какому бы сословию те ни относились, должно было отсечь и принести к тем местам, где он (полковник) располагался на ночь, и разложить их по обеим сторонам дороги, ведущей к его палатке, и так, чтобы никто идущий к нему с каким-либо

²⁷¹ Там же. С. 100–106.

делом, не преминул увидеть их. Головы должны устрашать; от мертвых не убудет, а живые пусть ужасаются при виде голов своих отцов, братьев, детей, родственников и друзей, на которые будут наткаться, идя разговаривать с вышеупомянутым полковником».

Сущностью английского правления в Ирландии стало постоянное ограбление местного населения при помощи конфискации у него земли – в пользу английских колонистов.²⁷² Кромвелевское повторное завоевание Ирландии, приведшее к гибели половины населения острова, 616 тыс. человек, началось со слов вождя буржуазной революции, что Англия «продолжит великий труд по искоренению кровожадных ирландцев и их приспешников и доброжелателей». 100 тыс. ирландцев были проданы как рабы в Вест-Индию. От 75 до 85 % всей земли, принадлежавшей ирландцам, было конфисковано и передано во владение колонистам-протестантам из Англии и Шотландии...²⁷³

После фаз тотального устрашения и массового ограбления наступил этап рационального удушения ирландцев.

²⁷² Афанасьев Г. Е. Судьбы Ирландии // Записки Новороссийского университета. Т. 46. Одесса, 1888. С. 81.

²⁷³ Бродель. Материальная цивилизация. Т. 3. С. 489.

«Треть ирландской арендной платы тратится в Англии, что вместе с прибылями, пенсиями и прочим составляет добрую половину доходов королевства, все – чистая прибыль для Англии. Эта арендная плата выжимается из крови, жизненно важных органов, одежды и жилищ арендаторов, которые живут хуже, чем английские нищие», – отмечал Джонатан Свифт в статье «Краткое обозрение государства ирландского».

К началу XIX в. каждый год из Ирландии в карманы собственников земли, живших в Англии, выкачивалось свыше миллиона фунтов стерлингов арендной платы. Сами ирландцы оставались ни с чем. В относительно плодородной стране голод с тысячами смертей сделался привычным явлением.²⁷⁴

Когда выращивание зерна сделалось неприбыльным, лендлорды стали выбрасывать мелких арендаторов с земли, передавая ее под выращивание кормовых трав для скота.

Внешне невинный процесс перехода на продуктивное животноводство дорого обошелся всему ирландскому народу.

Ирландские крестьяне-католики остались со своими крохотными участками, где жили выращиванием картофеля. Щедрый американский

²⁷⁴ Бродель. Материальная цивилизация. Т. 3. С. 490.

гость спасал от смерти. До поры до времени, пока его не сгубила грибковая болезнь. Началась демографическая катастрофа.

«...Мы вошли в хижину. В дальнем углу, едва видные сквозь дым и покрывающее их тряпье, лежали обнявшись трое детей, с запавшими глазами, без голоса, в последней стадии дистрофии... Над остатками горящего торфа скорчилась еще одна фигура, дикая, почти нагая, почти нечеловеческая с виду. Жалобно стелая, иссохшая старуха умоляла нас дать ей что-нибудь, показывая руки, на которых кожа свисала с костей», – пишет английский автор, посетивший Ирландию в 1847 г. И в то же время «огромные стада коров, овец и свиней... отправляются с каждым отливом, из каждого из 13 наших портов, курсом на Англию, и помещики получают арендную плату и отправляются тратить ее в Англию, и сотни бедняков ложатся и умирают вдоль дорог от недостатка пищи».²⁷⁵

Первая половина XVII в

Смута нанесла огромный вред русскому расселению как в центре, так и на окраинах (хотя

²⁷⁵ Curtis L. *Nothing But the Same Old Story (The Roots of Anti-Irish Racism)*, London, 1985.

согласно лжетеории «вольной колонизации» должна была только ее стимулировать).

Сидевшие в Москве и Тушино польские ставленники обирали народ. Когда жители Вологды получили от Лжедмитрия II очередные требования, «иные многие заплакали» (заставить плакать сурового северного мужика – это надо постараться).

Паны интервенты, разъезжая по городам и весям, грабили, убивали и насиловали вволю. К ним в качестве «пехоты» добавлялись разбойники из местных.

Вырвался на свободу и разбойничий элемент Поволжья, ранее сдерживавшийся твердой рукой государства. Воровские шайки не только опустошали беззащитные села и деревни, но и осаждали укрепленные города. В царствование Василия Шуйского «мордва и бортники, и боярские холопы, и крестьяне собрався придоша на Нижней город, осадиша».²⁷⁶

Особо отличились шайки с луговой стороны Волги. «Всякие вору, и Черемиса и многие люди город Котельнич взяли, и церкви Божий осквернили, и многих людей побили, и до основания разорили».²⁷⁷

Луговые черемисы в 1609 г. сожгли город

²⁷⁶ *Перетяткович*. Поволжье в XVII в. С. 24, 25.

²⁷⁷ Там же. С. 96.

Цивильск. Годом позже «приходили в Чебоксар польские казаки... город Чебоксары взяли, и прежнего их игумена Геласия с башни скинули, и многих посадских людей в те поры побили... и казну заграбили». В это же время воровские шайки грабили Свияжский уезд и осаждали Свияжск. Вотчины Богородицкого Свияжского монастыря были «от изменников выжжены, а крестьяне побиты, а иные в осаде померли, а иные разбрелися».²⁷⁸ От крепких деревень остались лишь печные трубы, а по дорожной слякоти тянулись на север измученные люди, оставляя по пути могильные холмики с крестами из веток.

Значительное число черемисов и татар не поддержали «воров», а сидели вместе с русскими воеводами и детьми боярскими в осаде. Из-за опасности стать жертвой набега или разбоя уходили не только русские, но и чуваша с мордвой, привыкшие к мирному земледельческому труду.

И после «официального» окончания Смуты правительству долго пришлось добиваться полного успокоения Поволжья. Разбои шли от «Крымских и от Ногайских людей и от казаков, от воров и от Черкас».²⁷⁹

²⁷⁸ Там же. С. 26.

²⁷⁹ Там же. С. 96.

В идеологизированном XX в. все плохое надлежало валить на «усиление помещичьей эксплуатации» и «гнет царского режима». И разбойники превращались в борцов с «царизмом». Все эти игры зашли так далеко, что наша история превратилась в откровенный русофобский пасквиль, в котором цари и помещики только тем и занимаются, что мучают крестьян, к которым спешат на помощь свободолюбивые воры...

Уже после избрания на Земском соборе царем Михаила Федоровича ногаи соединяются с атаманом Заруцким – тот вместе с пани Мнишек «всплывает» в Астрахани – и «хотят итти к Самаре», где в это время находится князь Д. Пожарский. В связи с этим весной 1614 г. правительство посылает на Волгу двух стрелецких голов, каждого с пятью сотнями стрельцов.

Один голова поставил острожек на устье реки Усы, другой – острог на южной стороне Самарской Луки, «где переволочатся с Волги на Усу реку». Им обоим кроме помощи Пожарскому предписывалось «проведывати всякими мерами про астраханских воров, и про воровских казаков, и про ногаи, и про всяких воровских людей, и если воров будет не много, то ему (голове)... на тех воровских людей приходити и над ними промышляти... рыбных ловцов от всяких

воровских людей оберегати».

Власть бережет своих людей, не только рыбаков, но и ратников – и тех, и других мало – никаких призывов биться до последней капли крови.²⁸⁰

И в 1620-х гг. в среднем течении Волги повсеместно стоят «крестьянские дворы пустые от татарского разоренья». В дворцовой Кукарской слободе «кругом слободы острог, а на остроге три пищали затинных да в казне 10 ручных самопалов». Крестьяне полностью готовы к обороне своих жилищ, но обрабатывают лишь 30 четвертей земли, а вшестеро больше земли брошено и поросло «боровым большим лесом».²⁸¹

Однако в защищенный чертой Тетюшский уезд перебираются люди с верхнего Поволжья. В Федоровском селе, где до Смуты было 18 дворов крестьянских и 7 дворов бобыльских, в 1616 г. насчитывается уже 107 крестьянских и 26 бобыльских дворов, да еще появляется три починка.

Средневожские черноземы по-прежнему влекут крестьянство, которое хорошо ощущает разницу между ними и супесями-суглинками верхового Поволжья, Новгородчины, Москвы и т. д.

Идет переселение из верхнего Поволжья в низовое, к Самаре, Саратову, Царицыну. Например, в 30

²⁸⁰ *Перетяткович*. Поволжье в XVII в. С. 30, 31.

²⁸¹ Там же. С. 97–99.

верстах от Чебоксар, на правом берегу Волги, у впадения Верхней и Нижней Сундырки, появляется село Сундырь – в вотчине Крутицкого митрополита Сильвестра. В его окрестностях растут починки, состоящие в основном из бобыльских дворов.

На Самарской Луке, при Михаиле Федоровиче, построены два острожка. На реке Усолке, где бьют соляные ключи, купец Надей Светешников ставит котлы-салды для выпаривания соли. Пашенная земля принадлежит здесь Саввиному монастырю.

Смута оставила массу оскудевших и просто нищих помещиков, некоторые из них кормились «христовым именем», то есть подаянием.²⁸²

В царских жалованных грамотах этого времени пишется, чтобы землевладельцы со своих крестьян не брали «через силу, чтобы тем мужиков своих из поместий и из вотчин не разогнать», грозя в противном случае отнятием поместья и вотчины.

Монастыри стали еще более привлекательны для переселенцев, уходящих от мелких разоренных помещиков.

Хозяйственное положение монастырей было лучше, чем у служилых людей, так сказать, по определению. Освобождение от податей и наличие большого числа рабочих рук, в том числе наемных

²⁸² *Перетяткович. Поволжье в XVII в. С. 185.*

работников («монастырских детенышей»), позволяло монастырям энергично заниматься заимкой новых земель.

Село Борисоглебское Преображенского монастыря в начале XVII в. имело менее 20 дворов и платило оброк монастырю менее 5 руб. В середине века здесь живет 127 оброчных бобылей, вносящих около 100 руб., причем не только с пашни, но еще и с ремесел, преимущественно кожевенных и плотничьих.

За 40 лет значительно увеличилась крестьянская пашня «от лесной рощисты» во всех деревнях, относящихся к этому селу.

Так, деревня Борискова, обрабатывавшая в 1603 г. силами 11 крестьян 56 десятин земли и имевшая «лесу непашенного полторы версты», к середине века силами 31 крестьянина распахала уже 636 десятин. И, вероятно, в помощь крестьянам были неучтенные рабочие руки из числа людей, поселившихся на их дворах. В крестьянских общинах росло число захребетников, соседей и подсоседников, маскирующихся чужим тяглом («у которых своих дворов нет, живут в соседях»). Крепкий хозяин принимал захребетника на свой двор или даже в свою избу, кормил его в обмен на помощь в работе. Обычно, чуть встав на ноги, захребетник переходил

в бобыли, платил небольшой бобыльский оброк. И уже потом, когда у него подрастали дети, при поддержке общины и землевладельца становился крестьянином.

Общины были заинтересованы в новых членах, выделяли им землю (усадебную, пашенную и угодья), старались предоставить некоторую материальную помощь.

Такие же процессы шли и в посаде, и в стрелецких слободах.

К середине XVII в. почти исчезли в писцовых книгах описания пахотных лесов, перелогов и «зарослей». Вместе с иссушением болот уменьшалось количество источников, падал уровень воды в небольших реках, уменьшалось количество водяных мельниц. К тому же и изменение климата выражалось в снижении средних годовых температур и уменьшении осадков.

В южную часть Закамского края приходили люди из Перми, которые жаловались в челобитной, что «у них де у Пермич место подкаменное, студеное, хлеб не родится, побивает мороз по вся годы». Переселялись туда крестьяне с Вятки, как, например, в 1626 г. целой общиной «Попов с товарищи» стали «жити на пашне, на льготе, на Чалне» при впадении ее в Каму. В Чалнинском починке в 1643 г. насчитывалось 118 крестьянских и бобыльских дворов, а в 1651 г. –

второе больше. Починок становится селом с полным самоуправлением, денежный и хлебный оброк оно платит дворцовому приказу по «крестьянским сказкам, а не по мере».

Как и прежде, соседство с немирными кочевниками требовало от крестьян участия в оборонных мероприятиях. Так, в Тетюшском уезде надо было высылать с 10 дворов по человеку «с пищальми, с саблями и со всяким боем». Поволжское крестьянство было хорошо вооружено властями, да и, видимо, обучено ратному делу. В крупных европейских государствах того времени оружие крестьянам не доверяли.²⁸³

В Казанском уезде правительство обратило внимание на те места по Каме, которыми ногаи пользовались для перехода с луговой стороны на правую, нагорную. На одной из переправ, со времен царя Ивана, стоял Лаишевский город, а вот Анатошский перевоз с 1620-х гг. сторожили вооруженные крестьяне из ближайшей деревни. Назвали ее соответственно Сторожевой.

Вместе со сведением лесов уменьшалась их защитная роль, поэтому государство должно было прибегать к новым оборонительным мерам. На левых и правых притоках Свияги, Карле и Килне возникли

²⁸³ *Перетяткович*. Поволжье в XVII в. С. 64, 70.

укрепленные слободы, которые населили полковыми казаками.

Симбирская и Закамская черты

В 1648 г. на правом берегу Волги от нового города Симбирск началась постройка протяженной черты в юго-западном направлении. Она состояла из полос, где в несколько рядов шли рвы и валы, которые в лесных массивах сменялись засекой.

Строили черту шесть лет – с числом занятых работников от 3,3 до 4,9 тыс. человек.

На дистанции от Симбирска до Инсара встало 8 острогов.

В Инсар перешла часть темниковских жителей. Переселенцы, обосновавшиеся в городе, получали жалованье на дворовое строение – 4–5 руб. и огнестрельное оружие.

На новой черте селили казаков, переведенных из Тетюш, Лаишева, Арска, Карлинской слободы.

Поселившихся здесь мордвинов прибирали в казачью службу, татар – в «государеву конную службу».

За Инсарским острогом черта тянулась и дальше на юго-запад до соединения с Нижне-Ломовскими укреплениями, которые входили в состав Козлово-

Шацкой черты.

Черноземная правая сторона Поволжья, ограниченная с севера Тетюшской засекой, а с юга новой Симбирской чертой, стала базой для раздачи земли помещикам, как русским, так и представителям поволжских народов. Получив землю, последние были заинтересованы не меньше русских в ее защите от вторжений кочевников.

Помещик XVI и XVII в. был щитом, мечом и рабочей лошадью фронта – без него невозможно было защитить плоды любой созидательной деятельности от хищничества кочевых степняков и разбойничьих шаек. Без него на фронте не удержалось бы никакое оседлое население, да и просто эта земля была бы потеряна.

Помимо исполнения гарнизонной службы много служилых людей было задействовано на сторожах, которые в Поволжье обычно располагались на возвышенных местах.

Им предстояло следить за тем, чтобы «воинские люди в Симбирску и к... Симбирской черте **на русские и на мордовские деревни безвестно не пришли** и дурна какого не учинили и уездных людей не повоевали, и не побили, и в полон не поймали».

В степь за черту направлялись разъезды и станицы – для «проведывания вестей про неприятельских

воинских людей».

К середине XVII в. до Камы добираются калмыки (монголы-ойраты). За предыдущие 40 лет они перекочевали с берегов Ишима и Тобола на верховья рек Яика и Ори, а в 1630-е гг. их кибитки появились между Яиком и Волгой. Здесь калмыки принялись грабить ногаев, отчего те двинулись на правый берег Волги. Одни шли в Крым, другие умоляли о спасении астраханских воевод.²⁸⁴

Русские заслоны не могли противостоять многочисленной калмыцкой орде. Вскоре 40 тыс. ногайских воинов на левобережье Волги подчинились калмыкам, как и туркмены восточного берега Каспия.

В 1639 г. калмыцкая орда ударила по Самаре.

В начале 1640-х гг. на левой стороне Камы появились три острожка: Ахтачинский, Мензелинский и Шешминский – «для обороны Закамской стороны от воровских людей, от Башкирцев и от Калмыков». Однако крепкой обороны создать не удалось.

В 1643–1644 гг. кочевники уничтожают деревни Преображенского монастыря на реках Бездне и Чертыке. Убито и уведено в плен более 90 человек, монастырского и крестьянского имущества похищено на 4 тыс. руб.²⁸⁵ И десятилетие спустя на реке

²⁸⁴ *Перетяткович*. Поволжье в XVII в. С. 127.

²⁸⁵ *Перетяткович*. Поволжье в XVII в. С. 128–129.

Чертыке «пустошь, что была деревня Чертыковская старая», на реке Бездне «тогож монастыря пустошь, что был Старцов».²⁸⁶

В начале 1644 г. правительство послало на калмыков служилых людей из Самары и Уфы. Самарский воевода Плещеев наконец наносит кочевникам поражение.

Битые калмыцкие правители присягнули Москве, получив «повольный торг в государевых городах». Но эта присяга имела скорее характер восточной хитрости. Так кочевые вожди хотели избежать военных акций русского правительства, получать подарки за «красивый внешний вид», а меж тем продолжать набеги, ссылаясь на то, что отдельных гордых батыров обуздать невозможно, никого не слушаются, понимаешь.

И вот уже тайши «на той своей шерти²⁸⁷ не устояли, учали приходить под Сибирские города, под Уфу, под Саратов, под Астрахань и на Ногайские улусы; и приходя города и уезды воют, села и деревни жгут, ногайские улусы разоряют, людей побивают и в полон емлют».²⁸⁸

В 1650 г. при впадении Чалны в Каму воздвигнут

²⁸⁶ Там же. С. 130.

²⁸⁷ Шерти – присяга.

²⁸⁸ *Перетяткович*. Поволжье в XVII в. С. 131.

город «для оберегання от приходу Калмыцких и Ногайских воинских людей», окруженный со всех сторон тарасным валом, с двух сторон рвом, подле которого вбиты надолбы.²⁸⁹

На валу было 6 башен: 4 угловые – глухие, а 2 – с проезжими воротами. Имелись 6 затинных пищалей, дубовый погреб для пороха, помещение, где хранилось «стрелецкое знамя дороги зеленые, на нем вышит крест дороги алая».

Здесь стала нести службу сотня конных белопашенных (т. е. не платящих оброк за используемую землю) казаков, вооруженных пищалами. Получили они хлебное довольствие, «на дворовое строение по осьму рублев человеку», семена на посев и «земли на пашню по 20 четвертей».

Белопашенные казаки были набраны из охочих гулящих людей, которых в то время было довольно на Руси. Некоторые из них помимо воинского дела и сельских занятий продолжали заниматься промыслами.

Административно казаки были разделены на десятки. Управляющие-десятники избирались обществом на год.

В короткий срок возле Чалнинского городка появились 2 новые деревни и 5 починков, мужики

²⁸⁹ Там же. С. 132.

потянулись туда, где воинская сила обеспечивала безопасность.

Неподалеку, в селении Мыс, среди бобылей, сапожников и боч-карей встречаем московских «бизнесменов» – торговых людей, несших тягло в Москве в Бронной слободе, а здесь находящихся для «откупного кабацкого и таможенного промыслу», также двух владимирских посадских, торговавших солью и хлебом. Один из них имеет «солодовню, растит солод и отпускает в Астрахань».

В 1651 г. правительство вело изыскания по постройке Закамской черты. Служилые люди Степан Змеев и Григорий Львов исследовали местность и составили «роспись и чертеж Закамской засечной земле», по которой должны были строиться «города и жилые и стоялые остроги и всякие засечные и земляные и деревянные крепости от Волги до Ику реки и по Ику вниз до Камы реки».

Документы, составленные служилыми, были отосланы в Москву в Казанский приказ, там их одобрили и направили в Казань воеводе Никите Одоевскому со товарищи, чтобы те устроили все «по росписи и чертежу, в которых местах городком и острогом и засечным крепостям быть пристойно».

С лета 1652 г. начались работы, для которых наряжались из Казанского уезда «подымовные

люди», преимущественно чувашаи, черемисы и вотяки. В первый год бралось «в степь, в работу, в деловые люди» по одному работнику с 3 дворов, а потом с 6 дворов. Представители поволжских народностей были и «в жожах» (проводниками).

Как и на Симбирской черте, работы производились в разных местах одновременно. Сначала появился городок Белый Яр, на месте рыбной ловли Покровского монастыря в Нижних Тетюшах. Он был окружен тарасным валом в сажень высотой и шириной, из Тарасов на 2 сажени поднимался острог с «боями» (бойницами). С половодной стороны к тарасам был сделан земляной привал. По валу в разных местах «для бою деланы лазы». В остроге стояло 8 башен: 4 восьмиугольные, глухие, располагались по углам, остальные – четырехугольные, из них 3 с воротами.

В городке находились церковь, дворы причта и стрельцов; около ворот стояли караульные избы. Артиллерия насчитывала три медные пищали в станках и на колесах, пищаль фунтовую, две пищали четырехфунтовые. Гарнизону было роздано 405 ручных «самопалов» – пали не хочу.

Лаишевский воевода набрал для службы в новом городе 100 лаишевских конных казаков, добрых и семьянистых. Рожь они сперва сеяли в Лаишеве на

прежних землях, а яровой хлеб уже у Белого Яра. Сюда перевели и несколько десятков «полонников».

Все переселенцы определены были в белопашенные конные казаки и, поселившись с трех сторон от города, образовали две слободы. Каждому переселенцу отвели под двор, огород и гумно участки размером 40 на 10 сажений плюс пашенные земли.

На протяжении более 14 верст от Белого Яра тянулся тарасный вал высотой около 5 м. «Тарасы рублены в крайнем сосновом и дубровном лесу, в вышину до обламов две сажени, поперек тож». По нему было поставлено 25 выводных городков.

От конца тарасного вала, по направлению к засеке, «под увал, на десяти сажнях поставлены тройные надолбы». Затем «лес вален всякий, дубняк, вязник, липняк, ольшняк». За лесом находилось топкое место, где был вбиты «семерные надолбы».

На открытом пространстве были устроены в 3–6 рядов валы и рвы, укрепленные плетнем и дерном.²⁹⁰

На правом берегу Ерыкли, впадающей с севера в Большой Черемшан, встал острог с 6 башнями. Как и повсюду на черте, его стена, образованная вертикально стоящими бревнами, еще скреплялась

²⁹⁰ Назарова И. В. Архитектурная структура и элементы старой Закамской черты XVII в. // http://izvestija.kgasu.ru/files/2_2008/Nazarova_22_27.pdf

дубовыми поперечинами.²⁹¹ Окружающий ров наполнялся водой из реки.

Сюда из Чалнов перевели и устроили в казачью службу 150 пашенных крестьян. Свежеиспеченные казаки обеспечены были неплохо. Выборные пятидесятники получили по 60 десятин земли, рядовые – по 30 десятин.

Перевели сюда и пеших стрельцов, правда, их обеспеченность землей была примерно в 2 раза ниже.

От Ерыклинского острога до следующего шла двадцатидвухверстная полоса укреплений: тарасный вал с обламами наверху и рвом со стороны поля, засеки на лесных участках, «семерные надолбы» на болотных местах. На бродах биты частики и рогатки. Черта имела как прямоугольные, так и изогнутые участки; на выступах насыпались земляные укрепления, напоминающие редуты.²⁹²

На речке Тия, впадающей с севера с правой стороны в Черемшан, был поставлен острог с 6 башнями. Для обороны от басурман он имел лишь две пищали: медную и железную. Но своей мощью радовал государев вестовой колокол весом 50 пудов с полпудом, не считая языка.

²⁹¹ Там же.

²⁹² Там же.

Чтобы оборонять Тиинский острог, в 1653 г. сюда перевели 50 стрельцов с семьями из Ахтачинского острожка, а также сотню чалнинских пашенных крестьян – на всех возложена была конная казачья служба. Поселились они возле острога в двух слободах...

Так, собственно, застраивается вся территория русского фронта, от Волги и Камы до далекого Амура.

Россия в XVI–XVII вв. обзаводится массой небольших защитных сооружений, как Европа в VI–VIII вв., только на куда более протяженном пространстве. Европа же Нового времени, надежно заслоненная русским войском от кочевников, и думать о них забыла.

Русский человек селится очень просторно. И управление страной держится не столько на государственном аппарате, как в Европе (он крайне незначителен для такой территории), сколько на общественной самоорганизации, на обществе, выполняющем государственные функции.

Собственно, это не страна, а целый мир, единство которого держится не на насилии и не на постоянном вмешательстве центра – для этого слишком велики расстояния, – а на осознании общности всех русских людей. А вот осознанная общность дает

возможность для реализации неспешного, но вполне эффективного централизованного управления...

Правительство уже с конца XVI в. предпринимает весьма нестандартные меры для заселения волжской окраины. В 1599 г. в Казанском уезде упоминаются «немецкие поместные деревни». При Михаиле Федоровиче в 1619 г. испомещают здесь литвинов и других иноземцев, не взятых в плен, а прибывших к нам от нужды. Некоторых иноземцев ссылают на окраину, после того как они попались на воровстве и других грешных делах в центре. Сечь голову за небольшие вины в России не принято, в отличие от Европы, – зачем, если народу и так мало?

В ходе удачной (особо на первом этапе) войны с Речью Посполитой в середине XVII в. русские войска пленили немало поляков и литвинов. На следующий год после взятия Смоленска (1654) в Закамский край водворили смоленских иноземцев (это были не коренные смольняне, а жолнеры и реестровые казаки, отправленные польской короной в пограничный город).

В Тиинский острог прислан был 141 пленный иноземец, где им отвели земли «под дворы, под огороды, под гумна». На дворовое строение выдавалось чуть менее 7 руб. Сперва хотели им было предоставить пашенные земли и сенные покосы.

Но тут русская коса нашла на западный камень. Иноземцы заниматься хлебопашеством наотрез отказались. Ну, не хочешь – не надо. Пойдя навстречу интересам недавних пленников, правительство стало им выдавать «государева жалованья поденного корму по алтыну на день». Иноземцы имели в Тиинске свое знамя и своего поручика, начальствовавшего над ними.

От Тиинска Закамская черта тянулась вдоль реки Большой Черемшан, а потом, пересекая реку Малый Черемшан, шла на северо-восток к реке Шешма, притоку Камы. Здесь также поставлен острог, затем до черного леса устроен тарасный вал, через лес прорублена засека.

Открытые пространства на Закамской черте были относительно невелики, как и соответствующие им тарасные валы. А вот засека от Малого Черемшана тянулась в сплошном лесу на 60 верст! Не ленились махать крепкие мужики топорами.

Протяженность черты между Тиинским и Новошешминским острогами составила около 83 верст. Однако ее пересекала старинная «вотчинная дорога». Такой технологической нестыковкой сразу воспользовались враги. Ровно по этой дороге прошли ногаи в Закамские места, где и «погромили Саввы Аристова село Жукотино». После этого происшествия

были поставлены в шести местах поперек дороги тройные надолбы, а также сделаны засеки «с польскую сторону по дороге на двадцать сажен».

Новошешминский острог имел 6 башен, а из артиллерии – пищаль железную в станке и на колесах, полковую пищаль и 10 затинных пищалей.

Водворены здесь были стрельцы в количестве ста, с семьями и захребетниками. Кстати, у всех служилых были прозвища, показывавшие, откуда они завербовались на государственную службу. Чаще всего встречаются казанцы, устюжане, вятчане, т. е. выходцы из уездов, которые заселялись совсем недавно, и с русского Севера, по которому в это время сильно ударили неблагоприятные климатические изменения. Прозвища «Мещера» и «Черемисин» показывают, что в служилое сословие «инородцы» имели свободный доступ.

В Новошешминский также было переведено 50 пашенных крестьян из села Чалны и 127 смоленских иноземцев, относящихся к отряду «красного знамени».

И здесь иноземцы взяли земли под дворы и огороды, но от пашенной земли отказались. Им «давали великого государя жалованья по три рубля человеку» в год, а также хлебное жалованье. Лишь к 1660 г. некоторые из них достаточно обрусели, чтобы

взять немного земли, по 6 десятин, да сенные покосы.

От Новошешминского черта шла к острогу, поставленному неподалеку от притока реки Шешмы, Кичи. От Кичуевского – к городку Заинску. Около берега реки Заи, поросшего ельником и березняком, была устроена засека, дополненная тройными надолбами. Размер ее составлял 23 версты 965 сажений (все измерялось царскими статистиками не абы как, а с максимальной точностью).

Заинские башни и город были рублены в сосновом лесу и крыты «башни тесом, а город драницами».

А почему бы сегодня не поставить здесь музей фронта, реконструировав городок? Ведь и место высокое, и воздух от сосен замечательный – отлично можно сочетать полезное с приятным, изучение русской старины с оздоровлением организма...

В Заинске было 6 затинных пищалей и шелковое клетчатое (!) знамя. А вот рва здесь не прокопали; вокруг слобод стояла защита из двойных надолб. Здесь расположились 100 чалнинских стрельцов и 81 смоленский иноземец. И ведь не дрались заинцы разного происхождения меж собой, не давило одно этническое сообщество на другое, а вместе служили они России, обмениваясь культурными достижениями.

Так и представляю: сидят по окончании трудного

дня у ворот на куче стройматериалов стрельцы вместе с западными славянами, обмениваются контрабандным табачком, пускают дымок, глядя на то, как закатное солнце расцвечивает кромку облаков. «А как по-вашему будет «жизнь» господин жолнеж?» – «Жиче, пан стрелец». – «Тоже хорошо».

От Заинска черта шла почти параллельно Каме. И здесь раздавался топор дровосека, вернее – целый хор топоров: через «черный лес» было прорублено несколько протяженных засек, одна из которых имела длину в 54 версты.

У реки Мензелы, притоке реки Ика, построили новый острог – самый большой на Закамской линии, с периметром 1026 сажений – он был «приткнут к стене к старому Мензелинскому острогу». Для его строительства прирастили насыпью речной берег. В его гарнизоне состояла сотня конных стрельцов и примерно столько же иноземцев – смоленских казаков «черного знамени».

По «новому дозору и чертежу» казанского служилого человека Ивана Лазарева в 1655 г. к почти достроенной Закамской линии добавлена полоса укреплений на 15,5 версты – засеки, надолбы и частички около рек Мензела и Ика.

Работы по проведению Закамской черты были в основном закончены к концу сентября 1656 г.

Общая ее длина составила 250 км.²⁹³ Проводились работы силами людей Казанского уезда, набираемых по человеку с нескольких дворов, главным образом из числа «инородцев», после окончания сельских работ. «Делали в осень не по один год». Работа спорилась, как было обычно в те времена. Вместе со строительством новых укреплений приходилось еще и чинить уже построенные, но испорченные половодьем.

В октябре 1656 г. работники взяли и отказались дальше оставаться на черте «для поделки²⁹⁴... худых и порченных мест», которых годом ранее «попортило вешнюю воду».

И что же, засвистели кнуты, как предположил бы любой хулитель Московской Руси?

Нет, правительство никого не наказало и не принудило, а распорядилось, чтобы «порченные крепости» по черте «доделать иных городов Казанскими подымовными людьми». Прежних работников государь «не велел посылать впредь на черту и к поташному делу», дабы они могли сосредоточиться на своих обычных занятиях.²⁹⁵

²⁹³ Назарова И. В. Архитектурная структура и элементы старой Закамской черты XVII в.

²⁹⁴ Поделка – починка.

²⁹⁵ Перетяткович. Поволжье в XVII в. С. 165, 166, 167.

В 1658 г., после досмотра служилого Никиты Гладкова, выявившего «худые и полые и горелые места, и редкую засеку» между Тиинском и Малым Черемшаном, на уязвимом месте был поставлен Биларский острог. Сюда перевели 100 стрельцов с семьями. Судя по их прозвищам «Нижегородец», «Самарянин», «Ветчанин», были они опять-таки набраны из свободных охотчих людей, сходявшихся на камский фронт отовсюду.²⁹⁶

«Без легкости передвижения, коренящейся в характере русского человека, мы вряд ли встретились бы с такими сравнительно скорым заселением здешнего края русскими колонистами», – замечает Перетяткович. Добавим, легкость была обусловлена и социальным устройством Московского государства.

Правительство решало одновременно два вопроса: как в огромной стране, с опаснейшими границами и протяженным фронтом, обеспечить материальную базу для войска (отсюда прикрепление владельческих крестьян, оформленное Соборным Уложением 1649 г.) и как обеспечить заселение окраин служилым и крестьянским людом (отсюда наличие открытых каналов для перемещений населения на окраины)...

В начале 1660-х гг. в Симбирском уезде

²⁹⁶ Перетяткович. Поволжье в XVII в. С. 168, 169.

служилые люди стали самостоятельно отыскивать себе свободную землю.

Отводу земель была посвящена 40 статья 16 главы Уложения: «Украинных городов детем боярским, которые бьют челом государю в поместье на порозжия земли в дикое поле, давати из порозжих земель из диких поль».

После того как служилому приглянулась та или иная земелька, он просил местного воеводу назначить человека для ее отвода. Назначенный воеводою «откащик» отправлялся «на порозжую землю на дикое поле». Брал он «с собою тутошних и сторонних людей сколько пригоже», расспрашивал их о найденной челобитчиком земле. Если те показывали, «что эта земля ни в поместье, ни в оброк никому не отдана и от засечных крепостей в дальних местах», то она отводилась челобитчику.

Заметим, что в процедуре не участвовал ни один чиновник.

Также и крестьяне с 1660-х гг. занимали «за валом на Крымской стороне», то есть ниже Симбирска, Арбугинскую землю – здесь ранее находились лишь рыбные ловли Покровского Нижнететюшского монастыря. Крестьянские слободы были защищены Арбугинской чертой и приписаны к дворцовому ведомству; сенные же покосы находились на левой,

более опасной стороне Волги. Рента у крестьян дворцовых слобод на Арбугинских полях была натуральной и не очень обременительной – пахать десятинную государственную пашню.

Большая группа захребетников из левобережного Белоярского города перешла на правую сторону Волги, на речку Сенгилейку. И по их челобитью правительство отвело им в 1666 г. «земли и сенные покосы против Белаго Яру на нагорной стороне по речке Сенгилейке с вершины и до Волги реки», где они получили статус станичных казаков.

На следующий год, учитывая угрозу набегов, симбирский воевода Дашков «перевел их с той земли жить для крепости от башкирского разоренья к Волге реке на городище, промеж Тушны и Сенгилейки».²⁹⁷

Последняя треть XVII в. и начало XVIII в

Весьма глубокие следы на средней и нижней Волге оставила разинщина. Марксистские и либеральные историки трактовали ее как движение угнетенного крестьянства Поволжья против крепостничества и самодержавия. Однако движущими силами бунта

²⁹⁷ *Перетяткович*. Поволжье в XVII в. С. 191.

были вовсе не поволжские крестьяне.

«Учала им (казакам) на Дону быть скудость большая – **на Черное море проходить им не мочно, учинены от Турских людей крепости**, и они... пошли на Волгу, и с Волги на море без ведома войскового атамана Корнила Яковлева... да к ним же приставали на Волге и на Яике из Астрахани и из иных городов всякие вольные люди».

Действительно, в это время турки перекрыли выходы с Дона в море, становилось все больше крепостей, которые следили за порядком на Волге. Это обстоятельство касалось не только ногаев и калмыков, но и русских разбойников, ходящих в походы «для зипуна».²⁹⁸

Исследователи не видят в это время абсолютного обнищания крестьянства поволжского региона. Напротив, описи имущества показывают у него определенную степень достатка. Так, в дворцовой Теньковской волости, в Свияжском уезде, в среднем у крестьян по 2 коровы и по 2 лошади, по 5 и более овец и по нескольку свиней.

У дворцовых крестьян Царевококшайского уезда число скотины не уступает теньковским.

В Кукарской слободе, чьи земли не отличались плодородием, крупного рогатого скота в среднем

²⁹⁸ Там же. С. 192.

хозяйстве было поменее: 2 коровы с лошадей или 2 лошади с коровой, зато имелось несколько десятков овец.

Барщина у владельческих крестьян выросла действительно до 0,69 десятины на душу (1660-е гг.). Однако барщинная повинность еще страшно далека от своих исторических максимумов.

Скорее всего, корни мятежа находились за пределами региона.

Последние десятилетия XVII в. – самые холодные в письменной истории России. Снижение урожаев сильнее всего затронуло северные районы страны. Там по оскудевшим хозяйствам больше всего ударял рост податей, связанный с затяжными войнами, и переход на подворное обложение, не учитывающее имущественное расслоение.

Но, в отличие от европейских собратьев, русский мужик всегда знал, что страна его огромна. Крестьяне, в том числе владельческие, уходили из регионов, где падали урожаи, на юг и юго-восток.

Насколько служилые люди центра были заинтересованы в прикреплении крестьян, настолько служилые люди окраин – в приеме беглых.

В Саранском уезде, на Симбирской черте, в 1660-х гг. сыщики сообщали, что «саранские помещики и вотчинники и всяких чинов люди многих беглых людей

у себя укрывают и таят».

Беглые, безусловно, способствовали разжиганию разинского бунта – избавляясь таким образом от появления сыщиков.

В распространении бунта сыграла роль и шаткость стрельцов. Стрельцы не сильно отличались от казаков по своему происхождению, вербовались из гулящих людей, «которые ни в каких службах не бывали и в тяглах ни за кем не бывали», что по тем временам нередко означало разбойное прошлое.

К Разину могли примкнуть и работники с различных промыслов в низовье Волги – рыбаки, речники и т. д. Долгое время таких людей на Руси также именовали казаками, даже если они занимались совершенно мирными промыслами.

Обширность русского фронта, где власть проявлялась лишь точно, способствовала скоплению здесь огромного числа вольницы. В Европе ее казнили или ссылали в цепях за моря, под угрозой виселицы отправляли в работные дома, под угрозой голодной смерти – в шахты и на мануфактуры. А у нас она сбивалась в артели для какого-нибудь промысла, вербовалась на службу в стрельцы, казаки или начинала молодецествовать. Но писатели истории из числа столичной интеллигенции внушали публике (видимо,

исходя из своей психологии), что можно быть удалым и задиристым, если только тебя обидела власть.

Как отмечали иностранцы, в «народном характере русских лежит известная легкость и подвижность... они любят риск».²⁹⁹ Бунташность русской окраины, которая была так заметна в XVII–XVIII вв., была обратной стороной быстрого расширения государства. Можно сказать, что колонизация создавала государство, но она могла его и погубить.

Среди примкнувших к Разину было немало и кочевников, которые под его руководством занимались тем, чем и 500 лет до этого, – ударным грабежом деревень и сел...

После удачного похода на Персию (1670) атаман Разин приносит повинную в Астрахань и даже сдает имущество, награбленное у русских купцов. Видно, раскаивается после несправедливого утопления им персидской княжны. Однако ушлый астраханский воевода старается спровадить разинцев в Царицын. А там, по сообщению местного воеводы, отовсюду «гуляющие люди к нему Стеньке идут многие», однако «кормиться им нечем, никаких добыч не стало».

Последствия не замедлили себя ждать: Разин

²⁹⁹ *Haxthausen Studien über die innern Zustände, das Volksleben und insbesondere die landlichen Einrichtungen Russlands. I. B., 64 p., III. B., 147 p.*

овладел Царицыным и всеми его припасами.

Описаний разинского бунта в исторической литературе более чем достаточно. Отмечу только, что вождь народного восстания возил с собой «царевича Алексея Алексеевича», коего выдавал за умершего сына царя Алексея Михайловича, а также «патриарха Никона» номер два. И причиной тому – вовсе не холопский характер русского народа, а понимание того, что без сильного государства (тогда однозначно объединяемого с фигурой государя) Русь погибнет. Можно смело утверждать, что, завершись разинский бунт успехом, он воссоздал бы в стране традиционную монархическую государственность, разве что с новой династией. Ведь, по сути, так оно и произошло в Смуту...

Восстание хоть и было подавлено, но принесло крестьянам сокращение среднего уровня барщины. В 1670-е гг. она снизилась почти вдвое и составила 0,36 десятины на душу.³⁰⁰

Однако самым положительным следствием разинского мятежа было усиление колонизационных процессов в Поволжье.

После разорений, связанных с бунтом, начинается усиленное испомещение служилых людей в Поволжье, особенно на Симбирской черте.

³⁰⁰ ДСА. С. 124.

Желающие верстались на службу в приказе Казанского дворца, а затем сами искали себе «за валом на Крымской стороне порозжую землю, дикое поле, которое в поместье и на оброк никому не отдано». Так люди «выборнаго солдатского строя полку Агея Шешелева» получили по 75 десятин земли.

С документальным оформлением земельного владения мало кто торопился. Бывало, что служилому приглянется какой-нибудь участок, но лишь спустя много лет его сын начнет ходатайствовать перед государем о землеотводе.

При заимке земель за «валом» служилые действовали артелями, селились кучно. Названия многих деревень, появившихся в то время, носят имена детей боярских и солдат, свидетельствуя о том, кто первым распахал тут поле. Здесь возникали и дворцовые слободы, крестьяне которых не пахали десятинную пашню, а вместо того несли военные обязанности. Такие крестьянские поселения мало чем отличались от деревень, населенных служилыми.³⁰¹

Земли, защищенные Симбирской чертой, быстро обрели достаточно густое население, затем служилые отправились вниз по Волге.

³⁰¹ *Перетяткович. Поволжье в XVII в. С. 210–219.*

Для защиты колонистов, селившихся южнее Симбирской черты, в верховьях Суры была построена Пенза.

В 1681 г. по царскому указу в восточную часть Пензенского уезда переводятся служилые люди из Саранска и поселяются в слободе на реке Луевке «на проходное место для сбережения от приходу воинских людей». Они создают товарищество, распределяют между собой земельные участки.

Одной из точек притяжения была Самарская Лука. В 1683 г. симбирский воевода Г. Козловский на южной ее стороне, на возвышенности между реками Сызранкой и Крымзою, ставит город Сызрань.

Через год сюда было переведено несколько сот солдат с семьями из Казани, Тетюш и Чебоксар. Им выдали по 4 руб. на дворовое строение, а в 1685 г. «вместо денежного и хлебного жалованья» выделили земли по Симбирской, Корсунской и Самарской дорогам.

Печерскую слободу в юго-западной части Самарской Луки населили казаки, несущие станичную службу. Они получили пахотные земли вдоль Самарской дороги, а сено косили на противоположной стороне Волги.

Полк под началом Козловского прокопал-прорубил протяженную Сызранско-Пензенскую черту – от села

Усолье в Жигулевских горах до реки Суры.³⁰²

В семи верстах южнее Сызрани возникло Кашпировское укрепление, имевшее четырехугольную дубовую крепость, с гарнизоном из 188 солдат. Вместо денежного и хлебного жалованья им отвели сельскохозяйственные угодья.

К югу от солдат стали селиться дворяне, начиная с некоего московского жителя Семена Дмитриева, который завел сенокосы на обоих берегах Волги.

После челобитной, поданной государю в 1685 г., Чудов монастырь заводит на участке волжского берега от Ташевых гор до Хорошенского Перебора несколько деревень и село Архангельское – вдобавок к давним рыбным ловлям «в Самарских тихих Сосновых водах».

В менее приятном положении оказались поселенцы в Закамском крае.

Документы, составляемые после очередного набега на закамские поселения, пестрели записями, что их жители «были пожжены, а иные посечены и в полон пойманы».³⁰³

В царской грамоте, данной Преображенскому монастырю, говорится о том, что в сентябре 1666 г. «изменники Башкирцы Закамскую вотчину

³⁰² Савицкий П. Н. Континент Евразия. М., 1997. С. 319.

³⁰³ Перетяткович. Поволжье в XVII в. С. 256.

Преображенского монастыря, деревню Чертык, разорили». (Слово «изменники» означает, что кочевники нарушили присягу, данную государю.)

Деревню, однажды уже разоренную калмыками, теперь постигло не меньшее несчастье. «В полон взято 42 человека, да побито 7 человек... сожжено 4 крестьянских двора; а в людей в тех дворах сгорело: посельской старец да 20 человек крестьян».³⁰⁴

Поселки, находившиеся на открытом месте, подвергались особой опасности, поэтому патриаршие крестьяне на Майне и Утке к концу 1660-х гг. полностью исчезают.

Правительство, державшее руку на пульсе всех процессов, идущих в огромной стране (и в этом очередной плюс централизации), начинает принимать меры по укреплению Закамского края ратными людьми.

На реках Утка и Майна, на земли исчезнувших патриарших сел, перевели «полоцкую шляхту», полк во главе с Гаврилой Гаславским из Полоцка, временно занятого в ходе русско-польской войны. После Андрусовского перемирия эти шляхтичи могли вернуться домой, но обоснованно побоялись репрессий со стороны польских властей. (В Речи Посполитой за переход на сторону Москвы карали

³⁰⁴ Там же. С. 257.

смертью.)

Из состава полка в 532 человека лишь старшине – полковнику, ротмистрам, поручикам, хорунжим – были переданы земли с земледельцами из числа дворцовых крестьян (не более 12 дворов). Поскольку в те времена московское правительство никогда не передавало православных крестьян во владение иноверцам, можно предположить, что полоцкая шляхта, русская по происхождению, но окатоличенная при польской власти, вернулась к вере отцов. Остальные полочане получили в 1668 г. по 75 десятин земли – обрабатывать собственными руками – дело обычное для русских служилых, но для шляхты очевидный нонсенс. Сенные покосы и лесные угодья были положены «всем им помещикам вопче», то бишь в общее пользование – чего опять-таки в Речи Посполитой не могло быть, там шли непрерывные межевые войны.

Как сообщает документ: «Многие без крестьян земель принять не похотели». Неиспомещенная шляхта стала служить в Казани за денежное жалованье.

Впрочем, 54 шляхтича в 1669 г. передумали и все же согласились взять землю без крестьян, прослышав, наверное, от своих устроившихся товарищей о пользе физического труда на свежем

воздухе.

Около слобод полоцкой шляхты, на реках Майна и Утка, решено было поставить остроги. Большой Майнский острог (на месте сгинувшего патриаршего села) имел 900 сажень в длину и 200 в ширину, 18 башен. Надолбы с караульными вышками стояли от реки Майны до озера Булгакул и реки Красной.

После укрепления безопасности Закамского края сюда снова пошли беспокойные русские крестьяне. Некоторые переселенцы, пользуясь местным земельным изобилием, становятся настоящими сельскими предпринимателями. В 1682 г. крестьянин Алексей Чертищев со товарищи из поселка Свиные Горы, принадлежавшего казанскому монастырю Раифские Пустыни, попросил у правительства «порозжие» земли на Каме ниже устья Вятки, на речке Соколке. И получил их с условием уплаты ясака (оброка).

Чертищев с другими свиногорскими крестьянами завел деревню Соколовку. На другой стороне речки поселились служилые «инородцы» из Ижбулатовой сотни. Впоследствии Соколовка досталась Донскому монастырю.

Много переселенцев в закамские земли дает Нижегородский уезд конца века. Притом причиной выселения является вовсе не высокий оброк – тот

не превышал 5–6 алтын. Крестьянин села Грязнухи в 1690 г. свидетельствует, что он «Нижегородского уезд Княгининской волости, жил в бобылях и сошел из той волости от хлебного недорода лет с десять».³⁰⁵

В старых населенных районах на Волге начинается переход к демографической фазе сжатия. Нехватки земли как таковой нет, однако в районах с неплодородными почвами поля уже выпажаны, истощены.

Чем выше по Волге, тем хуже были условия для земледелия. Так, крестьянин закамского селения Кандалы показывает: «родина его Костромского уезда... сошел с племянником от голоду и пришел в Кандалу», другой сообщает: «родина его в Вязниковском уезде... сошел из той деревни от голоду и пришел в село Кандалу».

Уходят на новые земли не только чернососшные и дворцовые, но и владельческие крестьяне. Поиск беглеца вряд ли завершится успехом: слишком много путей у него, предостаточно землевладельцев и сельских общин, которые с радостью примут его. В Закамском крае достаточно и «порозжих» земель, не имеющих вообще никакого владельца. Да и крепостная зависимость в конце XVII в. распространяется только на хозяина

³⁰⁵ Лет с десять – десять лет назад.

двора, находящегося на владельческой земле, все остальные люди, живущие «за ним», вольны уйти.

В 1682 г. на закамские земли, с такими трудами осваиваемые русскими, мордовскими, татарскими земледельцами, с большими трудами защищаемые правительством, обрушился новый кочевой ураган.

«Люкай и иные тайши, собрався с своими ратными людьми, пошли под Казанские и Уфимские уезды войной... а пошло де с ними воинских людей Калмыков и Татар с сорок тысяч».³⁰⁶

Калмыки во главе с Люкаем двинулись через Закамскую черту с южной стороны. Башкиры с востока – на Мензелинск, Заинек, Новошешминск и Билярск. Сил для отражения набегов не хватало, служилые привлекали для обороны крестьян. Не взяв Мензелинский острог, степняки разгромили людное село на Каме – Чалны. Крестьян из 35 дворов, как сообщал правительственный документ, «в прошлом в 190 (1682) году изменники Башкирцы и Татары порубили и в полон взяли с женами и детьми, а их дворы выжгли».³⁰⁷

Башкиры прошли от Билярска по Малому Черемшану до чувашской деревни Ахметевой. Как свидетельствовал документ: «Та деревня разорена

³⁰⁶ *Перетяткович*. Поволжье в XVII в. С. 288.

³⁰⁷ Там же. С. 289.

и выжжена, и люди от башкирского разорения разбежались». В устье Майны село Грязнуха было полностью «разорено от Башкирцев». Схожая участь постигла и село Кременки на Урени.³⁰⁸

У вышеупомянутой полоцкой шляхты даже те немногие крестьяне, что жили на их землях, сгнули или разбежались во время калмыцкого нашествия.³⁰⁹ Одни шляхтичи переписались служить по Симбирску и Казани за денежное и хлебное жалование, другие пытались обменять свои поместья на более безопасные места, пусть и с меньшим количеством земли. И нашлись отчаянные русские служилые, которые пошли на этот обмен.

Как пишет Перетяткович: «Невозможно исчислить тех потерь, которые наносились хозяйству трудового окраинного населения в Поволжье вторжением кочевых обитателей степи, — **не говоря о физических и нравственных страданиях людей, оставшихся в живых после таких разорений**».³¹⁰

Фронтир защищал остальную Россию, но сам истекал кровью...

У современной либеральной публики, так много ратующей за повышение достоинства человека,

³⁰⁸ Там же. С. 290.

³⁰⁹ Там же. С. 369.

³¹⁰ Там же. С. 343.

упоминать страдания русского мужика принято в очень избирательном плане. Только если можно куснуть государство. Там где укусить нельзя, события замалчиваются, чтобы не пострадала «дружба народов». Но вот французам ничего не стоит написать о тех убийствах и грабежах, которые устраивались английскими солдатами во время Столетней войны, – несмотря на всю дружбу, НАТО и ЕС.

Укрепления в Закамском крае, на которые было потрачено столько усилий и средств, не помогли отразить нападение степняков. Правительство продолжило перевод сюда служилых людей.

На верхнюю Майну были отправлены служилые иноземцы из Свияжского уезда, которые основали села Верхнюю Майну и Богацкое.

У озера Чердаклы, где недавно зимовала орда во главе с тайши Дидюбаком Бокаевым, появилась деревня Уренбаш, населенная служилыми татарами. На верховье реки Красной возникает село Урайино, также населенное служилыми «инородцами» – выходцами из Свияжского и Алатырского уездов. В верховьях Кандалы поселяются служилые «инородцы», выходцы из Симбирского уезда.

В конце 1690-х гг. на реки Утку, Майну и Урень устремляется новая партия служилых иноземцев

(рейтары и др.), находящихся в ведении приказа Казанского дворца. Более 300 из них подали челобитья главе приказа князю Борису Голицыну на испомещение. Как и полоцкая шляхта в 1660-х гг., земли они получали в основном ненаселенные. В 1700 г. около 150 иноземцев обзавелись поместьями на реке Бездне.

Немалую часть переселенцев в Закамском крае, а также на Большом Иргизе и в Астрахани теперь составляли старообрядцы.

К началу XVIII в. прилив новых поселенцев в Поволжье севернее Самарской Луки останавливается – ввиду истощения удобных почв, оскудения лесных промыслов. Сюда приходит демографическое сжатие. Оно проявляется и в том, что все больше крестьян ищут себе приработок в несельскохозяйственной деятельности.

Крестьяне села Нижний Услон Свяжского уезда занялись добычей извести. В деревне Шумкове Казанского уезда местные кормились кузнечным и крашенинным мастерством. Их изделия неплохо продавались и на астраханском рынке, ориентированном на восточные страны.

А колонизационный поток целиком идет на нагорную сторону Волги южнее Самарской Луки.

К селам на нагорной стороне обычно

приписывались многоверстные угодья на луговой стороне, в первую очередь сенокосные луга, как, например, в Камышине.

Но полной безопасности не было ни на одной стороне.

Иностранный путешественник, проехавший по Волге до Сызрани, отмечал: «Калмыцкие татары делают набеги из этих мест вплоть до Казани и захватывают все, что могут или сумеют, людей, скот и прочее». На Каме в 1708 г. башкиры напали на село Сокольи Горы Донского монастыря, находившееся на ее правом берегу: «Село разорили и церковь сожгли и многих крестьян побили».³¹¹

На лугах левой стороны Волги в 1710 и 1711 г. крестьяне с правобережья не смели появиться – «им на тех сенных покосах в те годы было разорение от приходу Башкирцев». Жители монастырских поселений Малыковки и Терсы свидетельствовали перед правительством, что угодья на левой стороне остались даже не меряны, потому что кочующие по Иргизу степняки «их (крестьян) колют и грабят, и от того их воровства они на луговой стороне пашни не пашут и сена не косят; а в округу де той земли дикая порозжая степь, а жилья ничего нет».³¹²

³¹¹ *Перетяткович*. Поволжье в XVII в. С. 336.

³¹² Там же. С. 337.

А по поводу волжского правобережья автор начала XVIII в. И. Кириллов пишет, что жители «при городах Царицын и Саратов ничего сеять в полях и степях не смели, за опасением внезапных приходов Кубанской орды».³¹³

Ответным шагом петербургского правительства, наконец одолевшего Швецию, стало строительство в 1718–1720 гг. укреплений 60-верстной Царицынской линии со рвом, валом и 4 крепостями, идущей от Волги к Дону. Для охраны этой линии было создано Волгское казачье войско.³¹⁴

В течение XVIII в. создавались новые оборонительные линии для защиты поселений. Одна из них, на волжском левобережье, прошла по рекам Самара и Сок (1732). Другая протянулась от Волги в районе города Камышин к реке Большой Узень (1770). Обе были связаны с Оренбургской системой оборонительных линий.³¹⁵

Лишь к концу XVIII в. Среднему и низовому Поволжью были созданы надежные условия безопасности.

А в конце XIX в., едва прошло столетие после прекращения набегов, по берегу Волги гуляли

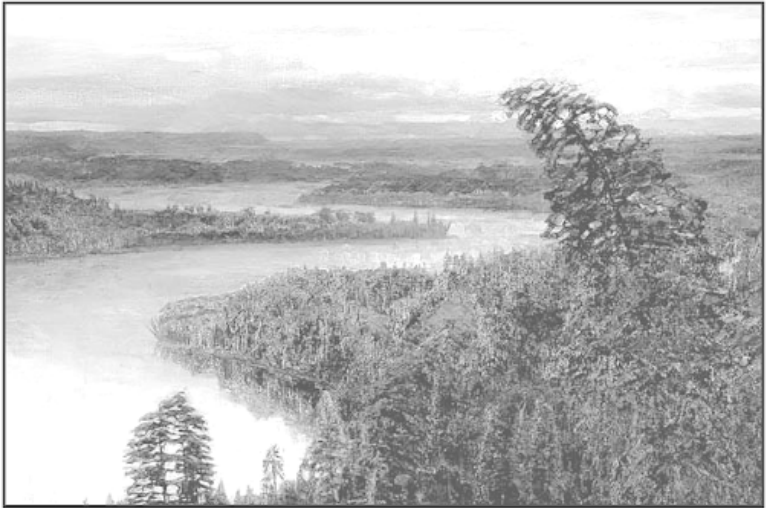
³¹³ Там же. С. 338.

³¹⁴ *Савицкий*. С. 320.

³¹⁵ *Савицкий*. С. 321; *Перетяткович*. Поволжье в XVII в. С. 339.

под ручку с восторженными барышнями господа-товарищи интеллигенты и ненавидели наступивший покой...

В Сибирь

Северный путь

Печора

В XI в. новгородские сборщики дани проникают в бассейн реки Печоры. Этот процесс носил далеко не мирный характер.

Под 1096 г. Лаврентьевская летопись сообщает

о походе новгородцев в Югру (этот топоним и этноним происходит от пермянского слова «иогра» – северный).

Посадник Гюрята Рогович «послах отрок свой в Печеру, люди, яже суть дань дающие Новугороду... и оттуда иде в Югру. Югра же людье есть язык нем, и седять с Самоядью на полунощных странах... Есть же путь до гор тех непроходим пропастьми, снегом и лесом».³¹⁶

Где же побывал сей безымянный отрок, то есть член младшей дружины, очевидно с отрядом крепких молодцов? Его путь на восток прошел по Северной Двине, Вычегде, Печоре. Судя по описанию, югра живет восточнее племени печора, возможно, в верховьях Печоры и ее притока Илыча.

Под 1187 г. Новгородская летопись сообщает, что новгородские сборщики дани, собиравшие ее с печоры и югры, были истреблены печорскими воинами. Взаимоотношения, мягко говоря, не заладились.³¹⁷

Племя печора сходит со сцены задолго до начала колонизации Печорского бассейна русскими,

³¹⁶ *Дмитриев А. Д.* Пермская старина. Вып. 1.1889. С. 36. (Далее – Пермская старина. Вып. I.)

³¹⁷ *Дмитриев А. Д.* Пермская старина. Вып. V. 1894. С. 22. (Далее – Пермская старина. Вып. V.)

в XII–XIII вв. Возможно, оно было ассимилировано воинственными самодийскими пришельцами из Сибири, распространившимся на севере Восточно-Европейской равнины.

Бассейн Северной Двины, населенный «заволоцкой чудью», был покорен новгородцами в XII–XIV вв.; еще в 1342 г. боярин Лука Варфоломеев брал погосты Заволоцкой земли «на щит». Новгородская колонизация охватила лишь ближайšie к Заволочью районы нижней Вычегды и Пинеги.

К середине XV в. значительная часть укрепленных городков, построенных новгородцами в Заволочье, или отмирает, или обращается в деревни. Писцовые книги конца века фиксируют здесь около 180 деревень и пустошей, в названиях которых есть «городок», «городец», «городище», «городень», «городня». Было это связано и с обрусением чуди, и с хозяйственным упадком Новгорода.³¹⁸

Заселение же русскими края к северо-востоку от Северной Двины начинается лишь со времени перехода его под власть великих князей Московских. Народная колонизация поддерживается участием государства – служилые строят остроги, охраняют дороги, замиряют племена, промышляющие

³¹⁸ Любавский. Курс. С. 199.

набегами.

На рубеже XV–XVI вв. на Белом море, преимущественно карельском и южном берегах, было около 200 постоянных поселений. Но в период путины и зверобойки появлялось много временных становищ промысловиков на его восточном побережье, а также на реках Мезень, Мгла, Несь, Пеша, Индига, Сула.

Промыслы требовали артельной работы, а также закрепления прав на использование угодий. Временные «станы» превращались в постоянные на 1–2 двора. В случае если угодья были устойчивыми, а пути сообщения удобными, то мелкие деревеньки разрастались в селения на 50–100 дворов.³¹⁹

Земледелие из-за природно-климатических факторов носило на севере очаговый характер, встречаясь, как правило, в долинах рек. Непогодородные почвы быстро выпаживались, и крестьяне шли вырубать и выжигать лес под новое поле, предпочитая крупный, стоявший не менее 50 лет. Сев шел по невспаханной почве, заваленной угольями, пеплом, хворостом. Семена только загребались граблями. Встречался и такой тип лесного земледелия, как «подстой», когда участок старого бора перед посевом лишь освобождали от

³¹⁹ Ненецкий край: сквозь вьюги лет: Очерки. Статьи. Документы / Ред. – сост. В. Ф. Толкачев. Архангельск, 2000. С. 239–242.

кустарников.

Так же как и в Северном Заволжье, немалую роль играла здесь монастырская колонизация, скит инок соседствовал с избушкой промысловика.

Полный героизма поход московского войска в Зауралье 1499 г. утвердил власть русского государства и над Крайним Севером Восточно-Европейской равнины.

В месте соединения двух отрядов московского войска, в 40 верстах от устья Печоры (неподалеку от будущего Нарьян-Мара), ратники поставили Пустозерский острог. Он находился на полуострове Пустого озера, связанного с рекой судоходным рукавом, на месте, которое было когда-то святилищем племени печора. Русские последовали традиции туземцев и поставили городок не на речном берегу, а на озере. Острог был хорошо защищен с трех сторон водой, и с его башен замечательно обзревалась местность, большую часть года представлявшая однообразную заснеженную равнину.

Острог должен был служить для защиты русского населения от нападений пришельцев с востока, местом торжища с пустозерской и прочей самоедью. Пермский князь Федор Вымский, этнический зырянин, стал первым пустозерским воеводой в 1502 г.

После Пустозерска стали возникать и другие русские поселения на Крайнем Севере. В великокняжеской грамоте от 1545 г. упоминается Усть-Цилемская слобода, стоящая на правом печорском берегу, против устья Цильмы. Основана она была Иваном Ласткой, здешняя земля была дана ему на оброк с правом «на том месте людей называти», то есть созывать колонистов. Между 1567 и 1572 г., в 100 верстах выше, на левом притоке Печоры – Ижме появляется Ижемская слобода.

В состав огромного Пустозерского уезда входили Канинская, Тиманская и Большеземельская тундры.

Печорский край осваивался в первую очередь крестьянами Мезенского, Пинежского и других поморских уездов. В районе Усть-Цильмы существовало земледелие, выращивался хлеб. Промысловики отправлялись на промысел морского зверя через Пустозерск к Новой Земле, к проливу Югорский Шар и острову Вайгач.

На московской карте 1557 г. были указаны о. Колгуев и Вайгач, р. Печора с Пустым озером и Пустозерском, Уральские горы и Обь.³²⁰

Начиная с первой половины XVI в. промысловики с Северной Двины, Пинеги и Мезени ходили через Пустозерск в Обскую губу, а с конца того же века на р.

³²⁰ Ненецкий край. С. 218–229.

Таз и Енисей. Пустозерск стал важной перевалочной базой на пути в Сибирь.

Помимо морского пути в Сибирь были освоены и речные. Один проходил по реке Уса, притоку Печоры, с волоком через горы на реку Сось, приток Оби. Другой – по реке Щугур, с волоком на Сыгву и Сосьву. Третий – по печорскому притоку Илычу, с волоком через горы на реки Вогулку и Северную Сосьву.³²¹

Не в пример новгородцам московская власть стремилась вызвать ответный интерес северных племен к контактам с русскими. Со второй половины XVI в. действует Пустозерская крещенская ярмарка, на которую карачейскими и енисейскими самоедами доставлялись пушнина, рыба, мамонтовая кость, горный хрусталь, шкуры белых медведей, моржей, нерп, моржовый клык, сало морского зверя, птичий пух и т. д. Русские купцы привозили хлеб, ткани, изделия из железа, хозяйственный инвентарь. Второй меновой пункт был в Роговом городке на р. Хальмер-Ю, впадающей в Усу. Сюда собиралось много зауральской «каменной» самоеди, также березовские и обдорские угры. Одновременно с торжищем происходила и сдача ясака. Сбором его занимались самоедские вожди и старейшины.

Царь Борис в 1601 г., давая наказ воеводам

³²¹ Пермская старина. Вып. I. С. 41.

Василию Масальскому и Савлуку Пушкину по строительству на Тазе города Мангазея, писал о том, чтобы не давали пустозерцам и вымичам самочинно собирать здесь дань, поскольку «в государеву казну не давали, и обиды, и насильства от них им (самояди) были великие». Примечательна забота о не очень-то мирной самояди. А великокняжеский указ еще от 1545 г. возбранял пришлым людям селиться на землях самоедов без их разрешения.³²²

В тяжелое время после Смуты, опасаясь проникновения иностранцев на Печору и Обь, правительство запрещает Мангазейский морской ход (1619). Опасность не была надуманной, голландцы и англичане весьма интересовались российским севером, вначале искали там проход в Китай, а после Смуты строили на него колониальные планы.

Пустозерск, конечно, много потерял от запрета. Сыграли негативную роль и климатические факторы. Малый ледниковый период сильно затронул и без того холодную Россию, особо осложнив хозяйственную жизнь на ее севере, ударил по русским поселениям на Печоре. Обмелевший Городецкий Шар уже не давал судам выходить из Пустозерска в реку, мелело и устье самой Печоры.

Пустозерский острог играл военную функцию до

³²² Ненецкий край. С. 16, 228.

середины XVIII в., пока происходили нападения самоедов на русских промысловиков, особенно на волоках через Камень (Урал), и подвергались разграблению казенные хлебные обозы, идущие в Сибирь.

В 1644 г. самоеды разорили сам Пустозерск, много людей было уведено в полон. С 1648 г. в остроге появился постоянный, хотя и крохотный, гарнизон в 50 стрельцов. В 1661-1662 гг. самоедь грабила окрестности и посад Пустозерска, а в 1663 г. сожгла острог и перебила его население. Не успел Пустозерск восстановиться, как карачейская самоедь совершила на него набег. Годом позже, в 1669 г., сюда из Холмогор было переброшено ни много ни мало 500 стрельцов.

В набегах особо отличились зауральские карачейские самоеды (харючи), накопившие воинское мастерство в войнах с остяками. Их жертвами становились как русские крестьяне, особенно усть-цилемские и ижемские (на что указывает челобитная царю от 1670 г.), так и мирные одноплеменники.

В первую половину XVIII в. самоедь с немирными целями 12 раз появлялась в окрестностях Пустозерска. Здесь приходилось постоянно держать роту регулярных войск. В 1730 г. пустозерская рота вместе с ополченцами ловила карачейскую самоедь,

которая пришла из-за Урала «для грабежа оленей и пожитков русских людей». Было «поймано в тундре карачейских самоедцев-лучников 57 человек».³²³

Несмотря на этот фон, правительство закрепляло за самоедами их угодья, охраняло их права. Как и в других регионах необъятной страны, оно поддерживало у туземцев традиционное родовое управление, часто оказывало им продовольственную помощь.

От Перми Великой к российскому Уралу

Топоним «Пермь» происходит из языка древних коми, в котором «парма» означает «возвышенное место», а «пэрма» – «окраинную землю». До недавнего времени Пармой местные жители называли возвышенность между реками Вишера и Чусовая.

В жизнеописании святого Стефана Пермского, составленном в 1397 г. иноком Троице-Сергиевой обители Епифанием, приводятся реки, текущие в земле Пермской: Вымь, Вычегда, Вятка, Кама, Чусовая.

В допетровских правительственных актах Великой Пермью постоянно именовалось пространство от

³²³ Там же. С. 232.

истока Камы до реки Чусовой, а Пермью Вычегодской – земли по реке Вычегде и ее притокам³²⁴.

Новгородцы стали проникать в Пермь через Заволочье (Двинскую землю) с XI в. Как и в других отдаленных северных районах, Новгород интересовал здесь исключительно сбор дани. И не только пушнины. В то время молва широко разнесла слух о «закамском серебре». Бывало, что новгородские «гости» взимали дань в драгметалле, но, видимо, его наличие было лишь следствием торгового обмена. До новгородцев в Пермский край попадали арабские купцы через Итиль и Булгарию. А найденные здесь монеты говорят о еще более ранних визитах гостей из Сасанидского Ирана и Индо-Греческого царства.³²⁵

Под 1187 г. Новгородская четвертая летопись содержит запись: «Того же лета избъени были даньники Перемьские и Югорьские, а друзии,³²⁶ за волоком...» Погибло около сотни новгородцев, пришедших через Пермь в Югру цифра по тем временам немалая.

Под 1193 г. та же летопись сообщает о новом поражении новгородских отрядов по главе с Ядреем

³²⁴ Пермская старина. Вып. I. С. 62

³²⁵ Там же. С. 29.

³²⁶ Друзии – другие.

около двух югорских городков – причем воевода шел мстить за убийство новгородских сборщиков дани, случившееся в 1187 г. И, видно, попали дружинники в засаду: засвистели невесть откуда острые стрелы, а из-под еловых лап поползли лешие с ножами – резать жилы. Разгром был столь ужасным, что уцелели лишь 80 человек, которые вернулись домой летом следующего года.³²⁷

На интерес новгородских сборщиков дани к туземцам Перми и Югры те не отвечали взаимностью. Известный пермский краевед А. Дмитриев писал, что новгородцы брали столько, «сколько можно было взять при помощи всевозможного насилия».³²⁸

Похоже, дань была высока – новгородцы собирали ее как в свой карман, так и в казну. К тому же посланцы Великого Новгорода не могли или не хотели принести сюда государственность. Эти обстоятельства способствовали уходу югричей на восток, что, очевидно, свершилось к концу XIV в. Предки же пермян двигались из нижнего Прикамья на север еще с VIII в. удаляясь от воинственных тюркских племен. В их языке было немало слов индоевропейского происхождения, а в генах была широко представлена праславянская гаплогруппа

³²⁷ Пермская старина. Вып. I. С. 35.

³²⁸ Там же. С. 153.

Rial, свидетельствовавшая о смешении с более ранним индоевропейским населением нижекамского региона.

Не заботились новгородцы о распространении в Перми и Югре христианской веры, что могло бы сблизить их с туземцами. Пермские оставались анимистами, поклоняясь солнцу, воде, камням, деревьям, быкам. Шаманы служили посредниками между людьми и миром духов. Остались свидетельства о том, что на пермских капищах стоял антропоморфный идол Золотой Бабы, возможно, результат древнего взаимодействия пермян с восточными индоевропейцами.

Договорные грамоты Новгорода с Тверью (1263) и Москвой (1456, 1471) всегда упоминают Пермь, Печору, Югру как его владения. Но новгородская власть там была почти номинальной и осуществлялась наездами. Об этом свидетельствует и тот факт, что новгородцы не строили в Перми Великой даже острогов. К концу новгородской власти там существовало четыре городка, причем все туземные – Искор, Урос, Чердынь, Покча. Немало туземных поселений было уже заброшено. А стояли они на высоких местах, защищаясь рядами валов.

Со второй половины XIV в. началось проникновение в Пермскую землю московских

русских, которые, после приобретения великим князем Белозерского края, быстро освоились на Северной Двине, а затем и на Вычегде.

Дмитриев пишет: «Москвитяне со свойственной им настойчивостью осуществляют мысль в деле и направляются в далекие Новгородские волости по путям, давно проложенным самими же Новгородцами. Постепенно, в течение довольно долгого периода времени, Москва побеждает Новгород его же оружием!»

В 1363 г. на Печору и в Пермь Великую послан первый московский наместник Андрей Фрязин – судья по прозвищу, человек итальянского происхождения. Великий князь Московский Дмитрий Иванович Донской отдал ему в кормление печорские земли, с правом «брать подводы для московских служителей и на Перми».³²⁹

В отличие от новгородцев, москвичи осуществляли религиозную миссию в Пермском крае – без насилия, мягко и вполне удачно.

Монах Стефан из города Ростова, принадлежавшего Москве, приступил к миссионерской деятельности в Перми Вычегодской в 1379 г. Он крестил пермян, создал пермскую азбуку, перевел на пермский язык Евангелие и

³²⁹ Пермская старина. С. 154.

обучал детей. Соликамская летопись под 1383 г. указывает: «В государственование Великаго Князя Димитрия Ивановича Донскаго впервые проповедана в Пермии христианская вера святым Стефаном, преставившимся в 1396 году».

Деятельность Стефана поддерживалась митрополитами московскими и способствовала распространению в Перми московского влияния. Притом вполне заслуженно, как бы это ни огорчало современных сепаратистов.

В городке Усть-Выме, где Стефан поставил церковь на месте прежнего капища, была учреждена Пермская епархия. Стефан стал первым епископом Пермским, которому надлежало окормлять земли всего Верхнего Прикамья.

В 1398 г. двинским воеводой Анфалом Никитиным, присягнувшим Московскому великому князю, был основан Анфаловский городок – первое на Верхней Каме русское поселение. Впрочем, по удаленности от Москвы город сделался пристанищем ушкуйников.

В 1430 г. посадские люди Калинниковы заводят в Пермском крае поселение Соль Камская (ныне Соликамск), поставив варницы на реке Усолке. Они представляли собой огромные железные котлы, наполняемые рассолом, с дровяной топкой – выпадающие в осадок гипс и другие примеси

последовательно удалялись.³³⁰ (До XV в. стране не хватало собственного производства соли, она ввозилась из-за границы.)

В перемирной грамоте Василия II Темного с Казимиром IV от 1449 г. Московский князь титулуется среди прочего государем Ростовским и Пермским. В послании митрополита Ионы к вятчанам от 1452 г. Сысола, Вымь и Вычегда названы вотчиной великого князя Московского.

Вычегодская Пермь была окончательно уступлена Новгородом Москве по отказной грамоте на Двинскую землю от 11 августа 1471 г., а Пермь Великая, или Чусовая, подчинилась Ивану III годом позже. В то время ею правила династия туземных князей. Князь Михаил Пермский со своими слугами принял крещение в 1462 г. Десять лет спустя он был отвезен в Москву воеводой Федором Пестрым и снова возвратился в свою резиденцию Чердынь уже как вассал великого князя.

В синодике чердынского Иоанно-Богословского монастыря от 1477 г. упоминаются князья Михаил и Иоанн Пермский, «убитые от Вогуличей», а также еще несколько вымских и великопермских князей и

³³⁰ Широкова В. А. Соляные промыслы России // <http://vivovoco.rsl.ru/vv/journal/viet/salt.htm>

княгинь – всего 14 душ.³³¹

Со времен Стефана христианство сделало большие успехи в Перми Вычегодской и Великой, очевидно, это стало причиной того, что переход власти от Новгорода к Москве прошел здесь гладко.

В 1472 г. в Перми была учреждена постоянная резиденция московских властей – в Покче, где люди воеводы Федора Пестрого «срубили городок».

В период утверждения московской власти в Перми югра уже находилась в Зауралье, где смешалась с остяками и вогулами. Московские источники отмечают тамошние мансийские племена в связи с набегами на Пермский край. Притом этноним «югра» (югричи) часто переносился на вогулов и остяков. Вогулы (самоназвание – манче) жили в это время не только в Сибири, но и на окраинах Перми, на камских притоках Косьве, Чусовой, Сылве, в верховьях Туры, Сосьвы, Лозьвы.

На северо-востоке с Пермским краем соседствовали племена, относившиеся к самодийской языковой группе. Древнерусское сказание «О человецах незнаемых в восточной стране» говорит о «каменной самоеди», которая живет «по горам по высоким», то есть на полярном и приполярном Урале, до верховья Печоры и истоков

³³¹ Пермская старина. Вып. I. С. 159, 162.

Вишеры.

Население Пермского края до начала русской колонизации было крайне редким, поскольку имело лишь присваивающее хозяйство. В «густонаселенном» Верхотурском уезде насчитывалось всего 200 ясачных вогулов.³³²

С началом русской колонизации Перми сами пермяне движутся на северо-восток, на верхнюю Каму, вытесняя оттуда мансийцев, а в западной части края смешиваются с русскими.³³³

Русская колонизация показала первые успехи в Пермском крае к концу XV в., однако борьба с набегами продолжалась здесь еще почти столетие. И стрела с массивным наконечником, пущенная сибирским «гостем», могла разрезать воздух в любой миг.

В 1455 г. пелымский вогульский (называемый в русских документах югорским) князек Асыка приходит в Вычегодскую Пермь, берет большой полон в Усть-Выме, в том числе владыку пермского Питирима, которого замучивает насмерть.

А на сибирских вогулов в первый раз московская

³³² Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII веках. Л., 1935. С. 5

³³³ Пермская старина. Вып. V. С. 1.

рать идет в 1465 г.³³⁴ В походе вместе с воеводой Василием Скрябой участвует князь Перми Вычегодской, имеющий христианское имя Василий Ермолаевич Вымский, «с Вымичи и Вычегжане». Московские и пермские воины приводят вогульскую землю под руку Ивана III и доставляют в Москву двух вогульских князьков, которых великий князь отпускает обратно, очевидно, взяв с них присягу. Правда, взятый в плен злодей Асыка сумел удрать, и под его «мудрым» руководством пелымское княжество взялось за старое.

В 1468 г. произошел набег на Пермь Великую казанского хана Обреима (Ибрагима). Годом позже русское войско под командованием Ивана Руно в ответ с успехом ходило против казанских татар. Удалось занять окрестности Казани, зажечь ее посады, освободить множество пленников самого разного происхождения. «А что **полон был туто на посаде христианской, Московской и Рязаньской, Литовской, Вяцкои и Устюжской и Пермьской и иных прочих градов**, тех всех отполониша...» Однако на обратном пути, «на Ирыхове острове», русская судовая рать попала под удар казанских воинов и понесла серьезные потери. Часть войска

³³⁴ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1988. Т. V. С. 94–95.

вернулась в Устюг через Пермь Великую.

Туземный князь Перми Великой Михаил Пермский погиб в 1481 г., отражая набег вогулов. Тогда воины пелымского князька Асыки сожгли Покчу и разорили ее окрестности, осаждали Чердынь, но потерпели поражение от устюжской рати под началом воеводы Андрея Мишнева.³³⁵

Крупный поход 1483 г. привел московское войско на восточный склон Уральского хребта, а затем и вглубь Западной Сибири. Целью его было замирение вогулов, устроивших набег на Великую Пермь. После разгрома вогульского воинства около устья Пелыма, притока Тавды, русские «повоеваша Сибирскую землю», пройдя вниз по Иртышу и Оби.³³⁶

Результатом этого похода стало то, что весной 1484 г. вогульские князьки Юмшан, сын Асыки, и Кальпа в сопровождении пермского епископа Филофея явились в Москву и заключили мир.

В 1485 г. благодаря стараниям Филофея кодские князьки, взятые в плен во время последнего похода, а затем отпущенные, а также еще трое других остяцких властителей заключили в Усть-Выме

³³⁵ Пермская старина. Вып. I. С. 163.

³³⁶ Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией. СПб., 2000. С. 224. (Далее – Любавский. Историческая география.)

мирное соглашение с князьями Вымскими Петром и Феодором и вычегодским сотником, представителем московской власти. Князьки клялись «лиха не мыслить и не нападать на Пермских людей, а пред великим князем вести себя исправно». В скрепление клятвы по своему обычаю пили воду с золота.³³⁷

Впрочем, обещания и красивые клятвы мало отразились на деятельности Кодского княжества. Его воины по-прежнему не давали покоя русским и зырянским селениям в верховьях и на притоках Вычегды.³³⁸

И в 1499–1500 гг. московские воеводы с 4 тыс. детей боярских снова ходили «в Югорскую землю, на Куд и на Гогуличи» – основной целью было Кодское княжество.

Московская рать двигалась отдельными отрядами по разным маршрутам, по рекам и волокам. Соединившись на Печоре в конце ноября, рать двинулась сухопутным путем, через тундру, на устье реки Уса, далее по льду до реки Щугор и через три недели достигла Югорского Камня. Здесь произошла стычка с самоедами. Преодолев уральский хребет, через неделю пути русские достигли вогульского городка Ляпина. От Ляпина русская рать двигалась

³³⁷ Пермская старина. Вып. I. С. 165.

³³⁸ Пермская старина. Вып. V. С. 26, 27.

на оленьих и собачьих упряжках и взяла более 20 остяцких и вогульских городков. Всего ратники одолели 4650 верст пути.³³⁹

Неудовлетворительное состояние с обороной края привело к тому, что князь Матвей в 1505 г. «был сведен с Перми Великой» и заменен наместником князем Василием Ковром.

Край заселялся медленно в связи с продолжающимися набегами вогулов и сибирских татар, которые сжигали редкие дворы поселенцев, захватывали их в плен, отгоняли коров и лошадей, громили варницы и мельницы.³⁴⁰

В 1505 г. тюменский хан открыл своего рода «второй фронт» против русских, занятых в это время борьбой с Казанью. «Чердыню не взял, а землю нижнюю воевал всю, в Усолье на Камском варенцы пожегл, цырны разорив,³⁴¹ а пермяков и русаков вывел и посекал».

Великопермский наместник Василий Ковер сумел догнать арьергард ханского войска и разгромил его на переправе через Сылву.

В 1531 г. князь пелымских вогулов многие пермские погосты разорил, «а Чердыню не взял».

³³⁹ Ненецкий край. С. 218–229.

³⁴⁰ Бахрушин. С. 18.

³⁴¹ Варницы и цирены – устройства для производства соли.

Однако Покча была снова сожжена, на этот раз сибирскими татарами в 1535 г.

После этого наместничья резиденция переводится в Чердынь, где Давыдом Курчовым был поставлен деревянный город, давший начало крепости.³⁴²

В 1539 г. казанские татары на Вятке и Верхней Каме «князя великово вотчину пограбили, пожгли, а людей пермский посекали многие».

Зимой 1547 г. пришли ногаи, разорили Кондратьевскую слободу на Вишере, перерезав 85 человек, затем напали на Верх-Боровую слободу, где встретили ожесточенное сопротивление.

«Того же году в Соли Камской бысть от тех же ногайских татар месяца мая 25 числа от кровопролития немалой урон. Здешних посадских крестьян по переписи **побитых 886 человек**».

Соликамск, судя по потерям, указанным летописью, подвергся страшной резне. Степняки рубили бегущих людей, все более стервенея от вида и запаха брызжущей крови. Кровавая вакханалия закончилась, когда подоспели служилые из Чердыни и вместе с уцелевшими Соликамскими жителями наголову разбили степных варваров.³⁴³

³⁴² Пермская старина. Вып. I. С. 166.

³⁴³ Пермская старина. Вып. I. С. 38; Пермская старина. Вып. V. С. 23, 24.

Со взятием Казани и Астрахани угроза с юга для Великой Перми уменьшилась, но набеги с востока, из Сибири, продолжались с не меньшей силой.

В 1553 г. Иван Грозный дает чердынцам и усольцам Уставную грамоту, подтверждавшую и расширявшую их самоуправление, в которой значилось, что наместники и их тиуны (слуги) могут судить великопермских жителей только в присутствии выборных местных властей, старост, выборных присяжных (целовальников), а также уважаемых местных людей. «А целовальников Пермьки выбирают у себя сами, кто им люб...»

Были отменены кормления, за счет которых богатели наместники. Уставная грамота запрещала им торговать у вогулов и остяков на Сылве, а также заниматься рыбной ловлей – права переходили уездным жителям.

«А наместничьи люди, или хто опришной³⁴⁴ человек к Пермичем на пир или на братчины³⁴⁵ не званы, **пить да не ходят**». То есть слуги наместника лишались и такой возможности личного вознаграждения, как участие в общинном торжестве.³⁴⁶

Масштабное освоение этого края связано с

³⁴⁴ Опришной – другой.

³⁴⁵ Братчины – общинные пиры.

³⁴⁶ Пермская старина. Вып. I. С. 192–193.

отворением «окна в Азию» царем Иваном и деятельностью устюжских промышленников Строгановых, разбогатевших на солеварницах в Сольвы-чегодском крае. 4 апреля 1558 г., по челобитью Григория Строганова, дана царская грамота, определяющая их права на освоение пустынных районов Пермского края.

Пожалования Строгановым даются через два месяца после начала войны за выход к Балтике. Стратегический ум царя Ивана связывает ресурсы Пермского края, в первую очередь соль, и торговлю с Европой. В связи с этим можно привести сообщение Ганса Кобенцеля, посла Германской империи в России, от 1576 г.: «Теперь великий князь намеревается, идя по Волге к Москве и оттуда к Ноугороду и далее к Пскову и Ливонии, сделать соляные склады, из коих снабжать солью за дешевую цену Ливонию, Куронию, Пруссию, Швецию и другие прилежащие страны; а соль везут ему в изобилии в его царскую казну».³⁴⁷

Строгановым жаловалось пространство в 146 верст в Великой Перми, по обеим сторонам Камы от Лысвы до Чусовой с местами пустыми, лесами черными, реками и озерами дикими, островами

³⁴⁷ Письмо Иоанна Кобенцеля о России XVI века // Журнал Министерства народного просвещения. № 9. 1891.

и наволоками необитаемыми. Челобитчик получал право рубить лес, пахать пашню, ставить дворы, заводить варницы и призывать людей.

Григорий обязался поставить город, снабдить его пушками, пищалями, пушкарями, оберегать «государеву отчину» от ногайских людей и иных орд. В общем, царская грамота задавала Строгановым задачи не только промысловой, но и крестьянской, и военно-служилой колонизации.

Грамота освобождала поселенцев от уплаты податей на 20 лет.

Как сообщает грамота, о пустоте жалуемых земель свидетельствовал пермяк Кодаул, приезжавший «из Перми ото всех пермич с данью».³⁴⁸

Строгановы получили ненаселенные земли, однако на притоках Камы они встретились с чердынскими «отхожими людьми», а на левом берегу Камы – с усольскими промысловиками.

Полоса камского берега, от верхнего конца Чашкина озера и его протока в Каму до устья Зырянки, была передана Строгановыми Спасо-Преображенскому монастырю. Сначала тот находился в устье речки Нижней Пыскорки, а в 1570 г. перенесен на версту, на возвышенность, где находилось пермяцкое селение Канкор. Строгановы

³⁴⁸ Любавский. Курс. С. 203, 204.

обнесли его острогом, назвали Камским городком. Здесь поселились присланные правительством служилые люди: пушкари, затинщики, пищальники, воротники.

Орел был построен на месте пермянского селища Кергедан на правом берегу Камы против устья Яйвы согласно царской грамоте от 1564 г.: «На Орле, на наволоке, у росолу, другой городок собою же поставить, стены сажено по тридцат... а пищальники и сторожи для береженья и на том городке собою дръжати».³⁴⁹ В 1578 г. он имел 90 дворов крестьянских и пищальничьих, церковь и несколько соляных варниц.

В 1568 г. царь ответил согласием на просьбу Якова Строганова пожаловать ему земли по реке Чусовой, от устья до Верхнего Чусовского городка, и двадцативерстное пространство по Каме, ниже Чусовой, до реки Ласвы. И велел на Чусовой «варницы и дворы ставити... лес сечи, и пашни пахати». Льготный срок для переселенцев был уже десятилетний – шла тяжелая Ливонская война.³⁵⁰

Слобода Чусовая на левом берегу Чусовой, в 50 верстах от ее устья, была поставлена, согласно царской грамоте, там, где был найден соляной

³⁴⁹ Там же. С. 107, 108, 112.

³⁵⁰ Пермская старина. Вып. I. С. 101.

рассол. Здесь предписывалось поставить крепость, и «городовой наряд скорострельный, пушечки и затинные пищали и ручные учинити, и пушкарей, и пищальников, и кузнецов... устроити и сторожей держати собою для береженья от Нагайских людей и от иных орд».³⁵¹

Строгановы также поставили Кай на верхней Каме, городки на Очере, притоке Камы, и Яйве, левом притоке Чусовой.

Все городки были обнесены стенами, снабжены артиллерией и имели гарнизоны из служилых людей, в том числе бывших пленных, литовцев и немцев, которые получили возможность побороться с настоящими азиатскими ордами (европейская пропаганда того времени, олицетворяемая передвижными типографиями Стефана Батория, производила тучи листовок, где «московит» представлял в виде азиатского варвара).

Однако набеги сибирских племен на Пермь не прекращались, активизировались и заволжские кочевники – мир первобытной и раннефеодальной дикости окружал русский фронт со всех сторон.

Летом 1572 г. башкиры, черемисы и остяки громили русские поселения около Канкора и Орла. Координация набеговой активности заволжских

³⁵¹ Пермская старина. Вып. I. С. 114.

черемисов и зауральских остяков вызывает законное удивление, которое еще увеличится, если вспомнить, что в это же время Русь отразила нападение крымско-турецкого войска, разбив его в эпохальном сражении при Молодях. Напрашивается мысль о планировании военных операций против России из некоего единого центра.

Учитывая фронты Ливонской войны, правительству трудно было направить крупные силы для действий на Урале, так что в царской грамоте Якову и Григорию Строгановым от 6 августа 1572 г. указывается: набрать «охочих казаков», остяков и вогулов, «которые нам прямят³⁵²», и с ними воевать против «изменников».

Тем не менее Пермский край был чересчур удален от центра и слишком редко заселен для быстрого сбора сил.

К 1578 г. относится опустошительный набег «царевича» Маметкула, сына сибирского хана Кучума, на русские селения по Чусовой.

В июле 1581 г. на Нижний Чусовской городок и Сылвенский острог ходили пелымские вогуличи и татарские воины во главе с мурзой Бегбелием, сожгли слободы, увели множество пленных.

Осенью того же года произошло масштабное

³⁵² Прямят – верны.

нападение на Пермь Великую пелымского князя Кихека с 700 вогульскими воинами, иренскими остяками, сибирскими и ногайскими татарами. Разорены были Нижний Чусовской городок, Сылвенский и Яйвенские остроги, сожжен Соликамский посад. «Всемогущий Бог попусти город Солькамскую **посад взяша и пожгоша и людей множество побиша и селы разориша и поплениша**». Кихек дошел до Чердыни и Кая, которые ему взять не удалось. Учитывая, что в это время с запада на Русь развернули мощное наступление поляки и шведы, поддержанные деньгами и наемниками чуть ли не всей Европы, такое «совпадение» не кажется случайным.

Царь Иван 6 ноября послал грамоту в Чердынь великопермско-му наместнику Ивану Елецкому: «А ты бы велел собрать земским старостам и целовальникам с Пермских волостей и с Камские соли ратных людей со всяким ратным ружьем... и помогали б Семенову да Максиму острогу³⁵³ и стояли б с Семеном да с Максимом заодно». ³⁵⁴

Под 1582 г. Соликамская летопись упоминает о новом нападении вогулов на Чердынь и гибели

³⁵³ На реке Чусовой.

³⁵⁴ Пермская старина. Вып. I. С. 139.

местных жителей.³⁵⁵

Однако освоение Пермского края, наращивание здесь воинских сил и накопление арсеналов вело к неизбежному решению «набегового вопроса».

С сибирскими походами Ермака, воевод Волховского, Глухова, Масальского угроза внезапных разорительных нападений на Пермь Великую была снята.

В 1592 г. состоялся последний рейд возмездия на пелымского князя русской рати под началом чердынского наместника Траханиотова, кстати, византийского грека по происхождению. Любитель символики в этом может увидеть вознаграждение, данное свыше православному миру. За потерянный Константинополь – огромная Сибирь.

Во второй половине XVI – начале XVII в. строгановское семейство сыграло выдающуюся роль в освоении Пермского края: привлекло сюда множество переселенцев из старых русских земель. Дозорные книги упоминают среди оседлых жителей Перми Великой устюжан, вятчан, москвичей, владимирцев, калужан, а среди представителей нерусских этносов – югричей, мордву, зырян.

Действовали в том же направлении и другие «хозяйствующие субъекты», например Пыскорский

³⁵⁵ Там же. С. 185.

монастырь, которые завел соляные варницы по Каме в Рождественском Усолье и на реке Зырянке.

Так называемые дозорные книги демонстрируют довольно быстрое увеличение численности населения в Пермском крае.

Главная масса русских поселенцев – государевы пашенные крестьяне – сидела на «черных» землях. За право пользования своим участком, собинной пашней, они обрабатывали государственную десятинную пашню или сдавали «оброчный хлеб».

Следующей по численности категорией были служилые люди. Здесь служили они в основном не за поместные дачи, а за денежное и хлебное жалованье. И если служилые получали землю, то в виде замены, полной или частичной, хлебного жалованья. Введение «крепости земле» по Уложению от 1649 г. никак не отразилось на праве пермских крестьян уходить из поместий.³⁵⁶

В 1579 г. уезд Соли Камской насчитывал всего 144 двора и 205 человек, «положенных в сошное письмо». А к 1623–1624 гг., согласно дозорной книге Кайсарова, количество дворов и людей увеличилось почти в три раза.

В книге дозорщика Яхонтова от 1579 г. упоминается 7 варниц на реке Вишера и 7 за Вишерой на

³⁵⁶ Пермская старина. Вып. I. С. 77.

реках Усолке и Толыче – принадлежавшие посадским людям и волостным крестьянам.

В 1610 г. выходец из Балахны посадский человек Соколов завел солеварни на реке Лепве, где потом появляются варницы и других промышленников. Строгановы в 1616 г. заводят по соседству с Нижним Чусовским – Верхний Чусовской городок с солеварнями.

По книге Кайсарова, в Соли Камской – 37 варниц, принадлежащих крестьянам и посадским.

Солеварницы в это время представляют собой уже огромные сковороды для выпаривания рассола, размером до 200 кв. м. К рассолам, скапливающимся в соленосных породах, проделываются глубокие скважины, а к находящимся под слоем пресной воды проводятся трубы.³⁵⁷

В это время острог в Соликамске тянулся на 860 сажень и включал посад. В Чердыни – на 742 сажени, но там он уже был плох и на четверть развалился. Главный пермский город развивался плохо ввиду открытия новой дороги в Сибирь, которая проходила южнее.

Разведан ее в 1595 г. верхусольский крестьянин Артемий Бабинов, за что был пожалован царем Федором Ивановичем освобождением от податей.

³⁵⁷ Широкова. Соляные промыслы России.

Шла она от Соликамска на верховья Туры. Как транзитный пункт на Туре в 1598 г. был основан город Верхотурье – чердынским воеводой Сарычем Шестаковым (о, имена!).

От Верхотурья дорога направлялась к Тюмени через село Салдинское (с 1643 г. через Ирбит, где была учреждена ярмарка).

На восток везли преимущественно хлеб, а в обратную сторону – пушнину.

Верхотурье через четверть века после основания имело «город» и посад, обнесенный стоялым острогом. Уже за пределами острога находились Ямская слобода, монастырь Никольский мужской и Покровский девичий. В бывшей Жилецкой слободе жили пашенные крестьяне Подгородной волости. В 1603 г. воевода Неудача Плещеев написал царю Борису о челобитье крестьян этой слободы, просивших защитить их острогом из-за опасности нападений «инородцев»; видимо, какие-то укрепления там были созданы, прежде чем разразилась Смута.

В отличие от Чердыни и Соликамска, где «город» был обнесен городнями,³⁵⁸ верхотурскую цитадель образовывали жилые дома, снабженные башнями.

³⁵⁸ Городни – двойные бревенчатые стены с насыпанной между ними землей.

Дворы воеводские, стрелецкие и другие ставились в один ряд, постенно образуя своего рода крепостную стену.³⁵⁹

В государевой грамоте от 1624 г., посланной на имя верхотурских воевод, говорится о перестройке острога, на что должно было быть израсходовано 10 тыс. бревен.

Однако дело не заладилось, и в следующем году новые верхотурские воеводы, Д. Пожарский и И. Уваров, снова писали о ветхом состоянии укреплений. Теперь дело тронулось с места, и, согласно грамоте царя Михаила, из Москвы в Верхотурье была послана артиллерия. Ее надлежало «поставити на город, и на новом остроге, и на башнях».

Правительство не только занималось обеспечением безопасности переселенцев, но и стремилось наладить их хозяйственную жизнь. Предоставляло им льготы и ссуды, прокладывало дороги, обеспечивало подвоз хлебных и прочих припасов – земледелие тут было неустойчивым.³⁶⁰

В 1599 г. по царскому указу были устроены по бабиновской дороге ямские станции. Годом позже

³⁵⁹ *Дмитриев А. Д.* Пермская старина. Вып. VII. Верхотурский край в XVII в. С. 39–47. (Далее – Пермская старина. Вып. VII.)

³⁶⁰ *Успенская Н. Н., Бобрин А. А.* Заселение Урала, этнические группы // www.culturemap.ru

царь Борис дал ямщикам привилегии, повелев верхотурскому воеводе «на них... денег не править³⁶¹ и суда и управы на них до льготных лет не давать». В Верхотурье была образована целая Ямская слобода в 1601 г., ее населили «ямские охотники».

Крестьянская колонизация, которая следовала за служилой и промысловой, в конце XVI в. текла по реке Туре и ее притокам, где сперва возникали небольшие поселения по 2–3 двора.

Пермский край превращался в русский Урал. Основную массу переселенцев давало Среднее Поволжье, а также черносозные крестьяне Русского Севера. Вслед за русскими тянулись зыряне, татары, марийцы, чувашы...

В Верхотурском уезде, согласно дозорной книге писца Тараканова от 1621 г., на 525 десятин доброй земли, используемой крестьянами собинной пашни, приходилось 69 десятин государственной десятиной пашни.

Крестьяне также имели отъезжие пашни, переложные непаханные и сенокосные участки, «пашенный лес», то есть участок, который подвергся корчевке и давал первые урожаи, – эти угодья не облагались налогами.³⁶²

³⁶¹ Не править – не взыскивать.

³⁶² Пермская старина. Вып. VII. С. 57.

Согласно дозорной книге Тюхина от 1624 г., в Верхотурском уезде пашенной доброй земли у крестьян было уже вдвое больше.

В начале XVII в. в Чердынском уезде размер пашни увеличился на 72 %, в Соликамском – на 64 %, в строгановских вотчинах – на 126 %, в Кунгурском – более чем в 5 раз.³⁶³

В интересах скорейшего заселения края правительство «прибирало охочих людей» для крупных государственных поселений, именовавшихся в Верхотурском уезде слободами. Первые три года жители слобод пользовались льготой, не платили пошлин и не обрабатывали десятинную пашню.

В 1621 г. появилась Невьянская слобода, куда перешли желающие крестьяне из казанских дворцовых сел. Поскольку местность затоплялась весенним паводком, то в 1625 г. на Невье, выше старой слободы, правительство основало новую, для которой сын боярский Ф. Буженинов прибрал 58 «охочих людей».

Тогда же возникает Тагильская слобода, в недалеком будущем мощный промышленный центр. За 20 лет, начиная с 1624 г., в Верхотурском крае

³⁶³ Черкасова А. С. Рождение индустриальной цивилизации Урала и Демидовы. XVIII век // В кн: Культура индустриального Урала. Екатеринбург, 2010. С. 6.

возникло 10 новых слобод, в основном на землях по Тагилу и Нейве-Нице как более плодородных.

Опасность набегов к середине XVII в. опять увеличилась. Слобожане просили правительство о постройке у них укреплений для защиты «от приходу калмыцких людей и других орд». Правительство ставило в старых и новых слободах остроги и размещало гарнизоны, состоявшие, как правило, из беломестных казаков. Поверстанные из охочих людей, они служили не за денежное, а за земельное жалование, получая приличный участок земли в несколько десятков десятин.

Слободские остроги были деревянными крепостенками, имевшими 40–50 сажень в периметре, с несколькими глухими башнями и 1–2 башнями, имевшими проезжие ворота.

Согласно переписи верхотурского воеводы Г. Нарышкина, остроги были поставлены в следующих слободах: Новой Невьянской, Ирбитской (1630-е гг.), Пышминской, Арамашевой (1650-е гг.), Тагильской, Краснопольской (1660-е гг.), Чусовской, Камышловской (1670-е гг.), Ново-Пышминской, Аятской, Новокрасноярской (1680-е гг.), Усть-Ирбитской и Мурзинской-на-Невье (время постройки неизвестно).³⁶⁴

³⁶⁴ Пермская старина. Вып. VII. С. 79, 80.

Со второй четверти XVII в. усиливается роль Урала в разработке рудных месторождений.

Вопреки мифам о «таблице Менделеева», якобы присущей недрам России, исторический центр страны обделен минеральными ресурсами. Железо выдेलывали из бедных болотных руд, расположенных на труднодоступном севере (Каргополь, Тихвин, Устюжна Железнопольская) и около Тулы, где не хватало древесного угля. Выработка была низкой, страна строилась почти что без железных гвоздей, отсюда и чудеса деревянного зодчества. Путь за «таблицей Менделеева» шел на восток.

И вот в 1630 г. на далеком Урале, между устьев рек Боровой и Татарки, впадающих в Ницу, возле обнаруженного месторождения была поставлена Рудная слобода и создан казенный завод – Ницынский. На завод было набрано 16 рабочих, которые должны были трудиться с 1 сентября по 9 мая за плату в 5 руб. на человека – с условием выделки за это время 400 пудов железа. Трудящихся освобождали от всяких податей и повинностей и наделяли земельными участками. Однако и такими условиями рабочих удержать не удавалось.³⁶⁵

В этом эпизоде просматривается уже особый путь

³⁶⁵ Там же. С. 77.

развития российской индустрии. Наш рабочий – вовсе не согнанный с земли крестьянин, как на Западе, который готов был вкалывать круглый год по 16 часов в сутки, лишь бы не умереть с голоду. Не хотел наш рабочий являться источником быстрого накопления капитала и искал наиболее выгодный вариант приложения своих сил.

Для быстрого развития тяжелой индустрии правительству скоро придется принимать принудительные меры, но полусельский характер у русского рабочего останется надолго. Работая на заводе, он будет сохранять земельный участок и получать отпуск на его возделывание. Дом, двор, земля, более высокий заработок долгое время будут отличать его от западноевропейского пролетария.³⁶⁶

Пыскорский монастырь в 1640 г. завел завод, где плавил железную руду, добываемую в Кушгурском руднике на реке Яйве, на строгановских землях. Тамошний рудник разрабатывал Д. Свитей-щиков в компании с немцем А. Петцольте. Затем был открыт медный рудник при горе Григоровской на правом берегу Камы – и на Пыскорском заводе стали выплавлять медь. Можно представить, с какими трудами уральские медь и железо доставлялись

³⁶⁶ Павловский Н. Г. Горнозаводские рабочие Урала в первой трети XIX в. Дисс... к. и. н. Свердловск, 1989.

в центр страны и какова была скорость, точнее медленность, оборота капитала. Но иного выбора у государства не было².

Бабиновская дорога способствовала укреплению торговой роли слобод Верхотурского уезда. Таможенные караулы и ямские станции становились селениями.

В 1632 г. близ устья Ирбеи, правого притока Ницы, верхотурский приказчик И. Спицын основал слободу, которая становится местом проведения масштабной ярмарки.

Движение по новой сибирской дороге становилось все оживленнее в связи с набирающей обороты ярмарочной торговлей – не прекращалось и в холода. Ирбитская ярмарка, связывающая европейскую и азиатскую части страны, проводилась в феврале; зимние дороги для сибирских купцов были удобнее летних.

Во второй половине XVII в. хорошую динамику показывает и Чердынский уезд в связи с оживлением северных путей в Сибирь.

Перепись 1647 г. писца Елизарова показывает здесь 1728 дворов, а перепись князя Вельского от 1678 г. – вдвое больше. (Кстати, само выполнение знатным Гедиминовичем работы писца показывает, что Московская Русь стремительно избавлялась от

пережитков феодализма.)

Чердынские крестьяне доставляли хлеб на Печору и брали в аренду пути, ведущие на север. Так, в 1682 г. пермский воевода С. Кондырев послал в приказ Большой казны отписку о том, что сдал с публичных торгов весь Печорский волок. Посадский человек С. Девятков, предложивший лучший оброк (около 9 руб.), выиграл тендер.

Чердынцы арендовали и некоторые притоки Печоры, ведущие в Сибирь. Например, река Щугор была сдана на оброк на 5 лет чердынским посадским людям В. Федулову и Б. Мигавину.

В 1669 г. Д. Тумашев, отец которого имел медеплавильный завод в Соликамском уезде, нашел железную руду на верхней Нейве, там и завел небольшое железоделательное предприятие. При Петре это уже будет крупный казенный завод, к которому припишут Аятскую слободу, основанную крестьянином Араповым, – впоследствии все это хозяйство окажется в рачительных руках Демидовых.

А вот еще примеры того, как основывались новые поселения. Слобода Красноярская, на правом берегу Пышмы в 20 верстах ниже Камышлова, создана в 1670 г. крестьянином Я. Борисовым. Он был «садчиком», т. е. лицом, которое взялось по поручению правительства ставить новые слободы и

находить людей для их заселения.

Острог Колчеданский был поставлен в 1673 г. после башкирского бунта, на левом берегу Исети, при впадении в нее реки Колчеданки, драгунского строю полуполковником Аншутиным.

При впадении в Исеть р. Каменки в 1682 г. игуменом Далматовского Успенского монастыря Исааком было основано Железненское селение, позднее Каменский завод.

Вторая половина XVII в. была своего рода периодом подготовки к промышленному взлету Урала в начале следующего столетия.

Он был бы невозможен без успехов служилой и крестьянской колонизации в предыдущие полтора века.

За период 1579–1679 гг. население Урала выросло более чем в 15 раз. За вторую половину XVII в. посадское население Урала увеличилось в 9 раз.³⁶⁷

Ко времени строительства крупных заводов, в начале XVIII в., на Урале проживало уже около 200 тыс. человек.³⁶⁸

³⁶⁷ Успенская, Бобрехин. Заселение Урала, этнические группы.

³⁶⁸ Черкасова. С. 6.

Южный путь. Яицкое казачество

С исчезновением волжских ханств большинство ногаев (Большие Ногаи), кочевавших между Волгой и Яиком, признали над собой власть Москвы. Меньшая часть (Малые Ногаи) откочевала на запад, к Манычу и Азовскому морю.

Ногаи являлись прямыми потомками золотоордынских воинов. Хан Тохтамыш, сжегший Москву в 1382 г., был сначала правителем Заволжской ногайской орды. Большая орда, приходившая на Утру в 1480 г. меряться силой с Иваном III, также преимущественно состояла из ногаев.

Малые Ногаи участвовали во всех набегах крымцев на Русь. Трудно было отказаться от набеговой экономики и Большим Ногаям. Служилые казаки стерегли переправы на Нижней Волге, не давая ногаям переправляться с левого на правый берег, а ватажки вольных волжских казаков ходили на заволжских ногаев, но также случалось, что грабили и своих русских купцов.

Когда стольник Мурашкин стал наводить порядок на Волге, ловя разбойников и препровождая их куда следует, часть казацкой вольницы подалась на реку

Яик (позднее Урал).

Они и дали начало постоянному русскому населению на пространстве между Каспием и Уральским хребтом, представляющем собой степные ворота Азии. Произошло это через тысячу лет после исчезновения здесь индоевропейского (праславянского) населения.

Места, занятые казаками на Яике, были чрезвычайно рыбные, с обилием птиц и зверей в зарослях около устья. Так что яицкое казачество имело хорошую материальную базу, и его ряды быстро пополнялись. Впрочем, скота яицкие казаки не имели, хлеба не сеяли. Необходимые им товары они покупали на торгах в волжских городах или выменивали на рыбу у приезжих купцов. Свинец, порох, оружие получали из царской казны еще в правление царя Ивана. Со времен царя Михаила яицкие казаки имели и постоянное денежное жалованье, приезжая за ним в Москву.

Был у казаков укрепленный городок – Яицкий – против устья реки Илек (Рубежной) на Голубом городище.

По внутреннему устройению яицкие казаки практически не отличались от донцов, разве что на рыбный промысел, главный у них, были выработаны строгие правила. Воровство, измена, трусость в бою,

то есть преступления против своих, наказывались так же жестоко, как и на Дону, – преступника в мешок да и в воду. В общем, народоправие у яицких, как и у других казачьих удальцов, имело вид простой и суровой.³⁶⁹

В 1577 г. ногайский хан Тинахмет жаловался русскому послу, что в устье Яика, в Сарайчик «приходили государские люди». Очевидно, что казаки на какое-то время захватили столицу Больших Ногаев.³⁷⁰ Ногаи смогли выбить казаков из своего Сарайчика и, по-видимому, разорили Яицкий городок. А возможно, казаки ушли сами: полей и семей у них не было – зачем терять жизни при обороне некоего географического места. Не долго переживая, они поставили городок на устье реки Чаган, правого притока Яика, тоже именовавшийся Яицким (позднее Уральск).

Часть казаков, отделившись от основных становищ, поселилась в Илецком и Сакмарском городках.

В 1591 г. 500 яицких казаков отметились в русской военной истории, участвуя в походе московского войска на кумыцкого правителя-шамхала в Дагестан. Под этим годом значится возникновение Яицкого

³⁶⁹ *Абаза. С. 167, 168.*

³⁷⁰ *Караулов. С. 105.*

казачьего войска на государевой службе.

Около 1600 г. полтысячи бойцов под началом славного атамана Нечая, переправившись через Яик, решили идти ни много ни мало на Хивинское ханство. Располагалось оно на месте древнего Хорезма, однако являло собой лишь крепкое разбойничье гнездо, населенное преимущественно кочевыми узбеками. Так начался первый поход русских в Среднюю Азию. По плато Устюрт яицкие казаки в самом деле добрались до Хивы и более того – вошли в нее, воспользовавшись тем, что хивинское войско находились вместе с ханом в походе.

Проведя разнообразные мероприятия с участием ханского гарема и взяв трофеи, казаки двинулись обратно. Однако на переправе через Сырдарью свирепый хан со своим войском настиг их. Из всего отряда сумело добраться домой лишь 3–4 человека.

Следующий поход на Хиву атамана Шамая с 300 удальцами в 1605 г. завершился на берегу Аральского моря, куда заманили казаков хитрые калмыки. А там оголодавших казаков повязали хивинцы и, как у них водится, продали в рабство.³⁷¹

Хивинцы не забыли казачьи походы и, устроив плотины на Амударье, отвели ее русло от Каспийского моря в Аральское; экологии был

³⁷¹ *Макшеев А.* Степные походы. СПб., 1856. С. 6.

нанесен непоправимый ущерб, а закаспийский край превратился из степи в пустыни и солончаки («Гринписа» на них не было).³⁷²

На Каспии действия яицких удальцов были более успешными; у персидских и туркменских берегов охотились они на суда восточных купцов. Иногда в компании с донцами и волжскими казаками.

При Михаиле Федоровиче права яицкого казачества на реку Яик, ее притоки и рукава, были окончательно легализованы царской грамотой.³⁷³

В ней казакам жаловалось «владение рекой Яиком, с сущими при ней рекою Яиком, с сущими при ней реки, и притоки, и со всеми угодьями от вершин той реки и до устья» и дозволялось «набираться на житье вольными людьми».

Москве была чрезвычайно важна пограничная служба яицких казаков. В это время калмыки шли через Яик двумя могучими потоками на Казань и Астрахань.

Однако у казаков вскоре объявился серьезный конкурент в хозяйственной сфере. Ярославский купец Гурий Назарьев, поставив на устье Яика острог Усть-Яицкий, занялся ловлей красной рыбы. А сын его Михаил, получив положительный ответ из столицы на

³⁷² Керсновский. Гл. 11.

³⁷³ Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 36.

свою челобитную, стал в 1645 г. строить каменные укрепления в 7 верстах от устья. Строил на свои, однако с помощью работников, оплаченных казной, – правительству нужна была крепость на азиатском рубеже. Испросил купец и право семь лет вести здесь безоборочно рыбную ловлю, ради чего все, видимо, и затевалось. Михаил Гурьев поставил учуг, то есть перебой из бревен, преграждавший ход рыбы по устью.

Вслед за тем последовала по счастью бескровная классовая борьба простых яицких казаков с представителем крупного бизнеса. Казаки захватили присланные Гурьеву суда со стройматериалами. За эти вины правительство сослало нескольких наиболее активных борцов с капиталом на польскую границу. (Новый же городок справедливо получил название Гурьев и носил его столетия, пока в 1992 г. этнократы не переименовали его в Атерау. По какому праву? Ответ знает только ветер.) В 1667 г. классовая борьба достигла апогея, казаки все же разорили Гурьев, который в итоге перешел в ведение приказа Большого Дворца.

Не более 300 яицких казаков примкнули к известному борцу за свободу С. Разину; куда большим числом участвовали они в шведских, турецких, персидских, среднеазиатских походах царя

Петра.

Вместе с князем Бековичем-Черкасским и терцами в Среднюю Азию двинулось 1,5 тыс. яицких казаков.

Задача перед отрядом была поставлена великая: «Плотины разобрать и воды Аму-Дарьи реки паки в Каспийское море обратить, понеже зело нужно».

Но сперва Бекович заложил на восточном берегу Каспия, у залива Тюп-Караган и входов в Александровский и Балканский заливы, три городка – Святого Петра, Александровское и Красноводск.³⁷⁴

Казачий отряд наголову разбил на Амударье вооруженное огнестрельным оружием войско хивинского хана Шир-Гази, но вошел в его столицу мирно, по соглашению. Там разделился на несколько групп, после чего «гостеприимные» хозяева и перерезали дорогих гостей. Восток – дело не только тонкое, но и коварное. Из яицких вернулись домой лишь один-два десятка.

Перепись 1722 г., произведенная военной коллегией, показала в Яицкой области 5771 казака (из них годных к службе 3196) и пришлых людей неказачьего сословия 353.³⁷⁵

Хотя не всем яицким понравилась перепись, император положил твердое денежное и хлебное

³⁷⁴ *Макшеев. С. 4; Потто. Т. 1. С. 13.*

³⁷⁵ *Любавский. Историческая география. С. 326, 327.*

жалование на каждого казака.

В начале XVIII в. усилилось крестьянское переселение в бассейн Яика, храбрые мужики селились по рекам Белая, Яик, Сакмара.

Кочевые набеги накатывали волнами – в степи за Яиком одна орда спешила сменить другую, вместо ногаев пришли калмыки, потом на сцену вышли киргиз-кайсаки.

На рубеже 1730 – 1740-х гг. на яицких казаков легла обязанность сторожить все нижнее течение Яика, 600 верст, от Рассыпной крепости до Гурьева.³⁷⁶

При Елизавете Петровне (в 1743 г.) яицким казакам была дана грамота, разрешавшая отворять гурьевский учуг на 8 сажень с каждой стороны, а заодно указано было построить две крепости – Калмыковскую и Кулагинскую, которые и дали начало Нижнеяицкой линии. Три форпоста встали между Гурьевым и Кулагинской; четыре – между Кулагинской и Калмыковской; столько же – между Калмыковской и Яицким городком. На форпостах стояло по 20–30 казаков, в крепостях – по 60–80.³⁷⁷

Помимо форпостов на линии ставились реданки (малые редуты), представлявшие собой уютный дворик, огороженный плетнем и окопанный рвом, с

³⁷⁶ Там же. С. 328.

³⁷⁷ http://www.hrono.ru/land/russ/nizh_yaic_lin.html

избой и вышкой для часового посредине.

Около ворот каждой реданки была воткнута в землю жердь, обмотанная сеном, камышом или паклей. Совокупность этих жердей представляла собой оптический телеграф. Если наблюдатель замечал признаки опасности, например пыль, выбиваемую копытами коней в степи, то зажигал огонь. Завидев его, другой пост поступал также. В итоге сигнал распространялся по всей линии.

Дневали-ночевали на реданке обычно 5–8 казаков, которые участвовали и в конном патрулировании линии.

Севернее Яицкого городка управляющий Оренбургским краем Неплюев приказал устроить караулы. Глубоко в степи находились посты илецких казаков.³⁷⁸

В середине 1740-х гг. на правом берегу Яика, к востоку от Яицкого городка, началась постройка Верхнеяицкой линии, которую также защищали яицкие казаки.

Ее посты, каждый снабженный пушкой и мини-гарнизонами в пару десятков казаков, находились в 20–30 верстах друг от друга.

Протянулась она до Орска и включила в себя две дистанции: Красногорскую и Орскую. В состав первой

³⁷⁸ Любавский. Историческая география. С. 329.

входило 4 крепости. На Орской дистанции кроме Орска поставили 5 крепостей.³⁷⁹

В 1730 – 1740-е гг. армия построила линию укреплений, проходящую по Самаре, Яику и яицкому притоку Сакмаре до Орска.

Важнейшую роль в обороне урало-каспийских ворот между Европой и Азией, а затем и в обеспечении караванной торговли играла каменная оснащенная 11 бастионами Оренбургская крепость. Ее воздвигли в 1743 г. на высоком берегу Яика, неподалеку от впадения в него Сакмары.

Оренбург стал главным городом системы оборонительных линий: Нижне– и Верхнеяицкой, Самарской, Сакмарской, Уйско-Тобольской, Исетской (от Миасской до Чебаркульской крепости).³⁸⁰

Указ императрицы Анны Иоанновны приглашал в Оренбургскую губернию государственных крестьян. А губернатором Неплюевым для защиты укреплений и постов от Орска до Верхнеяицкой крепости были переселены самарские, уфимские, исетские казаки. В казачество зачислялись и крестьяне, в том числе беглые.

С 1755 г. линейное казачество получило название Оренбургское казачье войско.

³⁷⁹ http://www.hrono.ru/land/russ/verh_yay_lin.html

³⁸⁰ <http://www.orengis.ru/orenburg.html>

На Оренбургской линии помимо оренбургских и липких казаков стоял регулярный Отдельный Оренбургский корпус.³⁸¹

К середине XVIII в. киргиз-кайсаки, теснимые с востока джунгарами, стали кочевать у Яика. Гости быстро освоились и уже не захотели домой. Киргиз-кайсакам не удавалось создать такую угрозу для русского пограничья, как крымцам, – по причине отсутствия у них сильной центральной власти, но хлопот от «батыров» и их шаек было немало.

Одно время особую угрозу на линии от Гурьева до Калмыковской представлял некий Сырым, хватавший русских поселенцев и продававший их в Хиву. Казаки охотились, и порой успешно, за джигитами Сырыма, но сам он всегда успевал раствориться в степи.

И вот шайка Сырыма заняла форпост Зеленовский у Разбойной Луки, где убила или захватила в рабство всех казачьих женщин и детей. У казака с этого форпоста Ильи Скоробогатова степняки умертвили дочь и ранили сына. С несколькими казаками Скоробогатов отправился по следу шайки. На следующий день казаки настигли Сырыма, изрубили у него 10 джигитов, а самого его взяли в плен. Вместо того чтобы вlepить тому заслуженную

³⁸¹ Недбай Ю. Г. История сибирского казачества. Омск, 2001. Т. 1. С. 44–45.

пулю в голову, Скоробогатов... отсек ему ухо и отпустил. Опозоренный батыр откочевал на восток и более не разбойничал на русской границе.³⁸²

Борьба с киргиз-кайсацкими наездниками длилась почти век и завершилась, лишь когда русские форпосты продвинулись на сотни верст в юго-восточном направлении, а киргиз-кайсацкие орды сильно ослабли в результате нападений хивинцев и кокандцев.

Казачи, охранявшие линии, караваны, поселения, отвечавшие ударом на каждый удар степняков, неустанно преследовавшие грабителей, а также пахавшие землю, пожалуй, были главным фактором успокоения степи и ее мирного хозяйственного освоения.

Нельзя не упомянуть и об участии яицких казаков в Пугачевском бунте. Это произошло во время наивысшего расцвета дворянства после изданного Петром III указа о дворянской вольности 1762 г. Тогда по всей стране, от имений до губерний, помещики получили, по сути, неограниченную власть.

В отличие от первоначального крепостного права, введенного Уложением 1649 г. и обеспечивавшего службу поместного войска, «второе издание» крепостного права было прямым заимствованием из

³⁸² Абаза. С. 182.

Центральной Европы и удовлетворяло лишь частные интересы помещика.

Впрочем, недовольство казаков вызвало не утверждение частно-правового крепостничества – это их по большому счету не касалось, а действия старшины, которая фактически приватизировала гурьевский учуг и собирала деньги с рядовых казаков за пользование им. Старшина также брала на откуп сбор десятинной пошрины, причем взимала ее с бедных казаков несообразно их достатку.

Жалобы рядовых казаков дошли до Петербурга, и на Яик выехали два следователя, генерал-майор Траубенберг, который должен был расследовать дело со старшинской стороны, и капитан Дурново, представлявший войсковую сторону. Пока следователи тянули с расследованием, начались беспорядки – шел январь 1772 г. Недовольные избили Дурново, убили Траубенберга и войскового атамана. Усмирение бунта закончилось введением комендантского правления. А в сентябре того же года начался мятеж, возглавленный амбициозным донским казаком Емельяном Пугачевым.

Мятеж начался, как это обычно бывает, очень не вовремя, в пору тяжелых войн России против турок и польских конфедератов, которых поддерживал деньгами и военными советниками

добрый французский король. Пограничной смутой немедленно воспользовались для своих набегов киргиз-кайсацкие батыры.

Потемкин, занимавшийся водворением нормальной жизни на Яике (переименованном императрицей Екатериной в Урал), действовал гуманно. Вина огромного большинства казаков – участников бунта была предана забвению. (А всего на эшафот взошли 6 мятежников, включая Пугачева, 32 были сосланы в Сибирь. Для сравнения: после разгрома восстания парижских рабочих в июне 1848 г. были расстреляны 11 тыс. человек.) Комендантское правление было отменено, и все дела снова перешли к войсковому атаману. С помощью Пермского пехотного полка, расположенного на постах от Уральска до Гурьева, был дан отпор киргиз-кайсацким батырам. Отряды регулярной кавалерии и уральских казаков в тысячу и более человек, оснащенные конной артиллерией, били зарвавшихся степняков.

Умело показал себя Потемкин и в хозяйственном управлении, в урегулировании споров по поводу рыбных мест и соляных промыслов.

Казачья колонизация направилась после бунта на север и северо-восток, в верховья реки Урал.

Можно сказать, что пугачевский мятеж пошел на пользу уральскому казачеству...

Особую расположенность к уральцам, как, впрочем, и к другим казачьим войскам, проявлял император Павел. Уральцы вошли в казачью лейб-гвардию императора. Чины казачьи были приравнены к армейским. Уравнено было и жалованье.

Уральские казаки отличились не только в борьбе с дикой степью. Зоркий взгляд, привыкший прощупывать степную даль, пригодился и на лесистом шведском берегу, когда генерал Кульнев в 1809 г. переходил Ботнический залив. Уральцы выбили вражеских егерей и обеспечили вступление русских войск в Швецию.

Закончив со шведами и французами, казаки должны были противостоять подавшейся на запад от реки Урал Букеевской орде (это было последнее в истории переселение кочевников из Азии в Европу). С 1815 г. казаки начали ставить пикеты по Малому Узеню и разводить здесь скот.

В 1810–1822 гг. в целях защиты караванов, направлявшихся из Илецкой Защиты к Волге, была протянута Ново-Илецкая линия. Полоса укреплений сдвинулась в глубь степей на 70 верст.³⁸³

В 1830-х гг. к северу от реки Урал усилилась крестьянская колонизация, помещики выкупали

³⁸³ Любавский. Историческая география. С. 332; <http://www.ural.ru/spec/ency/encyclopaedia-14-1457.html>

земли у башкирских родов.³⁸⁴

Уральские казаки преследовали шайки немирных степняков, вызволяли уведенных в плен крестьян и солдат, проводжали караваны. Уральцы (наряду с оренбургскими казаками) обеспечивали переход любого войскового отряда через закаспийские степи и пустыни. На стоянках казачьи пикеты – выставлявшиеся обычно на возвышенностях – прикрывали солдатские бивуаки. В каждом пикете находилось не менее трех казаков – один с оседланной лошадью, «держа повод в руках». Ночью все лошади на пикете должны были быть оседланы. Для предотвращения внезапных нападений на движущееся войско во все стороны от походных колон рассылались конные разъезды, состоявшие из трех казаков.³⁸⁵

В 1850 – 1860-х гг. уральские казаки участвовали в разгроме разбойничьего Кокандского ханства. Так, в декабре 1864 г. уральская сотня, выступившая из форта Перовский, три дня сдерживала у селения Икан 12-тысячную армию хана Алимкулы, нацеливавшегося на город Туркестан (Азрет).³⁸⁶

К концу XIX в. уральских казаков насчитывалось

³⁸⁴ Абаза. С. 180.

³⁸⁵ Макшеев. С. 13.

³⁸⁶ Абаза. С. 235.

около 15 тыс. Особенно густонаселенным был правый берег Урала. В Уральском войске насчитывалось 29 станиц, включая две Илецкие, каждая от 100 до 200 дворов.

Современники оставили об уральских казаках воспоминания как о красивых широкоплечих людях, крайне выносливых как в жару, так и в мороз, простых в быту, соблюдавших некоторые русские традиции, не сохранившиеся в Центре России.

На долю каждого казака приходилось 427 десятин земли войскового юрта, но деления на наделы у них не было. Пашенная земля, луга, речные воды принадлежали всему войску. На покосе каждый казак выбирал себе участок по вкусу. На пашне и жатве преобладали совместные работы. Рыбная ловля велась артелями, которые сами выбирали себе место на реке или получали его по жребью.³⁸⁷

Вот такой был казачий «коммунизм», очевидно, единственно правильный *modus vivendi* в тех природно-климатических и военных условиях, в которых находились уральцы.

Примечательно, что уральские казаки долго обходились без какой-либо униформы и стандарта вооружения. Одни ездили на службу с ятаганами, другие – с шашками, третьи – с пиками, разве

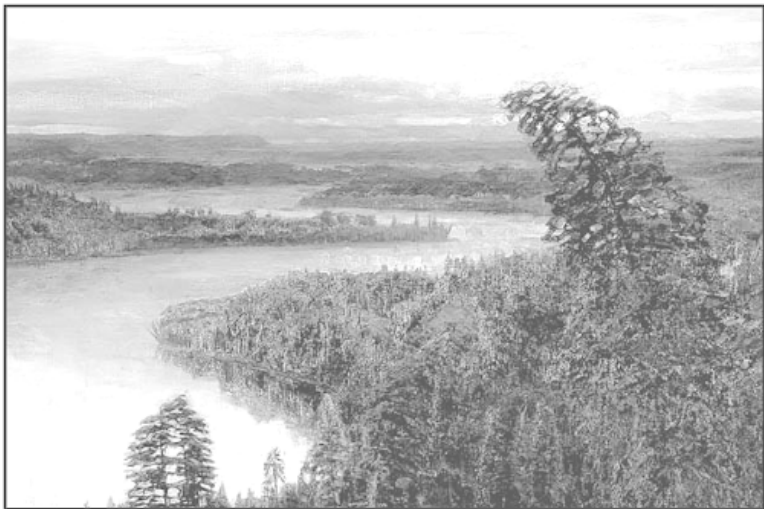
³⁸⁷ Там же. С. 218.

что бумерангов не было. Пике, впрочем, отдавали предпочтение. Носили пестрые стеганные халаты, похожие на хивинские, на голову надевали высокие мохнатые шапки с малиновым верхом – по туркменской моде.

Вспомните типичную сценку из голливудских вестернов: засевшие в форте ковбои метким огнем из винчестеров отражают нападение вооруженных луками и томагавками индейцев, кое-как сидящих на конях без стремени и седла. А к уральцам многозарядное нарезное оружие пришло уже к концу их истории. Противники уральских казаков имели огнестрельное оружие не хуже, чем у них, прекрасно владели джигитовкой, пикой, саблей, стреляли на скаку в любом направлении.

Уральцы могли отбиться, сидя в реданке, один против десяти, не трусили и в чистое поле ходить на превосходящего противника. Казаки одолели степь и прошли с победами пустыни. Только вот герои жизни героями экранов так и не стали.

Покорение Сибири

Предыстория

В начале I тысячелетия н. э. угорские племена, предки хантов и манси, жили в бассейне реки Туры и на Среднем Иртыше. Южнее, в лесостепной и степной зонах Южной Сибири, обитали восточные индоевропейцы, носители праславянской гаплогруппы R1a1.

Из сибирских индоевропейских культур Железного

века стоит упомянуть пазырыкскую, тагарскую, саргатскую, относящиеся к скифскому миру. Основой их хозяйства было сгонно-отгонное скотоводство.

Мнение о скифах как о легковооруженных конниках, действующих по принципу «укусил-убежал», не совсем верно. У них имелась и тяжелая кавалерия, воины которой были целиком закрыты доспехом из роговых, костяных или железных пластин, – чем весьма напоминали средневековых европейских рыцарей.

Между угорскими племенами и индоевропейцами шли весьма интенсивные культурные и торговые контакты. В язык угров проникло большое количество индоевропейских слов, относящихся к сфере скотоводства, ремесел, социальных отношений, в культуру – элементы «звериного» изобразительного стиля, в военное дело – скифский доспех.

Зона расселения угорских племен была ареалом присваивающей экономики. В период субатлантического потепления одновременно происходили и рост населения, и сужение его жизненного пространства из-за увеличения площади болот.

Мира и покоя под сибирскими елями не было. Для защиты от неприятеля ставились городки на высоких местах – часто речных обрывистых берегах.

Поселения окапывались рвами, окружались валами и частоколами. Оружие и доспех изготавливались из кости, рога, китового уса. В южных районах было распространено бронзовое литье, а позднее изготовление железа из болотных руд. Из металла делались наконечники стрел – крупные, с длинными шипами, и массивные наконечники для копий, рассчитанных на мощный пробивающий удар.

К середине I тысячелетия н. э. степная, а затем и лесостепная зоны Сибири были «затоплены» кочевниками-тюрками, которые как поршнем выдавливались на запад племенами, наседавшими с востока. Степи Восточной Азии страдали в это время от похолодания и засушливости. Из Забайкалья тюрки распространились на Алтай, в Минусинскую котловину, Обь-Иртышское междуречье.

Жесткое каркасное седло, стремя, изогнутый клинок обеспечивали тюркам непобедимость в конном бою. Эти усовершенствования придавали сабельному удару наездника силу длинного рычага, а стрельбе из лука – устойчивость за счет поглощения отдачи.

Половцы (кыпчаки), захватившие русские причерноморские степи в конце XI в., кочевали до этого на Иртыше. Из тюркских пришельцев, ассимилировавших индоевропейское и угорское

население Западной Сибири, возникли группы так называемых сибирских татар – ишимских, тюменских, кузнецких, тобольских, барабинских, томских.

Эти этнические группы вошли в улус Джучи Монгольской империи, ставший позднее Золотой Ордой.

В XIV в. в составе Золотой Орды оформилось Тюменское ханство с главным городом Чимга-Тура (Тюмень). Сюда бежал разгромленный Тамерланом хан Тохтамыш, разоритель Москвы.

После распада Золотой Орды за власть в Тюменском ханстве боролись правители среднеазиатских государств, населенных кочевыми узбеками: Синей Орды и улуса Шейбанидов.

Но в 1495 г. власть захватывает третья сторона – Мамет (Мухамед) из семейства тимуридов Тайбугинов. Он переводит столицу в г. Сибирь (Кашлык), находящийся при впадении Тобола в Иртыш, на месте поселения угорского племени сипыров, чье название имеет индоевропейское происхождение и означает «черный».³⁸⁸

Шейбанидам удалось на время удержаться в Тюмени, отсюда они даже пытались захватить контроль над Казанским ханством. Но в итоге Тайбугины прогнали Шейбанидов, расширили свою

³⁸⁸ Тукмаков Д. На Оби, незыблемый и гордый // Завтра. 07.10.2010.

власть на угров и башкиров, живших по восточным склонам Уральских гор, овладели низовьями Иртыша и бассейном Оми, берегами верхней и средней Оби. Наиболее густо в Сибирском ханстве оказались заселены междуречья Тобола и Туры, Иртыша и Оми. Если сибирские угры занимались в основном охотой и рыбной ловлей, то татары – скотоводством и отчасти полукочевым земледелием. Перед отправкой на летние пастбища засевали удобные поля, по возвращению с пастбищ снимали урожай.

К XVI в. сибирских татар насчитывалось 10–15 тыс., жили они общинами-улусами, в которых выделялась знать – беки, мурзы, тарханы. На этих «благородий» работали простые общинники и рабы-ясыри. Улусные люди платили ясак ханам и поголовно несли воинскую повинность. Платили ясак и сибирские угры – остяки (ханты) и вогулы (манси). Подвергаясь ассимиляции и эксплуатации со стороны татар, они уходили подальше от татарских улусов на север и восток.

Вогулы жили в долинах Тавды и Туры с притоками, Конды, а также севернее, на реках Ляпин и Сев. Сосьва (где русские, не мудрствуя лукаво, называли их остяками). Многочисленностью это племя не отличалось – судя по подсчетам начала XVII в., в Пелымском уезде, вогульском демографическом

центре, насчитывалось всего 624 взрослых вогула.³⁸⁹

Остяки уходили от татар в район Иртыша, между впадением его в Обь и устьем Тобола. Селились они также по течению Оби, начиная от впадения Васюгана и ниже. Здесь стояло несколько хорошо защищенных остяцких селений – Войкар, Уркар и Каменный. Обитали и на правых притоках Оби – Куновати и Казыме. По Малой Оби и на левом притоке Оби Емдыре располагались земли остяцкого Кодского княжества.

Остяк – этноним татарского происхождения, однако в основе угорское слово «ассиях» – человек с большой реки, то есть Оби. От самоназвания нижнеобских остяков происходит этноним ханты.³⁹⁰

Несмотря на обширное географическое распространение остяков, их общая численность была невелика. В 1630-х гг. насчитывалось около 900 сургутских остяков и 345 кодских. Присваивающее хозяйство, к которому относилось и экстенсивное оленеводство в районах, прилегающих к Обской губе, было главным регулятором численности остяцкого населения, не позволявшим ему расти.

Приобские остяки вели постоянные войны с самоедами. Остяцкий эпос сохранил сказания о

³⁸⁹ Бахрушин. С. 4–5.

³⁹⁰ Пермская старина. Вып. V. С. 16.

подвигах богатырей, сражавшихся с самоедскими захватчиками. Однако березовские остяки подчинили себе и соседнюю карачейскую самоедь, и самоедь мангазейскую, на реках Пур и Таз, а сургутские остяки – самоедь кузнецкую на верховье Пура. Самоедь подвергались эксплуатации со стороны более продвинутых остяков, попадали к ним в кабалу и рабство. Остяцкие шаманы совершали человеческие жертвоприношения рабами-самоедами.³⁹¹

Кодские князья со своими дружинами совершали набеги на вогульскую Конду в целях захвата рабов, вызывая закономерный ужас у окрестных племен. В Кодеком княжестве существовал целый класс служилых людей. Князья вооружали их и взамен получали часть добычи, в том числе невольников. Военное снаряжение знатных остяков включало панцири и шлемы бухарского происхождения. С остяцких родов, не относящихся к кодской служилой знати, князья получали ясак.³⁹²

В лесостепных и степных районах Южной Сибири, в верховьях Оби и Енисея, кочевали тюркские и монгольские племена, наследники империи Чингисхана, совсем не растерявшие воинственности со времен Средневековья. Кольчуги

³⁹¹ Бахрушин. С. 14.

³⁹² Бахрушин. С. 4.

и пластинчатые доспехи из качественной стали, булатные клинки, нередко огнестрельное оружие входили в наступательный и оборонительный арсенал степных воинов.

Среднеазиатские государства выступали поставщиками оружия и предметов роскоши для сибирской кочевой знати, в свою очередь, являясь рынком для рабов и другой военной добычи кочевников.

В 1465 г. от узбекского государства Шейбанидов отделилось Семиречье, где стали править кочевые феодалы, назвавшиеся «скитальцами», то есть казахами (кайсаки – в русском произношении).

Шейбани-хан на рубеже XV–XVI вв., соединив под своей властью несколько узбекских племен, кочевавших в низовьях Сырдарьи, изгнал тимуридов из плодородного Мавераннахра. Сюда стали переселяться узбеки, которые образовали новое государство Шейбанидов. Однако и оно раскололось на несколько мелких ханств. С конца XVI в. некоторые из них были объединены шейбанидской династией в Бухарское ханство.

Казахи из Семиречья перекочевывали на пастбища, освобождаемые узбеками, в низовья Сырдарьи.

Климат Средней Азии становился все более

засушливым, кочевые феодалы со своими примитивными формами эксплуатации-ограбления оседлого населения только усугубляли запустение городов и оазисов.

Политическая жизнь среднеазиатских государств характеризовалась борьбой элит кочевого происхождения за власть и водные ресурсы. Производящее хозяйство – земледелие, использующее оросительные системы, и кочевое скотоводство – сочеталось с набеговой экономикой и работорговлей.³⁹³

Русские в Западной Сибири

Время появления русских в Западной Сибири – не совсем проясненный вопрос. С конца XI в. новгородцы облагали пушной данью югричей. Это племя, первоначально находившееся к западу от Урала, уходило на восток от новгородских дружинников, смешиваясь в Зауралье с вогулами и остяками. Но следом за ним шли и новгородцы. Обь они посещали уже с 1364 г. Тогда воеводы Александр Абакунович и Степан Ляпа вышли на великую реку через приполярный Урал и стали собирать там дань.

³⁹³ Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 19–26.

«Той зимы с Югры Новородьци приехаша... воеваши по Оби реки до моря».

Ростовцы на пути в Югру поставили город Устюг, который впоследствии сыграет большую роль в освоении Пермского края и Сибири. Но сначала жители города занимались тем, что предлагали «поделиться» новгородцам, возвращавшимся с югорской данью. За это в 1324 г. новгородская рать взяла Устюг «на щит».

Московское государство во второй половине XV в. окончательно утвердилось на Урале, что вполне естественным образом привело его к соприкосновению с Сибирью.

Как уже упоминалось, в царствование Ивана III московские воеводы осуществили несколько походов в Зауралье для приведения к покорности вогульских и остяцких князьков, совершавших набеги на Великопермский край.

Самым крупным из них был поход 1483 г. предпринятый с целью наказания хищного пелымского князя, он обернулся глубоким проникновением в Западную Сибирь.

Об этом походе мы имеем достаточно информации, в частности из Архангелогородской летописи.

Русская «судовая рать», состоявшая из москвичей, устюжан, вымичей, пермяков, вологжан, вычегжан,

сысоличей, вышла из Великого Устюга 9 мая и отправилась вниз по Сухоне на насадах и ушкуях. Речными путями дошла до притока Вычегды реки Кельтмы Вычегодской. С нее «перетащила» через двухверстное болотце в приток Камы – разгрузив суда и толкая их шестами. По Каме спустилась до Вишеры, тогда пограничной реки. По притоку Вишеры, каменистой реки Вилсуй, русские воины тянули суда бичевой, находясь по пояс в бурной воде.

На руках пришлось перетаскивать суда, запасы, оружие через уральский горный перевал в районе Растесного Камня. За перевалом была речушка Коль, приток реки Вижай, впадающей в Лозьву. По Лозьве и Тавде русская рать дошла до устья Пелыма, где около Пелымского городка их ждал князек-разбойник Юмшан, собравший силы многих вогульских юртов.

Далеко не все русские располагали огнестрельным оружием, а вогульские богатыри-урты имели прекрасные сабли и стальные панцири, приобретенные у татар. Тем не менее 29 июля вогульское войско было разгромлено. На этом битвы с вогулами закончились.

«...А воеводы оттоле пошли вниз по Тавде реце, мимо Тюмень, в Сибирскую землю... а от Сибири шли по Иртышу реце вниз воюючи, да на Обь реку великую в Югорскую землю».

Русские ратники пробились с боями через владения тюменского хана Ибака и пошли вниз по Оби. В ее низовье они разбили силы Кодского княжества, «поймали» князя Молдана и пленили «княжих Екмычевых двое сыновей».³⁹⁴

Далее судовая рать двигалась по Малой Оби и Северной Сосьве. Около городка Сумгу-Вош воины остяцкого князька Пыткея мирно пропустили русских, и они вышли на реку Ляпин. По каменному волоку суда были перетащены в горную речку Щугор, с нее прошли на Печору. До дома было уже рукой подать...

Участники сибирского похода прибыли в Устюг 1 октября 1483 г., незадолго до начала ледостава. Всего оказалось пройдено по сложнейшему маршруту, с боями, с переносом судов и грузов на собственных плечах более 4,5 тыс. верст.³⁹⁵

Поход, прямо скажем, беспримерный. По степени преодоления трудностей на порядок превосходящий достижения Кортеса и Писарро (однако без конкистадорской жестокости и коварства). Московские служилые, образно выражаясь, пронесли на своих плечах корабль российской государственности. Да и повоевали славно. Подвиг сей отчаянно просится на кинолентку,

³⁹⁴ Бахрушин. С. 36.

³⁹⁵ Каргалов В. В. Московские воеводы XVI–XVII вв. М., 2002. С. 12–18.

зрители были бы довольны, но российские режиссеры предпочитают делать героев из трусов, предателей и эгоистов. (Собирая материалы для данной книги, я не раз отмечал, насколько заброшена и забыта история нашего фронта.)

В 1484 г. некоторые западносибирские князьки присягали Ивану III, который с 1488 г. стал именоваться «князем Югорским».

После смерти сибирского хана Мамета московское войско в 1499 г., совершив поход за Урал, покорило 58 вогульских, остяцких и самоедских князьков. Зауральские владения Москвы были разделены на Обдорию, по обеим берегам Оби, и Кондию, по Конде, левому притоку Иртыша. С 1514 г. в титулатуре великого князя Василия III присутствовало именование «князь Кондинский и Обдорский».³⁹⁶

В архивах найдена его жалованная грамота карачейским и другим обским самоедам о принятии их в российское подданство.³⁹⁷

После покорения Иваном Грозным Казанского и Астраханского ханств (в 1555 г.) послы сибирского хана Едигера (Ядгара) Тайбуги били в Москве челом

³⁹⁶ *Кирияков В. В.* Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь. М., 1902. С. 14.

³⁹⁷ Под стягом России. Сборник архивных документов. М., 1992. С. 6.

и просили царя, чтобы он «всю землю Сибирскую взял во свое имя... и дань на них положил». Едигера принимают в российское подданство, и у царя появляется титул «всея Сибирския земли повелитель». Историк П. Е. Ковалевский связывает это событие с экспедицией служилых Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева в Сибирь.

Согласно сведениям едигеровых послов, в Сибирском ханстве насчитывалось 31 тыс. «черных людей» (простонародья). С 1557 г. царь Иван получает дань с хана в размере 1000 соболей.

Происходит сбор дани и с других сибирских властителей.

В грамоте Ивана Грозного от 1557 г., отправленной вогульскому князю Певгею, правившему на Казыме, правом притоке Оби, указано, чтобы провел он московских сборщиков дани к югорским городкам, «а ехать вам, Сорыкитцким князем,³⁹⁸ и вашим людям к нам на Москву».³⁹⁹

Казалось бы, присоединение Сибири, причем вполне мирным путем, уже состоялось.

Но тут в дело вмешалась Бухария, а возможно, за новым сценарием стоял Стамбул, имевший влияние на почти все мусульманские государства,

³⁹⁸ Сорыкитцким князем – Сургутским князьям.

³⁹⁹ Пермская старина. Вып. V. С. 29.

соседствующие с Россией.

Шейбанид Кучум, сын бухарского феодала Муртазы и вассал бухарского хана Абдуллы II, с отрядами узбекских и ногайских воинов начинает борьбу против тайбугинов Едигера и Бекбулата. В 1563 г. она завершается в пользу коварного Кучума, который убивает Едигера, вырезает его родню, берет власть в Сибирском ханстве и несколько лет приводит к покорности остяков, вогулов и кочевников Барабинской степи.

Поборы с населения при новом хане только увеличились, ведь Кучум должен был расплачиваться со среднеазиатскими воинами, которые помогли ему взять власть, – градус недовольства в Сибирской земле резко повысился. Оказался Кучум к тому же и воинственным правителем, постоянно требовавшим от сибирских татар, вогулов и остяков исправной ратной службы.

Первое время Кучум старался не портить отношения с Москвой, даже прислал царю дань и просьбу принять в подданство. Но в 1573 г. «царевич» Маметкул, Кучумов сын, пошел в набег на уральские земли России. Потомок Чингисхана Кучум явно имел чингисхановы амбиции и собирался контролировать путь из Азии в Европу, в первую очередь по Туре.⁴⁰⁰

⁴⁰⁰ Кирьяков. С. 16.

Но и промышленники Строгановы получают от Москвы право нанять на ратную службу до тысячи казаков и поставить города по сибирским рекам Тоболу, Иртышу и Оби.

В грамоте царя Ивана братьям Строгановым от 1574 г. прямо говорится о необходимости похода против сибирского «салтана», который не дает осяткам, вогулам, югричам «наши дани в нашу казну давати» и заставляет их воевать против русских... «А на Сибирсково [хана] Якову и Григорью собирая охочьих людей, и Остяков, и Вогулич, и Югрич, и Самоед со своими наемными казаки, и с нарядом своим посылати воевати...»

Этот документ показывает, что правительство Ивана IV готовило распространение русского контроля на Западную Сибирь, в том числе собирая воинские силы. Правительство пришло к правильному выводу, что лучшим видом защиты огромного Пермского края является не постройка оборонительных черт, как на юге, а разгром врага в его логове.

Наступает эпоха Ермака.

Его дедом был суздальский посадский человек Афанасий Аленин, переселившийся во Владимир и попавший там за связь со знаменитыми муромскими разбойниками в тюрьму, от которой, как известно,

никому зарекаться не надо. Однако сбежал из тюрьмы темной ночью и прямо в Юрьевец-Повольский уезд, где у него родился сын. Спустя годы Тимофей Афанасьевич, уже обремененный семейством, отправился на Каму, во владения Строгановых, там получил прозвище Повольский, по месту своего рождения. Сын его Василий, когда подрос, стал ходить на стругах по Волге и Каме. Товарищи прозвали его Ермаком (так назывался весьма важный элемент вольно-казачьего быта – артельный котел), что указывает на высокий статус в казачьей иерархии.

В 1575 г. атаман Ермак со своими парнями уходит подальше от воевод, наводящих порядок на Волге, и возвращается в верховья Камы, нанимаясь там к Строгановым. Очевидно, такие люди из его ватаги, как Иван Юрьев (Кольцо), находившиеся ранее в розыске, получают от правительства гарантии неприкосновенности.

А в 1578–1581 гг. Пермь Великая еще несколько раз подвергается нападениям сибирских воинов – во главе их и Маметкул, и мурзы, и пелымский князек; все стараются стереть с лица земли русские поселения.

В царской грамоте от 16 ноября 1582 г. приводится донесение пермского наместника В. Пелепелицына о новом нападении пелымского князя, в котором

участвовали помимо вогулов воины сибирского хана. Наместник жалуется на разорение, что сибирцы «многих наших людей побили и многие убытки починили». Заодно «переводит стрелки» на Строгановых, которые-де, ослабив оборону, «послали из острогов своих волжских атаманов и казаков, Ермака с товарищи, воевати Вотяки и Вогуличи и Пелымские и Сибирские места».

Очевидно, не позднее августа, при полной воде, отряд Ермака двинулся из Чусовского городка в Сибирь.

Невозможно согласиться с версиями некоторых историков, что поход этот был просто лихим набегом, случайно обернувшимся присоединением Сибири. Ведь уже царская грамота от 1574 г. определила целью покорение Сибирского ханства. Отряд Ермака был подготовлен для серьезного дела. Имел «пушечные и скорострельные пищали семипядные» из казенных арсеналов, получил переводчиков «басурманского языка» и опытных воинских людей из числа литовских и ливонских пленных.⁴⁰¹

С 1550-х гг. перед Русью открылись «ворота на Восток». Подвижность русского человека сочеталась

⁴⁰¹ Красинский Г. Покорение Сибири и Иван Грозный // Вопросы истории. № 3. 1947.

с желанием правительства обеспечить безопасность для Урала, в котором царь Иван видел основу могущества страны. Не забыл Грозный и о том, что земля Сибирская уже была в российском подданстве, пока не забрал ее себе бухарский проходимец. Начало присоединения Сибири при таком государе было совершенно predetermined.

А Ермак прошел по Чусовой, с нее перебрался на реку Серебрянку, переволокся к реке Жаровке, спустился по Баранче до Тагила, а дальше на стругах вышел на Туру. Разбив татарского князька Епанчу на месте позднейшего Туринска, русский отряд овладел городом Чимга-Тура. В двух битвах, 1 и 23 октября, Ермак одолел войско сибирского ханства, состоявшее из узбеков и ногаев, чья численность превосходила русские силы в 10 раз.

Василию Тимофеевичу противостояли не туземцы в грязных малицах и с испуганными глазами, как изображено на картине художника Сурикова, а вполне уверенные в себе воины в стальных доспехах и с булатными клинками, потомки чингисхановых и тамерлановых богатырей. Бухарцы имели и огнестрельное оружие. Не были слабыми противниками и остяцкие, вогульские и татарские воины, много раз ходившие в набеги на русские городки по ту сторону Уральского хребта и

причинившие там столько бед.

Кучума побили под Абалаком, а Маметкула на берегу реки Ва-гай в 100 км от Кашлыка.

26 октября 1582 г. Ермак занял столицу Сибирского ханства, и оно прекратило свое существование.

Кстати, существует легенда, что покорению Сибири предшествовало распространение здесь березы, но это еще надо проверить силами палеоботаников.

«Царевич» попал в плен, на перевоспитание, а Кучум, научивший сына только убивать и грабить, сбежал в Ишимскую степь. Смешанные чувства обуревали бухарца: в глубине души он понимал, что все потеряно, но как побитый кот хотел еще нагадить напоследок. Однако какие бы каверзы ни чинил Кучум, его желания расходились с возможностями.

Через несколько дней после занятия ханской столицы остяцкие и вогульские князья явились шумной толпой к Ермаку и, свалив к ногам казаков пушные подарки, просили принять их в русское подданство.

Весной следующего года полусотня казаков спустилась вниз по Иртышу, покоря татарские и остяцкие городки и приводя туземцев в русское подданство, – управление ими было поручено союзному кодскому князю Алаче.⁴⁰²

⁴⁰² Кирьяков. С. 19.

Вскоре посланники Ермака были уже в Москве, пред очами государя, как исполнители царской воли.

Весной 1583 г. царь Иван отправляет в Сибирь воеводу князя С. Волховского, стольника Ивана Глухова и стрелецкого голову с 500 стрельцами.

Летом 1584 г. Ермак преследует, поднимаясь по Иртышу, мурзу Карачу и погибает на реке Шише, застигнутый врасплох ночной вылазкой татар. Пространство для герильи в Сибири было преогромное, такую диверсию вряд ли могло предотвратить и вдесятеро большое войско.

В 1585 г., после смерти Ермака, его казаки и стрельцы Волховского уходят на Урал, но в это время уже появляется в Западной Сибири отряд воеводы И. Мансурова, который основывает Обский городок в устье Иртыша. А на следующий год воеводы В. Сукин и И. Мясной ставят Тюменский острог неподалеку от Чимги-Туры.

В 1587 г. отряд стрелецкого головы Д. Чулкова воздвигает град Тобольск, в скором времени центр Западной Сибири, причем неподалеку от места, где была ханская столица.

Кто противостоит русским? Где те многочисленные воины, которые громили Пермский край и сражались с Ермаком? Нигде. Господам, желающим принизить значение похода Ермака, остается полагаться только

на брехологию.

Да, русским еще пришлось гоняться за Кучумом и вязать Сеид-хана (Сейдяка), поставившего табор на развалинах Кашлыка, однако ни одного крупного сражения им уже не пришлось испытать.

С разгромом Сибирского ханства были снято основное препятствие для движения русских на восток, к Тихому океану. И наши первопроходцы невиданными в истории темпами прошли этот путь, совершив подвиг покорения Северной Евразии.

«Занятие русскими одной из величайших равнин земного шара, совершившееся в продолжении только 70 лет, составляет явление в высшей степени замечательное, можно сказать – беспрецедентное, если мы примем во внимание те неблагоприятные условия, которые задерживали завоевательное и колониционное движение в Смутную эпоху и долгое время после того, если примем далее во внимание те поистине ничтожные средства, какими могла располагать Московская Русь для водворения и поддержания своих необъятных владений на востоке. На занятие Северной Америки культурные народы Западной Европы должны были употребить больше времени» – читаем у исследователя сибирской истории И. Щеглова.⁴⁰³

⁴⁰³ Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных

В 1593 г. основан Березов на Северной Сосьве, в 20 верстах от ее впадения Малую Обь – через него шел водный путь в Сибирь.

Люди кодского князя Игичея вместе с воеводой Н. Траханиотовым строили Березов и ходили покорять обдорских остяков.

Ниже на Оби был поставлен Обдорский острожек, чтобы собирать ясак с самоедов и остяков, а также пошлину с русских торговых и промышленных людей, ведущих на Лукоморье промысел и обмен с «инородцами».

В 1594 г. поставлен Сургут, при впадении Сургутки в Обь, чтобы привести в покорность остяцкого князя со звучным именем Воня.

В том же году для борьбы с кочевниками Барабинской степи, нападавшими на остяков, построен был Тарский острог – при впадении Тары в Иртыш. Здесь расположилось 320 человек из 1,5-тысячного отряда князя Андрея Елецкого, который искал кучумовских партизан от Тобольска до Тары и выше по течению Иртыша.

20 августа 1598 г. помощник тарского воеводы юный Андрей Воейков обнаружил отряд Кучума на левом притоке Оби реке Ирмень (где впоследствии возникнет Новосибирская ГЭС). Казаки изрубили 40

кучумовских батыров, однако сам Кучум, как всегда, успел удрать, видимо, талант у него был такой. В русской Сибири его больше не видели и не слышали. Сын же его Маметкул верой и правдой служил «белому царю». ⁴⁰⁴

На рубеже XVI и XVII в. русские остроги вырастали на речных путях Сибири, как грибы после дождя.

В 1596 г. появился городок Нарым на Оби для сбора ясака с остяков выше Сургута.

На обском притоке реки Кеть поставлен острог Кетский, сыгравший большую роль в дальнейшем углублении в сибирские земли.

В 1600 г. при впадении реки Ялынки в Туру основан Туринск – чтобы устраивать ямские станции на новой дороге между Верхотурьем и Тюменью и защищать местных остяков от нападений ногаев.

В том же году отряд Ф. Дьякова на западносибирском севере достиг области реки Таз, населенной мангазейскими самоедами. А на следующий год в 200 км от тазского устья появилась Мангазея (в 1662 г. перенесенная в Туруханский край).

В 1604 г. заложен Томск на реке Томь, в 60 км от ее впадения в Обь. Хан Тояк, местный властитель, бил челом царю Борису, прося принять его в подданство.

И тут кодские остяки во главе с князем Онжей

⁴⁰⁴ Тукмаков Д. На Оби, незыблемый и гордый // Завтра. 07.10.2010.

помогали русскими.

Затем появились городок на Чулыме и Кузнецкий острог на Томи, против устья Кондомы. Вместе с тем объяснены были телеуты, татары и киргизы, кочевавшие по верхней Оби и ее притокам, а также тюркские племена по верхнему Енисею и его притокам у подножия Саянских гор. Но еще более ста лет здешнее пограничье было беспокойным.⁴⁰⁵

В 1607 г. кодские остяки ходили вместе с отрядом березовского служилого человека Ивана Рябова на отложившихся обдорского и ляпинского князьков.

В 1609 г. кетские казаки прошли Маковским волоком на среднее течение Енисея.

Во время Смуты постройка новых острогов в Сибири останавливается, это ясно показывает, что колонизация новых земель не была стихийным процессом.⁴⁰⁶

Лишь в 1618 г. русские вместе с людьми кодского крещеного князя Михаила Алачева срубили острог на Маковском волоке. Оттуда, годом позже, отряд М. Трубчанинова с людьми князя Михаила ходил ставить острог на Енисее.⁴⁰⁷

⁴⁰⁵ Любавский. Историческая география. С. 222–227.

⁴⁰⁶ Белов. Русская история. С. 448.

⁴⁰⁷ Якутия в XVII веке / Под ред. С. В. Бахрушина и С. А. Токарева. Якутск, 1953. С. 26.

Люди князя Михаила участвовали и в походах С. Навацкого (о нем ниже) на Нижнюю Тунгуску.⁴⁰⁸

С 1620-х гг. русская Сибирь узнала новую напасть. К ее границам, в верховья Иртыша и Ишима, прикочевали калмыки.

Для защиты от них были построены Ялуторовский острог, у впадения Исети в Тобол (1639), Канский на реке Кане – притоке Енисея (1640), Ачинский острог на реке Чулыме (1642).

К середине XVII в. фронтир растянулся на всю Сибирь. В то время когда русские встали уже на берегах Охотского моря, в ближнем Зауралье все еще шли набеги.

Для ограждения жителей относительно плодородных районов по реке Исети, тобольцев и тюменцев, от нападений калмыков был поставлен Исетский острог (1650). Рядом с ним, на верхней Исети, возникло два хорошо укрепленных монастыря – Рафаилов и Долматов.

В 1663 г. часть верхнеобских остяков вошли в сношения с «царевичем» Кучумова рода и с калмыками, чтобы поднять восстание.

У немирных туземцев в это время появляются ручные пищали, значительные запасы пороха и свинца – очевидно, огнестрельное оружие поступало

⁴⁰⁸ Бахрушин. С. 44–49.

из Средней Азии.⁴⁰⁹

Многие русские поселения в южном Зауралье были разорены обширным башкирским бунтом, в котором также участвовали, как умели, калмыцкие и ногайские орды. Однако бунт не напугал русских переселенцев. После его подавления граница крестьянской оседлости сместилась еще дальше к юго-востоку. На Пышме, притоке Туры, на Исети, Миасе, Тоболе, Ишиме в 1660-1670-х гг. возникло много новых слобод – в том числе Камышловская, Шадринская, Курганская и Ишимская.⁴¹⁰

Около 20 лет, с середины 1660-х гг., енисейские киргизы князя Иренака угрожали Ачинску, Кузнецку, Томску, Канску и Енисейску.⁴¹¹

В 1679 г. киргизы, подвластные джунгарскому хану, осаждали Красноярск (город выдержал во второй половине века семь крупных набегов). В том же году самоедские стрелы свистели над Обдорским острогом.⁴¹²

На рубеже XVII и XVIII в. особо сложной была обстановка в Кузнецком уезде. Калмыки в 1700 г.

⁴⁰⁹ Белов. Русская история. С. 450.

⁴¹⁰ Любавский. Историческая география. С. 238, 244.

⁴¹¹ Бартольд В. В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 2002. Т. 4. С. 218.

⁴¹² Белов. Русская история. С. 450.

совершили нападение на Кузнецк, сожгли там Рождественский монастырь, убили 41 человека и 103 взяли в плен, уничтожили хлебные запасы, увели скот.

Это племя также устраивало набеги на Барабинскую низменность и область реки Катунь.

Измучившиеся служилые сообщали в Сибирский приказ, что «киргизы, телеуты, черные калмыки» приходят «многолюдством, воровски, человек тысячи по три и болши и менши с ружьем, с пищали, с копыи и с сайдаки, и с сабли в пансырях и куяках и иных воровских доспехах». Правительство поверстало еще 1,5 тыс. детей боярских и казаков для сибирской службы и дало задание упреждать нападения кочевников.

В 1703 г. 500 казаков из Томска «на лыжах с нартами и со всей полной службою» встретили на реке Базыре немирных киргизов, взяли в плен 146 человек, потеряв убитым одного. Годом позже встречать киргизов были посланы 700 томских казаков и детей боярских.

Тревожно было и на юге Тюменского, и на юго-западе Тобольского уездов. 12–15 августа 1709 г. шли бои с башкирами у озера Чебакуль, где погибли 10 служилых.

В первой половине XVIII в. российское государство, умиротворяя кочевников южносибирских степей,

продвигает линии укреплений от таежной Сибири к юго-востоку и югу и добивается перелома в борьбе с набеговой активностью. Важную роль сыграло в этом введение рекрутской повинности. В Западной Сибири появляются регулярные войска, вооруженные по последнему слову тогдашней техники, обладающие большой огневой мощью.

Первопроходцы Восточной Сибири

В начале XVII в. был исследован путь из Тобольска по Иртышу, далее по Оби и на ее приток, реки Кеть, с нее, через волок, на Енисей. Перед русскими открывалась Восточная Сибирь. Если в продвижении в Западную Сибирь главными мотивами были оборонные, то теперь на первое место выходили мотивы экономические. Как государство, так и предприимчивых людей, которых хватало не только среди промысловиков, но и среди служилых, влекли пушные богатства. Объясчавание местных племен относилось к обязательному этапу освоения. Экспедиции должны были окупаться, а выплата ясака «белому царя», а не каким-то другим властителям, означала признание российской власти. Уже тогда правительство надеялось найти на востоке месторождения полезных ископаемых, которых было

так мало в центре страны.

В царствование Михаила Федоровича русские совершили невиданный в истории территориальный рывок. За кратчайший срок они исследовали и создали постоянные поселения в бассейнах Енисея, Лены, Яны, Индигирки и Колымы, на Анадыри, Охотском море и Амуре. Природно-климатические особенности определили крайне разряженное, очаговое расселение русских на этих просторах, однако их численность вскоре превысила численность местных племен, живших преимущественно присваивающим хозяйством, кое-где дополнявшимся кочевым скотоводством.

Уже в 1600 г. отряд князя Шаховского достиг таймырского озера Пясины – видимо, это было первое появление русских в Восточной Сибири. До 1620 г. отмечены неоднократные посещения русскими промысловиками и служилыми людьми полуострова Таймыр.⁴¹³

В 1620-х гг. русская колонизация продвигалась по Енисею и его притокам – в 1628 г. основан Красноярск.⁴¹⁴

На Лену русские проникли сначала северным

⁴¹³ *Ефимов В. А.* Из истории великих русских географических открытий. М., 1950. С. 55.

⁴¹⁴ Якутия. С. 26.

путем, идущим из Мангазеи.

Мангазейскими воеводами Д. Погожим и И. Тонеевым был составлен план похода на Лену («Лин, большую реку»). Но первыми, очевидно, добрались до Лены промысловики.

Толчком к этому послужило уменьшение количества добываемого соболя и бобра в районе Туруханского зимовья. Промысловики двинулись «по тунгуске реке далече».

Некто Пенда прошел по Чечую до Лены, а по ней – до места, где позднее возникнет Якутск, далее проплыл до реки Куленги, с нее переволокся на Ангару и через Енисейск вернулся в Туруханское зимовье.

В 1628–1630 г. неоднократно упоминаются промысловики и казаки, которые с Нижней Тунгуски переходили на «славную в свете и великую» реку Лену. Там они промышляли «по обе стороны по речкам».

С Нижней Тунгуски на Лену было проложено две дороги.

Первая – по притоку Нижней Тунгуски реке Титее, с ее верховья волоком (весной 2 дня, летом 5 дней) до реки Чурки, притока Вилюя, а с него на Лену.

Вторая – с верховья Нижней Тунгуски на реку Непу, до устья Чечуя, и далее по Тунгусскому волоку.

На Нижней Тунгуске русские промысловые партии числом, как правило, от 2 до 5 человек встречались со звероловами-тунгусами. Те ходили по тайге родовыми группами по 60 – 100 человек, промысля все того же соболя, и, заметив русских промысловиков, могли просто перестрелять их.

В 1627 г. группа промысловиков, Г. Жаворонков со товарищи, подали мангазейским воеводам челобитную на имя царя Михаила Федоровича. Бумага прошла обычным путем в Москву, где отнеслись к ней с большим вниманием. (У либеральной интеллигенции принято высмеивать даже само слово «челобитная» и выставлять ее признаком врожденного холуйства русских. На самом деле челобитная, то есть петиция, была инструментом прямого общения народа с верховной властью. Чиновники на местах обязаны были передавать мнение даже самых малых и отдаленных людей в Москву, и там дело решалось, как правило, быстро и по справедливости.)

В Казанском приказе, ведавшем Сибирью, были опрошены и другие приехавшие из Мангазеи промысловики, «которые сысканы на Москве». Те подтвердили информацию Жаворонкова и даже представили проект экспедиции на Нижнюю Тунгуску.

Из Москвы отдали распоряжение в Тобольск о

снаряжении отряда на Лену. Тобольские воеводы должны были сами определиться, какой путь лучше: через Енисейск или через Обскую губу и Мангазею.

Порасспрашивав землепроходцев, тобольские воеводы выбрали мангазейский путь. Летом 1627 г. из Тобольска вышли на судах 50 служилых русских людей и 30 людей кодского князя Михаила Алачева. Однако экспедиция потерпела кораблекрушение в Обской губе. Хотя все участники остались живы, припасы были потеряны. В следующем году меньший по численности отряд тобольских служилых во главе с сыном боярским С. Навацким двинулся на Нижнюю Тунгуску уже через Енисейск.

Навацкий, кстати, был поляком или литвином из разбойного воинства пана Лисовского, отметившегося страшными бесчинствами в Смуту. Теперь бывший интервент смывал вину беззаветной службой московскому государю.

В августе 1628 г. отряд Навацкого прибыл в Енисейск, однако местный воевода Аргамаков гостей не приветил – вероятно, лицо бывшего интервента не внушало особого доверия. Не дал воевода хороших судов тобольским служилым, только «худые». Однако и в том беды не случилось. Инициативные члены экспедиции отремонтировали суда, в том числе брошенные, ничьи, и смогли

благополучно добраться до Туруханского зимовья. Тут к ним присоединилась еще группа остяков кодского князя и несколько служилых, среди которых был сын боярский А. Добрынский, также из числа экс-интервентов, смывавших вину перед Россией сибирской службой.

С Нижней Тунгуски Навацкий, опросив тунгусов, послал на Лену отряд в 30 человек во главе с Добрынским и березовским казаком М. Васильевым. Отряд пришел на приток Нижней Тунгуски Чону, с ее верховья на Вилюй и далее на Лену. Припасов было мало, шли служилые зимой, «на себе таскали нарты и на тех службах нужу и стужу и голод терпели».

На Вилюе и Лене они собрали ясак с тунгусов – санягирей и нанягирей. На Лене встретили «конную якутскую орду» (тюрки-якуты не столь уж давно пришли с юга в таежную Сибирь). Не испугавшись, объясачили ее, поставили тут острожек. Выше по Лене наложили ясак на шамагирских тунгусов, добрались до Алдана. Не все в общении с местными шло гладко. Так, в ноябре 1630 г. острожек был атакован конными якутами из опомнившейся орды – сразу несколько князьков собрали свои улусы. Русские просидели в осаде полгода, прежде чем нанесли поражение осаждавшим.

С Лены Добрынский и Васильев вернулись,

потеряв половину отряда, с 15 людьми. В Туруханском зимовье их ждал с интересом мангазейский воевода А. Палицин, который принял собранный ясак и «доездную грамоту», то есть отчет о походе.

Эрудированный воевода (а были такие и в самых отдаленных краях Руси) пришел к убеждению, что найден «проход великого Александра», по которому тот ходил в Индию. Так же внимательно отнесся к рассказу участников похода и воевода в Тобольске, куда они прибыли в июне 1632 г. Шестерых из них, вместе с Васильевым, воевода снарядил в Москву. Там служилые изложили свои соображения по поводу следующей экспедиции в ленские земли и получили царские награды.

По распоряжению из Москвы тобольский воевода вскоре отправил на Лену новый отряд из 38 служилых – через Мангазею. На этот раз снаряжения и припасов хватало с избытком, хлебного и денежного жалованья получено на три года вперед, также 40 панцирей «для бою с иноземцы, которые будут государю непослушны», и много товаров для подарков и на мену. Новую экспедицию возглавил сын боярский В. Шахов из Торопца, человек со сложной биографией, отсидевший за «татевное дело» в тюрьме, а затем просивший отправить его на службу в Сибирь.

Тобольская экспедиция только двинулась в путь, а на Мангазее среди промысловиков уже начался ленский бум.

В 1633-1634 гг. И. Коткин с товарищами-добытчиками зимовал на реке Амге. В 1635 г. упоминается о 30 промысловиках на Вилюе.

А в 1635–1636 гг. «ленский промысел» принес в Мангазею круглым счетом 12 тыс. соболиных шкурок, сданных государству в счет десятинной пошлины.

В следующем сезоне на Лене и Вилюе было добыто «мягкой рухляди» на 1819 руб.

В 1633 г. отряд во главе с черкашениным (малорусом) С. Кобытовым дошел до Алдана, поднялся вверх по нему и Амге, где объясачил несколько якутских князьков. В 1637 г. глава нового ясачного отряда С. Степанов получил от мангазейского воеводы Б. Пушкина «наказную память», фактически анкету, которую надо было заполнить, изучив быт ленского населения.

А отряд Шахова прибыл в Мангазею через Обскую губу в сентябре 1633 г. Перезимовав в самом северном городе Руси, он добрался к 30 июня следующего года до Батенева зимовья на Нижней Тунгуске. В течение зимы 1634–1635 гг. отряд переволок запасы и судовые снасти на Чурку, где построил весной два коча. Далее служилые шли по

Чурке и Вилюю, рассылая по округе ясачные партии, а новую зиму провели в зимовье у Красного Яра, неподалеку от Лены.

В 1636 г., пока Шахов был в устье Вилюя, тунгусы сожгли это зимовье. Оно было восстановлено, но через год его постигла та же участь, притом погибло несколько казаков. Уцелевшие служилые перешли в Нижне-Вилюйское зимовье. Тем не менее к декабрю 1639 г. Шахов подчинил и объясачил якутские и тунгусские роды как в Вилюйском крае, так и в соседних приленских местах, составив попутно их подробную роспись. Экспедиция, планировавшаяся на два года, растянулась на шесть лет, хлебные припасы давно кончились, так же как и амуниция. К 1639 г. из 38 героев-первопроходцев остались в живых 15 человек.

Теперь о южном пути на Лену, который шел от Енисейска вверх по быстрой порожистой Ангаре (тогда именовавшейся Верхней Тунгуской) и ее притоку Илим.

В 1627 г. енисейские служилые, объясачив илимских тунгусов, оказались на устье реки Идирмы, впадавшей в Илим, – здесь начинался волок, ведущий на Лену. Высадившись около устья другого притока Илима – Туры, можно было волок сократить. А был он особо тяжел, потому что шел «через камень»,

гористую местность.

Вообще волок – это чисто российский вид транспортной коммуникации, связанный с географическими особенностями страны. С одной стороны, рек много, хороших и разных, но с другой – они не образуют необходимых магистральных путей с запада на восток. Использование речных вод русскими первопроходцами отдаленно напоминало то, как западный мореплаватель употреблял морские течения и океанские ветры. Моряку, правда, не приходилось проделывать адский труд по переволакиванию судов и грузов, и в свободное от вахты время он мог спокойно тянуть ром и покуривать трубочку.

Иногда русскими переносились не суда, а только снасти от них, а на новой воде строились новые плавсредства.

Не только волок был многодневным мучением. Изнуряющим трудом было идти на веслах или тянуть на бечеве судно вверх по течению. Так же как и двигаться на лыжах по 20–30 верст в день, таща за собой нарты. Приходилось ночевать в снежных норах. Ощущать, как в измученное дорогой тело впивается голод, который не преодолеть несколькими горстями толокна.

Цена любой ошибки в сибирских делях была

велика. Первопроходцы знали, что если ошибутся – зайдут в непроходимую чащу, в болото, под вражеские стрелы – никто им не поможет.

Что вело и что поддерживало русских в их походах – бог знает. Наверное, вера. Вероятно – особое пространственное чутье...

По Ленскому волоку служилые попадали на речку Муку, далее плыли по Купе, Куте и по ней проходили на верхнюю Лену. Зимой волок был длиннее, хотя и легче – шли «нартяным ходом» прямо к месту впадения Муки в Купу и там ждали вешней воды.

Очевидно, енисейские служилые пробрались на Лену южным путем в конце 1620-х гг., едва ли уступив пальму первенства мангазейцам.

Среди енисейцев в это время сформировалась очень активная (применим и модное словцо «пассионарная») группа людей, которая сыграла огромную роль в исследовании и освоении всей Восточной Сибири и Дальнего Востока.

В 1628 г. казачий десятник Василий Бугор, собрав яsak с тунгусов в устье Идирмы, прошел по Куте до Лены, по ней спустился до устья реки Чаи и к лету 1630 г. вернулся в Енисейск. Двух служилых он оставил в устье Куты, четырех служилых вместе с несколькими промысловиками – в устье Киренги.

В 1629–1630 гг. енисейский воевода Семен

Шаховской – Рюрикович, литератор и богослов (тогда родовитые уже привыкли к дальним службам), составил роспись «рекам и новым землицам», с которых собирается ясак в Енисейский острог. Роспись показывала местоположение тунгусских племен и «братов» (бурятов), указывала маршруты перехода с Енисея на Лену.

В 1630 г. у Ленского волока был заложен Илимский острог, группа промысловиков ходила с Илима на Лену, а князь Шаховской отправил в поход атамана Ивана Галкина. Этому казаку удалось сыграть исключительно важную роль в освоении Восточной Сибири.

Зимовье на устье Идирмы Галкин превратил в городок со стенами и башней. Потом отправил десятника Е. Ермолина через волок с Илима на Купу. Отряд Ермолина, пройдя по Купе, нашел около ее устья двух человек, оставленных Бугром. Людей же, оставленных в устье Киренги, обнаружить уже не смог – местные тунгусы рассказали, что русские ушли на Лену, в «Якольскую землю» (Якутию), – и вернулся в Усть-Идирмское зимовье.

Получив ермолинскую информацию, князь Шаховской в январе 1631 г. отправил Галкину наказную память с приказом идти на Лену и ставить там острог, а оттуда рассылать вверх и вниз по реке

служилых людей.⁴¹⁵

Галкин весной 1631 г., перейдя с Идирмы на Лену, поставил большое зимовье в устье Куты и поплыл вниз по Лене. Здесь атаман разбил пять якутских князьков (тойонов) и взял с них ясак, потом прошел вверх по Алдану, выдержав немало стычек с местными улусами. На обратном пути Галкина опять встретили с оружием в руках князьки, ранее согласившиеся платить ясак. Среди оных выделялся свирепым видом Тыгын, владетель кангаласцев, запечатленный в якутском фольклоре как могучий царь.

Впрочем, этот «могучий царь» отличился больше не как борец с русскими, а как разоритель других родов – борогонцев, батурусцев, бетюнцев.

Галкин рассеял силы князьков, а затем отправился вверх по Лене, объясачивая тунгусов. В ходе своих походов он собрал важную информацию о бассейне Лены, ее притоках справа – Витиме, Олекме, Алдане, Киренге, и слева – Ичере, Пеледуге, Вилюе.

В 1631 г. енисейский воевода Ж. Кондырев отправил на Лену казачьего сотника Петра Бекетова. Прибыл тот летом, осенью ходил вверх по Лене, подчиняя бурят, а в мае следующего года покорил улусы бетунских якутских князьков. Часть

⁴¹⁵ Якутия. С. 27.

Бекетовского отряда отправилась в жиганскую и долганскую земли, а сам он летом и осенью приводил к покорности батулинского и мегинского князьков.

8 конце сентября следующего года Бекетов поставил острог на правом берегу Лены, на месте, называемом Чуковым полем. Зимой покорил дубусунских якутов, живших на левом берегу Алдана, оказавших, наверное, самое сильное сопротивление казакам. После поражения дубусунцев присягнули князьки кангаласские, сыновья Тыгына, а также намские, баксинские, нюрюптейские.

С этой присягой мало что изменилось; якуты были беспокойны, убивали промысловиков и служилых. Галкин, сменивший Бекетова осенью 1633 г., укротил баксинского тойона Тусергу и мегинских князьков, в чьих владениях часто происходили нападения на русских.

Раб, принадлежавший намскому князьку Мымаке, сообщил Галкину, что его хозяин задумал нападение на острог. 4 января 1634 г. атаман пытался предотвратить эту вылазку превентивным ударом по самому Мымаке. Но предприятие потерпело неудачу: русские потеряли всех коней, а сам Галкин был ранен.

9 января якуты числом около 600, в основном конные, пытались захватить Ленский острог, где сидели 50 русских, но были отбиты. Впрочем,

осада продолжилась до марта. Наконец якутские князьки осознали размер потерь и отошли. Галкин за время осады получил еще несколько тяжелых ран, в том числе в живот и в голову. После снятия осады неутомимый атаман, невзирая на свои бесчисленные ранения, двинулся немедленно на немирных князьков. Подчинил бордонского и бетунского, обратился на кангаласцев, но догнать их не смог, конное племя успело уйти за Лену.

Вскоре на борогонского тойона Логуя, перешедшего на сторону русских, напали кангаласские князьки и изрядно погромили, убив его жен и детей и отогнав лошадей и скот. Произошло это неподалеку от Ленского острога, так что Иван Галкин немедленно отправил в погоню за налетчиками своего брата Никифора. Служилые, настигнув кангаласцев, отбили у них скот, но тут подоспели силы других князьков, более полутысячи воинов. Якуты опять подошли к Ленскому острогу, где укрылись казаки, но догадались, что не возьмут его и разошлись по улусам.

Галкин, собрав все силы, человек 30–40, пошел покорять беспокойных кангаласцев. Уже пришли холода, и служилым пришлось штурмовать кангаласские острожки, обнесенные двойными стенами и обсыпанные обледеневшим снегом.

Однако настоящей войны не получилось. Потеряв первый острожек, кангаласские тойоны сдали все остальные, выплатили ясык и «вины свои принесли». После этого якутская знать в основном подчинилась российской администрации Ленского края.

Советские историки, мысля весьма парадоксальным образом, с одной стороны, одобряли вхождение Восточной Сибири в состав России, упоминая о прогрессивности этого процесса для общественного развития края, но в то же время осуждали и сговор раннефеодальной родоплеменной туземной верхушки с «царизмом», и эксплуатацию сибирских народов русской администрацией. Желание укусить «царизм» понятно, да только без этого «сговора» и без этой «эксплуатации» вхождения можно было ждать еще долго.

Либеральные историки и их партнеры из числа этнократических элит тоже раздувают образ «агрессивного царизма» и будут еще больше поддавать ветра. Но, прямо скажем, ни одна зона присваивающей экономики не дожила до наших дней в буколической простоте. Все они были так или иначе открыты. В случае когда их открывал столь любимый либералами западный капитал, последствия для туземцев были часто фатальными.

Приход русских в бассейн Лены не представлял

собой идиллическую картинку, потому что лишь в дамском романе встреча разных народов с разными культурами и языками может быть описана как любовь с первого взгляда. Присоединение якутских улусов к России было достаточно жестким процессом, как и вообще любая смена власти. Но фаза серьезных столкновений оказалась очень кратковременной, ведь русские не ломали жизнь туземцев через колено, не гнали их, не высасывали из них соки, не презирали их. И восточносибирские племена быстро привыкли к российской власти и к русскому населению, между ними начался интенсивный культурный обмен. Якуты, переходя к земледелию и оседлости, перенимали у русских хозяйственные методы, жилища и одежду, быстро росли в числе, расселялись по Восточной Сибири.

От того, что кто-то поразбойничал на большой дороге или подстрелил конкурента в лесу, суть дела не меняется. Напротив, при русской власти постоянная и кровопролитная борьба за охотничьи и прочие угодья (характерная для присваивающей экономики) сходит на нет.

Российское государство нигде и никогда не ставило целью искоренение, прямое или косвенное, каких-то народностей – в отличие от англосаксонского мира, где правительства всегда действовали в

интересах капитала. Там вопрос прибыли определял дальнейшую судьбу туземцев. Если они мешали накоплению капитала в данном регионе, то участь их была плачевна. Если их земля была нужна капиталу, то туземцев ожидало истребление или депортация. Не присоедини Россия Восточную Сибирь, то это сделала бы какая-нибудь западная держава, пусть и значительно позже. Последствия для сибирских племен могли быть такими же печальными, как для американских индейцев.

В целом можно сказать, что присоединение Восточной Сибири к России лишь на 1 % состояло из завоевания. Земля эта была настолько редконаселенной, огромной и суровой, что борьба с внешней средой, преодоление трудностей, создаваемых природой, были многократно более тяжелой задачей, чем умиротворение десятка туземных вождей и нескольких сотен таежных воинов.

Но вернемся к русским первопроходцам 1630-х гг. Бои и стычки не помешали Ивану Галкину обследовать Ленский край – дюжина енисейских казаков была послана им вверх по Вилюю на речку Туну. Там им пришлось побить тунгусского князька Торнуля и поставить зимой 1634–1635 гг. острожек. По десятку казаков было послано на Алдан, к катулинскому князьку Даване, и к устью реки Кампуны

ставить острог. Действовавший самостоятельно сын боярский И. Козьмин в том же 1634 г. поставил зимовье на Лене, близ устья Олекмы, и объясачил местных тунгусов.

В 1635 г. Бекетов срубил острог недалеко от устья Олекмы – Олекминский, откуда стал ясачить олекминских и витимских тунгусов. Якутов в этом районе еще не было.

Летом 1634 г. Галкин перенес Ленский острог, сильно пострадавший от наводнения, на новое место.

В 1639–1640 гг. на Алдане бунтовали якутские и тунгусские охотники, недовольные появлением русских промысловиков в их угодьях. Было вырезано Бутыльское зимовье. В устье Май убили 12 русских, на Вилюе – 7. Однако с бунтовщиками справились быстро – якутские тойоны уже были на стороне новой власти.

А тут еще не поладили в бассейне Лены служилые, посланные из Енисейска, и те, что прибыли из Мангазеи. Чаще конфликт протекал в форме битья «ослопьем и обухами», но порой и с перестрелками. Разногласия носили сугубо материальный характер: кому собирать ясак. Енисейцы в итоге одержали вверх.

Недовольные же мангазейцы стали нацеливаться далее на восток. В 1633 г. мангазейские служилые,

перезимовавшие в Жиганах, подали прошение енисейскому приказному человеку А. Иванову, чтоб идти им «в новое место, морем, на Янгу реку».

Получив разрешение, отряд во главе с Иваном Ребровым и Ильей Перфильевым спустился вниз по Лене и пошел морем до реки Яны. Поставили здесь острог, добыли мягкую рухлядь. Перфильев повез пушнину в Енисейск, а Ребров отправился морем на «Индигирскую речку».

На Индигирке Ребров поставил два острога. Пробыв в Заполярье семь лет, он исследовал землю юкагиров, «ел всякое скверно, и сосновую кору и траву» и в 1641 г. вернулся с собранным ясаком в Якутск.

В 1636 г. енисейский воевода П. Соковнин отрядил десятника Елисея Бузу с исследовательской задачей: «Итить с служилыми людьми на Ламу⁴¹⁶ и которые реки впадут в море... для прииску новых земель».

Путь Бузы оказался довольно извилист. С шестью служилыми и 40 промысловиками он прошел из Олекминского острога к Лене, по ней вышел в океан, морским путем достиг реки Оленек, поднялся по ней до устья Пирииты, где перезимовал, а весной 1637 г. по суше снова прошел на Лену, к устью реки Молоды.

⁴¹⁶ От тунгусско-манчжурского слова «лааму» – море, океан, или эвенкийского «ламу» – море, большая вода.

Построив здесь суда, Буза опять вышел в океан и направился на восток, к устью Яны. И «шли в море в кочах две недели, и на море их разбило».

От места кораблекрушения Буза и его товарищи, 45 отчаянных первопроходцев, таща нарты, перешли через высоты Верхоянского хребта в верховья Яны, где им пришлось биться с местным князьком Тузукой и даже сидеть шесть недель в осаде. Однако покорился и буйный Тузука. Буза, спустившись вниз по Яне, два года собирал ясак с юкагиров и двинулся обратно в 1641 г.

В 1635–1636 гг. служилый Селиван Харитонов по заданию Галкина прошел с Лены через Верхоянский хребет на Яну, где поставил зимовье.

Еще одно зимовье в верховье Яны (превратившееся затем в город Верхоянск) основал енисейский служилый человек Посник Иванов. Проведя зиму 1638–1639 гг. на Яне, Посник перешел на верховья Индигирки – очевидно, там он был первым – и по ней спустился до Юкагирской земли. В зимовье на нижней Индигирке (Зашиверское) Посник с товарищами отбил нападение юкагиров. Осенью в свежестроенных кочах он отправился вверх по Индигирке, взяв с собой юкагирских аманатов, и успел до зимы вернуться в Якутск.⁴¹⁷

⁴¹⁷ Якутия. С. 52.

Дмитрий Михайлов по прозвищу Ерило (еще один замечательный первопроходец), прибыв на смену П. Иванову, пошел с Индигирки на восток морем и достиг устья реки Алазеи.

Вообще, внешне сухая хроника русских исследований Восточной Сибири при небольшом подключении воображения превращается в захватывающий приключенческий роман. Удивительно, что российские литераторы проявляли слабый интерес к этой теме, им приятнее посочинять о каком-нибудь тиране злодеевиче, угнетающем трепетных интеллигентов.

Многое, что нынче известно о наших пионерах, было выкопано из сибирских архивов педантичным (как оно и должно быть) немцем Г. Миллером. Накануне дуэли Пушкин работал над статьей о русских первопроходцах для журнала «Современник». Возможно, что ее черновик пропал вместе с другими пушкинскими рукописями, которые вынес из дома на Мойке Жуковский – кстати, не только сочинитель, но и масон, связанный с графом Г. Строгановым и другими организаторами заговора против великого русского поэта...

Перейдем к Михаилу Васильевичу Стадухину. Первый раз в документах он упоминается в 1633 г. Тогда десятник Стадухин совершает поход на Вилюю

«для прииску неясачных тунгусов». В 1641 г. он просит у якутского воеводы Головина отпустить его на реке Оймякон, относящуюся к бассейну верхней Индигирки. В его маленьком отряде, состоявшем из 14 человек, находился и служилый казак Семен Дежнев.

Семен Иванович был родом из устюжских крестьян, пришел в 1638 г. на Лену в числе енисейских служилых людей П. Бекетова. Женился на туземной женщине Абакай, очевидно якутке. (Собственно, других вариантов на начальном этапе освоения Сибири у русских мужчин не было.) В 1639 г. ходил на Вилюй усмирять тунгусского князька Сахея, годом позже – с Дмитрием Ерило на Яну. На обратном пути в Якутск был ранен двумя стрелами в ногу. Дальнейший поход со Стадухиным добавил Дежневу колотых ран.

Еще по пути на Оймякон отряд Стадухина подвергся нападению воинов племени ламутов числом около 500. Дежнев был снова ранен, в руку и ногу, но хворать не стал («гвозди бы делать из этих людей»). Отбились тогда лишь благодаря помощи ясачных якутов, которые, по словам Семена Ивановича, «за нас стояли и по них (ламутам) из луков стреляли».⁴¹⁸

На самом Оймяконе оказалось практически

⁴¹⁸ Якутия. С. 55.

безлюдно. Тунгусы (кстати, родственники воинственных маньчжуров) выжили отсюда якутов, однако и сами покинули негостеприимные края – как-никак полюс холода. Но здесь Стадухин узнал от тунгусского аманата о больших реках в северо-восточной стороне.

У казачьего десятника был огонь в душе и неиссякаемый запас выносливости. Стадухин набрал отряд из промысловиков, снарядив его в значительной степени из своих средств, и пошел за своей звездой. Достигнув верховья Индигирки, он спустился на коче до ее устья, затем отправился морским путем на восток и «дошел на Колыму реку», на которой поставил зимовье с нагородней. Это был 1643 г. Зимовье вскоре превратилось в Нижне-Колымский острог (в 29 км от современного Нижне-Колымска).

Тщательный Бахрушин указывает, что на Колыме до Стадухина побывал С. Харитонов, безусловно, замечательный первопроходец, который проплыл туда в 1640 г. морем из устья Яны. Но по-настоящему освоился на этой земле именно Михаил Васильевич. Объединившись с прибывшим на Колыму отрядом Дмитрия Ерило, Стадухин покорял алазейских и других юкагиров.

У туземцев Стадухин выведал, что есть большая

река в трех днях пути к востоку от Колымы, именуемая Погыч, – речь шла о Покачи (Пахачи), впадающей в Берингово море. Туземцы рассказали также об огромном острове в Ледовитом океане, под которым, скорее всего, имелась в виду Аляска.

Оставив начальником в Колымском зимовье Дежнева, Стадухин отправился в Якутск рисовать перспективы освоения Дальнего Востока тамошнему воеводе.

А «начальник Колымы» с 13 служилыми выдержал в острожке нападение 500 юкагир. Племя уже ворвалось в острожек, Дежнев был в очередной раз ранен, на этот раз в голову, однако в тесном рукопашном бою удалось сразить вражеского предводителя и выбить налетчиков из острога. Вскоре на Колыму вернулся Дмитрий Ерило вместе с таможенным целовальником П. Новоселовым и наказной памятью от якутского воеводы «новые реки приискивать». Сведения Стадухина произвели впечатление на воеводу Пушкина.

В 1646 г. партия мезенцев во главе с И. Игнатьевым пошла из устья Колымы на восток по узкому проходу во льдах и достигла Чаунской губы, где повела торговлю с чукчами.

В июне 1647 г. Михаил Васильевич снова отправился из Якутска на Колыму, с воеводским

наказом поставить на реке Погыч зимовье, объясачить там туземцев и проведать о «предъявленном острове», то бишь об Америке. Перезимовав на Яне, десятник перешел на Индигирку, там построил коч и морем добрался на Колыму, где пробыл до лета 1649 г.

Но еще летом 1648 г. из Нижне-Колымска отправился в морской поход отряд Семена Дежнева и Федота Попова, холмогорца, приказчика устюжского купца В. Усова, – на шести или семи кочах.

Дежнев играл в этой экспедиции роль представителя государства, организатора, военного командира, ему надлежало и собирать ясак с открытых племен. Командир имел и вполне определенную географическую цель: проведать «новую реку Анадырь». Надо заметить, что из навигационного снаряжения у русских мореходов имелся, скорее всего, только компас, да и против ветра кочи могли идти разве что на веслах.

Выйдя в море в июне, к середине сентября экспедиция достигла «большого носа» (позднее мыс Дежнева). Здесь разбился коч ленского служилого казака Анкидинова, но люди все спаслись. «Против того носа» экспедиция открыла острова Диомида, где познакомилась с эскимосами – они изумили русских втулками из моржевой кости, вставленными в губы.

Дежнев и Попов шли проливом, который впоследствии назовут не их именами, а в честь Витуса Беринга. До Америки было рукой подать – около 40 км. За большим мысом Попов с несколькими людьми высадился на берег, но на них сразу напали чукчи и ранили холмогорца. Русские продолжили путь на юг вдоль побережья моря, которое позднее назовут Беринговым. Далее буря раскидала суда, люди с дежневского коча никогда уже больше не видели других участников экспедиции.

Где те закончили свой путь, остается лишь гадать, – утонули, добрались до берега Камчатки, или Охотского моря, или, может, американского побережья? Туземцы говорили Дежневу о том, что видели русских, уходящих в море на лодках. А настоятель Валаамского монастыря Герман, прибывший на Аляску в 1794 г., нашел там старое поселение русских в районе Кенайского залива.⁴¹⁹

Коч, на котором находился Дежнев и 24 его товарища, был выброшен на берег после 1 октября далеко к югу от устья Анадыря. Отряд пошел «в гору», по рассказу Дежнева, «сами пути себе не знаем... холодны и голодны, наги и босы». Возможно, были у них и нарты, и лыжи, и уж точно терпение, топологическое чутье и та энергия, которая дается

⁴¹⁹ Ефимов. С. 53.

лишь верой и называется «силой духа».

Дежневский отряд находился в пути 10 недель. Учитывая скорость передвижения русских землепроходцев того времени, можно предположить, что он пересек Корякское нагорье, а двигался из района на берегу Берингова моря между мысом Олюторским и бухтой Дежнева, но, вполне вероятно, и с Камчатского побережья.

Отряд вышел к реке Анадырь, неподалеку от ее впадения в море. И тут, после перехода в 500–600 верст, 12 человек ушли на разведку и пропали. Учитывая выносливость и умение дежневских спутников, можно утверждать, что их убили немирные туземцы. Весной 1649 г. оставшиеся 12 первопроходцев отправились вверх по Анадырю и снова подверглись нападению чукчей-анаулов, но на этот раз никто не погиб. Чтобы не испытывать судьбу дальше, дежневский отряд приступил к строительству острожка.⁴²⁰

Не успокоился и Михаил Стадухин. Летом 1649 г. он двинулся на восток на двух кочах, но через несколько недель бесплодного плавания вернулся назад. А сухопутным путем на Анадырь добрался с Колымы Семен Мотора. В апреле 1650 г. он встретился с отрядом Дежнева. Однако тяга странствий не

⁴²⁰ Якутия. С. 62.

отпускала и Стадухина. Пройдя часть пути морем и часть посуху, он все же дошел до Анадыри. Однако «вел свои дела особо», по какой-то причине сторонясь Дежнева и Моторы, поставил отдельный острог.

Возможно, причиной разногласий были лежбища моржей и залежи «заморной» моржевой кости на отмелях неподалеку от устья Анадыря.

Мотора был убит анаулами, а Дежнев в 1654 г. построил коч, на котором двинулся на юг, вдоль побережья, населенного коряками. В статье Г. Спасского, опубликованной в «Сибирском вестнике» в 1821 г., утверждается, что Дежнев узнал от коряков о судьбе Федота Попова – холмогорец дошел до Пенжинской губы.⁴²¹

С 1648 по 1651 г. якутским воеводой был Дмитрий Францбеков из ливонского рода потомственных авантюристов Фаренсбах (Юрген Фаренсбах, он же Юрий Францбек, поступил на службу к царю Ивану, сыграл важную роль в сражении при Молодях, но затем перешел к Стефану Баторию). Воевода Францбеков финансировал поход Хабарова и ссужал деньгами Ю. Селиверстова, побывавшего в анадырском остроге у Дежнева.

Шведский дипломатический комиссар де Родес,

⁴²¹ Ефимов. С. 65.

бывший в России с 1650 по 1655 г., сообщал в донесениях королеве Христине, что якутский воевода собирает войско для похода в Америку, «чтобы продолжить полное овладение богатой страной». Это сообщение свидетельствует по крайней мере о том, что открытия, совершенные русскими первопроходцами, было достаточно хорошо известны и уже тогда выдвигались предположения о возможности достижения Америки северо-восточным путем. Побывал ли кто-то из людей, посланных Францбековым, на Аляске, пока остается загадкой.⁴²²

Стадухин построил в устье Анадыри шитики, в 1656 г. обогнул Камчатку и прошел Охотским морем до устья реки Пенжины. Составил этому пути чертеж. С Пенжины он ходил в Гижигинскую губу и далее, морем, к устьям рек Тауй и Охота. На берегу Охотского моря, в Тауйской губе, Стадухин построил Тауйский острог – неподалеку от того места, где позднее появится Магадан. В списке «Чертежа сибирской земли» от 1672 г. упоминается о реке Камчатке – скорее всего, это было результатом плавания Стадухина вокруг Камчатского полуострова.⁴²³

На Охотском море якутские служилые люди,

⁴²² Ефимов. С. 70.

⁴²³ Там же. С. 64; Якутия. С. 62.

прошедшие туда вслед за Стадухиным через Чукотку, столкнулись с другой плеядой русских первопроходцев.

В 1630-х гг. Ленский край стали посещать не только мангазейские и енисейские служилые и промысловики. После визита атамана Копылова и служилого Ф. Федулова к томскому воеводе И. Ромодановскому с предложениями об организации экспедиции в Ленский край согласие начальства последовало незамедлительно. Дмитрий Копылов с полусотней томских казаков, быстро получив снаряжение и жалованье, отправился на восток в начале 1636 г.

Копыловский отряд пришел на реку Алдан, а после еще семи недель пути заложил в 100 верстах от устья Май, в Бутальской земле, небольшой острог. Томские казаки, обосновавшись в остроге, первым делом поучаствовали в межплеменных столкновениях мегинских и сыланских якутов на стороне первых. Сыланские обратились за подмогой к енисейскому казаку П. Ходыреву, тот, собрав служилых и промысловиков, взял томичей в плен – по счастью, обошлось без смертельных исходов.

В 1638 г. из Москвы прислали письмо с «осудом» томским воеводам. Правительство решило навести порядок в беспокойном Ленском крае и создать новое

воеводство с центром в Ленском острожке, который стал Якутским городком.

Назначение на воеводские места получили стольник А. Головин, М. Глебов и дьяк Е. Филатов (в Московском государстве коллегиальное управление было правилом во времена царя Ивана, но и потом встречалось нередко). Якутским воеводам было придано двое письменных голов, 395 стрельцов и казаков из сибирских городов. Добрались они до Якутского городка лишь летом 1641 г., тогда и был положен конец административной неразберихе и столкновениям служилых в Ленском крае. Головин перенес Якутский городок на новое место, вверх по Лене, на Еюков луг, где поставил в 1642–1643 гг. острог с пятью башнями.

Но у появления томского отряда на Лене помимо отсебятины Ромодановского, очевидно, была и некая высшая причина.

Копылов, собрав сведения у тунгусов, отправил «на Большое море – Окиян, по тунгусскому языку Ламу» партию под началом Ивана Москвитина. Москвитинский отряд прошел с Алдана на Маю и Юдому, волоком перебрался на Улью. В 1639 г. Москвитин дошел до впадения Ульи в Охотское море, где поставил зимовье и пробыл два года.⁴²⁴

⁴²⁴ Ефимов. С. 55.

Он стал первым русским человеком, вышедшим на Тихий океан. Увы, мы не найдем памятника Москвитину, исчезли из школьных учебников даже скромные упоминания об этом отважном первопроходце. Как, впрочем, и о большинстве других русских первооткрывателей. У нас ведь много новых героев-первоприватизаторов: Чубайс, Ходорковский и К°. Старательно не замечают историю русских географических открытий и наши западные «друзья», которые, пользуясь своим информационным господством, внушают остальному человечеству, что все на свете было открыто именно ими...

В 1639 г. на восточносибирской р. Уде русские поставили Удский острог. Здесь они узнали от тунгусов о существовании по южную сторону гор – хребтов Джгады и Бурейского – больших рек. Это были Джи (Зея), Шунгал (Сунгари) и Амгунь, впадающая в Шилькар (Амур). Тунгусы сообщили русским о том, что на Джи и Шилькаре можно заниматься хлебопашеством и там много пушного зверя.

В июне 1643 г. по распоряжению якутского воеводы Головина туда была снаряжена группа из 132 казаков и промысловиков во главе с письменным головой Василием Даниловичем Поярковым. Этот служилый

казак происходил из дворян Кашинского уезда.

Отряд Пояркова двигался по Лене, Алдану, Учтуру, Гоному. С наступлением холодов встал на лыжи и, таща на нартах припасы, преодолел Становой хребет, после чего вышел к реке Брянда. Следуя по ней и Зее, пояровский отряд добрался до устья Умлекана, где одолел в стычке дауров (маньчжуров) и взял в плен местного князька. Хотя часть отряда погибла в бою и от голода, на Зее был поставлен острог.

Весной 1644 г. пояровскому отряду были доставлены припасы с Гонома. Василий Данилович со своими людьми построил лодки, отправившись вниз по Зее, достиг Амура и прошел по нему вплоть до устья. Поярков, собственно, и дал реке название Амур, что на гиляцком означает «большая вода». Маньчжуры называли ее Шилькаром лишь до впадения Шунгала (Сунгари).

В устье Амура Поярков, взяв ясак с гиляков, основал острог. Перезимовав там, весной 1645 г. вышел в Сахалинский залив и проплыл вдоль западного берега острова Сахалин. Дальше, идя по Охотскому морю к северу, Поярков добрался до устья реки Улья, где в августе обнаружил зимовье, оставленное Москвитиным.⁴²⁵

Поярков перезимовал на москвитинской стоянке

⁴²⁵ Белов. Русская история. С. 449.

и, оставив там поселенцев, перешел через хребет Джугджур. С верховья реки Май Василий Данилович со своим отрядом добрался до Якутска всего за 16 дней.

Таким образом, отважный исследователь с горстью людей прошел за три года 7700 км – пешком, на лыжах, впрягаясь в нарты с припасами или на веслах. Рекорд, достойный записи не в книгу пивного короля Гиннеса, а в национальную память. Путь Пояркова пролегал по крайне суровым краям, где приходилось бороться как с природой, так и с воинственными маньчжурами, только что завоевавшими огромный Китай.

Лично меня поражает не только сила воли русских первопроходцев, но еще больше их географическое чутье. Кажется невероятной их способность к ориентации на бескрайнем просторе, на сложной местности, о которой не имелось картографической, а часто вообще никакой информации. С их чувством пространства могла соревноваться только их же выносливость.

В хит-параде великих путешественников Поярков должен занимать одно из первых мест, рядом с Колумбом и Васко да Гамой. О нем и других замечательных русских первопроходцах XVII в. надо писать романы и снимать истерны. Но мы, как

известно, «ленивы и нелюбопытны», а Западу нет никаких резонов прославлять путешественников, которые создавали великую Россию.

С. Соловьев, отличавшийся всеядностью в отношении исторических сведений, приводит рассказы, что Поярков со своими людьми поедал с голодухи убитых врагов – скорее всего, эти «факты» происходят из приказной среды, где любили посплетничать. Но в чем можно не сомневаться – Поярков был человеком несгибаемым, как и Колумб. Именно такие открывают новые миры.

Для своего похода на Амур Хабаров выбрал другой маршрут. Ерофей Павлович был родом из сольвычегодских или устюжских крестьян, в конце 1620-х гг. промышлял на Мангазее и там нажил богатство. Снарядив отряд, в основном на свои деньги, хотя и при участии казенных средств, выделенных воеводой Францбековым, Хабаров вышел с 70 людьми из Якутска. Случилось это 6 марта 1649 г. Отряд Хабарова дошел до устья реки Тунгир и провел там часть зимы. В январе следующего года он отправился вверх по Тунгиру, перевалил хребет Олекминский становик и достиг Амура. Хабаровцы прошли по его льду несколько десятков верст, а затем в начале марта вернулись в Якутск.

Здесь Францбекову было доложено о ресурсах

нового края, что здесь можно не только бить пушного зверя, но и выращивать хлеб, а в амурских водах полно рыбы. В июле того же 1650 г. Хабаров, набрав людей, снова двинулся на Амур и основал, при впадении в него реки Албазин, одноименный город. Потом взял приступом три даурских городка.

Хабаров, соединявший в одном лице Ермака и Строгановых, бодро принялся за освоение края. Обследовав его зимой 1650–1651 гг., убедился даже в наличии здесь полезных ископаемых. В июне Хабаров двинулся вниз по течению Амура, имея инструкции от воеводы собирать только такой ясак, который не в тягость местному населению.

Однако отряд Хабарова оказался в тягость некоторым приамурским маньчжурским князькам, управлявшим местным тунгусским населением. Но когда один из них, Гойгодой, был разбит в бою, другие бросились принимать русское подданство.

В конце сентября Хабаров, выбрав место для зимовки своего отряда на левом берегу Амура, возвел Ачанский городок и послал казаков ловить рыбу к амурскому устью.

В октябре он отразил нападение маньчжуров, а затем занялся изучением правого берега Амура.

Гордым маньчжурам, завоевателям Поднебесной, это крупно не понравилось, и они решили выбить

русских из Приамурья.

В конце марта 1652 г. маньчжурское воинство в количестве 2 тыс. человек, вооруженное пушками, пищальями и даже оригинальными гранатами (то были глиняные горшки, набитые порохом), атаковало Ачанск, но было разбито 70 казаками. Хабаров заранее ночью вышел из городка, ударил по маньчжурам с тыла, погнал их, но был ранен.

Едва поправившись, в конце апреля Хабаров двинулся вначале вверх по Амуру, где встретил подкрепление из Якутска, затем, на дошанниках, вниз по реке.

Часть казаков взбунтовалась, и от Хабарова ушло на Зею 100 человек, треть отряда. (Вообще, среди русских первопроходцев в Сибири ссор было не меньше, чем у кастильских идальго в Новой Испании. Видно, и наши обладали вспыльчивым характером и гордым нравом.) У впадения Сунгари в Амур хабаровский отряд подкарауливало 6 тыс. вооруженных до зубов маньчжуров. Однако Хабаров невозмутимо проплыл мимо.

Посланный из Москвы дворянин Д. Зиновьев прибыл к устью Зеи в августе 1653 г., он привез припасы и 150 человек пополнения. Хабаров отправился с ним в столицу, доложить обо всем чин чином. В первопрестольной знатный первопроходец

был принят с большой благосклонностью царем Алексеем Михайловичем, пожалован в дети боярские; все возникшие с Зиновьевым разногласия были решены в пользу Хабарова.

Москва учредила Нерчинское воеводство, которое должно было распоряжаться и Амурским краем. В составлении наказной грамоты для нерчинского воеводы Пашкова (весьма нелицеприятно описанного ссыльным протопопом Аввакумом) Хабаров принимал деятельное участие.

Преемник Хабарова казак Онуфрий Степанов в 1654 г. ходил вверх по Сунгари, где разбил маньчжуров. Годом позже отбил нападение 10-тысячного войска маньчжуров, вооруженного пушками, от Кумарского острога. Увы, Степанов был человеком куда более простого мышления, чем Хабаров, и вряд ли мог закрепить сделанное предшественником. Он решил добывать «казацкий хлеб» у маньчжуров, не особо задумываясь о последствиях, а противник имел в достатке все виды огнестрельного оружия, в том числе получаемые от голландцев.

В 1656 г. Степанов поплыл вниз по Амуру, вошел в Сунгари, где взял маньчжурский город Нингута (современный Нинань, Китай), а против устья Амгуни поставил Косогорский острог. Двамя годами позже

Степанов, нарушив запрет воеводы Пашкова, снова пошел в Маньчжурию и сгинул на Сунгари вместе со всем своим отрядом в 270 казаков.

С 1650 по 1689 г. все течение реки Амур находилось во владении России. Племена, жившие по ее левому берегу, платили ясак в российскую казну. От городка Албазин проложена была сухопутная дорога до Удского острога.

На карте, напечатанной во времена Алексея Михайловича, берег Охотского моря с устьем Амура показан российским. Граница с цинской империей проходила по Амуру до впадения в него Сунгари, а далее уклонялась к юго-востоку, захватывая часть нынешней китайской территории и Приморского края.

В 1684 г. было создано Албазинское воеводство, ведавшее только Амурским краем, однако внешнеполитическая ситуация к этому времени серьезно ухудшилась.

Маньчжуры завершили покорение Китая — последним в 1683 г. был завоеван Тайвань, при деятельной помощи голландского флота.⁴²⁶

Огромная империя, которой правила маньчжурская династия Цин, всерьез занялась русскими в Приамурье. В 1685 г. маньчжуры числом 15 тыс. с 200 орудиями бомбардировали и взяли Албазин, где

⁴²⁶ Всемирная история. М.-Минск, 2000. Т. 14. С. 337.

находилось только 450 человек русского гарнизона при большом недостатке пороха.

Годом позже русские во главе с полковником фон Бейтоном и воеводой Толбузиным отбили и восстановили Албазин. В 1687–1688 гг. маньчжуро-китайское войско осаждало Албазин, но ушло несолоно хлебавши, потеряв половину личного состава.

После ряда столкновений немногочисленных русских сил с маньчжуро-китайскими войсками в 1689 г. в Нерчинске был заключен русско-цинский договор.

Цинские дипломаты прибыли в Нерчинск не с пустыми руками, а с грозным войском в 10 тыс. косичек (маньчжуры носили такую прическу), грозя, в случае неудовольствия, немедленно совершить нападение и возмутить нерчинских бурят-буддистов. В качестве переводчиков и, скорее всего, советников по русским делам у маньчжуро-китайцев было два иезуита, Жербильон и Перейра. Можно представить, что могли насоветовать иезуитские русисты. Окольничий Федор Головин, возглавлявший русскую делегацию, хоть и заявлял протесты, все же поддавался на маньчжуро-китайские угрозы. В Забайкалье было неспокойно из-за монгольских набегов, а у нерчинского воеводы имелось под

началом лишь 500 казаков.

Сперва цинские дипломаты требовали провести границу от реки Горбицы до истоков реки Уда и далее на север, к Чукотскому Носу по вершинам горных цепей, огибающих Охотское море, забирая себе, таким образом, все Тихоокеанское побережье. Эти требования Головин не принял, поэтому цинские представители, сообразив, что они ничего толком не знают ни о северных горах, ни о Чукотском Носе, умили свои притязания.

В итоге граница между Россией и империей Цин была проведена от верховья Горбицы, по Шилке, Аргуни, вдоль вершин Станового хребта до верховья Уды. А далее, вплоть до моря, осталась неопределенной.⁴²⁷

Следствием договора было то, что русское население с Амура ушло. Те, кто попал в плен к маньчжурам, дали начало русской колонии в Пекине, которая просуществовала около 150 лет – до полного растворения в местном населении. Албазин был скрыт маньчжурами, а Амурский край потерян на добрые 170 лет. Русские, лишившиеся пути по Амуру, долгое время на Тихоокеанском побережье южнее Гиляцкого мыса не селились.

Г. Невельской писал: «Стоит только внимательно

⁴²⁷ Щеглов. С. 636.

взглянуть в карту Сибири, чтобы оценить всю важность этой потери». Знаменитый исследователь Дальнего Востока считал Амурский край наиболее удобным для жизни оседлого человека во всей Сибири. Южнее лежали цепи гор и песчаные моря, на севере и северо-востоке – горы, болота, тундры, реки, текущие в «Ледовитый, почти недоступный, океан и чрез те же, недоступные для жизни человека, пространства».

По мнению Невельского, можно было и в XVII в. укрепиться в Амурском крае, если бы «учредили бы порядок и дисциплину между вольницей русских на Амуре».⁴²⁸

Путь на Амур из центральной России был труден и занимал годы (достаточно прочесть описание протопопы Аввакума). Перевозить по нему хлеб можно было в очень ограниченных количествах – для снабжения лишь нескольких тысяч человек. Однако сам Амур являлся естественной магистралью, протянувшейся в широтном направлении, а его воды и берега могли стать источником продовольствия для переселенцев, идущих с запада.

Китай, завладевший Амурским краем, не использовал его для своего развития. Амур не

⁴²⁸ *Невельской Г.* Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России 1849–1855 гг. СПб., 1878. С. 18.

стал дополнением к Хуанхэ и Янцзы, китайской Сибири не возникло. В общем, получилось ни себе, ни другим. При всей населенности выделять человеческие контингенты для освоения Амурского края Поднебесная не собиралась – китайские бытовые и хозяйственные технологии не подходили для него; вложения труда сулили лучшую отдачу в более южных регионах. Вплоть до нового присоединения к России Амурский край оставался диким и почти ненаселенным. Даже маньчжуры уходили отсюда на более плодородный юг.

Русская Восточная Сибирь, потеряв удобное сообщение с морем и потенциальную житницу, утратила и возможности для быстрого заселения.

Тем не менее русские и через Алтай, и с верховий Лены шли в Прибайкалье и Забайкалье.

Одной из притягательных причин освоения Байкальского края послужили слухи о местных рудных месторождениях, в том числе серебряных. Первые землепроходцы были отправлены сюда из Енисейска, который уже отличился при исследовании бассейна Лены.

Атаман Василий Колесников по северо-восточному берегу Байкала дошел до Верхней Ангары, района обитания тунгусов. Здесь в 1646 г. был поставлен Верхнеангарский острог; руду, правда, обнаружить не

удалось.

В 1648 г. отряд служилых под началом нашего старого знакомого Ивана Галкина, придя с ленского притока, носящего ласковое имя Мама, поставил острог в Забайкалье на реке Баргузин. Отсюда были исследованы верхние притоки Витима, бассейны Селенги и Шилки. В 1652–1653 гг. в Забайкалье появилось еще несколько острогов. Один на озере Баунт, дающем начало притоку Витима реке Ципе, – там водился соболь. Другой, Верхнеудинский, на реке Уде, притоке Селенги, текущей по голой степи. Третий – на озере Иргенском, из которого вытекает еще один приток Селенги. А в 1658 г. поставлен Нерчинский острог – при впадении Нерчи в Шилку, вскоре тут будет найдено серебро.

В Прибайкалье поставлен был Удинский острог на другой Уде, притоке Чуни, впадающей в Ангару, – для защиты бурят, принявших русское подданство, от монголов.

На Ангаре в 1654 г. в районе, удобном для земледелия, был срублен Балаганский острог – сюда вскоре пожаловало 60 русских крестьянских семей. Для местных кузниц использовалась найденная здесь железная руда. При впадении Иркуты в Ангару встал Иркутск, будущий центр Восточной Сибири.⁴²⁹

⁴²⁹ Любавский. Историческая география. С. 236.

На рубеже XVII–XVIII вв. русские служилые люди, как бы в порядке компенсации за утрату Приамурья, осваивают другой дальневосточный край – Камчатку. Она была известна русским со времени походов Дежнева и Стадухина, но для ее покорения должна была загореться звезда еще одного замечательного русского первопроходца.

Владимир Васильевич Атласов считался великим «озорником» (в частности, его подвергли наказанию за то, что он нанес побои якутам: Россия – это вам не Британия какая-нибудь, где можно раздавать зуботычины туземцам не таясь). Задора Атласову было не занимать. Выйдя из Якутска, он с товарищами-казаками переправился через Лену и Алдан, прошел по правому берегу Тукуканаи и, перейдя горный хребет, двинулся по льду Яны. После отдыха на Верхоянском зимовье Атласов дошел до устья реки Тостак. Следующая остановка состоялась в Индигирском острожке, где Атласов и его спутники пересели на олени упряжки, на которых с ветерком добрались до устья Колымы. Оттуда Атласов направился в Анадырский острог.

В зимнее время года казачий отряд преодолел маршрут длиной примерно 1500 км. Из Анадыря Атласов с 120 людьми (половина из них представляла племя юкагиров) пошел на Камчатку. И, преодолев

Корякский хребет, двинулся к ее восточному берегу.

Оставив соратника Луку Морозко (опять говорящая фамилия) исследовать восточный берег полуострова, Атласов перешел на западный, пенжинский, берег с отрядом в 60 человек. Здесь подвергся нападению немирных юкагиров и коряков, долго сидел в осаде, пока дружественный юкагир не привел на помощь людей Морозко.

Теперь уже нападавшим не поздоровилось. Атласов, наказав пленных батогами, не пулей, направился на реку Камчатку. Там нашел радушный прием камчадалов, которые дали ему в помощь своих воинов, одетых в панцири и вооруженных топорами. И панцири, и оружие были мастерски сделаны из костей оленей и китообразных. С дружественными камчадалами Атласов покорил недружественных камчадалов и летом 1697 г. поставил Верхнекамчатский острог. С установлением креста 27 июля на реке Канучь край был присоединен к России.

Весной 1699 г. Атласов вернулся в Анадырь, оставив на Камчатке три зимовья: на реках Еловке, Верхней Камчатке и Иче.

Через Якутск Атласов с пушным ясаком отправился в Москву, где в 1701 г. встретился с главой Сибирского приказа Андреем Виниусом, занятым

реформами в управлении Сибирью. Среди оных были и рационализация налоговых сборов, и создание первого сереброплавильного завода в Нерчинске, и составление сибирских карт. Отчитавшись по полной, Атласов вернулся на Камчатку, где поселился вместе с семьей. Но казачий круг сместил Владимира Васильевича с должности начальника, а потом Атласов был убит казаками прямо в своем доме в Нижнекамчатском остроге. Увы, поведение первопроходцев на Дальнем Востоке порой сильно отклонялось от христианских норм.

Присоединение Дальнего Востока к империи

Присоединение Камчатки к России было произведено весьма малыми, можно сказать, ничтожными силами именно в то время, когда царь Петр усилиями всего государства пробивал «окно» на Балтике. На Камчатке еще некоторое время было беспокойно. В 1714 г. юкагиры и коряки бунтовали на северо-востоке полуострова, будучи недовольны произволом некоторых служилых. Как я уже отмечал, покорение Сибири не проходило абсолютно мирно. На фронтире не может быть все спокойно, как в Багдаде. Но многое познается в сравнении. Русские

нигде не ставили целью истребление и изгнание «инородцев» – что происходило при англосаксонской колонизации сплошь и рядом. Юкагиры, коряки и камчадалы – все сохранили свои малые родины.

Между 1710 и 1720 г. русские поселенцы обживают на Камчатке и постепенно занимают Курильские острова, где невозможно было встретить японца даже при большом желании. Первый «чертеж» (карту) этих островов, которые, возможно, посещал еще Стадухин, составил казак И. Козыревский. Начинается постоянное плавание между Камчаткой и Охотском. В 1712 г. русские высаживаются на Шантарские острова в Охотском море.

В 1719–1721 гг. геодезисты И. Евреинов и Ф. Лужин исполняют императорское поручение по нанесению на карту побережья Камчатки и Курил.

Первая Камчатская экспедиция Беринга в 1727–1729 гг. снова проходит проливом между Азией и Америкой, изучает камчатское побережье. В ходе второй Камчатской экспедиции в 1739–1741 гг. основан Петропавловск, проведено картографирование всей Курильской гряды (отряд М. Шпанберга) и островов, расположенных между Камчаткой и Аляской.

Вышедший из Охотска лейтенант Шельтинг в 1742 г.

описывает северный и восточные берега острова Сахалин, до которого век назад доходил Поярков.

В 1803 г. Камчатка выделена правительством в особую область, центром управления которой в 1849 г. стал Петропавловский порт. К ней отнесены все владения России по азиатскому берегу Тихого океана, за исключением Охотского округа, присоединенного к Якутской области.

Хлеб не родился ни на Камчатке, ни на побережье Охотского моря. Путь из Якутска в Охотск был проходимым лишь часть года, да и грузоперевозки осуществлялись только вьюками на коренастых якутских лошадках – много не навезешь. Интерес русских к более теплому и плодородному Амурскому краю исчезнуть не мог. Сюда забредали промышленники, торговцы и рыбаки с берегов Шилки и Аргуни, а также промысловики, перевалившие Становой хребет со стороны Якутской области и спустившееся затем по Зее, Бурее или Амгуни. Однако здесь они нередко становились жертвой маньчжуров.⁴³⁰

С 1767 г. китайцы лишили русских купцов права свободной торговли, означенного в Нерчинском договоре, и весь торговый обмен, после принятия посольства Кропотова в Пекине, стал осуществляться

⁴³⁰ Любавский. Историческая география.

только через центральноазиатский пункт Кяхта. Цинское правительство препятствовало любым нашим попыткам исследовать устье Амура, угрожая немедленно прикрыть кяхтинскую торговлю.

Тем временем начали «закидывать удочки» на Дальнем Востоке западные морские державы. В 1783 г. экспедиция Лаперуза частично прошла по Татарскому проливу, отделяющему Сахалин от материка, с юга на север и открыла бухту, удобную для якорной стоянки – та получила название залив Де-Кастри. Французский капитан собрал у туземцев сведения об устье Амура и дал описание южной части Сахалина. В 1793 г. английский капитан Браутон попытался пройти Татарским проливом к устью Амура, но, как и Лаперуз, пришел к выводу, что Сахалин – это полуостров. Российские картографы, будучи уверены в суждениях авторитетных мореплавателей о невозможности доступа с моря в реку Амур и доверяя слухам о несметной маньчжурской силе, охраняющей его устье, стали рисовать границу с Китаем так же, как и иностранцы. То есть от верховьев реки Уды на северо-восток к Тихому океану, где она вовсе не была определена по Нерчинскому договору.

После первой опиумной войны резко выросла активность западных промысловиков у русских

тихоокеанских берегов. Американские китобойные армады, насчитывавшие до 200 судов и выходившие с атлантического побережья США, Нью-Бедфорта, Род-Айленда, Бостона, каждое лето систематически истребляли китов в Охотском море. (В течение 14 лет янки добыли здесь китового жира и уса на огромную по тем временам сумму в 130 млн долл.⁴³¹) С американским размахом был начат беспощадный забой котиков на Командорских островах. Животный мир Дальнего Востока готовился разделить участь американского бизона и странствующего голубя.

Как писал Невельской в своих воспоминаниях, моряки с английских и американских судов грабили российские прибрежные селения, однажды анекдотическим образом разобрали на дрова целую батарею в Петропавловске и, что уж совсем печально, били без зазрения совести детенышей китов в наших бухтах.⁴³²

Очевидно, при отсутствии реакции со стороны Петербурга тихоокеанские владения России могли по примеру китов вскоре попасть на гарпун англосаксам.

В начале 1840-х гг. император Николай I определенно выработал план действий в отношении Дальнего Востока. Однако намечавшаяся на 1844 г.

⁴³¹ Там же. С. 547.

⁴³² Невельской. С. 41.

экспедиция с Черного моря в устье Амура в составе корвета и транспорта была отменена из-за отрицательного мнения Министерства финансов. (История, типичная для экономного царствования Николая Павловича.) Корабли были заменены путешественником Миддендорфом. Этот академик перешел через Становой хребет в бассейн Амура, проплыл на байдарке по южным бухтам Охотского моря до устья Тугура. Затем на оленьей упряжке добрался по Приамурью до места слияния Аргуни и Шилки. Благодаря исследованиям храброго и физического крепкого ученого было выяснено, что область к северу от Амура пустынна и не заселена, что здесь нет китайских пограничных знаков.⁴³³

Экспедиция подполковника Ахте прошла по Становому хребту и определила реки, впадающие в Амур. Находившиеся при экспедиции горные инженеры открыли несколько рудных залежей и золотых россыпей.

Выдающуюся роль в присоединении Амурского края к России сыграл Геннадий Невельской. Он происходил из семьи потомственных моряков, окончил Морской кадетский корпус в 1832 г. и был прекрасно знаком с историей Дальнего Востока: «Китайцы, довольные тем, что горы и безлюдные

⁴³³ Щеглов. С. 634.

пустыни отделили с севера приамурскую Даурию от Якутской области, из которой для покорения первой явились русские, ограничились лишь построением, в верхнем Амуре, айгунской крепости. Эта крепость служила оплотом Даурии со стороны Забайкалья, остальную же затем часть края они оставили без всякого внимания... в том самом положении, в каком нашел его Поярков в 1644, то есть свободным».⁴³⁴

Мечта рождает возможность. Капитан-лейтенант Невельской стал командиром военного транспорта «Байкал», направлявшегося в начале 1848 г. со снабженческим грузом из Петербурга на Дальний Восток. Важное содействие оказал граф Н. Муравьев, который именно в это время стал генерал-губернатором Восточной Сибири. Благодаря ему Невельскому удалось получить негласное разрешение начальника главного морского штаба А. Меншикова на обследование Амурского лимана и устья Амура.

«Байкал», доставив груз в Петропавловск, взял курс на Сахалин.

В конце июля было установлено, что Сахалин – не полуостров, а отделяется от материка узким проливом шириной в 4 мили, что устье Амура судоходно и имеет два входа: из Охотского моря и

⁴³⁴ Невельской. С. 19.

Татарского пролива.

Также было установлено, что в устье Амура нет китайских военных постов и что местные племена гияков не подчиняются цинскому правительству.

Занявшись описанием охотского берега от устья Амура до Тугурской губы, Невельской обнаружил обширный, закрытый от ветров рейд, получивший название залив Святого Николая.

Тем временем в Охотск поступила утвержденная императором инструкция об исследовании устья реки Амур. Фактически это стало началом повторного присоединения Амурского края к России. Огромной удачей для страны было то, что интерес Николая I к Дальнему Востоку получил воплощение в действиях Невельского. Не произошли этого, во время Крымской войны западная коалиция создала бы в устье Амура свою базу и получила бы возможность глубокого доступа в сибирские владения России. Мнением цинского Китая вряд ли бы кто-нибудь поинтересовался.

В январе 1850 г. Невельской прибыл в Петербург, где подвергся атаке со стороны особого комитета, созданного Нессельроде специально для рассмотрения его «проступков». Министр иностранных дел, в общем, последовательно проводил линию о вредности территориального

расширения России и о пагубности жесткого противодействия интересам западных держав.

Невельской сообщил атакующим «голубям» следующее: «Не только китайской силы, но и малейшего китайского правительственного влияния там (на Амуре) не существует... весь этот край, при настоящих открытиях, то есть возможности проникнуть в оный с юга, из Татарского залива, может сделаться добычей всякого смелого пришельца, если мы, согласно представлению генерал-губернатора, не примем ныне же решительных мер».⁴³⁵

Невельской получил твердую поддержку со стороны генерал-губернатора Н. Муравьева и министра внутренних дел Л. Перовского, которые заявили о необходимости немедленного занятия устья Амура.

Однако, в отличие от «передовых наций», император не хотел нанести обиды Китаю и склонялся к большой деликатности в отношениях с цинским правительством.

В высочайшем повелении на имя генерал-губернатора Муравьева от 3 февраля 1850 г. предписывалось основать новый русский пункт в заливе Счастья (в 30 верстах севернее устья Амура), но не в Амурском лимане и не на реке Амур.

⁴³⁵ Невельской. С. 106.

Исполнить это было поручено Невельскому, которого произвели в капитаны I ранга. 3 февраля 1850 г. он покинул Петербург, а уже в начале июня стоял на берегу Аянской бухты. (Похоже, что он даже не скачет, а летит на восток.)

Основав в заливе Счастья селение Петровское Зимовье, Невельской направился на Амур. На шлюпке он поднялся на 100 верст вверх по его течению, до мыса Тыр, лежавшего напротив устья реки Амгунь. Здесь, по указаниям гиляков, были найдены камни, на которых имелись русские надписи, оставленные, по-видимому, экспедицией Пояркова.

Невельским не было встречено ни одного китайского населенного пункта, ни одного китайского военного или государственного служащего. Повстречалась только группа ушлых маньчжуров, которая выменивала у гиляков собольи меха на водку-араки.

Собрав информацию, Невельской окончательно убедился в том, что на Амуре, вплоть до моря, китайские власти никак не присутствуют. Что племена, обитающие как на Амуре, так и на Уссури, податей китайскому правительству не платят. Однако в Татарский пролив приходят с юга большие суда, моряки с них отбирают у туземцев рыбу и другие

припасы.⁴³⁶ Скорее всего, это были незамысловатые западные китобои, но за ними могли прийти и западные военные моряки.

Невельской объявил через двух переводчиков толпе местных жителей, «что хотя русские давно здесь не бывали, но всегда считали реку Амур от Каменных гор (Хингана), а равно и всю страну с моря, с островом Карафту (Сахалином), своей принадлежностью. Что же касается прихода в эту страну иностранных судов и причиняемых ими насилий жителям, то они (русские) решились принять против этого меры и поставить вооруженные посты в заливе Искай (Счастья) и при устье реки Амур, для защиты всех обитающих в упомянутом крае жителей, которых русский Великий Царь (Пилапали Джангин) принимает отныне под Свое высокое покровительство и защиту».

В августе 1850 г. на мысе Куегда, в устье Амура, Невельской в присутствии гиляков поднял флаг.

При флаге был создан военный пост, именованный Николаевским, на котором было оставлено шесть матросов и топограф. Последний тотчас приступил к береговой съемке Амура.

Так, собственно, и состоялось присоединение Амурского края и Сахалина к России.

⁴³⁶ Невельской. С. 110.

Обо всех произведенных действиях Невельским было направлено донесение генерал-губернатору Муравьеву.

В середине декабря 1850 г. Невельской был снова в Петербурге, и его действия рассматривал Амурский комитет, в котором преобладала западническая «партия мира». Он снова принял решение против присоединения Амурского края к России ввиду угрозы русско-китайской торговле в Кяхте и постановил снять пост Николаевский.

Оставалось последнее. Муравьев испросил аудиенцию у императора, на которой изложил обстоятельства и причины действий Невельского.

На уже принятом комитетом решении Николай поставил свою резолюцию: «Поступок Невельского молодецкий, благородный и патриотический, и где раз поднят русский флаг, он уже опускаться не должен». В этих словах предстает уже не европейский монарх, запутавшийся в добровольно принятых обязательствах перед «культурными нациями», а русский самодержец.

Особый комитет в присутствии наследника вновь рассмотрел Амурское дело и определил: «Николаевский пост оставить в виде лавки российско-американской компании». Однако «никаких дальнейших распространений в этой стране не

предпринимать и отнюдь никаких мест не занимать».

«Российско-американская компания» должна была снабжать Амурскую экспедицию, а возглавлять ее назначен был Невельской.

Решение комитета носило половинчатый характер, несмотря на прямую поддержку императором действий Невельского.

В начале июня 1851 г. Невельской снова в Охотске. Барк «Шелехов», на котором он плывет вместе с женой в Петровское, едва не тонет. Поскольку близ устья Амура появляются иностранные суда, Невельской укрепляет пост Николаевский отрядом лейтенанта Н. Бошняка. Два офицера на шестивесельной шлюпке направляются вверх по притоку Амура р. Амгунь. Здесь также не найдено никаких признаков зависимости местных жителей от цинской империи, однако выяснилось, что их нагло обирают маньчжурские торговцы.

В 1852 г. продолжилось активное изучение края. Отряды исследователей определяли течение притоков Амура и искали китайские пограничные знаки. Летом Бошняк исследовал район между истоками Амгуни и Горина, прапорщик Воронин – Сахалин, другие офицеры – озеро Кизи на правом берегу Амура, там учреждается пост Мариинск. Офицером Римским-Корсаковым на

западном берегу Сахалина, близ гиялецкого селения Дуй, открыты каменноугольные залежи. Никаких китайцев или японцев на Сахалине, даже под увеличительным стеклом, высмотреть не удалось.

В феврале 1853 г. Бошняк основывает пост Александровский в заливе Де-Кастри. В мае к югу от залива открывает бухту, на берегу которой ставит столб с надписью: «Гавань императора Николая, открыта и глазомерно писана лейтенантом Бошняком 23 мая 1853 г. на туземной лодке со спутниками казаками Семеном Парфентьевым, Киrom Белохвостовым, Амгинским крестьянином Иваном Мосеевым». На берегу залива Де-Кастри местным старейшинам была передана бумага на французском языке о принадлежности этого края России – для предъявления иностранным морякам. Группа Бошняка на собачьих упряжках прокладывает путь из Императорской гавани к реке Уссури.

Экспедицией Невельского был учрежден пост в Императорской гавани и в заливе Анива на Сахалине, заложена крепость на высоте Чнырра в Амурском лимане.

Заметим, что своими действиями Невельской всегда прилично опережает решения петербургских бюрократов – он служит национальным интересам страны и уверен в поддержке верховной власти.

Крымская война стала большим стимулом для освоения Приамурья. Разрыв с западными державами заставил правительство обратить пристальное внимание на усиление обороны Дальнего Востока. Единственный удобный путь, по которому можно было перебросить туда войска, представлял собой Амур.

В январе 1854 г. император распорядился произвести сплав войск по Амуру.

Направленный в Пекин подполковник Зборинский сообщил там, что переброска войск предпринимается в оборонных целях и служит интересам обеих стран. Китайские чиновники одобрили акцию.

Сплавная экспедиция, возглавляемая Муравьевым, началась в мае 1854 г. Флагманом ее стал пароход «Аргунь», построенный на Петровском заводе в верховьях Амура. Около 800 русских военных, включая сотню казаков 2-й бригады Забайкальского войска, на 48 судах и 75 баржах спустились по реке и 15 июля высадились на Мариинском посту.⁴³⁷

В январе 1855 г. особый правительственный комитет рассмотрел тревожную ситуацию на Дальнем Востоке, сложившуюся после нападения англо-французской эскадры на Петропавловск, и принял

⁴³⁷ Щеглов. С. 572.

решение считать все земли по левому берегу Амура вплоть до его устья российскими владениями.

В апреле 1855 г. в устье Амура были переброшены новые регулярные и казачьи части – несколько сотен забайкальских казаков и один линейный батальон. Сюда были направлены и воинские подразделения с Камчатки, переведена эскадра из Петропавловска.

Численность гарнизона Николаевского поста достигла 2,5 тыс. человек.

На берега Амура прибывают первые после 1689 г. русские поселенцы, начинается земледельческая колонизация края. Вскоре в низовьях Амура возникает 11 казачьих станиц.

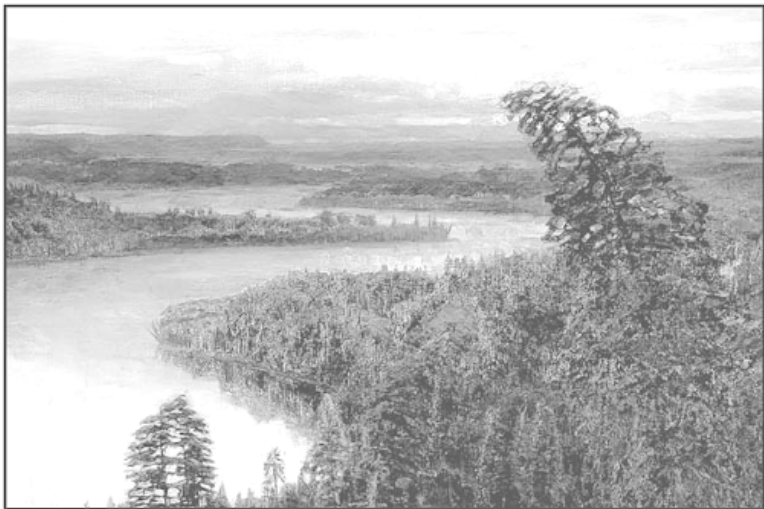
16 мая 1858 г. в Айгуне восточносибирским генерал-губернатором Муравьевым был заключен договор с Китаем, который признавал переход Амурского края к России. Амур до самого устья сделался границей России с Китаем. Одновременно Россия передавала Китаю центральноазиатский район Кульджи. На фоне легализованного грабежа Китая, который учинили западные страны по итогам опиумных войн, российско-китайский договор выглядел весьма достойно. Взамен совершенно бесполезного для них амурского берега китайцы получали довольно освоенный и заселенный регион.

Обладания левым берегом Амура было

недостаточно для свободного выхода судов в море. Левый берег у устья вскрывался ото льда гораздо позже, чем правый, и для навигации оставалось менее четырех месяцев в году.

Русско-китайский договор от 2 ноября 1860 г., заключенный в Пекине графом Игнатьевым, передавал в состав России также Уссурийский край. Пространство между правым берегом Амура, Уссури и Японским морем не было освоено китайцами за все тысячелетия их истории и не контролировалось цинским правительством.

Колонизация Сибири

Первоначальная (XVII в. – первая половина XIX в.)

История русского фронта не очень привлекается российскими гуманитариями; в ней либеральная публика с испугом видит проявление самородной силы русского народа. Поэтому величие этой истории остается скрытым, молчащим. Вот грубо сравним

два процесса – движение русских первопроходцев от Урала до Тихого океана и движение англосаксонских пионеров от Атлантического побережья до того же Тихого океана. Начало примерно в одно и то же время – на рубеже XVI и XVII вв. Наш путь был примерно в 1,8 раза длиннее и проходил по гораздо менее курортным местам, чем у англосаксов. Русские пересекали тайгу, тундру, ледяную пустыню, Ледовитый океан, а англосаксы в основном широколиственные леса и прерии, где паслись несметные стада бизонов. Сибирские зимы по длительности и по суровости намного превосходят североамериканские (особенно в пределах территории США), и притом русские первопроходцы часто вынуждены были идти вперед и зимой. Так вот, наши вышли на берег Тихого океана через полвека (1639 г., И. Москвитин), американцы только через два столетия (Льюис и Кларк).

Подвиги замечательных русских первопроходцев и первопоселенцев, которые были совершены так быстро и так рано (в сравнении с англосаксонскими пионерами и колонистами), увы, не получили завершения в виде быстрого заселения Сибири. И главной причиной были, конечно, ее природно-климатические условия.

Мы получили территорию, на 90 % непригодную

для земледелия, у англосаксов оказались благодатные земли, дающие полной мерой кукурузу, а также все сельскохозяйственные культуры, привезенные из Европы, начиная с пшеницы. У нас реки, скованные льдом на долгие месяцы, у них – незамерзающие водные артерии. У нас выход к ледяным морям, у них – к теплому незамерзающему океану. У нас кошмар долгих жестоких зим, у них – после долгого бабьего лета относительно короткая и легкая зима. У нас тайга сменяется на юге засушливыми степями, где суточные и сезонные перепады температур ставят мировые рекорды, у них – хорошо увлажненными прерии, идеально подходящие для зернового хозяйства.

Североамериканские индейцы, потрепанные заразными болезнями, привезенными из Европы, не могли оказать серьезного сопротивления европейским колонизаторам; «коренные американцы» не были знакомы даже с примитивной металлургией и, хотя приручали одичавших европейских лошадей, не применяли седел и стремян.

Русским в лесостепях и степях Сибири пришлось бороться с набегами племен, наследников великой Монгольской империи, прирожденных конников, изобретателей наездничества, владевших

технологией выделки качественной стали, получавших огнестрельное оружие из Средней Азии. А на Дальнем Востоке русские пионеры столкнулись с Цинской империей периода наивысшей мощи...

Еще в конце XVI в. царь Борис посылал из Сольвычегодска крестьянские семьи в Сибирь. И даже Василий Шуйский, перед своим падением, выдал 150 руб. на подъем сотни пермских крестьян, переселявшихся в Табары. Однако долгое время Сибирь была краем, который осваивался в первую очередь служилыми людьми и отчаянными промысловиками. Государевы люди не только несли ратную службу, но, если имелись на то природные условия, пахали и «служилую пашню».⁴³⁸

В 1622 г. на 15 тыс. русских жителей Сибири приходилось служилых – 6,5 тыс., посадских – 4 тыс., ямщиков – около тысячи. Крестьянских семей было очень немного, зато чрезвычайно высока была доля транспортников. Это указывает на ту роль, которую играли дальние перевозки в снабжении русского населения Сибири.⁴³⁹

А преобладание государевых служилых людей показывает, что русская Сибирь создавалась «московским деспотизмом», который так не любят

⁴³⁸ Сибирь и Дальний Восток. СПб., 1907. С. 33.

⁴³⁹ Андреевич В. К. История Сибири. Ч. I. СПб., 1889. С. 146.

современные сибирские самостийники.

О размахе сибирских промыслов свидетельствуют данные за 1648 г. по уплате десятинной пошлины в четырех городах. В Мангазее, Томске, Енисейске, Туринске купцами внесено 17 905 руб. Это означает, что только через эти города было вывезено мехов на 179 тыс. руб. (по паритету покупательной способности сопоставимо с современными 200–250 млн долл.). «Пушные рубли» помогали огромной стране с бедным сельским хозяйством содержать большое войско, выписывать из-за границы мастеров и военное снаряжение, даже оказывать влияние на ход Тридцатилетней войны.⁴⁴⁰

В XVII в. районы Южной Сибири, пригодные для земледелия, либо вообще не принадлежали России, либо подвергались постоянным нашествиям степняков. Поставки хлеба в Сибирь в значительной степени находились в ведении правительства, которое следило за тем, чтобы он не стал объектом спекуляции. Например, к 1664 г. относится правительственное распоряжение, согласно которому воспрещалось служилым людям покупать хлеба свыше 5 или 6 четвертей.⁴⁴¹

Лишь к концу века Западная Сибирь стала

⁴⁴⁰ Ефимов. С. 57.

⁴⁴¹ Соколовский. С. 8.

отчасти обеспечивать себя хлебом за счет южных районов четырех зауральских уездов, которые уже обрели достаточное крестьянское население – Верхотурского, Туринского, Тюменского и Тобольского.

Преобладала здесь типичная в то время для севера русской равнины и Урала система – когда очищенная и распаханная земля переставала хорошо родить хлеб, земледельцы оставляли ее надолго в залежь, до 20 лет, и шли делать новую лесную рощицу.⁴⁴²

В XVIII в. Петербург, выражавший интересы высшего дворянства, проявлял мало заботы о заселении Сибири.

На ее колонизацию правительство посылало, по сути, кого попало: казаков европейских войск (на Сибирскую линию), бессрочно отпускных солдат, ссыльных и каторжных. Штрафная колонизация (колонизация как наказание) приобретает в то время существенную роль. Времена Анны Иоанновны дали весьма большой контингент вынужденных переселенцев непростого происхождения, в особенности проворовавшихся чиновников – до 20 тыс. человек. Но дальше ссылка становится уделом

⁴⁴² Милов. С. 60.

простонародья. Вместе с повальной вестернизацией приходит эпоха шляхетских вольностей, господства землевладельческой олигархии, что сопровождалось усилением эксплуатации низших сословий.

Помещик со времени Екатерины II получил право сослать своего проштрафившегося крестьянина в Сибирь, правда, одновременно сужалось право на телесные наказания. Сосланные за Урал обретали свободу, становились государственными крестьянами. Те люди, которые в Европе попали бы на виселицу, у нас пахали «тоже русскую землю».⁴⁴³

Подавляющее большинство крестьян, прибывавших в XVIII в. в Сибирь по своей воле, были черносошными или беглыми помещичьими. Поскольку крестьянское переселение все же оказывалось выгодным государству, то мер по выдворению крестьян не предпринималось. Иногда правительство проводило мероприятия по направлению их в районы, где русское население требовалось из оборонительных соображений: на Сибирский тракт в Барабинской степи, в Прииртышье (Пресногорьевская, Кузнецкая, Иртышская линии), в Забайкалье, на Якутско-Охотский тракт.

Немалую роль в освоении Сибири сыграло

⁴⁴³ Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. С. 42–43. (Далее – Сибирь РИ.)

и движение старообрядцев, во множестве своем посадских людей из московского региона и с севера России. По мнению А. Шапова, в столетие после реформы Никона их ушло в Сибирь до 100 тыс. человек. Многие из них поселились при новых заводах, возникших в эпоху Петра.⁴⁴⁴

Вплоть до начала XVIII в. служилые люди сибирских городов были единственной постоянной военной силой, которая защищала русскую колонизацию в Сибири – прежде всего это касалось гарнизонов Тобольска, Тюмени, Тары, Кузнецка. Без них заселение верховий Иртыша и Оби оказалось бы попросту невозможным.⁴⁴⁵

И в XVIII в. в Сибири по-прежнему велика была роль служилого люда, который в массе своей не вошел в состав «благородного шляхетства» и исполнял те же функции, что и в Московском государстве.

Городовое казачество включило в себя все допетровские служилые сословия нерегулярной службы – стрельцов, пушкарей, воротников, затынщиков, детей боярских, сибирских дворян (чин, не передаваемый по наследству).

Городовые казаки делились по городам:

⁴⁴⁴ Шапов. С. 176.

⁴⁴⁵ Ивонин А. Р. Городовое казачество Западной Сибири в XVIII – первой четверти XIX вв. Барнаул, 1996. С. 74.

тобольские, томские и т. д. Места жительства и службы, как правило, совпадали, хотя казака могли направить в длительную служебную командировку в другой острог или крепость. Нес казак пограничную, гарнизонную и полицейскую службы, конвоировал транспорты, собирал ясак, разведывал новые земли.

Городовые казаки сохраняли право выбора голов и прочих начальников.⁴⁴⁶ Особняком стояли беломестные, линейные казаки, служилые татары.

Согласно «Положению о Сибирском линейном казачьем войске» от 1846 г., срок службы казака-пограничника сокращался с пожизненного до тридцатилетнего, а его земельный надел увеличивался с 6 до 30 десятин.⁴⁴⁷

По мере продвижения границы на юг и восток служилые люди передавали свои земли крестьянским общинам или держателям казенных оброчных статей и шли за фронтисром.

Частное землевладение в Сибири ни в XVII в., ни даже в XIX в., в отличие от европейской части России, почти не прощупывалось. Разве что участки вышедших на пенсию казачьих офицеров передавались им в полную собственность и становились объектом купли-продажи.

⁴⁴⁶ Там же. С. 53.

⁴⁴⁷ Щеглов. С. 544.

В связи с ростом ссыльного контингента росли административно-полицейские функции местных чиновников, переходящие, ввиду удаленности от центра, в подлинное самоуправство. Нехватка в Сибири продовольствия создавала предпосылки для усиления зависимости населения от местной администрации, что поощряло чиновничий произвол. Ввиду отсутствия в Сибири помещиков в голодный год крестьяне могли получить помощь только от губернатора. Помимо администрации переселенцы попадали в зависимость от старожилов, которые нередко пользовались чужой нуждой по-кулацки нахраписто. Внутренняя сибирская торговля была стеснена таможнями и заставами, а также произвольными ценами на переправах – это служило наживе местной администрации и старожилов.

Расцвет злоупотреблений в финансовой сфере был особо связан с заготовками хлеба, предоставляемыми на откуп.

Чем далее на восток, тем скуднее была жизнь населения. В Якутской, Охотской и Камчатской областях как русские, так и туземцы почти полностью полагались на рыбные и звериные промыслы. В случае неблагоприятных природных условий жизнь тысяч людей зависела только от подвоза казенного хлеба, что обходилось государству крайне дорого.

Российские и иностранные суда заходили в Охотск и Петропавловск-Камчатский редко. Завезенное продовольствие раскупалось быстро, а вот прочие товары, по трудности доставки в глубь Сибири, оставались нераспроданными по многу лет. «Российско-американская компания», обязанная снабжать Дальний Восток, уклонялась от непрофильной деятельности, уменьшавшей ее прибыли.

Все попытки начать хлебопашество к востоку от Якутии провалились. Не смогли выдюжить его даже староверы, переселившиеся к Охотскому морю из Забайкалья и считавшиеся тогда экспертами по ведению сельского хозяйства в тяжелых условиях.

В 1764 г. ряды сибирских государственных крестьян пополнились однодворцами из числа бывших служилых людей, что не имели актов, подтверждавших дворянское состояние, а также бывшими монастырскими (экономическими) крестьянами.⁴⁴⁸

Несмотря на обилие земли у сибирских крестьян, их жизнь оставалась общинной и коллективистской. Самоуправление и общественная самоорганизация являлись базой для поземельной общины, сельских и волостных обществ, церковных приходов, трудовых

⁴⁴⁸ Сибирь РИ. С. 156, 157, 159.

артелей и хозяйственных объединений (помочи, супряг).

В 1799 г. был издан указ императора Павла о крестьянской колонизации Забайкалья, на переселение туда 10 тыс. душ выделялась из казны немалая сумма в 100 тыс. руб. В первый раз империя расходовала такие деньги на крестьянское переселение.⁴⁴⁹

В 1806 г. было разрешено переселяться в Сибирь государственным крестьянам внутренних губерний, испытывавшим недостаток земли. В первую очередь в Тобольскую и Томскую губернии, где переселенцы освобождались на 5 лет от уплаты податей и выполнения всех повинностей, кроме воинской, получали казенную ссуду, сельскохозяйственный инвентарь, рабочий скот. До первой жатвы выдавались семена на посев, хлеб или кормовые деньги. После истечения льготного срока переселенцы начинали платить подати и в течение 15 лет возвращали ссуду.

К 1813 г. (когда действие «Положения» от 1806 г. было остановлено) в Томскую губернию прибыло 16 тыс. новых жителей.

Более удаленная Иркутская губерния заселялась отставными солдатами и ссыльными.

⁴⁴⁹ Кауфман А. А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. С. 12.

Начало 1820-х гг. стало в Сибири временем больших административных преобразований, связанных с деятельностью Сперанского, проведшего знаменательную сибирскую ревизию 1819–1821 гг. По ее результатам два губернатора и 48 чиновников были отданы под суд, 681 уволен, штрафы и взыскания составили огромную сумму в 3 млн руб.

В 1822 г. император утвердил 10 законов, разработанных Первым Сибирским комитетом во главе со Сперанским и составивших «Сибирское учреждение».

Согласно ему, вся азиатская Россия разделялась на Западно-Сибирское генерал-губернаторство с центром в Тобольске (позднее Омске) и Восточно-Сибирское с центром в Иркутске.

К первому генерал-губернаторству были отнесены губернии Тобольская, Томская и учрежденная Омская; ко второму – Иркутская, учрежденная Енисейская, Якутская области и приморские управления, Охотское и Камчатское. Ниже уровнем были округа, еще ниже – самоуправляющиеся волости и инородческие управы.

Казенная палата в губернии теперь назначала торги, ведала государственными имуществами, распределением земель, откупами и подчинялась

Минфину, а не губернатору.

В Сибири была заведена трехуровневая система снабжения населения хлебом – частная торговля, общественные магазины, казенные магазины. Последние два уровня предназначались для снабжения бедных горожан и крестьян, страдавших от неурожаев, а также кочевых «инородцев» в случае неурола рыбы и зверя.

Согласно «Положению о казенных хлебных магазинах», устраивались постоянные и временные хлебные хранилища (последние – в неурожайные годы). Хлеб для них заготавливался при помощи открытых торгов. Прибыль казны по этим магазинам не должна была превышать 6 %.

В ходе административной реформы суд в Сибири был отделен от администрации, введено правильное крестьянское самоуправление, отменены все натуральные повинности.

Были уничтожены препятствия, мешавшие внутренней торговле, в том числе таможи и заставы, взимавшие пошлины на границах уездов и губерний.

Была принята масса облегчений для ссыльных и каторжных, первые могли теперь брать с собой жен. Всякому старожилу, который принимал к себе в дом ссыльного и выдавал за него дочь или родственницу, выплачивалась из казны премия в 150 руб.

«Положением о разборе исков» Сперанский ослабил зависимость неимущих переселенцев от старожилков и предупредил попадание сибирских туземцев в долговую кабалу. Словесные договоры признавались только в крайнем случае; родителям запрещалось отдавать детей в наемную работу; долг, оставшийся на наемном работнике, если он превышал 5 руб., считался недействительным.

В 1821 г. правительственный Сибирский комитет одобрил проект Сперанского по переселению в Сибирь государственных крестьян. В записке, предоставленной Сперанским, тогда сибирским генерал-губернатором, в комитет, указывалось на двоякую пользу от колонизации сибирской части России – заселение «пустынного и малолюдного края» и предоставление крестьянам, «обитающим в губерниях, скудных землями, потребного изобилия».

В 1822 г. был издан указ «О разрешении казенным крестьянам всех губерний переселяться в Сибирь и внутри сибирских губерний».

И от помещиков правительство потребовало переселения крестьян из густо заселенных имений на свободные государственные земли под угрозой изъятия крепостных в казенное ведомство.⁴⁵⁰

Особого увеличения числа переселенцев в Сибирь

⁴⁵⁰ Кауфман А. А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. С. 12, 13.

в 1820-е гг. еще не последовало. Сведений о свободной и удобной земле в Сибири крестьяне не имели. Благородные дворяне также в Сибирь не стремились. (Своеобразным исключением стали аристократы – участники масонского заговора, известные у нас под названием декабристов, которым пришлось поспособствовать культурному развитию азиатской части России. В Европе их вместо культуртрегерской миссии ждал бы эшафот.⁴⁵¹)

Успешную колониционную деятельность стало вести образованное при Николае I Министерство государственных имуществ (МГИ). Возглавил его граф Павел Киселев и занималось оно... нет, не распродажей государственных имуществ, а их приумножением, в первую очередь за счет улучшения хозяйства многочисленного класса земледельцев – государственного крестьянства.

Это министерство, учрежденное в 1837 г., ведало 17 млн крестьян – число подведомственных и далее продолжало быстро увеличиваться.

МГИ провело разнообразные мероприятия по развитию крестьянского самоуправления, облегчению податной нагрузки на крестьян, увеличению ссуд и пособий нуждающимся, введению кредитных товариществ и сберкасс,

⁴⁵¹ *Любавский*. Историческая география. С. 265.

страхования от огня, строительству кирпичных заводов (для улучшения качества сельских жилищ) и образцовых специализированных ферм (для ознакомления с новыми технологиями), расширяло возможности крестьян в области оптовой торговли, передало крестьянским обществам миллионы гектаров леса. Более того, защищало общины от чиновничьих притеснений и рейдерства крупных землевладельцев.

Одним из важнейших направлений работы МГИ стало наделение земель малоземельных крестьян. Для этого организовано было масштабное переселение из внутренних губерний на пустынные окраины – на основании «Правил» от 1831 г. и статей 24–83 «Устава о благоустройстве в казенных селениях».

В 1843 г. Госсовет одобрил дополнительные правила переселения государственных крестьян в многоземельные места – «чтобы излишние руки в одних местах обратить в другие, к возделыванию пространств, впусе лежащих».

Переселение допускалось из любого крестьянского общества (общины государственных крестьян), где надел на душу составлял до 5 десятин. В степной полосе переселенцы получали обычно более 15 десятин на душу, в нестепных районах – 8.

По получении разрешения на переселение крестьяне должны были послать ходоков для осмотра назначенных участков. На местах досмотрщики могли отказаться от предложенной земли и выбрать другую.

МГИ должно было заботиться о том, «чтобы переселенцы не были, сколько возможно, подвержены дальним и затруднительным переходам, чтобы климат тех мест, куда они должны переселиться, по возможности менее отличался от климата, к которому они привыкли на родине».

В пути о переселенцах обязаны были заботиться местные палаты МГИ, его окружные начальники, иногда особые чиновники, сопровождавшие переселенческие партии. Переселенцев снабжали продовольствием, им отводились бесплатно «удобные и просторные денные и ночные обывательские квартиры», их лошади и скот безвозмездно паслись на общественных пастбищах. Времена были патриархальные, поэтому в тех домах, в которых останавливались переселенцы, их обычно кормили бесплатно.

Заболевшие переселенцы доставлялись опять же безденежно в ближайшие города, расходы на их лечение перенимала казна.

Земельные участки для переселенцев готовились заранее, в том числе заготавливались хлеб, сено,

рабочий скот и земледельческие орудия. На постройки отпускался бесплатно лес и выдавалось пособие до 60 руб. на семью (равное стоимости дома или 5–6 коров). Переселенцам предоставлялись 6-летняя льгота от воинского постоя, 4-летняя полная и 4-летняя половинная льгота от податей, с них складывали все недоимки и на три набора освобождали от рекрутской повинности. Иногда предоставлялась беспроцентная денежная ссуда со сроком погашения 10 лет.

Циркуляр МГИ от 1846 г. предписывал своим местным палатам оказывать переселенцам в пути «вспоможение, даже с некоторым преувеличением».

Местные палаты проводили межевые и землемерные работы, формировали переселенческие партии, следили за использованием ссуд.

В период киселевских переселений (1837–1859) малоземельные крестьяне сперва направлялись преимущественно в Воронежскую, Харьковскую, Тамбовскую губернии, затем в Астраханскую, Саратовскую и Оренбургскую. А с 1842 г. «Правила о переселении казенных крестьян» были распространены на Сибирь.⁴⁵²

С 1845 г. в Западной Сибири – Тобольской, Томской,

⁴⁵² Сибирь РИ. С. 48.

Енисейской губерниях – водворялось 80 % всех переселенцев в азиатскую часть страны.

К 1851 г., по отчету начальника Сибирского межевания, в Тобольской губернии, главным образом в Курганском округе, расселилось почти 20 тыс. переселенцев из числа государственных крестьян.

В том же году Киселев обратился с циркулярным предписанием к местным палатам МГИ в губерниях черноземной полосы – вызывать государственных крестьян, желающих переселиться в Сибирь. На основании этого циркуляра палаты организовали переселение в Сибирь в 1852–1854 гг. 38,2 тыс. человек, из которых 25 тыс. поселились в Тобольской губернии, остальные – в Томской.

С 1852 г. МГИ вызывало крестьян в Енисейскую губернию из Вятской, Пермской и Орловской губерний. За 6 лет желающих набралось 6 тыс. душ.⁴⁵³

В огромном большинстве случаев места для поселения были выбраны удачно, и поселки Киселевских переселенцев достигли устойчивого благополучия.

Обследование хозяйственного положения переселенцев в Сибири, проведенное уже на рубеже 1880-1890-х гг., показало, что наиболее успешными здесь являются Киселевские переселенцы и их

⁴⁵³ Любавский. Историческая география. С. 266.

потомки.

Всего ведомством Киселева было переселено до 400 тыс. государственных крестьян. Три четверти из них направились в степные губернии бывшего Дикого поля, остальные в Оренбургскую, Тобольскую, Томскую и Енисейскую.

Самовольное переселение не приветствовалось правительством, но оно исходило из гуманной мысли, что возвращение самовольных переселенцев обратно «привело бы к их совершенному разорению».⁴⁵⁴

Самовольные переселенцы в Сибири, среди которых преобладали выходцы из Тамбовской и Полтавской губерний, легально наделялись землей по месту нового водворения, хотя и без льгот.

Киселевские переселения, которые не сопровождались «разорением переселенцев и бесплодным исканием новых мест», будут вспоминаться с ностальгией на протяжении более 30 лет после либеральной реформы 1861 г.

В 1851 г. русские казаки Забайкалья объединяются с Братскими полками, состоящими из бурят и тунгусов, в Забайкальское казачье войско численностью в 52 тыс. человек. Были зачислены в него и крестьяне, ранее приписанные к Нерчинским

⁴⁵⁴ Кауфман. С. 13–15.

горным заводам. Это войско занималось охраной русско-китайской границы, защищало русские поселения, да еще в суровых природных условиях обеспечивало себя хлебом. Забайкальские казаки первыми отправились заселять долину Амура.

Станица номер один, Сучи, возникла около поста Мариинского. Подразделения этого войска в Амурской области поначалу состояли из четырех пеших батальонов, из которых была сформирована Амурская пешая бригада. В июне 1860 г. казачьи части в Приамурье стали отдельным Амурским казачьим войском. Всего из Забайкалья на Амур было переведено 15 тыс. казаков и членов их семей.

В 1855 г. устье Амура оживили пять крестьянских поселков с жителями, набранными генерал-губернатором Муравьевым в Иркутской губернии и Забайкалье.

Из числа желающих государственных крестьян Вятской, Пермской, Тамбовской, Воронежской губерний в конце 1850-х гг. на Амур было переселено около 1000 человек, на пособия им была ассигнована крупная сумма 150 тыс. руб.⁴⁵⁵

В 1860 г. на Амуре было уже 28 крестьянских и казачьих поселений, включая Хабаровку (будущий Хабаровск).

⁴⁵⁵ Любавский. Историческая география. С. 268.

В Приморье первые казачьи поселения появились на Уссури в 1859 г. – Верхне-Михайловское и др. Они относились к Уссурийскому пешему батальону Амурского казачьего войска.

Первое крестьянское поселение, Ветка, в Приморье возникло в 1861 г., к этому времени число казачьих станиц здесь достигло 29.

Туземцы Сибири и русская колонизация

Как мог заметить читатель, автор этой книги не использует термин «коренные народы», придуманный мудрейшими из интернационалистов в 1920-е гг., чтобы порезать Россию на множество национально-административных образований, где русские становились «некоренным», второстепенным народом. Наука этногенетика показывает, что к истинно коренным близки разве что африканские пигмеи и бушмены, а уж остальных так носило по земле, что мама не горюй...

С самого начала русской колонизации Сибири Москва, а затем и Петербург однозначно признавали права «инородцев» (туземных общин) на занимаемую

ими землю.⁴⁵⁶

Из центра шли постоянно наказания служилым: ясак собирать раз в год, жен и детей «инородцев» во двор к себе не брать, насильно не крестить. Русские власти вели себя совершенно иначе, чем правительства западных стран, которые поощряли и покрывали преступные действия колонистов и колонизаторских кампаний.

Москва и Петербург делали все необходимое, чтобы предотвратить столкновения русских колонистов и туземцев из-за земли, а иногда прямо запрещали переселения русских на племенную территорию.

Русские по мере движения на восток втягивали туземцев в общеимперскую экономическую и культурную систему, не посягая на их традиционный быт и социальные устои.⁴⁵⁷

Туземные народности под культурным влиянием русских переселенцев переходили к пашенному земледелию и оседлому образу жизни, начинали заводить огороды, делать стационарные деревянные юрты, а затем рубить избы и надворные постройки русского типа, изготавливать сельскохозяйственные орудия и колесные транспортные средства,

⁴⁵⁶ Сибирь РИ. С. 214.

⁴⁵⁷ Там же. С. 203.

прокладывать дороги, заготавливать и сплавливать лес.⁴⁵⁸

Оседлые «инородцы», согласно «Уставу об управлении инородцев» от 1822 г., были приравнены к русским государственным крестьянам. При этом получили существенную привилегию – освобождение от рекрутской повинности.

Кочевые «инородцы» сохраняли традиционное управление, при рассмотрении большинства судебных дел использовалось традиционное право. На общинных собраниях они выбирали местную власть – «инородную управу» в таежной Сибири и «степную думу» – в Южной.⁴⁵⁹

Принятие православия являлось для представителей сибирских народностей обычным этапом перехода к оседлости и занятиям земледелием.

В 1840-х гг. в Сибири было 5 епархий, к началу XX в. – 11.

В 1870 г. в Москве было создано Всероссийское православное миссионерское общество с отделениями во всех епархиях, 50 % его денежных ресурсов шло на содержание 8 сибирских миссий. В местах компактного проживания «инородцев» организовывались миссионерские станы. В 1907 г.

⁴⁵⁸ Сибирь РИ. С. 214–215.

⁴⁵⁹ Там же. С. 221, 231.

Синод разрешил проводить богослужение на туземных языках.

За 250 лет после присоединения Сибири к России численность бурят увеличилась в 10,6 раза, якутов – в 7,9, алтае-саянских народов – в 6,5 раза, татар – в 3,1, ханты и манси – в 1,5 раза.⁴⁶⁰

Конечно, позитивные хозяйственные преобразования коснулись не всех туземных народностей. Многие в темпе преобразований определялось природно-климатическими условиями. Речь идет о тех племенах, которые проживали в местах, совершенно непригодных для земледелия, и занимались, как и тысячу лет назад, охотой, морским промыслом и кочевым скотоводством (оленоводством). Эти занятия крайне зависели от миграций рыбы и зверя, природных колебаний, эпизоотии. Естественное производство биомассы на этих территориях оставалось регулятором численности туземного населения.

Русские переселенцы (и не только русские, но и коми-зырянские, например) могли использовать отсталость малых народностей Сибири, спаивать их, вести неэквивалентный обмен пушнины на водку.

Однако российское правительство, в отличие, например, от американского, всегда выступало

⁴⁶⁰ Там же. С. 219, 220.

охранительной силой по отношению к малым туземным народностям.⁴⁶¹ Поэтому ни в одной из присоединенных к России земель не произошло деградации общественных и хозяйственных отношений, внедрения более примитивных или более принудительных форм труда, чем те, что существовали до прихода русских.

«Общеизвестный факт, – писал сто лет назад немецкий ученый Виденфельд в книге "Die sibirische Bahn in ihrer wirtschaftlichen Bedeutung", – наблюдаемый между прочим в Сибири, что Россия в своих азиатских владениях бережно относится к имущественным правам туземных племен и относится к ним совершенно так же, как к своим подданным русского происхождения; о такой политике по отношению к туземному населению, какая наблюдается в колониях других государств, здесь не может быть и речи».⁴⁶²

Для сравнения: в английских колониях в Америке индейцы не считались подданными или гражданами. Налогов они не платили, однако по мере продвижения белых колонистов индейцев лишали земли, охотничьих и пастбищных угодий. Достаточно указать на акты Конгресса от 1825 и

⁴⁶¹ Сибирь РИ. С. 207, 209, 211.

⁴⁶² Цит. по: Кауфман. С. 101, прим. 3.

1830 г. (Indian Removal Act), согласно которым индейцев Атлантического побережья и районов к востоку от Миссисипи депортировали на запад – это обернулось 40 крупными военными кампаниями, сопровождавшимися этническими чистками. Применение в отношении индейцев обмана и насилия не считалось зазорным в американском обществе; на них не распространялось действие законов.

Если индейцы имели не присваивающее хозяйство, а производительное земледельческое, как навахо и пуэбло, и даже успешно перенимали сельскохозяйственные технологии у белых, как семинолы и чероки, это нисколько не облегчало их участи.

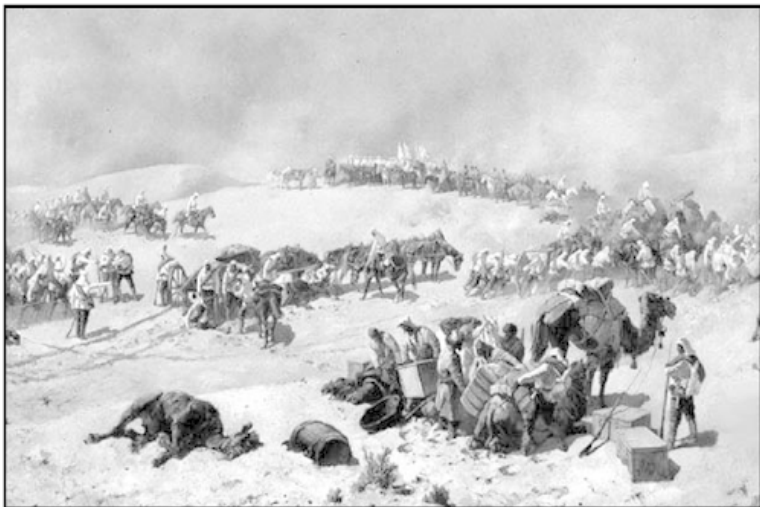
Неся большие потери еще в ходе депортаций, индейцы на новых местах обитания попадали в условия нехватки привычных ресурсов, в незнакомую среду, что становилось началом вымирания. Так произошло с племенами, выселенными на «индейскую территорию» в Оклахому; уже в 1870-е гг. эти земли опустели и стали раздаваться белым фермерам. Устраивались даже скачки, победителям которых доставались лучшие участки.

Почти во всех африканских и азиатских колониях европейских держав на рубеже XIX–

XX вв. использовались системы принудительных работ и свирепые наказания. В огромный трудовой концлагерь была превращена бельгийская колония Конго (анекдотичным образом именуемая «Свободным государством»); частные армии Force Publique уничтожали или калечили население целых деревень за плохую работу на каучуковых плантациях или недостаточные поставки слоновой кости. За первые 30 лет колониального правления число жителей Конго сократилось вдвое, уменьшившись на 15 млн человек.⁴⁶³

⁴⁶³ Заир // БСЭ; *Hochschild A. Schatten ueber dem Kongo*. Tb.: Rowohlt, 2002.

Покорение азиатской степи

Оборонительные линии в Южной Сибири в XVIII в

Для обороны от степняков были выстроены в 1703 г. на верхней Оби Умревинский острог и в 1709 г. – острог на Бие, разрушенный годом позже джунгарским войском. Из Томска, Тобольска, Красноярска, Кузнецка регулярно посылались на

немирных киргиз-кайсаков дети боярские и прочие служилые люди, с ними ясачные и служилые татары. Нередко на помощь сибирским поселенцам перебрасывались и ратники из центра.

Русское порубежье в Южной Сибири, конечно, не знало ничего подобного крымско-татарским набегам, разорявшим европейскую Россию в XVI–XVII вв. Южносибирские племена не могли собрать таких крупных сил, как крымцы, да и русские поселения в Сибири не дали бы такой добычи, что центральная Россия. Однако и в Сибири борьба с кочевниками постоянно отрывала поселенцев от производительного труда и приводила к потерям и без того редкого населения.

В 1713 г. джунгарский тайши Цэван-Рабдан потребовал прекратить восстановление Бийской крепости, а также срыть Томск, Красноярск, Кузнецк, якобы построенные на его земле, – хотя джунгарских кочевий там не было.⁴⁶⁴

Ответ русских был вполне симметричным: в 1715 г. по указу Петра начинается усиленное строительство крепостей в Южной Сибири.

Отцом-основателем Сибирской линии стал полковник Бухгольц. Двинувшись вверх по Иртышу, он поставил крепость у Ямышева-озера, которая на

⁴⁶⁴ Недбай. С.М.

следующий год была взята 10-тысячным джунгарским войском. Отряд Бухгольца отступил, но на реке Омь взялся за свое и основал Омскую крепость, а Ямышевскую крепость восстановил полковник Матигоров. В 1717 г. полковник Ступин возвел Железинскую, а годом позже Семипалатную крепость.

В 1719 г. отряд генерала Лихарева выдвинулся до реки Черный Иртыш, там встретил 20-тысячное джунгарское войско, уклонился от боя, но при впадении в Иртыш Ульбы заложил Усть-Каменогорскую крепость.

Результатом экспедиций Бухгольца и других армейских командиров стала цепь укреплений и постов по Иртышу, от Омска до Семипалатинска и Усть-Каменогорска.⁴⁶⁵ Она прикрывала от набегов джунгар поселения в Барабинской степи, южной части Томской губернии и горные заводы на Алтае. На постах и в крепостях стояли солдаты, драгуны и городовые казаки Тары, Тобольска, Тюмени.

С этого времени количество набегов постоянно сокращается, а крестьянская колонизация Южной Сибири, напротив, усиливается. Возвращаются крестьянские семьи, покинувшие Сибирь из-за набегов во второй половине XVII в.

⁴⁶⁵ Керсновский. Гл. 11.

Часть монголов-ойратов уходит в Предкавказье, где принимает российское подданство (калмыки). Сибирские киргизы по велению джунгарского правителя переселяются на Тянь-Шань – русские поселения в Южной Сибири избавляются от очень опасного кочевого противника, замирить которого так и не удалось.⁴⁶⁶

Джунгарский тайши Галдан-Церен еще в 1742 г. требует сноса русских укреплений по Иртышу и даже Демидовских заводов на Алтае, желая собирать там ясак с местного населения. Однако, мягко выражаясь, его уже не слушают.⁴⁶⁷

В 1743 г. сибирские и оренбургские власти приняли совместное коммюнике о строительстве линии укреплений от Уятского форпоста на слободу Коркину (г. Ишим) и оттуда на Иртыш, к слободе Чернолуцкой. Вверх от нее по Иртышу до Семипалатной крепости надлежало усилить редуты. А от Семипалатной протянуть оборонительную линию, которая пройдет к югу от демидовских Колывано-Воскресенских заводов до Телецкого озера, находящегося в предгорий Саян.

Этот план был поддержан командующим войсками в Сибири Х. Киндерманом и стал воплощаться

⁴⁶⁶ Бартольд. С. 219.

⁴⁶⁷ Недбай. С.М.

в жизнь после решения Сената. Началось строительство в 1752 г., шло споро, и уже в 1755 г. пограничные укрепления слились в Сибирскую линию. Делилась она на Тоболо-Ишимский, Иртышский и Колывано-Кузнецкий участки и тянулась по границе степей примерно на 1000 верст.

Между крепостями стояли редуты с небольшими казачьими гарнизонами. Вперед были выдвинуты форпосты. Между редутами и форпостами ставились вышки-маяки на расстоянии 2–5 верст друг от друга, с караулами из 3–5 меняющихся казаков. Цепь маяков с запасом топлива служила оптическим телеграфом.

Вглубь степи высылались разъезды для раннего обнаружения немирных кочевников, а также казачьи отряды для преследования грабителей.

Казаками устраивались т. н. симы – не приметные цепи из соединенных прутьев, веток и стеблей растений, которые осматривались разъездами для обнаружения сакмы – вражеского следа.⁴⁶⁸

Технология пограничной службы в южносибирских степях не очень отличалась от той, которую использовало Московское государство в Диком поле.

В 1730-х гг. российской государыне Анне Иоанновне стали присягать султаны и ханы киргиз-кайсацких орд. Объяснялось это просто. Джунгары

⁴⁶⁸ Там же. С. 138–140.

поставили киргиз-кайсаков на грань выживания, совершив на них только с 1711 по 1725 г. шесть уничто-жительных походов, захватив Семиречье и Ташкентский оазис.⁴⁶⁹

Первой присягнула России Младшая Орда Абулхаира в 1730 г. (хан посылал просьбы о принятии в подданство еще в 1718 и 1726 гг.), затем к нему присоединились Средняя Орда (1731) и часть родов Старшей Орды (1734).⁴⁷⁰

Теперь, спасаясь от беспощадных джунгаров, киргиз-кайсаки уходили под защиту русских крепостей.

После джунгарских набегов 1738–1741 гг. новые подданные укрывались за Орской крепостью, которая и была воздвигнута по просьбе хана Абулхаира.⁴⁷¹

По сути, не российская власть распространилась на территорию киргиз-кайсацких орд, а киргиз-кайсаки начали перекочевывать на российскую территорию.

Казахский советский историк С. Е. Толыбеков (чей голос явно выпадал из хора обличителей «колониальной политики царизма») писал: «До принятия подданства казахи не были обитателями долин рек Урала, Тобола и Иртыша... В кон.

⁴⁶⁹ Бартольд. С. 220.

⁴⁷⁰ <http://www.admin.orenburg.ru/divll/7224/7226/>

⁴⁷¹ Недбай. С. 44–45.

XVIII и нач. XIX в. никакого сужения пастбищного пространства у казахов не происходило, а наоборот, оно расширялось за счет территории России». ⁴⁷²

«Исторические документы показывают, что на большей части занимаемой в XVIII в. территории казахи оказались **позднейшими пришельцами, искавшими защиту у русского государства** от Джунгарии, среднеазиатских ханств и своих более сильных племенных союзов». ⁴⁷³

Однако и присяга государыне императрице не остановила набегов киргиз-кайсацких удальцов на русское пограничье. Казачьи отряды и регулярная кавалерия, стоявшие на линиях, отвечали соответственно.

«Что касается действительно происходивших позднее выездов в степь карательных отрядов русских пограничных войск, то это были не завоевательные походы, а лишь ответы на грабительские налеты казахских батыров и султанов, во время которых страдало немало невинных». ⁴⁷⁴

Не было покоя и согласия в среде

⁴⁷² *Толыбеков С. Е.* Кочевое общество казахов в XVII – начале XX века (Политико-экономический анализ). Алма-Ата, 1971. С. 237.

⁴⁷³ Там же. С. 242.

⁴⁷⁴ *Толыбеков С. Е.* Кочевое общество казахов в XVII – начале XX века. С. 248.

казахской родоплеменной верхушки. Вплоть до распространения на казахские степи русской администрации «вся история казахских кочевых ханств была историей кровавой межплеменной борьбы: она была историей постоянных взаимных грабительских набегов на соседние народы, организованных эксплуататорской верхушкой с целью приобретения чужого имущества, скота и пленных».⁴⁷⁵

К концу XVIII в. сложилась следующая зона расселения киргиз-кайсацких орд:

- младшая – от казачьих земель на реке Урал на западе до реки Тургай на востоке, от линии Оренбург – Орск на севере до Аральского моря на юге;

- средняя – от верховьев Тобола на западе до верховьев Иртыша и о. Зайсан на востоке;

- старшая – пространство от Семиречья до Сырдарьи, включая Ташкентский оазис.

Находясь в российском подданстве, киргиз-кайсаки не платили никаких податей империи, более того, Петербург задаривал ханов и султанов, а с 1750 г. постоянно выплачивал им жалованье.⁴⁷⁶

В середине XVIII в. джунгарская опасность

⁴⁷⁵ Там же. С. 248.

⁴⁷⁶ Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии (Хронологический указатель важнейших событий из истории Западной Сибири с 1465 по 1881 г.). СПб., 1906. Т. I. С. 57–58.

исчезает. Маньчжуро-китайские войска подвергли Джунгарию в 1755 г. тотальному разгрому. Немногие уцелевшие джунгары бежали под защиту русских крепостей на Иртыше. В это время русскую границу можно было спокойно подвинуть к Зайсану и Саянам, но правительство явно не хотело ухудшать и без того посредственные отношения с цинским Китаем. Граница осталась на Колывано-Кузнецкой линии.

После исчезновения джунгарской угрозы киргиз-кайсацкие батыры стали активнее угонять скот и брать пленников в русских поселениях на Колыванской линии, в том числе около Усть-Каменногорской крепости. Набеги активнее всего происходили в 1742–1744, 1747, 1753–1754, 1760 г. и т. д. А гибли и пропадали в первую очередь простые земледельцы.

В одной из типичных записок в губернскую канцелярию от 19 апреля 1771 г. командующий полком на Сибирской линии Корф докладывает, что «набежавшими ко Буткову, на утренней заре, киргиз-кайсаками... тутошнего крестьянина Василья Глухих закололи до смерти и увезли в плен 7 человек, да отогнали лошадей и рогатого скота 24». 29 апреля «приезжавшими в зимовье Саламатное киргизцами увезено в плен с пашни крестьян 5 человек и отогнато 20 лошадей». А «из едущих

из крепостей Покровской, бывших там для продажи хлеба, захвачено киргизцами крестьян 4 человека». И таких записок в месяц набиралось более десятка.

Киргиз-кайсаки воспользовались восстанием Пугачева для усиления своих набегов, во время которых страдали отнюдь не дворяне-крепостники, а крестьяне, которых хватали и продавали на рынках Бухарии.

Допрос взятого в плен «борца за свободу» Ашира Тюлякова показал, что он захватил несколько десятков человек на Алабужском и других редутах, из которых живыми довез до Бухары сорок. А вместе с ним в работорговом караване «еще было киргизцев... разных волостей» и «человек две тысячи» пленных. Всего один караван навсегда уводил в неволю с весьма слабо населенной российской окраины тысячи русских пленников, жизнь которых в азиатском рабстве вряд ли продлилась долго.⁴⁷⁷

В случае самовольного мщения русских колонистов киргиз-кайсакам за убитых или похищенных родственников, за угнанный скот власти строго наказывали мстителей. Нередко киргиз-кайсацкие удальцы, пользуясь тем, что русским солдатам запрещалось первыми применять оружие, спокойно угоняли скот или травили своим стадом сенокосные

⁴⁷⁷ Недбай. С. 49.

луга, принадлежавшие российским владельцам.⁴⁷⁸

Командование Иртышской дистанции спускало комендантам укреплений приказы не подпускать киргизов-кайсаков к их табунам ближе чем на 5-10 верст к линии. Некоторые историки-марксисты, конечно же, выдали это за «отчуждение земли у казахов», хотя до перехода в российское подданство их в верховьях Иртыша вообще не было. Да и русским крестьянам в это время запрещалось селиться ближе, чем в 40 верстах от линии.

За киргиз-кайсацкими батырами не стояло могучее ханство или великая держава, как было в случае крымско-татарских набегов. В принципе российское государство могло решить степной вопрос быстро и кардинально, как это сделала цинская империя и как поступали западные правительства в своих колониях (не могу найти в истории Америки ни набегов туземцев с уводом в рабство тысяч колонистов, ни оборонительных линий, протянувшихся на многие сотни километров).

Однако фирменным стилем Петербурга было постепенное умиротворение туземных народов, действие «от обороны», сколь бы затратным оно ни было.

К 1808 г. завершилось формирование линейного

⁴⁷⁸ Там же. С. 52.

казачьего войска, призванного оборонять Сибирскую линию.⁴⁷⁹

В линейные казаки перевели часть городских казаков, крестьян, живущих неподалеку от линии, и немалое число киргиз-кайсаков. В составе войска насчитывалось десять конных полков.

Расширение русских владений в Степном крае и Средней Азии в XIX в

И в начале XIX в. продолжился переход киргиз-кайсаков на пограничные земли империи. Власти не предпринимали против этого никаких мер, напротив, Букеевская орда получила разрешение кочевать на территории Уральского казачьего войска, между реками Волга и Урал.

В 1823 г. Большая киргиз-кайсацкая орда повторно просила принять ее в российское подданство.

Вновь проснувшийся у киргиз-кайсацких султанов интерес к российскому подданству объяснялся натиском новых врагов: кокандцев и хивинцев.

Кокандцы Мадали-хана, продвигаясь по берегам Сырдарьи, заняли в итоге ее среднее течение, хивинцы – нижнее, а вместе с тем киргиз-кайсацкие

⁴⁷⁹ Недбай. С. 89, 133.

стада были отрезаны от воды. Кокандское ханство, как и хивинское, расширяя свой контроль над степью, принуждало киргиз-кайсаков платить им дань, зякят. Но если можно взять еще, то почему бы нет. Следуя этой блестящей идее, кокандцы и хивинцы незамысловато грабили киргиз-кайсацкие становища.⁴⁸⁰

В мае 1824 г. Александр I дал грамоту, подтверждавшую вступление «султанов Большой Киргиз-кайсацкой орды» в российское подданство.

Той же грамотой киргиз-кайсаки навсегда освобождались от рекрутской повинности.⁴⁸¹

Ремонтная пошлина, единственная выплачиваемая киргиз-кайсаками, переходившими Сибирскую линию, одна лошадь со ста голов, с 1815 г. передавалась Сибирскому линейному казачьему войску.⁴⁸²

Русское продвижение в азиатские степи в первой половине XIX в. объяснялось, конечно, не только желанием покровительствовать киргиз-кайсакам. Предстояло отодвинуть азиатское «дикое поле» от русских поселений в степной Сибири и защитить

⁴⁸⁰ Галкин М. Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб., 1868. С. 192–194.

⁴⁸¹ Нелепин Р. А. История казачества. Т. 2. СПб., 1995. С. 151.

⁴⁸² Недбай. С. 357.

караванные пути в Среднюю и Центральную Азию.

Восточные товары ввозились в Россию восточными купцами и разменивались на русские товары на крупных ярмарках, среди которых выделялась Нижегородская. Русские товары шли на юг вместе с теми же восточными купцами, которых грабили по дороге все кому не лень – хивинцы, кокандцы, киргиз-кайсацкие удальцы, – и обирали бухарские феодалы.

Попытки обеспечить движение русских товаров до Бухары под защитой вооруженных конвоев долгое время были провальными – как в 1803 г. под начальством поручика Гавердовского, так и в 1824 г. под командованием полковника Циолковского.

В конце царствования Александра I та часть Малой орды, что кочевала на территории Оренбургской губернии, получила новую систему правления. Ханская власть была упразднена; пространство кочевий разделено на части, переданные под управление старших султанов из числа феодальной знати. Но разбоя в степи стало только больше. Батыры нападали на караваны, обирали становища, а акыны слагали о них сказания. Султаны, пусть и старшие, не смели показаться в степи без русского конвоя. Казачьим отрядам, высылаемым в бескрайнюю степь для поимки разбойников, проще было бы искать иголку в стоге сена.

В 1833 г. на пост оренбургского военного губернатора и командующего Оренбургским корпусом был назначен граф В. Перовский. Граф прошел две войны и был человеком широких (как бы сейчас сказали, системных) подходов к освоению Средней Азии. Оренбург под его эгидой расцвел. В окружении графа находилась целая плеяда умных людей, «радеющих о процветании Отечества», в том числе В. Даль.

У Яна Виткевича, адъютанта Перовского, который пересек западную часть киргиз-кайсацких степей, читаем: «Ныне власть и влияние нашего управления простирается почти не далее пограничной черты Урала и не внушает ни кайсакам, ни областям Средней Азии особенного уважения... Вообще кайсаки, за исключением самых ближних и проживавших на Линии, **не имеют никакого понятия о подданстве своем**».⁴⁸³

Виткевич описал и те методы, с помощью которых хивинский Аллакули-хан «управляет» киргиз-кайсаками, де-юре находящимися в российском подданстве: «Хивинцы ездят по Сырдарье, до самого Ак-Мечета Ташкентского, где отделяется

⁴⁸³ Записка, составленная по рассказам Оренбургского линейного батальона № 10 прапорщика Виткевича относительно пути его в Бухару и обратно, 1836 // Записки о Бухарском ханстве. М., 1983.

Куван от Сыра, и грабят беспощадно чумекейцев наших, которые зимуют здесь и прикочевывают на лето к Оренбургской линии между Орска и Верхнеуральска».

Хива, покупавшая пленников у немирных киргиз-кайсаков, постоянно стимулировала их набеговую активность.

В лихие налетчики подался и внук хана Средней орды Аблая, Кенесары, аулы которого кочевали в неуютной полынной пустыне между реками Джиланчик и Сарысу...

В 1832 г. род Кенесары Касимова ушел за водой в Ташкению, принадлежащую кокандцам, но, освежившись, стал устраивать набеги на киргиз-кайсаков, принявших российское подданство. После ссоры с ташкентским кушбеком род перекочевал на север, к горам Улытау, откуда стал нападать на русские конвои между Оренбургской и Сибирской линиями – немало казаков сложило головы в степи. У одного из султанов Средней орды Кенесары угнал огромный табун в 12 тыс. лошадей. А казаки отбивали у кочевых аулов, поддерживающих Кенесары, скот, за счет которого возмещались потери у мирных киргиз-кайсаков, ограбленных степными «свободолюбцами».

В 1835 г. оренбургский губернатор Перовский

обосновал необходимость создания новой оборонительной линии, проходящей от Орской крепости до редута Березовского (неподалеку от Троицка) на реке Уй, впадающей в Тобол. Проект был утвержден Николаем I, и на всем протяжении новой линии начали воздвигаться укрепленные поселения – общим числом 30. Между ними ставились редуты и пикеты.

Создание линии, получившей название Новой, продолжалось до 1845 г., она поставила под контроль российских властей Новолинейный район. Здесь появилось несколько десятков казачьих станиц, получивших примечательные названия в честь побед русской армии.⁴⁸⁴

После экспедиций Г. Карелина на северо-восточный берег Каспийского моря в заливе Мертвый Култук было поставлено Новое александровское укрепление, а на Мангышлакском полуострове – возобновлено укрепление Святого Петра под именем Новопетровское. Для поддержания сообщения между ним и Гурьевым, начальным пунктом Оренбургской линии, Перовский создал систему пикетов.

Строительство новых русских укреплений на первых порах лишь добавило азарта степным разбойникам. Когда они ухитрились захватить на

⁴⁸⁴ <http://www.ural.ru/spec/ency/encyclopaedia-14-1457.html>

Каспии четырехпушечный бот со всей командой, чаша терпения оренбургского губернатора переполнилась. Перовский направил в степь генерал-майора Дренякина с тысячей служилых башкир, которые настигли и изрядно отделали разбойников в 500 верстах от Оренбурга. Войсковой старшина Осипов с тремя сотнями казаков нашел в песках Туйсуйчана киргиз-кайсаков адаевского рода, напавших на Новоалександровское укрепление, и наголову разбил их. 550 уральских казаков под командой полковника Мансурова в Устюртской пустыне обнаружили и истребили еще одну крупную банду, нападавшую на пограничье. Множество пленников обрело свободу, и в степи ненадолго водворился покой.

В ковыльно-полынных степях, лежащих к востоку от Оренбургской губернии, возникла еще одна цепь укрепленных русских поселений – Кокчетав, Каркаралы, Аягуз, Баян-аул и Акмолинск.⁴⁸⁵ В 1837 г., с возведением на юго-восточном направлении Актауского укрепления, устраивается пограничная служба на линии, проходящей от Актау до Петропавловска.

В 1830-х гг. русские посты продвинулись на 600–700 верст от Сибирской линии и достигли Голодной степи (эта огромная глинистая равнина позднее станет

⁴⁸⁵ Савицкий. С. 321.

центром хлопководства).⁴⁸⁶

Но за пустынями и солончаками находились серьезные противники, издревле воюющие по своим законам.

«Пища азиатцев заключается преимущественно в мясе; скот гонится обыкновенно при войсках или добывается в степях грабежом... Во время похода Азиатец чрезвычайно умерен в пище, небольшого куска крута (овечьего сыра) бывает достаточно для него на несколько дней...»⁴⁸⁷ Русским же офицерам предстояло провести через пустыни регулярное войско с артиллерией, с припасами.

Все помнили о гибели экспедиции Бековича, поэтому российские власти долго не решались на дальний поход в Среднюю Азию.

Наконец, зимой 1839–1840 г. оренбургский губернатор Перовский предпринял экспедицию в Хиву силами 3,5 тыс. пехотинцев и 1,5 тыс. кавалеристов. Однако его отряд не справился с тургайскими степями и, не дотянув немного до Арала, повернул обратно, понеся существенные санитарные потери.

Не были удачны и попытки утихомирить Кенесары Касимова, хотя в отношении разбойного султана

⁴⁸⁶ Керсновский. Гл. 11.

⁴⁸⁷ Макшеев. С. 2.

Перовский предлагал использовать договорную тактику. (По этому поводу у него даже возникли большие разногласия с западносибирским генерал-губернатором П. Горчаковым.)

В 1842 г. по ходатайству Перовского султан Кенесары получает прощение от государя вместе с указанием кочевать около Оренбургской линии. Перовский также выступает против конфискации скота у мятежных родов.

Но «волка» прикормить не удалось. Прощенный султан стал высылать разбойничьи шайки в Акмолинский, Кокчетавский и Аман-Карагайский округа. В 1843 г. он, напав на Екатерининское укрепление, увел оттуда 40 русских пленных. А июльской ночью 1844 г. Кенесары истребил целую группу киргиз-кайсацких султанов. После этого «подвига» бухарский и хивинский ханы разглядели в Кенесаре своего брата и назвали его киргиз-кайсацким ханом.⁴⁸⁸

В 1845 г. было основано укрепление Оренбургское на реке Тургай и Уральское на реке Ирғиз (позднее город Ирғиз) – для препятствования переходу мятежников Кенесары на север, – и волнения в Малой орде прекратились. На Аральском море появляется русская флотилия.

⁴⁸⁸ Щеглов. С. 537.

Султану Кенесары вновь объявлено высочайшее прощение. Он отпускает русских пленников, но мятеж продолжается, хотя уже идет по затухающей.

Сдавренный укреплениями и пикетами, преследуемый казачьими отрядами, Кенесары со своими людьми уходит сперва в пески Барсуки, потом в кокандские владения.

И вот в 1847 г. ему приходит закономерный конец. В Чуйской долине Кенесары вместе со своими воинами изрублен каракиргизской конницей – султан-разбойник осточертел многим. Сын его Джафар пытался продолжить отцовские подвиги в Акмолинской области, но время большого разбоя уже кончилось. В 1851 г. он был схвачен в Актау и вместо того, чтобы завершить беспутную жизнь на виселице (цивилизованные европейцы непременно оказали бы ему такую последнюю услугу), отбыл в березовскую ссылку.⁴⁸⁹

Большинство киргиз-кайсацких родов не поддерживало Кенесары и сочувствовало российским властям, чему способствовала система правления, выстроенная в Западно-Сибирском генерал-губернаторстве согласно «Уставу о сибирских киргизах», разработанному Сперанским. Управление поручалось самим кочевым общинам

⁴⁸⁹ Недбай. С. 264

– аулам и волостям. Основной административной единицей являлась волость, возглавляемая выборным султаном. Волости группировались в два округа, во главе каждого из которых стояли власти, состоявшие из выборного старшего султана, трех русских заседателей и двух киргиз-кайсацких. Отправление суда и расправы было оставлено за биями – традиционными судьями.

После завершения восстания Кенесары около 3,6 тыс. желающих крестьян из центральных и малороссийских губерний были переселены в Кокчетавский уезд и зачислены в казаки. Среди них были поселены старые казаки – для обучения правильной казачьей жизни.

В 1845–1847 гг. еще ряд родов Большой орды, увидев положительные изменения в жизни присягнувших России соплеменников, принимает российское подданство.⁴⁹⁰ Подданство не останется на бумаге, на присягнувшие роды будет распространено действие «Устава о сибирских киргизах».

А в 1826 г. ищет российского подданства первый из султанов Семиреченской области – Ааблайханов.⁴⁹¹

Изучением семиреченского Заилийского края

⁴⁹⁰ Щеглов. С. 543.

⁴⁹¹ Там же. С. 469.

занялся путешественник и дипломатический агент императора Е. Ковалевский. А в начале 1840-х гг. в Министерстве финансов обсуждалась идея открытия чайной торговли с Китаем через Семипалатинск, но было признано, что ситуация в Семиречье, где промышляют степные разбойники, препятствует налаживанию торгового обмена. С этого времени даже сверхосторожный канцлер Нессельроде поддерживал идею о занятии юго-восточной окраины киргиз-кайсацких степей.

В Семиречье появляются казачьи станицы: Атбасарская и Алатауская, затем Копальское укрепление – на реке Копалке у западного отрога Алатауского хребта.

В 1851 г., по пути в Кашгар на российско-китайские переговоры, Ковалевский снова исследовал Семиречье: район озера Балхаш, долины рек Аягуз, Лепсы, Аксу, Каратал. Заключенный с китайцами Кульджинский трактат по сути дал зеленый свет русской колонизации Семиреченской области.⁴⁹²

С 1854 г. началось переселение охочих крестьян западно-сибирских губерний в Семиречье, с зачислением в казаки Сибирского линейного войска.

⁴⁹² Ковалевский П. Е. Исторический путь России // История и историография России. Из научного наследия русского зарубежья. М.: Русский мир, 2006. С. 511.

Для защиты киргизов-кайсаков Большой орды от нападения каракиргизов и кокандцев создано укрепление Верное у подножия Заилийского Алатау на реке Алматы.

В 1858-1859 гг. в Семиречье переводили крестьян, самовольно водворившихся в Западной Сибири, также с зачислением в казаки. Все они получали денежное пособие, провиант и фураж на время обзаведения хозяйством.

К началу 1860-х гг. на предгорья Тянь-Шаня легла россыпь из 60 русских поселений, половина из которых была крестьянскими, половина – казачьими.

Из 9-го и 10-го полковых округов Сибирского казачьего войска, расположенных в Семиреченской области, в 1867 г. сформировано Семиреченское казачье войско.⁴⁹³

Не были забыты и кокандские разбои. В 1847 г. в устье Сыр-дарьи возникло укрепление Раимское. Стежка российских укрепленных пунктов прошла вверх по реке на 400 с лишним верст.

Весной 1853 г. Перовский взял кокандскую крепость на Сырдарье Ак-Мечеть, имея 3 роты пехоты, 8,5 сотни казаков и 17 орудий.⁴⁹⁴

Благодаря русским укреплениям в степях и долинах

⁴⁹³ *Любавский*. Историческая география. С. 268.

⁴⁹⁴ *Керсновский*. Гл. 11.

рек торговые караваны уже были защищены на протяжении большей части своего пути.⁴⁹⁵

Императорским указом от 1854 г. в Западно-Сибирском генерал-губернаторстве образованы две области: Семипалатинская и Сибирских киргизов с центром в Омске, в последнюю были включены Кокчетавский, Акмолинский и еще несколько округов.

Система управления киргиз-кайсаками оказалась настолько успешна, что кочевники Каратау, подвластные Кокандскому хану, стали обращаться к генерал-губернатору с просьбой прислать к ним войско для защиты от кокандцев и принять их в российское подданство.

Уважение, оказанное русскими властями к вере и обычаям киргиз-кайсаков, подтолкнуло каракиргизские роды с Тянь-Шаня (современная Киргизия) на добровольное присоединение к империи. Первым это сделал род Богу, кочующий к востоку и югу от Иссык-Куля. Распространение русской власти на тянь-шанских «дикочаменных» киргизов началось после переговоров, проведенных киргизскими послами с западно-сибирским генерал-губернатором. Послов, возвращавшихся на Иссык-Куль, сопровождал казачий отряд и лекарь Зибберштейн, составивший

⁴⁹⁵ *Макшеев. С. 5.*

«Описание о дикокаменных киргизах».⁴⁹⁶

В 1856 г. началось соединение Сырдарьинской и Сибирской линий, к 1864 г. русские посты заняли предгорную полосу от форта Перовский (бывший Ак-Мечеть) до Верного и отделили киргиз-кайсацкие земли от Кокандского ханства. Вместе с тем шло и покорение Туркестана. Против разбойных ханств действовали 11 оренбургских и 12 сибирских линейных батальонов, уральские, оренбургские и сибирские казаки.⁴⁹⁷

К середине 1870-х гг. покорение Средней Азии в основном завершилось. Хивинское и Бухарское ханства сохранили свою самостоятельность, однако произволу и насилиям местных властителей был положен конец. Прекращение набегов, грабежей, захвата рабов немедленно дало толчок хозяйственному и торговому развитию степного и туркестанского регионов. Развивались и ирригационные системы, основа поливного земледелия. Исчезла крупная феодальная собственность на землю, начался подъем городской жизни.⁴⁹⁸

Для сравнения: в завоеванной Бенгалии

⁴⁹⁶ Бартольд. С. 225.

⁴⁹⁷ Керсновский. Гл. 11.

⁴⁹⁸ Бартольд. С. 227.

британская власть, в лице Ост-Индской компании, первым делом обчистила казну, обложила непосильными налогами крестьян, разорила ремесленников и развалила общественные сельскохозяйственные системы.

«Они (откупщики) отбирали все до последнего фартинга у несчастных крестьян», «Агенты компании платят за забираемые товары гроши либо не платят вовсе», «Рынки, пристани, оптовые рынки и зернохранилища полностью разрушены. В результате этих насилий торговцы со своими людьми, ремесленники и райаты и другие бежали», – свидетельствовали те, на глазах у которых устанавливался британский «радж».⁴⁹⁹

А в 1769–1770 гг. англичане принудительно скупили весь рис и продавали его затем только по «баснословно высоким ценам».⁵⁰⁰

Следствием искусственно организованного голода стала гибель трети бенгальского населения, 10 млн человек, о чем нам любезно сообщает энциклопедия «Британника» 1911 года издания.

⁴⁹⁹ Всемирная история. Период английского завоевания. Т. 14. М.; Минск, 2000. С. 307.

⁵⁰⁰ Маркс К. Капитал // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23. М., 1954. С. 762–763.

Русская Америка

На северо-западном Тихоокеанском побережье Америки русские мореплаватели появляются намного раньше, чем западные.

М. Гвоздев и И. Федоров на «Св. Гаврииле» в 1732 г. первыми достигают американского берега.⁵⁰¹

В 1741 г. капитан Чириков подходит к берегу Америки под $55^{\circ} 31$ с. ш. Две шлюпки с 15 членами экипажа, отправленные им к берегу, обратно не

⁵⁰¹ Ефимов. С. 178.

вернулись.

В 1766 г. к империи присоединены шесть Алеутских островов, открытые купцом Андрианом Толстым.

Правительство поощряло разными льготами мореходов, открывавших новые земли. Однако русским промысловикам и чиновным лицам строго воспрещалось чинить грабительства и жестокости «природным жителям» и собирать с них подати, законной властью не установленные.

В 1781 г. появляется первое российское поселение на Северо-Американском материке, именуемое Новороссийск. Но, по некоторым данным, на американском берегу русские жили и до этого. Сотник И. Кобелев в 1779 г. слышал от эскимосов на островах Диомида, что на реке Юкон есть острожек, населенный русскими людьми, а российский посланник в Мадриде Зиновьев доносил, что испанский капитан Горо обнаружил в районе, где пропали члены экспедиции Чирикова, 8 селений с русскими.⁵⁰² Отчет же губернатора Аляски за 1937 г. содержит сведения об открытии, в ходе работ по межеванию, остатков поселения трехвековой давности на Кенаиском полуострове. Характер построек исключал то, что они были

⁵⁰² Головин П. Обзор русских колоний в Северной Америке. СПб., 1862. С. 8; Ефимов. С. 266, 267.

созданы эскимосами или индейцами, – с большой вероятностью можно утверждать, что 31 дом был поставлен первопроходцами из экспедиции Дежнева.⁵⁰³

Купцы Иван Голиков и Григорий Шелихов решили создать компанию для пушного промысла и торговли с туземцами на североамериканском континенте и островах Восточного океана. Два купца снарядили три судна, побывали на Алеутских островах, высадились на американском берегу и завязали отношения с тамошними жителями. Не только торгово-меновые. В 1793 г. по просьбе Голикова и Шелихова была прислана из Петербурга духовная миссия для проповеди православной веры индейцам и алеутам.

Правительство также прислало компании 20 мастеровых для работ на верфи у мыса Святого Ильи.

Купец Мыльников в Иркутске учредил еще одну компанию для торговли и промыслов на американском берегу и близлежащих островах – «Коммерческую американскую».

В 1798 г. обе компании соединились в одну, которая в следующем году получила суховатое название «Российско-Американская компания» и форму открытого акционерного общества. Первоначальный

⁵⁰³ Ефимов. С. 162.

ее капитал составил немалые 724 тыс. руб.

Компания заведовала Америкой с Байкала – ее главное управление располагалось в Иркутске. Для управления всеми делами акционеры избирали четырех директоров, которые могли обращаться непосредственно к императору Павлу Петровичу.

Согласно своему уставу компания должна была заниматься промыслом «морских и земных зверей». А жалованная императором грамота определила, что компания могла пользоваться в течение 20 лет «всеми промыслами и заведениями, находящимися по северо-западному берегу Америки от 55° северной широты до Берингова пролива и далее, а также на островах Алеутских, Курильских и др., и всем тем, что доньше в этих местах, как на поверхности, так и в недрах земли, было отыскано или впредь отыщется». ⁵⁰⁴

Компания получила право принимать открываемые земли в российское владение; заводить там поселения и укрепления; иметь торговлю со всеми околлежащими державами; нанимать всякого состояния свободных людей. Служащие компании считались состоящими на государственной службе.

В 1820 г. привилегии компании были возобновлены

еще на 20 лет. За ней осталось право вести внешнюю торговлю, исключая китайское направление. Ее суда, отправляемые из Кронштадта и Охотска, разрешалось нагружать любыми российскими и иностранными товарами, по которым уплачен пошлины. Но строить фактории вдали от побережья дозволялось лишь с согласия местных жителей. Воспрещалось накладывать на туземцев в ее владениях дань и какие-либо повинности.

Как мы видим, на предпринимательскую инициативу «Российско-Американской компании» правительство наложило увесистую руку. Любой акционер Британской Ост-Индской компании посмотрел бы на это, сделав брови домиком, и подумал бы что-нибудь про триста процентов прибыли, ради которых не то что туземца, родную бабушку ограбишь.

Согласно «Правилам о пределах плавания и порядке приморских сношений вдоль берегов Восточной Сибири, Северо-Западной Америки и островов Алеутских и Курильских» от 1821 г., лишь российским подданным разрешались торговля, китовый промысел, лов рыбы и другие промыслы на означенных территориях.

А иностранцам возбранялось под страхом конфискации судов не только приставать к указанным

землям, но и приближаться к ним на расстояние менее 100 миль.

Русские поселения появляются не только на побережье Аляски, но и на Юконе, на территории будущего штата Орегон и провинции Британская Колумбия. Русскими моряками основан форт на Гавайских островах, получивший название в честь супруги императора – Елизаветинский.

Указом императора Александра I от 4 сентября 1821 г. объявлялось, что России принадлежат все земли по северо-западному берегу Америки до 51° с. ш. и по островам Курильским до южного мыса о. Урупа – 45°5Г с. ш. (Русофоб тут сразу закричит, что Курилы-то – не все царем указаны. Да, Япония, возможно, имела бы теоретическое право на два южных острова гряды, когда бы не провела несколько агрессий против нашей страны, за которые была справедливо наказана.) Также заявлялось исключительное право российских подданных на производство рыбной ловли и всяких промыслов на островах, в портах и заливах на этом пространстве.⁵⁰⁵

В силу указа в аляскинском порту Ситха был задержан американский бриг «Pearl of Boston». От американских и английских внешнеполитических ведомств в Петербург косяком полетели ноты,

⁵⁰⁵ Головин. С. 7.

отвергавшие положения императорского указа, в том числе проведение российской границы в Америке по 51° с. ш. Англосаксы ссылались на то, что в привилегиях, выданных императором Павлом «Российско-Американской компании», граница проводилась по 55° с. ш.

Реальных возможностей для выкручивания рук Петербургу англосаксы не имели. Российская империя находилась на вершине политического и военного могущества. Они могли только просить и умолять.

Однако александровский Петербург был влюблен в Запад (хотя без взаимности), и сам Александр Павлович занял трон не без помощи англичан. Канцлер Нессельроде соответствующим образом проинструктировал дипломатов, и они легко пожертвовали национальными интересами.

С США и Англией были заключены две конвенции: в 1824 и 1825 г. Американская граница России отодвигалась сильно на север, до $54^{\circ} 40'$ с. ш. Она отдавала самую южную и теплую часть своих американских владений.

Англичанам на 10-летний срок открывался Новоархангельский порт на острове Ситха. Подданным договаривавшихся государств предоставлялось «право мореплавания, рыбной

ловли и торговли с туземцами во всех частях Великого океана; в течение 10 лет им дозволялось заходить во все внутренние моря для производства рыбной ловли и торговли». По сути, Россия распахивала двери в свои американские владения настезь.

После заключения конвенций русскими был покинут ряд поселений на Северо-Американском материке, а также форт на Гавайских островах.

Но по истечении 10-летнего срока, в 1835 г., уже при императоре Николае I, свободное плавание иностранных судов в российских американских владениях было прекращено – несмотря на просьбы американского посланника. Попытки английской «Компании Гудзонова залива» создать на нашей земле факторию и поставить форт были пресечены.⁵⁰⁶

Во владениях «Российско-Американской компании», к которым относились Аляска, Алеутские и Курильские острова, жили ее служащие, офицеры и матросы флота, солдаты сибирских линейных батальонов и простые мужики-переселенцы. Они приезжали сюда как с семьями, так и холостыми, находя себе в Америке пригожую креолку или туземку.

Были в Русской Америке и т. н. колониальные граждане из числа промысловиков и отставных

⁵⁰⁶ Головин. С. 10.

служащих компании, пожелавших остаться здесь навсегда. Компания выделяла им земли и средства на обустройство, выплачивала пенсию. В отличие от русских поселенцев, креолы, то есть дети от смешанных браков, не платили никаких податей, относясь к особому привилегированному разряду. Компания проявляла большую заботу о сиротах и незаконнорожденных детях, оставленных отбывшими на запад служащими.

Те русские поселенцы в Америке, что не служили в компании, занимались преимущественно бобровым и китобойным промыслом, разводили скот. Шкурки ценных пушных зверей они должны были продавать компании по твердой таксе.

«Российско-Американская компания», в отличие от колониальных компаний западных стран, не подвергала эксплуатации и принуждению «природное население», которое, по большому счету, старалась не беспокоить.

В Русской Америке было создано что-то вроде государства всеобщего благоденствия, так что ее гости утверждали, что жители этой северной Аркадии совсем разленились.

Если алеуты были безвредны и сами немало пострадали от принесенных «любоострастных болезней», то материковые индейцы-колоши долгое

время являлись смертельными врагами русских поселенцев. Возможно, это было результатом наущения со стороны англичан и американцев, желавших прибрать к рукам местный пушной промысел. На «вклад» западных держав указывает то, что индейские воины на Аляске были поголовно вооружены огнестрельным оружием. Были времена, когда невооруженный русский поселенец не мог удалиться и на 50 шагов от Новоархангельской крепости.

Кстати, интересной особенностью индейцев-колошей было то, что они имели рабов. Вместе со смертью хозяина убивали и принадлежащих ему людей, чтобы они обслуживали его в «полях счастливой охоты». Не исключено, что русские поселенцы как-то обозначали свое отрицательное отношение к подобным американским обычаям (незлым тихим словом), чем вызывали негативные эмоции со стороны «природных жителей».

С начала XIX в. «Российско-Американская компания» имела участок земли вместе с фортом Росс в Калифорнии, близ залива Бодего. Селение Росс снабжало Аляску мясом и овощами. Однако хлеб везли на Аляску по-прежнему из Охотска. Калифорнийский участок был маленький и не очень удачный, поэтому не мог обеспечить хлебное

снабжение американских владений компании. Но расширять его русские колонисты не могли – Петербург хотел избежать трений с испанскими властями.

С появлением независимой Мексики ее власти стали выдавливать русских из Калифорнии. Селение Росс пришлось продать некоему Саттеру выходцу из США, имевшему мексиканское подданство. (Очевидно, эта темная личность хорошо «подмазала» мексиканских чиновников.) Самое интересное, что Саттер так и не заплатил большую часть условленной суммы; но участок Росс все равно остался за Мексикой, а затем вместе с остальной Северной Калифорнией достался молодому хищнику – США. (В 1848 г. американцы аннексировали примерно половину мексиканской территории.)

И если неудачная продажа Росса была вызвана давлением внешних обстоятельств, то еще более неудачная продажа Аляски имела лишь идеологическую основу – таков был курс либеральных реформаторов, правивших Россией в 1860-х гг.

Объяснять эту продажу редким русским населением Аляски нелепо – на Дальнем Востоке оно было столь же разреженным. (После перехода Аляски в американские руки нетуземное население

сделалось там еще более редким – вплоть до начала золотой лихорадки.) Объяснять тяжелым климатом тоже нельзя. Аляскинский как раз был намного мягче, чем на Дальнем Востоке. В районе Анкориджа, расположенного на 18° севернее Владивостока, благодаря теплему океанскому течению зимние температуры близки к 0°C и океан не замерзает.

Невозможно оправдать сбагривание Аляски и военной угрозой со стороны США и Британии. Во время Крымской войны англичане подписали с русскими соглашение о «взаимной нейтрализации» – не ведении боевых действий в Америке. Результат боестолкновений для американцев, любящих повоевать, лишь имея в кармане гарантию успеха, был непредсказуем.

Безусловно, российское правительство испытывало нужду в деньгах. Однако сравним архискромные 7,2 млн долл. (менее 11 млн руб.), за которые было продано около 1,5 млн км² территории, с сотнями миллионов рублей, которые утекли из России в течение нескольких лет после буржуазной реформы 1861 г. Помещики продавали неприбыльные имения или закладывали их в коммерческие банки и упархивали с денежками за границу. Не лучше ль было соорудить плотину на пути этого денежного потока?

Колонизация азиатской части России на рубеже XIX и XX вв

«Реакционер» Николай I так и не решился резким взмахом пера отменить крепостное право. Однако его экономическая и социальная политика была нацелена на увеличение благополучия крестьян, государственных и крепостных, на преодоление последствий череды сильнейших засух, мучивших Россию на протяжении 1830-1840-х гг.

«Николай Палкин» думал о простом человеке.

Государственное крестьянство стало при нем гораздо многочисленнее, богаче и свободнее, в том числе и благодаря переселенческой политике. Крепостное право уходило де-факто вместе с тем, как разорившиеся поместья закладывались в государственные (иного варианта не было) кредитные институты⁵⁰⁷¹. По словам Ключевского: «Постепенно сами собой дворянские имения, обременяясь неоплатными долгами, переходили в руки государства».⁵⁰⁸

А при либеральном Александре II землевладельческая олигархия, дорвавшаяся до полной власти, заложила под тысячулетнюю российскую государственность колоссальную мину.

Либерально-буржуазная реформа 1861 г. породила массу малоземельных крестьян. Разделение помещичьих и крестьянских земель шло с «отрезками» в пользу помещиков. Бывшие владельческие крестьяне имели теперь земли намного меньше, чем до прославленной реформы. И за это основное средство производства крестьянам пришлось еще платить помещикам с помощью

⁵⁰⁷ *Высочков А. В.* Николай I. М., 2006. С. 206; *Маркс К.* Об освобождении крестьян в России // Соч. Т. 12. С. 692–701.

⁵⁰⁸ *Ключевский В. О.* Сочинения. Курс русской истории. М., 1988. Лекция LXXXVI.

выкупной операции, растянувшейся на десятилетия.

В условиях низкого душевого производства хлеба, обусловленного коротким периодом сельскохозяйственных работ, то есть самой природой, выкупные платежи у большинства русских крестьянских хозяйств отнимали не только излишки, но и необходимый продукт.

Многие крестьяне взяли лишь т. н. даровые наделы (0,75 десятины). За них не надо было нести выкупные платежи, но с ростом и дроблением семей их доли становились практически ничем. Еще одним следствием реформы стала усилившаяся чересполосица, разбросанность земельных участков у крестьянина – ведь землевладельцы «отрезали» себе лучшие земли.

В середине XIX в. наметились три основных района, нуждавшихся в отселениях. Это, во-первых, старые черноземные области, Воронежская, Курская, Тульская, Рязанская и отчасти Харьковская, – те самые, что с середины XVI в. и до середины XIX в. сами были центрами притяжения земледельческой колонизации. Теперь крестьяне этих губерний страдали малоземельем.

За два предшествующих века сельскохозяйственного освоения, проводимого совместными усилиями государства и народа,

бывшее Дикое поле оказалось густо заселенным.

Так, согласно данным статистика Арсентьева, в 1846 г. в старых черноземных «житницах» плотность населения составляла: 2170 душ на кв. милю в Курской губернии и 2350 – в Тульской. А скажем, в перешедших к нам от Польши Минской губернии – 620 душ, Курляндской – 1050, в перешедшей от Турции Бессарабии – 950 душ (несмотря на то что на этих землях условия для земледелия были более благоприятными, чем в центральной России).

Если в 1788 г. посевы в Тульской губернии занимали 46,7 % всей площади сельскохозяйственных земель, то в 1859 г. – 99,2 %! Исчез резерв пашенных угодий – перелог, залежи, внеочередные пары, который дополнял трехпольную систему.

К 1890 г. размер душевых наделов в старом Черноземье часто составлял менее 2 десятин, а 6 % крестьян вообще оказалось безземельными. Свободных земель не осталось, под пашню пошли выгоны и сенокосы, что сокращало поголовье скота, являвшегося источником не только молока и мяса, но также и натуральных удобрений. Вырубка лесов привела к тому, что и на обогрев крестьянских жилищ шел навоз. Почвы выпаживались, теряли естественное плодородие.

Арендные цены на землю с 1860-х к 1890-м гг. выросли на 200–300 %!⁵⁰⁹

В начале XIX в. душевой сбор в старом Черноземье превышал 34 пуда зерна, к 1860-м гг. упал до 26,4, к 1900 г. снизился до 25 пудов.

Этот регион однозначно вступил в фазу демографического сжатия.

Другими краями, которые играли роль резервуара для переселенцев, были Малороссия (Полтавская, Черниговская губернии) и Юго-Западный край (Волынь, Подолия, Киевская губерния), где крестьянство также испытывало нехватку земли и не могло решить земельный вопрос за счет аренды. Арендные цены здесь были высоки из-за распространения высокорентабельных плантаций сахарной свеклы, подсолнечника, табака.

Еще одним регионом, нуждавшимся в отселениях, было Среднее Поволжье: Нижегородская, Казанская, Симбирская губернии, которые также до середины XVIII в. служили аттрактором для земледельческой колонизации. Здесь значительная часть крестьян получила небольшой четвертной надел. К концу XIX в. с увеличением населения и дроблением крестьянских семей многие наделы уже не превышали ничтожных 0,7–0,8 десятины, с которых невозможно было

⁵⁰⁹ Любавский. Историческая география. С. 277.

прокормиться.

Усилившееся крестьянское малоземелье и колоссальная задолженность общины после 1861 г. не были нечаянным следствием благих помыслов. Напротив, либеральные реформаторы позаботились об этом в первую очередь. Казалось бы, из создавшейся ситуации должно прямо вытекать всяческое содействие переселениям и колонизации новых земель. Но все обстояло прямо наоборот!

Для либералов прогрессом считался повсеместный приход капиталистических отношений (а для наиболее радикальных господ еще и ослабление «самодержавия», то есть государства). То, что такой «прогресс» вел Россию на самую эксплуатируемую периферию капиталистического мира, за счет которой Запад производил накопление капиталов, наших догматиков особо не волновало. Собственно, это и было прямой целью для либералов и промежуточной целью для революционеров (также быстрее придет революция). И те и другие хотели «войти в Европу», хотя бы в виде бифштекса на европейском столе.

Более тридцати лет после реформы 1861 г. оказались периодом всяческих помех и ограничений на самых важных направлениях колонизации.

Согласно либеральной идеологии, те крестьяне,

что испытывают недостаток земли, должны идти батрачить на крупных земельных собственников, гонящих сельскохозяйственное сырье на экспорт. Совсем как в Пруссии. Или отдавать свои дешевые рабочие руки городским капиталистам, как в Англии. Отселение же крестьян в дальние края несет страшные лишения сырьевой олигархии. У нее не будет батраков, к ней перестанут течь арендные платежи, ее земля упадет в цене. Да и городским капиталистам придется несладко – повысится стоимость рабочей силы. В общем, кошмар: капитал не копится, не растет банковский счет.

Для перехода крестьянина из одного общества (общины) в другое, согласно Положению от 19 февраля 1861 г., требовалось: отказ от мирского надела, уплата всех недоимок, отсутствие бесспорных денежных обязательств, увольнительный приговор прежнего общества, приемный договор общества будущего причисления. В некоторых случаях – внесение всех выкупных платежей. Многовато, одним словом. Возможности для переселения на свободные казенные земли оставались открытыми лишь для некоторых узких категорий сельского населения вроде прибалтийских батраков.

Некоторые послабления были приняты для потока

переселенцев, текущего через все препоны в Уфимско-Оренбургский край с его черноземными степями и лесами по долинам рек (до 120 тыс. человек за 1870-е гг.). Но и здесь процесс отвода казенной земли финансировался кое-как, и колонисты в массе своей лишь арендовали земельные участки у башкирских родов.

Если не считать Алтая и далекого Приамурья, то с 1862 по 1873 г. в Сибирь легально пришло 2800 семей, с 1874 по 1878 г. – всего 8 семей.

Исключением в общей антиколониционной политике времен Александра II были поощрительные правила заселения Амурского края и Приморской области.

В 1861 г. Приамурье и Приморье объявлялись открытыми для заселения «крестьянами, не имеющими земли, и предприимчивыми людьми всех сословий, желающими переселиться за свой счет». Видимо, сыграло свою роль то, что Николай I в свое время включил цесаревича Александра в работу комитета, решавшего вопрос о присоединении Приамурья к России.

Государственная помощь переселенцам на Амур была отменена – платите, господа, сами. Однако прибывшим туда представлялось бессрочное освобождение от подушной подати, от рекрутской

повинности – на 10 наборов, от оброчной и поземельной податей – на 20 лет, от земских повинностей – на 3 года. На семью отводилось по 100 десятин. По истечении 20 лет со времени водворения как общество, так и отдельная семья могли выкупить землю в собственность по 3 руб. за десятину.

Поскольку долина Амура шла под казачьи поселения, крестьянская колонизация охватывала, главным образом, земли по притокам Амура, Зеи и Бурей.

Для поселенцев в Южно-Уссурийском крае с 1866 г. была установлена выдача ссуды в 100 руб. на семью и запаса продовольствия на год. Нуждами колонизации здесь стало заниматься Южнорусское переселенческое управление. Помимо переселенцев из европейской части России сюда переходили люди, недавно прибывшие в Амурскую область, – климат Южно-Уссурийского края был мягче.⁵¹⁰

К 1879 г. южнее острова Ханка было создано десять казачьих поселений. Отдельное Уссурийское казачье войско оформилось в 1889 г.

Далеко не все крестьяне, получившие разрешение переселиться на Дальний Восток, добирались до него. Трудно было выдержать путь, проходивший по

⁵¹⁰ Кауфман. С. 20.

трактам и рекам и занимавший почти два года.⁵¹¹ Многие оседали еще в Оренбургском крае.

С 1883 г. правительство стало предпринимать меры по организации движения в Приморье морским путем, который требовал на порядок меньше времени: 2–3 месяца.

Добровольный флот за 1883–1885 гг. доставил во Владивосток 5780 человек, из них 4683 за счет казны. Казеннокоштным колонистам предоставлялись к тому же продовольствие на 1,5 года, деньги на постройку дома, пара голов рабочего скота и корова.

Изданные в 1865 г. особые правила о переселении на кабинетские земли Алтайского округа (тогда южная часть Томской губернии) сделали его наиболее доступным из всех сибирских регионов. Поселенцы имели здесь право на 15 десятин земли и бесплатный лес для построек и отопления. Они могли водворяться как на пустых землях, так и в поселениях старожилов, и старожильские общества охотно принимали новых членов.

За 1866–1877 гг. на Алтае 7979 человек было причислено к обществам и 1765 поселилось на свободных землях.⁵¹²

В целом 1860-1870-е гг. оказались периодом

⁵¹¹ Там же. С. 22.

⁵¹² Кауфман. С. 21, 22.

неиспользованных колониционных возможностей, несмотря на то, что многие районы центральной России воочию и в статистических данных показывали и рассказывали, как страдают от аграрного перенаселения и то, что крестьянин не хочет наниматься в батраки к крупному земельному собственнику.

Фритредеры предопределили роль России на периферии капиталистической мир-системы с функциями экспортера зерна. Но идеологов либерализма постигла неудача.

Разрешенная реформой полная приватизация поместий уже в 1860-х гг. привела к масштабному выводу земельной ренты за рубеж: до 200 млн руб. Типичной фигурой высшего общества стал землевладелец, сдавший свою землю в аренду крестьянской общине или заложивший ее банкиру и прожигающий состояние в Париже или Ницце – под звук пробок, выбиваемых шампанским, и смех обворожительных мадемуазелей.

Россия действительно значительно увеличила экспорт зерна, с 11,5 млн гектолитров в 1844–1853 гг. до 89 млн во второй половине 1870-х гг. Однако на понижательной фазе кондратьевского цикла цены на зерно на мировом рынке все время падали, и к концу XIX в. они были в три раза ниже, чем в 1860-

х гг. США, Канада, Аргентина, Австралия, страны с гораздо более удачными природно-климатическими условиями, ввели в оборот огромное количество свободных земель (свободными они стали после очистки от природного населения) и завалили рынки дешевым зерном.

Проводимое российскими либералами наращивание хлебного экспорта снижало норму потребления в стране, уменьшало запасы в мелких крестьянских хозяйствах и не приносило необходимых средств в индустриализацию.

Деньги, вырученные крупными землевладельцами и оптовиками за вывезенный хлеб, текли в том же направлении, что и деньги, полученные помещиками от выкупной операции и сдачи земли в аренду, – потребительски расходовались на Западе, не превращаясь в российские промышленные инвестиции.

А для проведения индустриализации оставалось полагаться на западные кредиты и инвестиции, что было чревато политической зависимостью от тех, кто совсем не любит Россию.

Население крестьянской России выросло на 50 % с 1860 до 1890-х гг., его излишки вовсе не поглощались городами, меж тем земельный фонд крестьян увеличился менее чем на 20 %, и то в

основном за счет покупки земель у помещиков.⁵¹³

Накопление капитала по либеральным рецептам оборачивалось обнищанием крестьянской массы. А либеральные «мыслители», прямые виновники нищеты, старательно канализировали поток негативных эмоций в сторону монархии.

Двадцати лет «без потрясений», потерянных в 1860-1870-х гг., не хватит в критический период начала XX в., когда ненавистники России сделают ставку на разрушение российского государства при помощи горячего недовольства крестьянской массы.

Лишь в 1880-е гг. государственные мужи стали понемногу осознавать масштаб проблемы и думать о том, как открыть краны для переселенческих потоков.

В «Правилах переселения земледельческого населения на казенные земли» от 1881 г. до некоторой степени просматривались идеи Киселева – дать необходимую землю всем крестьянам, «владеющим наделами, недостаточными для прокормления семьи». Намечалась помощь переселенцам во время их следования к новым местам проживания и в отыскании подходящих земельных участков.

Однако правила 1881 г. не сильно поспособствовали переселенческому движению. Они даже не были обнародованы – настолько

⁵¹³ Любавский. Историческая география. С. 271.

землевладельческая олигархия была напугана перспективой лишиться рабочих рук и арендаторов.

Переселение оказывалось доступным лишь зажиточным крестьянам, которые не очень-то нуждались в нем.

Реально возникла лишь одна переселенческая контора.

Отводом земли в Сибири занимался с 1885 г. западно-сибирский переселенческий отряд, немногочисленный по штату, но обязанный работать в Тобольской, Томской, порой в Акмолинской и Семипалатинской областях. В итоге едва ли седьмая часть переселенцев попадала на заранее подготовленные участки, остальные селились где попало.

Земли Алтайского округа, где было легко облюбовать и получить участок, по-прежнему привлекали переселенцев более всего; общества старожилов за небольшую «вкупную» плату принимали новых членов.

Алтайское направление выглядело привлекательным также исходя из продолжительности пути. Он длился 9-13 недель для тамбовцев, 11–13 – для рязанцев.

С 1884 по 1889 г. на Алтай переселился 96 331 человек.

Закон «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли», обнародованный 13 июля 1889 г., разрешал переселение без увольнительных приговоров от крестьянских обществ. Недоимки и выкупные платежи теперь переводились на общества прежнего причисления. Они, в свою очередь, забирали невыкупленные наделы уходящих крестьян.

Участки на новых землях отводились сначала на срок от 6 до 12 лет на арендных основаниях, а уже потом в постоянное пользование с выдачей отводных актов – как общинам, так и единоличникам.

Предусматривалась выдача ссуд на путевые расходы, на хозяйственное обзаведение. Произведено было удешевление тарифов на железной дороге и в пароходном сообщении.⁵¹⁴

На рубеже 1880-1890-х гг. начинается переселенческий бум, связанный с законом 1889 г. и подхлестнутый неурожаем 1891–1892 гг. (голод наглядно показал, насколько опасна либерализация поземельных отношений в стране с такими природно-климатическими условиями, как Россия, – правда, поняли это немногие).

Если в середине 1880-х гг. ежегодное число переселенцев в Сибирь составляло 30–35 тыс.

⁵¹⁴ Кауфман. С. 29.

человек, то в 1889 г. достигло 40 тыс., а в 1892 г. – 92 тыс.

Статистика переселений в Сибирь за 1887–1893 гг. показывает, что первые три места в «хит-параде колонистов» занимают с 16,1 % выходцы из Курской губернии, 10,1 % – тамбовцы, 8,3 % – воронежцы.

Эти цифры опровергают взлелеянный сепаратистами миф о происхождении сибирского населения из числа «вольных поморов». Дорогие сибиряки происходят-то в массе своей из самых простых мужиков центральной России. (На это, кстати, указывает и сильное преобладание аканья над оканьем у сибирских жителей.)

В Алтайском горном округе за 1890–1892 гг. доля курских выходцев составила 18,3 %, тамбовских – 17 %, а на третьем месте черниговские – 12,4 %. Вятская, Пермская, Тобольская губернии вместе дают 11,4 %.

В общем, самые бурные переселенческие потоки исходят из густонаселенных сельскохозяйственных областей.

Среди переселенцев доля бывших государственных крестьян превышала долю бывших помещичьих. Первые отличались большим приростом и неравномерностью в распределении земли, обитали преимущественно в районах

рискованного земледелия и в то же время не были обременены выкупными платежами.

Бывшие помещичьи обычно водворялись в Западной Сибири, более состоятельные государственные добирались до Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Кулаки и прочие сельские капиталисты не были легки на подъем. В Сибирь шли в основном середняки. Для бедняков предпочтительней выглядел более близкий путь в новороссийские степные губернии, на Донщину, в Предкавказье, хотя многие из них уже не могли получить там собственный надел. В среднем у крестьян, выбравших южное направление, денег было в два-три раза меньше, чем у тех, кто направился в Сибирь.

Многочисленны были случаи, когда поиздержавшиеся в дороге крестьяне так и не добирались до Сибири, оседая в Уфимско-Оренбургском крае, а направлявшиеся на Дальний Восток оставались в Тобольской или Томской губернии.⁵¹⁵

Всего один пример, чтобы представить трудности переселения в ту эпоху, когда еще не было Сибирской железной дороги. От Красноярска до Иркутска, по

⁵¹⁵ Переселения крестьян в России // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.

пути длиной в 800 верст, надо было идти гужем 32 дня, при условии, что не будет ненастья. И фуража надлежало брать больше, чем клади.⁵¹⁶

К концу XIX в. переселения в пределах европейской России стали затухать. Заполнились новороссийские степи и Предкавказье. К 1896 г. отвод земель в Уфимской и Оренбургской губерниях допускался только для местных малоземельных жителей. Азиатская часть страны окончательно сделалась главным «потребителем» переселенцев.

Самовольные переселенцы обращают свое внимание на киргиз-кайсацкие степи. В 1883 г. в пустынной Тургайской области возник город Кустанай, а уже через несколько лет в нем проживало 16 тыс. человек, да и вокруг образовалось целое созвездие крестьянских поселений, с числом жителей около 9 тыс. Много самовольных переселенцев устремилось в район Актюбинска.

В 1888 г. переселение в Тургайскую область было разрешено официально, но только в города. Крестьяне-переселенцы вынужденно селились в Актюбинске и Кустанае, где сначала пользовались землей в черте города, потом начинали арендовать ее у киргиз-кайсацких родов.

«Степное положение» от 1891 г. еще раз защитило

⁵¹⁶ Сибирь и Дальний Восток. С. 119.

интересы туземного населения и дало право на сдачу земель в аренду лишь киргиз-кайсацким волостным правлениям. Большинство арендных соглашений стало незаконным, русские крестьяне оказались на птичьих правах.

Наконец, в 1892 г. (критическое время голода в европейской части России) переселенческие поселки в киргиз-кайсацкой степи получили официальный статус, и им были отведены земли. Псевдогорожан зачислили в сельские общества и волости.

В сухом климате Степного края, при малом знакомстве русских из центральных губерний с системами орошения, хозяйства переселенцев были неустойчивыми.

Чаще всего переселенцы добивались благополучия в Акмолинской области, отличавшейся большим увлажнением, особенно в северной своей части. Там в 1891 г. приходилось в среднем на двор крестьянина-переселенца по 8,4 головы крупного скота и по 9 десятин посева.

Направился миграционный поток и совсем уж на юг, в Туркестан. К 1891 г. там имелось 19 русских поселений (7–8 тыс. жителей), а за 1891–1892 гг. образовалось еще 23 поселения с 12 тыс. переселенцев.

Администрация Туркестанского края (особенно при

генерале Н. Гродекове) всячески способствовала благоустройению самовольных переселенцев – они получали помощь даже из бюджета генштаба, им оперативно выделялись земли.⁵¹⁷

В начале 1890-х гг. годовое число переселенцев в Сибирь подошло к сотысячной отметке, достигло 120 тыс. в 1895 г. и 200 тыс. в 1896 г. – в связи с открытием движения по Транссибу и поощрительной политикой правительства. Всего с 1887 по 1897 г., за время первого переселенческого бума, в Сибирь переселилось 842,5 тыс. человек. Более всего поселенцев осело в Томской губернии, где предпочтение отдавалось западной степной части Алтая.

До постройки железных дорог основной поток переселенцев в Сибирь шел через Тюмень, оттуда растекался по рекам Обского бассейна или уходил по Сибирскому тракту на Ишим, Омск, Томск. Другой путь вел от Самары на Оренбург и далее к Омску. После того как от Перми на Тюмень в 1885 г. прошла железная дорога, по ней прибывало 90 % переселенцев в Сибирь.

Весной 1890 г. в Тюмени скопилось 15–18 тыс. человек, которые ждали здесь открытия навигации. Временные пристанища были переполнены.

⁵¹⁷ Кауфман. С. 32–34.

Большинство находились под открытым небом. Бедным людям в небольшом городке практически невозможно было снять себе жилье.

Впрочем, такие картины переселения не были чем-то исключительным. Даже «благополучная Европа» видела более страшные сцены.

Постреформенные страдания русского крестьянства в общем происходили на фоне мирового наступления капитала на общину и мелкотоварное производство, на присваивающее хозяйство – это сопровождалось многочисленными жертвами.

Полувеком ранее страшный голод опустошил Ирландию, убив полтора миллиона человек. Он был следствием перехода лендлордов от выращивания зерна к интенсивному животноводству и сгона мелких арендаторов с земли. Правительство самой богатой страны в мире так и не собралось оказать какую-либо существенную помощь своим умирающим подданным. Голод 1845–1846 гг., обусловленный английской капитализацией Ирландии, выбрасывал за пределы этой несчастной страны массы истощенных людей, до трети из которых не могли пережить пути из-за дистрофии и тифа.

И 1880-1890-е гг. были временем массового выселения из стран, где происходили быстрый переход к товарному сельскому хозяйству и

высвобождение излишков сельского населения. По-прежнему пустела Ирландия, началась массовая эмиграция из Италии, Испании, Швеции, Австро-Венгрии. Из Норвегии уехало столько людей, сколько в ней проживало в 1820 г.

На палубах и в трюмах уплывали они за океаны, и можно представить, каких жертв стоило бы переселение, если бы вместо относительно короткого морского пути европейцам предстояла такая же длинная дорога, как русским.

Если взглянуть на остальной мир, то в Китае после опиумных войн шла затяжная депопуляция (в 1842 г. его население составляло 416 млн человек, а в 1881 г. – 369 млн⁵¹⁸). Британская Индия страдала от повторяющихся вспышек голода, что стало результатом политики британских властей по разорению местного ремесленного производства, освобождавшего рынок для английских промышленных товаров, по конфискации и приватизации общинной земли – это вело к последующему развалу ирригационных и других общественных хозяйственных систем.⁵¹⁹ Так, в 1876–1878 гг. голод охватил почти весь Индостан и унес

⁵¹⁸ Китай, государство в Азии // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.

⁵¹⁹ Люксембург Р. Накопление капитала. М.-Л., 1934. С. 263–265.

10 млн жизней.⁵²⁰

Обширный голод поразил и Алжир, где французские власти разрушили общину и провели приватизацию земель. Произошло значительное сокращение населения, люди умирали, потому что им некуда было бежать.⁵²¹

К чести российского государства, ему удалось довольно быстро купировать ужасы переселения. Комиссия сенатора князя Г. Голицына, исследовавшая жалкое положение переселенцев, и переселенческие чиновники (почти все добросовестные люди) привлекли внимание правительственных верхов.

Особый правительственный комитет, занимавшийся помощью голодающим крестьянам, стал ремонтировать и расширять бараки в Тюмени, переселенцам пошла продовольственная помощь.

С 1895 г. начинается движение по Транссибу, и Тюмень теряет значение транзитного пункта.

За 14 лет, с 1891 по 1904 г., казной было проложено 8180 верст основного пути Транссибирской магистрали. Ее подвижной состав

⁵²⁰ Хобсбаум. С. 189; Неру Д. Взгляд на всемирную историю. Т. 2. 1981.

⁵²¹ Алжир, французская колония // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона; Хобсбаум. Век империи 1875–1914. Ростов н/Д, 1999. С. 76.

включал 1200 паровозов и 26 тыс. вагонов.

Создание Сибирской железной дороги не только способствовало переселению, но и придало ему организацию.

Особый комитет Сибирской железной дороги был учрежден высочайшим рескриптом в 1892 г. Деятельность его наглядно показывает, насколько гуманными могут быть технологические новации.

Постройка великой магистрали привела даже самых больших тугодумов в верхах к выводу, что дорога имеет смысл и окупит себя лишь при условии заселения Сибири.

Функции председателя комитета были возложены императором Александром III на цесаревича Николая Александровича, вице-председателем стал Н. Бунге.

На историческом заседании 8 марта 1895 г. комитет присоединился к мнению министра внутренних дел И. Дурново, что причины выселения «в наблюдаемом в некоторых местностях Европейской России малоземелье, в связи с проистекающим отсюда обеднением сельского населения».

В распоряжение комитета был предоставлен Фонд вспомогательных предприятий Сибирской железной дороги. Первоначальный его размер был определен в 14 млн руб., в 1901 г. доведен 21 млн, и далее в него ежегодно добавляли 3–4 млн руб. из бюджета.

Эти суммы были просто заоблачными по сравнению с тем, что выделялось на переселение за все время с 1861 до 1895 г.

Комитет не был колониальной компанией в духе британской Ост-Индской или железнодорожным трестом, заботящимся только о прибыли. Он стал одним из высших государственных учреждений Российской империи, причем совершенно на новаторских началах. Подведомственная ему территория пересекала в широтном направлении две трети территории России. Сибирь фактически стала рассматриваться как земля, относящаяся к Сибирской железной дороге.

Конечно, для министра финансов С. Витте Транссибирская магистраль была новым способом увеличить вывоз сельскохозяйственного сырья, но тем не менее комитет ставил перед собой системную цель – увеличить благополучие сельского населения России за счет заселения Сибири.

В 1896 г. было учреждено Переселенческое управление (вначале в составе МВД) с обширной функцией «заведования переселенческим делом».

Оно давало разрешения на переселения, заботилось об устройстве поселенцев на местах водворения и распределяло суммы, отпускаемые на переселенческое дело.

Управление также активно проводило работу по изучению районов, пригодных для земледельческой колонизации, и разрабатывало проекты законов по переселенческой тематике. Важным направлением его деятельности была информационная поддержка переселений. Оно выпускало справочные материалы для должностных лиц и пятикопеечные брошюры для народа со сведениями о Сибири, условиях переезда и устройства на новых местах.

Закон от 7 декабря 1896 г. давал право на переселение каждому крестьянину, участвовавшему в посылке ходока и сдавшему земельную долю.

Первым делом комитет Сибирской железной дороги решил обустроить в Сибири и Степном крае (киргиз-кайсацкие степи) всех самовольных переселенцев с отводом им казенной земли и с распространением на них правил о пособиях.

Размер ссуд на семью переселенцев в 1895 г. был доведен до 100 руб. (стоимость нового дома), увеличен размер бесплатного отпуска древесины с казенных складов; переселенцам стали выдаваться земледельческие орудия, позднее открылись и станции проката сельскохозяйственной техники. На железной дороге был установлен тариф на перевозку в размере 0,3 коп. с версты; дети до 10 лет перевозились бесплатно.

Началось быстрое приготовление участков для переселенцев во всех уездах и округах, которые пересекала новая трасса.

Крупные землемерные партии Комитета приступили к землеотводным работам, на которые выделялось почти по полмиллиона рублей в год, в 12 раз больше, чем для его образования. Результатом было около 50 тыс. душевых долей в год, чего было достаточно для водворения свыше 100 тыс. взрослых переселенцев обоего пола.

Казенные земли предоставлялись в общинное или подворное единоличное пользование – поначалу во временное, а потом и бессрочное. А в Томской, Тобольской губерниях и степных областях – сразу в постоянное.⁵²²

Причисленные к обществам (общинам) поселенцы имели лучшее положение, чем непричисленные, то есть единоличники. В Енисейской губернии причисленные имели в конце XIX в. в среднем от 3,9 до 4,6 рабочих лошади и от 12,4 до 15,1 десятины запашки, непричисленные – от 1,6 до 2,4 лошади и от 4,1 до 9,1 десятин. Пребывание в общине давало переселенцам дополнительные шансы увеличить свое благосостояние.

⁵²² Сибирь. Вып. I. Справочные издания переселенческого управления МВД. СПб., 1899. С. 58. (Далее – Сибирь. МВД.)

В районах с непривычными для русских почвами (например, акмолинскими лессами) и существенно отличающимся климатом (Туркестанский край) были начаты исследования по изучению почвенных и метеорологических условий с проведением опытных посевов.

В Западной Сибири приступила к работе гидротехническая экспедиция Министерства земледелия. Она проводила мелиорационные работы в болотистых районах, например в Барабе, устанавливала водосборные и другие ирригационные сооружения в степях. На ее деятельность отпускалось более четверти миллиона рублей каждый год.

В Акмолинской области обращалось особое внимание на то, чтобы не нарушить земельные права киргиз-кайсаков, отчего осталась без использования масса годных для колонизации земель. Участки для переселенцев создавались лишь после осмотра, съемки и выяснения прав на эту землю туземных жителей.

В степях тем не менее продолжались нападения на переселенцев со стороны киргиз-кайсацких удальцов, не забросивших набеговые привычки. Вместо улучшения материального положения крестьянин мог получить кочевой аркан на шею.

Для сравнения: в США и Аргентине земля просто нарезалась на квадраты – и колонисты занимали их по принципу «кто вперед, тот и берет». Живут ли на облюбованном квадрате американские «киргизкайсаки», то есть индейцы, ни в какой расчет не принималось, и к моменту поселения колониста их оттуда уже выбрасывали.⁵²³

Во французском Алжире происходила масштабная конфискация «необработанной» земли, то есть пастбищ, лугов, залежи и пара, принадлежащих туземным общинам, после чего она выставлялась на продажу.⁵²⁴ Коренное население лишилось 24 млн га лугов и земель, поросших низким кустарником, что фактически погубило туземное скотоводство. Затем были приняты законы по обязательной приватизации общинной земельной собственности. Праздник для европейских земельных спекулянтов и местных ростовщиков был обрамлен разорением туземцев. Мелкие туземные собственники быстро теряли свои участки, не имея капитала для подъема хозяйства. Не очень ладилась и европейская колонизация, множество земли скопилось в руках крупных землевладельческих акционерных компаний и латифундистов – так называемых «ста сеньоров».

⁵²³ Кауфман. С. 45–51.

⁵²⁴ Люксембург. С. 269.

Около трети земли, отобранной для французских колонистов, оказалось в руках двух фирм, сдававших ее в аренду все тем же туземцам.⁵²⁵

В итоге население Алжира только с 1830 по 1872 г. сократилось на 875 тыс. человек, с 3 млн до 2 млн 125 тыс.⁵²⁶

Строительство трансконтинентальных железных дорог в США сочеталось с масштабным присвоением индейских земель. С 1867 по 1883 г. были уничтожены около 14 млн бизонов, иногда из туш вырезали только языки, чаще убивали лишь забавы ради. Впрочем, садистический аттракцион имел геноцидальную подоплеку. Для индейцев прерий наступили очень плохие времена – бизоны были их основным продовольственным ресурсом. Поднявшиеся на борьбу сию были в массе своей истреблены. Уцелевшие депортировались в резервации – учрежденные в том же году, когда началось истребление бизонов...⁵²⁷

В 1896 г. число переселенцев в Сибирь достигло 200 тыс. человек и продолжало держаться на высоком

⁵²⁵ Ковалевский М. М. Общинное землевладение. Ч. I. М., 1879. С. 210–231.

⁵²⁶ Lefeuvre D. Pour en finir avec la repentance coloniale. Flammarion, 2006.

⁵²⁷ Хобсбаум. С. 197, 198.

уровне до 1904 г. Число самовольных переселенцев упало с 80–85 % в конце 1880-х гг. до 26 % к началу XX в.

На 1897 г. льготы для переселенцев в Сибири были следующие – на 3 года отсрочка от воинской повинности и казенных платежей, следующие 3 года вносилась лишь половина платежей. В Амурской и Приморской областях льготы были традиционно выше: трехлетнее освобождение от земских сборов, двадцатилетнее – от казенных платежей, полное освобождение от воинской повинности.

В 1895 г. самые активные землеотводные работы шли в Тобольской, Томской, Енисейской губерниях и Акмолинской области. За 1895–1896 гг. на ее земли пришло около 68 тыс. крестьян-переселенцев, что было на порядок больше, чем за год-два до этого. По почвенным условиям и водоснабжению привлекательным для переселенцев выглядел Кокчетавский уезд, поэтому сюда поспешили самовольные переселенцы. Комитет Сибирской дороги никогда не действовал ограничительными мерами, поэтому начал усиленно готовить земли и здесь. В 1896 г. случился бум переселений в Иркутской губернии, в 1899 г. – в Семипалатинской области и Уссурийском крае, в 1901 г. – в Амурской области.

В 1890-х гг. принимались правительственные меры по заселению района Хабаровска, где появилось семь крупных поселений по берегам Амура и в низовьях Усури. Более 90 % переселенцев использовало морской путь.⁵²⁸ А в 1897 г. была закончена Уссурийская железная дорога, переключившая на себя поток переселенцев. Уссурийское казачье войско начало пополняться людьми из казачьих войск европейской части страны.

В 1900 г. в Приморье насчитывалось около 70 тыс. русских. Среди них 60,2 тыс. крестьян, проживавших в 165 селениях, и 7,8 тыс. казаков, обитавших в 43 станицах. Типичным было хозяйство с 2–3 лошадьми и 3–4 головами крупного рогатого скота. Нередки были крупные товарные хозяйства с десятками лошадей и голов крупного рогатого скота, обширными фруктовыми садами.⁵²⁹ Строительство железной дороги содействовало быстрому росту угледобычи, а благодаря ей здесь одна за другой появлялись тепловые электростанции и росли фабрики. Русские занялись в Приморье не только рыболовством, но и добычей трепангов, крабов, креветок и морской капусты.

1900 г. оказался для Дальнего Востока

⁵²⁸ Любавский. Историческая география. С. 281.

⁵²⁹ <http://www.fegi.ru>

беспокойным. Китайские войска «восьми знамен» (кочевники) и «зеленого знамени» захватили Восточно-Китайскую железную дорогу (ее постройка, ревностно продвигаемая Витте, сильно замедлила строительство Амурского участка Транссиба). Русские специалисты, обслуживавшие ее, бежали вместе со своими семьями в Харбин, который был также осажден китайцами. Китайские солдаты вместе с хунхузами, собравшись в Сахаляне, на правом берегу Амура, обстреливали Благовещенск. Но Харбин был деблокирован войсками генерала Сахарова, а отряды сибирских стрелков под командованием Сервианова и Ренненкампа, пройдя на судах по Амуру, разгромили 22 июля китайское скопище, угрожавшее Благовещенску.⁵³⁰

По данным Большой советской энциклопедии, в 1883–1905 гг. в Сибирь, на Дальний Восток и в Среднюю Азию переселилось 1,64 млн человек. Из них около 740 тыс. осело в Томской губернии, 162 тыс. – на Дальнем Востоке, 230 тыс. – в Акмолинской области.

В начале XX в. были проведены Алтайская, Кулундинская, Тюмень-Омская, Кольчугинская, часть Ачинско-Минусинской железной дороги; эти пути вели на юг – в хлебные и горные районы.

⁵³⁰ Керсновский. Гл. 12.

Количество бюджетных средств, выделявшихся на ссуды переселенцам, постоянно возрастало, достигнув в 1903 г. 12,1 млн руб. Ссуды к этому времени получили 87 % от всех прибывших на сибирские земли.

Интересную роль играла Сибирь в русском нациестроительстве. В середине XIX в. кяхтинский градоначальник Ребиндер писал, что «сибиряки сохранили во всей чистоте первобытный русский тип и русские начала. Это служит залогом единства русских по сю и по ту сторону Урала».⁵³¹

Старообрядцы, ненавидевшие власть в центре страны, на сибирском фронтире закладывали основы русской государственности. В 1905–1906 гг. начинается возвращение на родину и переселение на Дальний Восток старообрядцев из Румынии и Австро-Венгрии.

В Сибири и Степном крае оказались приверженцы общерусской идентичности – не только относительно малочисленные старообрядцы, чьи предки покинули Россию после булавинского бунта двести лет назад, но также малороссы и белорусы.

Православные переселенцы, вне зависимости от своего этнического и регионального происхождения, в азиатской части России однозначно относили себя

⁵³¹ Сибирь РИ. С. 65.

к русским и ощущали свою общность со всей страной куда больше, чем на старых местах обитания...

К началу XX в. в наиболее доступных районах Сибири стали истощаться запасы свободных и непосредственно годных для заселения земель.

Под «непосредственно годными» подразумевались в первые очереди так называемые мягкие, побывавшие под пашней земли, не требовавшие усилий и затрат на корчевание леса или первую вспашку. Некоторая выпаханность земли считалась более приемлемой, чем проведение тяжелейших работ по ее освоению.

Почти вся такая земля принадлежала старым крестьянским общинам, казачьим войскам, туземным родам и племенам.

Новым переселенцам все чаще приходилось приписываться, по приемным приговорам, к обществам старожилов (а те иногда требовали за приписку большие деньги), арендовать землю у казаков и «инородцев».⁵³²

Или идти дальше, в тайгу.

Преобладающие среди переселенцев выходцы из южнорусских и малороссийских губерний были непривычны к корчеванию леса, да и семьи у южан преобладали небольшие, как правило, с одной парой

⁵³² Сибирь. МВД. С. 4; Сибирь РИ. С. 56, 58.

мужских рук. А смело брались за подъем таежных и урманных участков лишь переселенческие семьи и коллективы с большим числом рабочих рук. Тут бедные могли иметь преимущество перед богатыми.

Земледелие в Сибири таило для переселенцев из европейской части страны немало сюрпризов. Часто колонисты принимали за чернозем кислый торф, или это был плохой чернозем, не держащий влаги или пропитанный солями. Бывало, старожилы обманывали ходоков, расхваливая дурную землю, чтобы приманить новоселов. Старожилы ведь эксплуатировали неудачливых переселенцев, продавая им задорого скот и хлеб или нанимая их батрачить.⁵³³

Крестьяне из европейской части России не знали, что некоторые мелкие озера и реки в Сибири промерзают до дна (а значит, нет там рыбы). Что степные озера могут полностью высохнуть, что есть водоемы с горькими и солеными водами. Что майские и августовские заморозки по утрам (так называемые утренники) гораздо сильнее, чем в европейской части, и температуры падают до $-5...-6$ °С. Что в Амурском и Уссурийском краях травы обманчиво красивы и высоки, но малопитательны для скота. Стало сюрпризом для многих, что озимые в Сибири

⁵³³ Сибирь. МВД. С. 4, 5.

вымерзают, а гнус замучивает скотину до смерти.

С января 1906 г. комитет Сибирской железной дороги перестает заниматься колонизацией и сходит со сцены.

После реформы, связанной с именем Столыпина и начатой указом от 9 ноября 1906 г., выход крестьянина из общины вместе с наделом не был уже никак стеснен. Подоспела и общая отмена выкупных платежей, которые раньше часто служили препятствием для переселения. Закон предоставлял право «укрепления» душевого надела в частную собственность, с уплатой за излишки сверх нормы по выкупной цене 1861 г. Крестьянин имел право требовать выделения всех своих участков земли к «одному месту» в виде отруба или хутора, то есть с отселением.

Согласно новым «Правилам о переселении на казенные земли» от 1906 г., организованные переселенцы получали вознаграждение за наделы, оставленные ими в местах прежнего проживания, если то были селения с общинным землевладением.

Со столыпинским указом общину покинули отнюдь не самые зажиточные, а те, кому терять было нечего.⁵³⁴

С 1907 по 1914 г. в Сибирь переселилось свыше

⁵³⁴ ДСА. С. 317.

2,5 млн человек. Вместе с переселенцами в Степной край и Туркестан это число составило 3,1 млн человек. За первые 12 лет XX в. валовые сборы зерна в Сибири увеличились с 200 до 350 млн пудов, до 30 % шло на рынок. На 1917 г., при населении в 7 % от общероссийского, Сибирь давала шестую часть хлеба и 13 % горного производства.⁵³⁵

Основную массу переселенцев в Сибирь во время столыпинской реформы дали Центрально-Черноземный, Малороссийский, Новороссийский, Белорусский, Волжский и Юго-Западный районы – около 92 %.

В 1911 г. около трети переселенцев почти не имели средств. 60 % переселенцев располагали не более 50 руб.⁵³⁶ Это показывает, что новый миграционный скачок затронул более всего бедняков.

Бедой нового переселенческого бума, простимулированного столыпинской реформой, была нехватка удобных земель в Сибири.

Традиционное земледелие оказалось возможным на 10 % сибирской территории, так что при всех ее размерах ее земельный фонд оказался в

⁵³⁵ Сибирь РИ. С. 259–260.

⁵³⁶ *Сарапулова Н. Г.* Аграрные реформы и их реализация в Среднем Зауралье. 2009. С. 89, 90.

4 раза меньше, чем в европейской части России.⁵³⁷

Уже к 1905 г., как отмечал лично участвовавший в изыскательских работах А. Кауфман, запас первосортных земель в Сибири и Степном крае был исчерпан. Землеотводным партиям, а вслед за ними и переселенцам надо было идти в засушивые степи, в суровую тайгу.

Все большему числу из них предстояла тяжелейшая работа по расчистке лесных участков, обводнению засушливых, осушению заболоченных земель.

Переселенцам теперь уже зачастую не хватало ссуды в 150 руб. на время до получения первого урожая. Четверть переселенцев вообще не получила земельного участка и вынуждена была наниматься на работы к старожилам или арендовать у них землю.

Запах наживы заставлял старых сибиряков проявлять нехристианские чувства в отношении новоселов. Старожильские общества поставляли огромное количество жалоб и исков, направленных против отвода земли свежим переселенцам.⁵³⁸

Управляющий земледелием и государственным

⁵³⁷ Сибирь. МВД. С. 15.

⁵³⁸ Резунд. Я., Шиловский М. В. Сибирь, конец XVI – нач. XX в.: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов // [http:// history.nsc.ru/kapital/project/frontier/index.html](http://history.nsc.ru/kapital/project/frontier/index.html)

имуществом Тобольской губернии в отчете за 1911 г. отмечал, что сдача земли в аренду обращается в форменный грабёж: «Плата при закладывании договора иногда достигает 50 % от урожая». ⁵³⁹

Число переселившихся упало с 619,3 тыс. в 1909 г. до 316,1 тыс. в следующем году при почти троекратном увеличении количества вернувшихся домой.

В 1911 г. из 189,8 тыс. проследовавших в Сибирь большинство (61,3 %) вернулись обратно. И вернувшиеся, как правило, не могли уже получить земли в своих старых обществах, сделавшись крайне взрывоопасным общественным элементом.

Главной причиной возвращений была нехватка сил и средств для обработки неудобных участков.

Надо сказать, что правительство не забывало о проблемах переселенцев.

В 1906 г. Переселенческое управление было реорганизовано и перешло в ведение Главного управления землеустройства и земледелия с увеличением расходных смет и штатов его местных отделений.

Расходы Переселенческого управления в 1910 г. по сравнению с 1909 г. выросли с 23 до 24,9 млн руб. и продолжали расти, достигнув максимума в 29,3 млн

⁵³⁹ Сарапулова. С. 91.

руб. в 1914 г.

С 19 апреля 1909 г. начал действовать закон «О порядке выдачи ссуд на общепользные надобности переселенцев», расширявший прежние правила о пособиях переселяющимся.

Отправляющаяся в Сибирь крестьянская семья теперь имела право на получение беспроцентных ссуд на переезд по железной дороге и водным транспортом в размере 50 руб., также на хозяйственное устройство в течение трех лет со времени водворения на новом месте в размере 160 руб.

Кроме того, для возведения построек переселенцам безвозмездно отпускались «лесные материалы из ближайших к отведенному им участку казенных дач, в размере не свыше двухсот строевых деревьев и пятидесяти жердей на двор и, сверх того, для бань по двадцати и для гумен и риг по шестидесяти деревьев».

Этим законом предусматривалось выделение беспроцентных ссуд обществам и товариществам переселенцев: на сооружение ирригационных систем и дорог, на постройку общественных зданий и пожарную охрану, на сооружение сельскохозяйственных предприятий (мельниц, кирпичных заводов, маслозаводов).

Государство вкладывало значительные средства в содержание путевых питательно-врачебных пунктов, складов сельскохозяйственных машин и инвентаря. Общие расходы казны на эти цели выросли с 1906 по 1911 г. с 5 до 25 млн руб.

Для переселенцев строились школы, больницы и училища, производились закупки плугов, культиваторов, сеялок. Сельхозтехника сдавались и напрокат (некоторый прообраз будущих МТС). Устраивались зерноочистительные и зерносушильные пункты общего пользования. Оказывалась помощь в создании сельскохозяйственных кооперативов: сбытовых, потребительских и т. д.

К 1910 г. обеспеченность сибирских крестьян была выше, чем в европейской России: сенокосилками – в 13 раз, жатками – на 70 %, молотилками – на 60 %.⁵⁴⁰

Вы видите в этом признаки эксплуатации Сибири злокозненным центром? Я – нет.

Обычно безо всякого внимания остается деятельность Крестьянского банка.

В случае приобретения земли общиной на одного ее члена банком выдавалось до 150 руб., единоличник мог получить до 500 руб. (средняя цена на землю составляла в 1907 г. 105 руб. за десятину).

⁵⁴⁰ Сарапулова. С. 92.

Указами от 14 октября и 15 ноября 1906 г. величина годового платежа по ссудам на 24,5 года определена в 4,5 %, а по ссудам на 34,5 года – 4 % годовых. Была разрешена выдача ссуд под залог крестьянских наделов.

До 1913 г. с помощью Крестьянского банка сельскими обществами было куплено 3,1 млн десятин земли, товариществами (кооперативами) – 10 млн, а частными хозяевами – 3,7, при общей площади пахотных земель 85 млн десятин.

В целом можно сказать, что Крестьянский банк был орудием аграрной реформы на селе, никоим образом не направленным против общины.

По сравнению с нынешними «монетаристами», равнодушно взирающими на опустение миллионов гектаров русских земель, правительство того времени было образцом заботы о крестьянине. Однако время, упущенное в 1860-1870-е гг., теперь требовало невозможного: кардинального улучшения технической оснащенности переселенческих хозяйств.

Политика сохранения земельных прав за туземными жителями, ведущими экстенсивное скотоводство или присваивающее хозяйство, играла все более негативную роль в истории крестьянской колонизации. Это выражалось не только в нехватке

удобных земель, но и в опасности для крестьянских поселений, соседствовавших с кочевьями.

Правительство, держа курс на модернизацию, не вполне понимало, что она требует жертв. И если не выбрать меньшие жертвы, то будут большие. Инструкции начальникам землеустроительных партий по-прежнему рекомендовали сохранять неприкосновенность многих видов угодий кочевников – их зимовий, зимних пастбищ, а также орошаемых участков.

«Переселенческая организация скорее поступалась интересами переселения в пользу кочевников, а не наоборот», – свидетельствовал Кривошей, глава Управления земледелия и землеустройства.

Кочевники не останавливались и перед применением прямого насилия по отношению к переселенцам.

«Значительное количество возвращающихся обратно переселенцев единогласно указывает на грабежи киргизов как единственную причину, заставившую их бросить вновь заведенное хозяйство и возвратиться на родину», – писал нижегородский губернатор Н. Баранов.

В таежных и тундровых районах Сибири почти все судебные дела по спорам туземцев и русских из-

за рыболовецких и охотничьих участков выигрывали первые. В Томской губернии промысловые угодья сплошь остались за «инородцами», и это весьма ограничивало возможности переселенцев найти неземледельческий заработок.⁵⁴¹

Мазать одной краской время столыпинских переселений, на мой взгляд, совершенно неверно. Мощный переселенческий поток шел и до столыпинской реформы, и до него существовали хорошо зарекомендовавшие себя переселенческие институты. Знаменитый указ увеличил не только количество переселенцев, но и число неудачных переселений.

Столыпин, безусловно, видел цель (в отличие от нынешней элиты, если не считать за цель набивание собственного кармана). Но пути, которые он выбрал для ее достижения, оказались легковесными, что сыграло фатальную роль в условиях дефицита времени. Проблему аграрного перенаселения в огромной сельскохозяйственной стране, имевшей слабые города и большую часть территории, непригодную для земледелия, нельзя было решить ускоренным разрушением общины.

Кстати, согласно исследованию историка П. Зырянова, главной целью Столыпина было создание

⁵⁴¹ Резун, Шиловский. Сибирь, конец XVI – нач. XX в.

крепких индивидуальных крестьянских хозяйств на свободных государственных землях, однако он вынужден был считаться с мнением В. Гурко, товарища председателя Совмина, который ратовал за непременно выделение наделов из общины в частную собственность.⁵⁴²

Реформа, с одной стороны, действительно подстегивала переселения, с другой, подрубала опоры крестьянской жизни. Община вовсе не была собранием ленивцев, напротив, она демонстрировала устойчивость, выживаемость и даже коммерческую хватку. В центре страны именно общины были основными покупателями помещичьих земель, а в Сибири чиновниками отмечалось большое значение общинных институтов и навыков коллективного труда для колонизации края. Тяжелые условия хозяйствования сильнее били по мелким «свободным хозяевам», чем по общине.

Практически все примеры успешного ведения хозяйства, описанные в серии «Крестьянское хозяйство в России» Главного управления землеустройства и земледелия,⁵⁴³ относились не к хуторянам-единоличникам, а к общинникам. Средний «успешный переселенец» активно участвовал и в

⁵⁴² Кожин В. Правда сталинских репрессий. М., 2009. С. 59.

⁵⁴³ Халютин П. В. Степные области и Туркестан. П-д, 1915. С. 4.

жизни переселенческой общины, и в кооперативном движении – можно сказать, гармонично сочетая личное с общественным. В десяти тысячах верст от старой родины гарантии, даваемые коллективом, были предпочтительнее, чем риски, который нес путь бесповоротного обособления. (В это время распространяется кооперация в среде мелких и средних фермеров Скандинавии и северо-запада США.)

Сибирского масла к началу Первой мировой экспортировалось на 68 млн руб. (в 15 раз больше чем в начале века), что составляло 90 % всего российского экспорта продукта. А в этой сфере доминировал Союз сибирских маслодельческих артелей, объединивший 1410 кооперативных маслозаводов и 1167 лавок. Половину товарооборота Сибири контролировал Союз потребительских кооперативов – «Закупсбыт». Так что вопрос укрупнения предприятий и концентрации средств решался в Сибири в значительной степени некапиталистическим образом, за счет кооперативного движения.

Могла бы Россия обойтись одной только столыпинской модернизацией? Теоретически да, если бы у нее не было столько недоброжелателей, внешних и внутренних, желавших разрушить ее. Но

и гипотетическая двадцатилетняя модернизация а-ля Столыпин (реформатор хотел именно 20 лет покоя) все равно привела бы к серьезным противоречиям, которые пришлось бы решать насильственными методами.

В первую очередь она создала бы разрывы как по горизонтали, между регионами, так и по вертикали, между крупными хозяйственниками и беднотой, которой угрожало обезземеливание, между старожилыми и новыми переселенцами.

Смогло бы городское хозяйство принять излишки рабочих рук из сельского хозяйства – большой вопрос; для этого должен был активно проходить переток капитала из аграрного сектора в национальный промышленный и финансовый.

В большинстве развитых капиталистических стран этот переток дополнялся эксплуатацией «мировой периферии»: ограблением колоний, разрушением там мелкотоварного и натурального хозяйства, использованием там принудительного и почти дарового труда, неэквивалентным торговым обменом. Эти факторы давали высокую прибыльность вложениям в национальный промышленный и финансовый капитал.

Даже в благополучных США и Канаде, где индейцы уступали место белым колонистам, ведущим

мелкотоварное хозяйство, процесс на этом не заканчивался, и мелкие фермеры отдавали свои земли крупным капиталистическим предприятиям, банкам и Bonanzafarms. (Так, в Манитобе средний размер «фермы» составил в 1881 г. немалые 2047 акров.⁵⁴⁴)

И кроме того, если даже условно отменить «великие потрясения» на срок в 20 лет, отместить их навсегда – это уже чистая фантастика. Запад на новой понижительной фазе кондратьевского цикла так или иначе смотрел бы на Россию как на добычу. И чем больше противоречий она бы имела, тем скорее подверглась бы иностранной агрессии.

Советская власть в принципе решала ту же задачу, что и Столыпин, создавая крупное товарное хозяйство за счет общины и мелкого производителя. Только делала это в связке с широкой индустриализацией, в масштабах всей страны и всех земельных угодий, жестко и быстро.

⁵⁴⁴ Люксембург. С. 286, 288, 292.

Вместо заключения

Некоторые итоги русской колонизации

- Она проходила в районах, менее развитых в экономическом отношении, чем районы выселения.
- Районы колонизации, как правило, имели более тяжелые климатические и транспортные условия, чем районы выселения.
- Русская колонизация не ставила целью

искоренение туземных народов, экспроприацию их собственности.

- Наша колонизация проходила в основном при малом влиянии мирового рынка.
- Она удовлетворяла первичные потребности русского народа в земле и пище.
- Она проходила при высокой степени административной централизации, но при широком использовании разных форм самоорганизации и самоуправления.

Исчезновение фронта

После 1917 г., несмотря на революционный погром казачества, многие направления русской колонизации сохранились, а с конца 1920-х гг. она обрела четкую связь с планами индустриального развития СССР.

Поскольку новые индустриальные районы создавались преимущественно на востоке страны, то основные переселенческие потоки имели восточное направление.

В 1926–1939 гг. из центральных районов страны на Урал, в Сибирь, Казахстан, Среднюю Азию, на Дальний Восток переселилось около 4,7 млн человек. В годы Великой Отечественной войны в

восточные районы СССР было перемещено, а если точнее – увезено от фашистских оккупантов более 25 млн человек. Большинство из них вернулись затем обратно, остальные пополнили население быстро растущих промышленных городов Урала и Сибири. В послевоенное время продолжились переселения в новые промышленные районы Сибири, Казахстана и Средней Азии – за 1959–1970 гг. туда прибыло из европейской части СССР 1,2 млн человек.

Города поглощали все большую часть прироста рабочей силы. 1950-е и начало 1960-х гг. были последним периодом, когда правительство способствовало переселениям жителей русских центральных областей в малонаселенные сельскохозяйственные земли Сибири и Казахстана.

Так, в 1957 г. переселенцам в Хабаровский край государство полностью оплачивало проезд, включая перевозку имущества до 2 т и скота в количестве, предусмотренном Уставом сельскохозяйственной артели для района выселения. Единовременное пособие составляло 1000–1500 руб. на главу и 300 руб. на члена семьи переселенца. На 5 лет переселенцы-колхозники освобождались от уплаты сельхозналога, поставок государству продуктов земледелия и животноводства (кроме молока). Выдавалась зерновая ссуда в размере

150 кг на главу и 75 кг на члена семьи переселенца с погашением в течение 3 лет, кредит на приобретение молочного скота. Принимающие колхозы и совхозы обычно обеспечивали переселенца бесплатным или льготным жильем, денежной ссудой, семенами и рассадой, птицей, поросятами, иногда коровой. Сельскохозяйственный банк, при отсутствии доступного жилья, выдавал переселенцу беспроцентный кредит на 10 лет в 15–20 тыс. руб. на строительство дома и надворных построек, а также 2–3 тыс. руб. на покупку крупного рогатого скота.⁵⁴⁵

С середины 1960-х гг. участие русских в колонизации и заимке новых земель сходит на нет. Серьезный удар по русскому фронтиру нанес идейный наследник Троцкого генсек Н. Хрущев, передавший почти все левобережье Терека и часть прикубанских земель, населенных русскими земледельцами, в состав этнократических горских республик. Оттуда начался отток русского населения.

А в последние 20 лет на наш фронт обрушился целый град сокрушительных ударов. Это было обусловлено последовательным развалом всех государственных и общественных структур, которые

⁵⁴⁵ Белов М. Переселяйтесь в Хабаровский край. Хабаровск, 1957. С. 48–59.

не в состоянии давать прибыль, капитализируемую на Западе.

Часть ударов по русскому фронтиру была нанесена новой политической элитой, собранной с интеллигентских кухонь, вполне намеренно. Так, было брошено на произвол судьбы русское население в дудаевской «республике»; жители старинных казачьих станиц по Тереку и Сунже подверглись изгнанию и истреблению, тщательно замалчиваемому в либеральных медиа. Но основной удар по фронтиру нанесен самым способом функционирования государства РФ – все менее эффективным. Функциональное банкротство государства гораздо страшнее финансового, от него не спасешься дефолтом.

Наша страна стала последним крупным объектом капиталистической колонизации.

Как и пятьсот лет назад, для экспроприации прибавочной стоимости капитал вторгается в зоны натурального, простого товарного и некапиталистического хозяйства, превращая их в свою эксплуатируемую периферию.

Ослабление и разложение государств и социумов на капиталистической периферии всегда было средством доступа западного капитала к новым источникам накопления. Как пишет И.

Валлерстайн: «Сила государственной машины в государствах центра является функцией от слабости других государственных машин. Следовательно, вмешательство иностранцев посредством войн, подрывных действий и дипломатии становится участью периферийных государств».

На рубеже 1980-1990-х гг. наша страна оказалась насильственно сдвинута на периферию капиталистического мира-системы: ее сырьевые ресурсы, рабочие руки и зависимая финансовая система стали обслуживать капитал, находящийся за ее пределами. Те средства, которые могли бы увеличивать постоянный и переменный капитал в России, стали служить накоплению капитала западного.

Русский народ потерял за последние двадцать лет на всей территории экс-СССР более 15 млн человек, около 10 % общей численности. Это цифры, сравнимые с потерями Китая в период закабаления иностранным капиталом после опиумных войн. И основные потери пришлось на фронт, в кратчайшие сроки были утрачены его многовековые завоевания.

Как возродить фронтир

Однако у нас появится будущее, причем гораздо более яркое и интересное, чем у Европы, если мы снова приступим к освоению наших бескрайних пространств, если возродим русский фронтир.

Исторический процесс имеет спиральную топологию, и старые формы периодически насыщаются новым содержанием. Мы должны присмотреться к традиции – она проверена опытом.

Фронтир немислим без казачества. Эта многофункциональная самоуправляющаяся общественно-государственная структура должна быть воссоздана в тех районах страны, где надо решать вопрос не доходности земли, а ее населенности и безопасности.

Способность казачества нести государственную службу (территориально-военную, пограничную, полицейскую) прямо связана с формой землевладения.

Должно происходить наделение казаков землей на долгосрочной основе, без права ее продажи, в коллективное или индивидуальное пользование.

Помимо земельного оклада служилые казаки должны получать финансовую и натуральную помощь

от государства в ведении хозяйства и военном оснащении.

Государство должно дать жителям фронта дешевую энергию – естественно, не в безграничных количествах, субсидировать приобретение и аренду техники, проведение ирригационных, мелиоративных и т. п. работ.

Принадлежность человека к служилому казачеству должна определяться его способностью нести государственную службу, а не справкой, что он казак в десятом поколении или представитель отдельного казачьего народа. (Собственно, ни этногенетические исследования, ни исторические факты не подтверждают, что такой существует в природе. Обретается он только в фантазиях сепаратистов и в акте конгресса США «О порабощенных народах» от 17 июля 1959 г. Эксперты, готовившие этот, с позволения сказать, акт, не знали, что в России на начало XX в. существовало 11 казачьих войск, от Тихого океана до Черного моря, так что «отдельных народов» должно быть минимум 11.)

Казак будущего фронта, в моем представлении, ни в коем случае не может быть представителем «маленького, но гордого народа» – какая уж тогда служба. Напротив, он должен напоминать служилого казака Московской Руси XVI–XVII вв. и представителя

казачьих войск Российской империи XVIII–XIX вв., которым я посвятил немало страниц этой книги.

Среди крупных хозяйственников должны быть, как и в старом московском государстве, монастыри, обеспечивающие не товарные потоки, а бережную культивацию земли и культурную функцию.

Крестьянское землевладение нуждается в возрожденном Крестьянском банке, который должен заняться скупкой земель у неэффективных крупных собственников и продажей ее через долгосрочный ипотечный кредит с низкими процентами крестьянским обществам и крестьянам-единоличникам.

Административные границы должны проходить не в меридиональном направлении (когда они делят страну, как пирог на ломтики, – бери и отделяй), а в широтном. Их надо привязывать к транспортным магистралям, развернутым в широтном направлении, существующим и проектируемым. Например, логично создать губернию Транссиб, протянувшуюся с запада на восток на тысячи километров и связывающую земли за счет скорости движения грузов, людей и информации. Можно представить и губернию Севморпуть.

Общественные накопления должны идти не в американскую ипотеку, а в строительство

как минимум трех новых магистралей широтного направления через всю страну, с трассами-перемычками, проложенными каждые полтысячи километров. И каждая новая трасса должна становиться технологическим прорывом. Завершающая трансроссийская дорога, проходящая в северных широтах (например, около 60–65° с. ш.), может быть многоярусным надповерхностным скайвеем с использованием материалов из углеродных нанотрубок, с наноструктурными преобразователями механических вибраций и тепловой энергии (вырабатываемых проходящим транспортом, ветром, солнцем) в электрическую.

Транспортным магистралям должны соответствовать и информационные магистрали, на базе волоконно-оптических кабелей, с пропускной способностью в несколько терабит в секунду.

Помимо широтных администраций, сшивающих страну, должны быть пять-шесть столиц, линия столиц, протянутая в широтном направлении, — то есть ряд крупных городов, несущих помимо региональных управленческих функций еще и общегосударственные.

Специалисты будут управлять всей страной не только из Москвы, но также из Екатеринбурга, Новосибирска и Красноярска. Причем центры

управления должны быть взаимозаменяемы; там, где сегодня сидит «министерство финансов», завтра может работать «министерство сельского хозяйства». Не надо переносить ни горы папок с бумагами, ни секретарш в мини. Вся необходимая информация будет храниться на серверах, распределенных по всей стране и связанных с компьютерами очередного «министерства» при помощи защищенных туннельных соединений.

Понятно, что осуществление этих проектов возможно лишь с восстановлением роли государства как создателя страны, с возрождением идеологии производства и творчества, с выходом народного хозяйства из роли сырьевого клиента, обслуживающего западное ядро капитализма. Это автоматически сделает нелепыми и сепаратистские устремления; идеологические диверсанты никуда не денутся, но их призывы останутся без отклика в атмосфере большого общего дела.

Госаппарат должен быть выведен из-под контроля олигархических кланов. Корпус гражданских служащих (новое издание служилого сословия Московской Руси), несущий индивидуальную и коллективную ответственность, открыт для народного контроля. Эффективность госаппарата должна измеряться результатами, значимыми для общества,

а доходы госслужащих иметь «цвет» (что обеспечат системы электронных денег) – как следствие, они не будут пополняться за счет взяток и уходить в оффшоры.

Станем ли мы снова плодиться и размножаться, овладевать землей, возродим ли фронтир или же исчезнем с лица земли, пройдя через мучительные «сто лет одиночества», – зависит от нас.

И я уверен, российское общество все же выберет эволюционную траекторию, ведущую к жизни. Демографическое ядро русского народа, вслед за строительством трансроссийских магистралей, будет смещаться на восток и юго-восток, подальше от Европы. Собственно, это выражение долговременной тенденции, прерывавшейся лишь два раза – татаро-монгольским нашествием и либеральной катастрофой 1990-х гг. Уже сегодня мы видим, что наиболее стагнирующими и, увы, наиболее быстро пустеющими являются северо-западные районы России, примыкающие к Европе, в то время как слабые очаги демографического и хозяйственного роста заметны в Поволжье, некоторых районах Урала и Западной Сибири.

Тенденция сдвига на восток вполне соответствует краху наших отношений с Западом, воспринимающим русский мир лишь как источник дешевых ресурсов

и пространство для манипуляций общественным сознанием (очевидно, что промывание мозгов и извлечение дешевых ресурсов есть две взаимосвязанные задачи). Сдвиг на восток соответствует и местонахождению большей части наших минеральных ресурсов, и распределению мировых торговых коммуникаций.

Библиография

Первоисточники

Акты Московского государства. Т. 1. СПб., 1890.

Акты Московского государства. Т. 2. СПб., 1894.

Багалея Д. И. Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ. Харьков, 1890.

Боплан Г. Описание Украины. СПб., 1832.

Герберштейн С. Записки о Московитских делах. СПб., 1908.

Кунцевич Г. З. История о казанском царстве: Исследование. СПб., 1905.

Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950.

Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986.

Письмо Иоанна Кобенцеля о России XVI века // Журнал министерства народного просвещения. № 9. 1891.

Флетчер Дж. О государстве Русском. М., 2002.
Хроника Быховца. М., 1966.

Российская и мировая история

Бробель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. М., 1988.

Всемирная история. Т. 14. М. Минск, 2000.

Ефимов В. А. Из истории великих русских географических открытий. М., 1950.

Ключевский В. О. Сочинения в девяти томах. Курс русской истории. М., 1988.

Ковалевский П. Е. Исторический путь России // История и историография России. Из научного наследия русского зарубежья. М.: Русский мир, 2006.

Нефедов С. А. История нового времени. М.: Владос, 1996.

Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории. М., 2005.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 3–7. М., 2001.

Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 2006.

Социальная история Руси

Беляев И. Д. Земский строй на Руси. СПб., 2004.

Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди. М., 2001.

Пушкарев С. Г. Очерк крестьянского самоуправления в России // История и историография России. Из научного наследия русского зарубежья. М., 2006.

Военные аспекты колонизации

Андреев А. Р. История Крыма. М., 2002.

Беляев И. Д. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской украине Московского государства. М., 1846.

Каргалов В. В. Московские воеводы XVI–XVII вв. М., 2002.

Каргалов В. В. На степной границе. М.: Наука, 1974.

Каргалов В. В. Оборона южной границы Российского государства в первой половине 16 столетия. Л., 1977.

Каргалов В. В. Русь и кочевники. М., 2004.

Красинский Г. Покорение Сибири и Иван Грозный //

Вопросы истории. № 3. 1947.

Любавский М. К. Наступление на степь. Культурно-бытовые очерки по мировой истории. М., 1918.

Потто В. А. Кавказская война: В 5 т. М., 2006–2007.

Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1960.

Танков А. А. Историческая летопись курского дворянства. М., 1913.

Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М.: Воениздат, 1954.

Шишов А. В. Твердыни России. М., 2005.

Структурный анализ исторических процессов

Борисенков Е. П., Пасецкий В. М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М., 1988.

Валлерстайн И. Анализ мировых систем. СПб., 2001.

Клименко В. В. и др. Изменение климата на западе европейской части России в позднем голоцене. // Доклады РАН. Т. 376. № 5. 2001.

Латов Ю. В. Парадоксы производительной силы природы // Что нового в науке и технике. № 5. 2005.

Люксембург Р. Накопление капитала. М.-Л., 1934.

Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности

российского исторического процесса. М., 1998.

Нефедов С. А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX века. Екатеринбург, 2005.

Нефедов С. А. О возможности применения структурно-демографической теории при изучении истории России XVI века // Отечественная история. № 5. 2003.

Колонизация по регионам

Абаза К. К. Казаки. Донцы, уральцы, кубанцы, терцы. СПб., 1899.

Андриевич В. К. История Сибири. Ч. I. СПб., 1889.

Багалец Д. И. Колонизация Новороссийского края и первые шаги его по пути культуры. Киев, 1889.

Багалец Д. И. Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. М., 1887.

Дмитриев А. Д. Пермская старина. Вып. I. Древности бывшей Перми Великой. Пермь, 1889.

Дмитриев А. Д. Пермская старина. Вып. V. Покорение угорских земель и Сибири. Пермь, 1894.

Караулов М. А. Терское казачество. М., 2008.

Кауфман А. А. Переселение и колонизация. СПб., 1905.

- Любавский М. К.* Историческая география России в связи с колонизацией: Курс лекций. М., 1909.
- Любавский М. К.* Историческая география России в связи с колонизацией. СПб., 2000.
- Миклашевский И. Н.* К истории хозяйственного быта Московского государства. Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII века. М., 1894.
- Невельской Г.* Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России 1849-55 гг. СПб., 1878.
- Недбай Ю. Г.* История сибирского казачества. Омск, 2001.
- Перетяткович Г.* Поволжье в XV–XVI вв. М., 1877.
- Перетяткович Г.* Поволжье в XVII и начале XVIII вв. Одесса, 1882.
- Соколовский П. А.* Экономический быт земледельческого населения России и колонизация юго-восточных степей. СПб., 1878.
- Щеглов И. В.* Хронологический перечень важнейших данных истории Сибири 1032–1882. Иркутск, 1883.
- Якутия в XVII веке / Под ред. С. В. Бахрушина и С. А. Токарева. Якутск, 1953.

Иллюстрации

В. Васнецов. Царь Иван Васильевич Грозный

Г. Угрюмов. Взятие Казани войсками Ивана

Грозного в 1552 г.

Ф. Рубо. Переход князя Аргутинского через Кавказский хребет

П. Ковалевский. Привал кавалеристов

А. Боголюбов. Крестный ход в Ярославле

А. Васнецов. Кама

А. Васнецов. На рассвете у Воскресенского моста

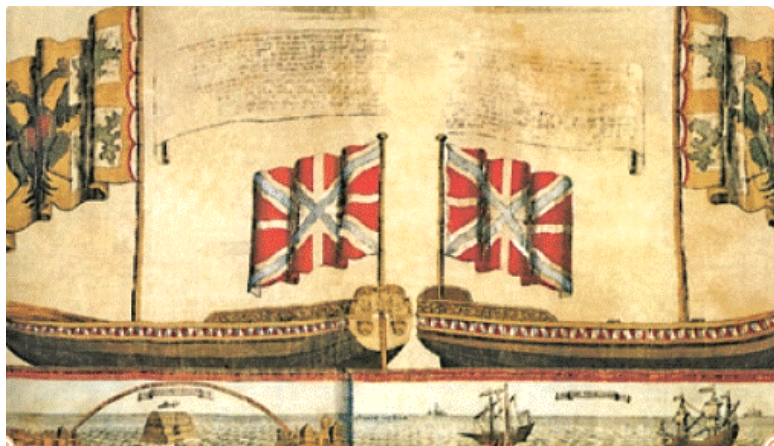
В. Суриков. Покорение Сибири Ермаком
(фрагмент)

Н. Добровольский. Переправа через Ангару

В.Казанцев. На Урале

Ботик Петра I

Л. Каравак. Полтавская баталия. 1717–1718 гг.
(фрагмент)

А. Антропов. Портрет Петра I

М. Иванов. Российская эскадра под командованием вице-адмирала Ушакова в Константинопольском проливе. 1799 г.

Я. Хаккерт. Сожжение турецкого флота в

Чесменской бухте. 1772 г.

С. Торелли. Аллегория на победу Екатерины II над турками и татарами. 1772 г.

Неизвестный художник. Победа адмирала М. Лазарева над турецким флотом в Наваринском сражении 8 октября 1827 г.

А. Боголюбов. Синопская битва. 18 ноября 1853 г.

Ф. Крюгер. Император Николай I со свитой

Н. Каразин. Хивинский поход 1873 г.

В. Верещагин. У крепостной стены

Коронация императора Александра III. 1883 г.

А. Васнецов. Северный край (фрагмент)